

84(2Рос-Рус)6
Ф 81 81X
1362872

Ю.А. ФОТИЕВ

ГБУ РКНБ РК
Казанский
Депозитарий

Исповедь генерала

*Моим однополчанам, внукам
и правнукам посвящаю*

2.016
84(2Рос-Рус)6-4-15

Ф81

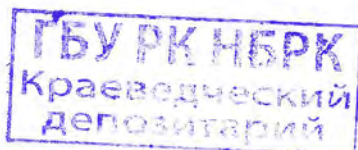
Ю.А. ФОТИЕВ

Исповедь генерала

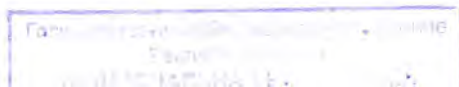
КНИГА ПЕРВАЯ

**ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ОФИЦЕРСКОЙ
СУДЬБЫ**

1362872

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2010

ББК 68.49(2)

Ф 81

Фотиев Ю.А.

Ф 81 Исповедь генерала. Книга первая «Тернистый путь офицерской судьбы». Военная повесть. — Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. — 416 с.

ISBN 978-5-7934-0353-5

В книге генерала Фотиева Ю.А. представлена объективная, без прикрас и «чернухи», картина жизнедеятельности нашей армии в послевоенные мирные годы вплоть до 90-х годов прошлого столетия.

Невероятно труден и противоречив путь становления офицера в его стремлении учить подчиненных тому, что необходимо на войне, при этом сохранить жизнь каждого воина. Немало испытаний, тревог и приключений выпало на долю героев повести, но все они с честью выходят из самых сложных жизненных ситуаций, честно выполняя свой воинский долг.

Чему учат солдата в армии? Как о нем заботятся? Какова роль офицеров в этих процессах? Все ли правильно во взаимоотношениях начальников и подчиненных? Как поддерживать высокую боеготовность войск и воинскую дисциплину, исключить позорные случаи «дедовщины»? На эти и многие другие вопросы вы найдете ответы в этом повествовании.

ББК 68.49(2)

ISBN 978-5-7934-0353-5

© Фотиев Ю.А., 2010

© Шарипков Г.Н., оформление, 2010

© ООО «Издательство «Кола», 2010

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

*В организме армии роль сердца
выполняет офицерский корпус.*

Народное предание гласит, что земля может накормить человека хлебом, напоить водой из родников, но защитить себя она не может. Её защита – святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьет её воду, любит её красотой. Профессия воина-защитника всегда была почётной на Руси. Мы вправе гордиться ратной доблестью народов нашего Отечества. Многие полководцы и военачальники, офицеры и генералы, обладая колоссальным опытом, щедро делятся им, прекрасно понимая значение нравственного элемента в обучении войск и их воспитании. Именно они и становятся носителями военно-патриотических идей.

Ценность предлагаемого военного повествования, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, что автор без прикрас сумел донести до читателя дух времени, показать сложный, а порой и тернистый путь становления офицера и генерала, убедительно изложить на практических примерах методы, способы и приемы повышения боеспособности и совершенствования боеспособности соединений и частей, а также наглядно отразить основные этапы развития нашей армии за последние десятилетия. Знаю это не понаслышке, так как сам проходил этот путь.

Вместе с тем, я благодарен судьбе за то, что на моем пути, причем в самом его начале, мне пришлось решать задачи под руководством автора – командира 204-го гвардейского мотострелкового Уманьско-Берлинского Краснознаменного орденов Суворова, Кутузова и Б.Хмельницкого полка ГСВГ. Хочется верить, что эта книга послужит хорошим материалом для дальнейшего совершенствования оперативной, боевой подготовки войск и штабов, а также для патриотического воспитания военных кадров и обеспечит сохранение лучших традиций и преемственность поколений.

Профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор военных наук, академик Академии военных наук, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка и Международной академии информатизации

Генерал-майор

Г.А. Налетов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор книги – Юрий Александрович Фотиев, генерал-майор в отставке, прослужил в рядах Советской Армии 40 лет, из них тридцать пять – непосредственно в войсках: на Севере и Сахалине, в Татарстане, ГСВГ (Группа советских войск в Германии) и Литве, Приморье и во Вьетнаме. Окончил педагогическое и военное училища, Южно-Сахалинский пединститут; с отличием и золотой медалью – Военные академии имени М.В. Фрунзе и Генерального штаба ВС, кандидат военных наук, доцент. Имеет немало научных и иных публикаций, автор ряда учебных пособий, лекций и статей в журналах и сборниках, соавтор научных трудов и учебников.

Хорошо зная Юрия Александровича по совместной службе в Военной академии им. М.В. Фрунзе, могу сказать, что он отличался огромным трудолюбием и неисчерпаемой энергией, умением проявлять заботу о подчиненных и твердо отстаивать их интересы, выслушать иное мнение. Он никогда не напрашивался на высшие должности, ни перед кем не стоял на коленях; никогда ни на что не жаловался, нигде не искал для себя протекции. Как научный руководитель его диссертации констатирую, что разработку своих научных работ, пособий, статей, планов и конспектов, проведение методических занятий с ППС и командно-штабных учений со слушателями на местности никогда не перекладывал на своих сослуживцев.

Юрий Александрович пользовался большим, искренним уважением у своих подчиненных. Решением заседания кафедры дважды в 1991 году были представлены ходатайства министру обороны и Президенту СССР о присвоении ему очередного воинского звания и о награждении орденом «За службу Родине» I степени.

Имея богатый опыт командования подразделениями, частями и соединениями в войсках, Ю.А. Фотиев всесторонне раскрыл их внутренние проблемы и пути развития, особенно процессы планирования и организации боевой подготовки, поддержания твердой воинской дисциплины, положительные и негативные тенденции во взаимоотношениях между военнослужащими; особую роль офицерского корпуса в воспитании и обучении личного состава.

В силу своего независимого и прямого характера, порядочности и гуманного отношения к подчиненным судьба не баловала героя книги везением в службе, добрым отношением к нему не-

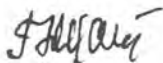
которых прямых начальников, но он всегда оставался самим собой – честным, принципиальным и открытым командиром, видя главным в службе – обучение, воспитание и сохранение жизни солдат и офицеров.

Книга раскрывает объективную картину жизнедеятельности нашей армии в послевоенные мирные годы до начала 90-х годов прошлого столетия. В форме художественно-публицистического повествования ярко показана изнурительно тяжелая, кропотливая, порою неблагодарная повседневная организаторская деятельность офицерского состава в поддержании высокой боевой готовности армии к отражению возможной агрессии вероятного противника.

В своих воззрениях на общественные явления и процессы Юрий Александрович непоколебимо защищает интересы демократии в пользу большинства, социальной и исторической справедливости. Можно не соглашаться с отдельными выводами в оценке исторических событий, личностей, различных путей развития армии и страны, но непреклонность автора в отстаивании своих убеждений вызывает искреннее уважение. Таких командиров из народа – простых, скромных – тысячи. Ну, а ветераны, служившие с ним или под его началом, и так хорошо знают его и как Человека, и как мастера своего дела.

Рекомендую прочитать эту книгу сослуживцам и землякам автора, солдатам и сержантам, ветеранам, курсантам и слушателям военно-учебных заведений, офицерам кадра, запаса и в отставке; тем, кому еще предстоит служба в Российской армии; тем, кто хочет знать правду о ней. Книга интересна, полезна, легко читается.

*Действительный член Академии военных наук РФ, профессор,
Герой Российской Федерации,
участник Великой Отечественной войны от начала и до ее конца,
полковник в отставке*

Г.Д. Ионин

ПРОЛОГ

Наше поколение, родившееся в тридцатых годах прошлого века, познало своим умом и сердцем, перенесло на своих плечах и желудках Великую Отечественную войну, восстановление народного хозяйства, разгром колхозов, заметное развитие народного хозяйства и науки по пути прогресса, создание первых в мире искусственных спутников земли и полет Юрия Гагарина в космос, строительство первых в мире атомных ледоколов, самого мощного в мире Военно-морского флота и полную моторизацию армии.

Мы получали немного, потому что империализм навязал нам дорогостоящую гонку вооружений. Но каждый из нас мог раз в год позволить себе отдохнуть на юге – Крым, Сочи, Азов, Север или Рижское взморье, по путевке или без. Каждый из нас мог совершить перелет с Запада на Дальний Восток в гости, к друзьям. Мы могли навещать родителей, когда вздумается. К каждому празднику отправляли по почте десятки писем, открыток и телеграмм. Мы всегда имели необходимую медицинскую помощь. В каждом селе была построена больница, в каждой деревне развернут фельдшерско-акушерский пункт; лекарств было достаточно, и мы получали их практически бесплатно. Кстати, это в нашей стране впервые стали восстанавливать зрение.

Мы не знали забот об оплате за телефон и коммунальные услуги, электричество и проезд по железной дороге, в автобусах, метро, троллейбусах, трамвае – настолько мизерной была цена билетов. Всегда отставало жилищное строительство, но квартиры мы не покупали, а получали бесплатно. Те же, кто хотел получить жилье вне очереди, могли купить недорого в кредит, построив кооперативную квартиру. Никогда не было проблемы сходить в оперу, на балет, в кино, драмтеатр.

Мы не боялись с подружкой, женой, друзьями гулять по ночным Москве, Ленинграду, по любому другому городу, потому что не было криминала.

Купив охотничье ружье, мы могли охотиться в любом лесу и ловить рыбу в любом водоеме. Мы могли учиться в любом учебном заведении совершенно бесплатно. В 70-е годы каждый молодой человек имел среднее образование, в 80-х годах каждый второй имел диплом о высшем образовании.

Все эти достижения были бы немислимы, если бы на страже мирного строительства не стояла могучая по боевой мощи Совет-

ская Армия, в рядах которой мне довелось прослужить целых 40 лет! В военной литературе имеются десятки и сотни мемуаров о Великой Отечественной войне. Есть среди них книги, написанные объективно, на основе личного опыта, достоверных фактов, подтвержденных архивными документами, но, как правило, с помощью ученых из НИИ, военных академий, управлений Генштаба, Института военной истории. Есть и такие труды, согласно которым только благодаря автору и его гениальности были выиграны крупнейшие сражения, а в поражениях виноваты вышестоящие начальники. Но все мемуары объединены общей канвой: в них отобразены стратегические, оперативно-стратегические операции, чаще – фронтовые, реже – армейские. На порядок меньше написано книг о природе общевойскового боя, о подготовке и ведении различных видов боя в тактическом звене. И почти нет художественно-публицистических произведений о подготовке войск и штабов нашей армии в мирные, послевоенные годы.

Автору предоставляемой Вашему вниманию книги хотелось показать реальную картину армейской жизни в мирное время – это период после окончания Великой Отечественной войны и до начала 90-х годов прошедшего столетия. Мне хотелось показать нелегкий путь становления офицера в командных должностях, их ошибки и успехи, каким образом зависит жизнь и служба солдат от качества командных кадров и политработников, их роль в поддержании высокой боевой готовности подразделений, частей и соединений.

Эта книга – голая правда, сладкая и горькая. Ничего не выдуманно. В то же время, претендуя на объективность содержания, личные взгляды и оценки автора на события в жизни армии и страны следует считать субъективными. Я не бог и не судья, чтобы точно определить, что такое хорошо и что такое плохо. Поэтому фамилии и имена многих героев книги изменены, чтобы не обидеть конкретных людей своей оценкой. Прошу считать совпавшие фамилии, а также номера войсковых частей, соединений и объединений чистой случайностью.

Думаю, большинству ветеранов, служивших на Севере, на Сахалине, в Казани и в Приморском крае, выпускникам Академии Вооруженных Сил и Академии Генштаба, ветеранам 2-й гв. ТА ГСВГ и Вильнюсского гарнизона, бывшим советникам в СРВ будет что вспомнить вместе со мной о своей службе в армии. Нынешним защитникам Родины, особенно офицерам, книга,

надеюсь, поможет в решении целого ряда чисто военных и этических проблем, в том числе – в познании выводов из положительного опыта службы офицеров.

Нашим гражданам, не служившим в армии, она поможет понять, какую тяжелую ношу несут на себе в мирное время солдаты, сержанты; офицеры и генералы, от кого зависит сохранение жизни детей и братьев во время службы в армии. Уверен, книгой заинтересуются и мои земляки, живущие в Республике Коми.

И последнее. Многочисленные отклики и отзывы на сигнальный выпуск этой книги оказались настолько неожиданными и доброжелательными, что я поверил: книга будет жить. Спасибо, друзья, за Вашу высокую оценку моего скромного труда. Ваша поддержка вдохновляет довести до конца начатую работу и выпустить вторую книгу «Исповеди».

Разумеется, на свои средства я смогу издать лишь ограниченное количество экземпляров. Милости от власти на издание не жду. Потому и прошу тех читателей, кому повесть пришлась по душе, рассказать о ней своим друзьям, сослуживцам, однополчанам, ветеранам. Кланяюсь Вам. Спасибо!

Р.С. В «Аргументах и фактах» №30 (1239) за июль 2004 года опубликована статья «Защитник или диверсант?» – это ответы на статью «Страна, недостойная защитников» в №27 этой же газеты. В статье поведали о наплевательском отношении государства к офицерам. Офицер, прослуживший 28 лет в армии, не имеет до сих пор квартиры, и она ему «не светит». Меня поразили отзывы. Какой-то Антон считает, что это непорядок, когда офицер жалуется на всю страну. Куда, мол, смотрит прокуратура, «такой «офицер» двух диверсантов стоит». По словам Антона, офицеры должны быть совершенно бесправны, а бесквартирных надо сажать в тюрьму. Что же им делать? Выходит, братья за оружие. И зря газета публикует мнение этого психопата образца 1935-1937 года, ему место в зоопарке.

Вот еще одно мнение ненавистника нашей армии, некоего Д.П.: «Слышь, ты, офицерик, а ты забыл, как строил и гонял солдатиков - «срочников»? Как заставлял себе гаражики строить? Обиделся, что в свободной жизни тебя кинули? Не обижайся, радуйся, что все те призывники, которых ты, как и все остальные офицеры, обижал, тебе до сих пор морду не начистили, льготник хренов!» По мнению Д.П. выходит, что все офицеры

заставляли строить себе гаражи и обижали «солдати́ков-срочников». Во-первых, зачем нужны гаражи офицерам, если у них никогда не было машин? Личные автомобили появились, когда часть офицеров служила за границей. Правда, в семье не без уроды, и в офицерской среде были негодяи, но их было мало, намного меньше, чем ярых уклонистов от армии, вроде Д.П. Такие, как Антон, хотели бы всех бесквартирных офицеров посадить за решетку, но тогда не хватит тюрем. Дай бог, чтобы хватило средств на строительство психбольниц для особенно человеконенавистнических дебилов. Вопрос Петра понятен: он не понимает, почему нашим доблестным офицерам дают пенсии больше и намного раньше, чем всем остальным. Петр, а в том, что твоим родственникам дают пенсии не более 2,5 тысяч, разве офицеры виноваты? Почему не власть?

При советской власти, действительно, пенсии офицеров и прапорщиков были чуть выше, чем у учителей, врачей и колхозников. И не зря. Эти военнослужащие всю службу работали с людьми, на нервах, без выходных и праздничных дней, от зари и до зари на учениях или маневрах, пусках боевых ракет и боевых стрельбах на суше, на море и под водой с применением сложнейшей техники и оружия, в командировках, на целине и в «горячих точках», многократно рискуя жизнью.

С увольнением в запас они остаются наедине с семьей у разбитого корыта, опустошенные душой и полуразбитые телом. И нет у них ни дачи, ни огорода, ни машины, ни десятками лет насиженного жилья, у многих – вообще, квартиры. Иногда дают сертификаты на жилье, на которые можно приобрести сарай, но и они десятками лет не реализуются. При перемещениях по службе в каждые 3-4 года основное имущество: мебель, холодильник, телевизор, стиральная машина, музыкальные инструменты продаются с молотка за 30-40 % цены, т.к. эти вещи не выдерживают перевозки по железной дороге или морем, и жизнь начинается каждый раз сызнова.

Вот я и хочу показать в своей повести: какова она армейская служба в мирное время и как офицеры, несмотря ни на что, остаются людьми, имея перед собой единую цель служения Отчизне и своему народу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДОРОГА В ОФИЦЕРЫ

1. Проводы

Провожали меня в армию, как и принято на Севере, всей деревней. Накануне у каждого из нас с Колей Старцевым был званый вечер с ближайшими родственниками, друзьями и девушками. С утра соседи, товарищи и просто знакомые запросто заходили в дом, здоровались, опрокидывали рюмку-другую (кто сколько мог), закусывали рыбником, квашеной капустой, солеными грибами, затем подходили к нам. Обнимая, каждый гость высказывал приятные, ободряющие слова напутствия, крестил нас, одновременно незаметно запуская одну руку с денежной купюрой в наш карман и трижды целуя в щеки. Вскоре мать напомнила, что пора выходить из дома. У крыльца собралась огромная толпа: пели песни, кто-то плакал; старики и старушки искренне прощались с нами. Затем с братьями и друзьями нас посадили на тарантасы, и все двинулись в путь.

Дорога – широкая, столбовая – шла через наш родной бор. Огромные сосны величаво раскланивались после каждого дуновения ветра раскидистыми лапами-ветвями, благословляя нас на ратную дорогу жизни. Вдоль тракта по опушке леса довольно часто мелькали под лучами солнца золотисто-желтые лисички и жирненькие маслята; местами выглядывали темно-коричневые шляпки крепышей-боровиков. Чуть ближе к Нюриному болоту молчаливо шептались между собою вековые ели, а под ними раскинулись скатерти-самобранки рубиновой брусники, над дорогой же свисали гроздья рябины алого цвета. Захотелось последний раз набрать горсть этой кисло-сладкой прелести. Пытаясь сойти с телеги, я нечаянно зацепился за что-то и грохнулся на землю. Почувствовав страшную боль, застонал. Оказалось, что заднее колесо проехало через мою левую ногу выше ступни. Переполох, крики; отец с братом Колей тут же подняли меня,

уложили на телегу и, убедившись, что перелома нет, поехали дальше. Успокоившись, отец пробурчал: «Ничего, до свадьбы заживет».

Незаметно проехали первые пять верст и только на противоположной окраине села Серёгово самые близкие нам люди, попрощавшись, повернули назад. Остались втроем: отец и мы с Колей Старцевым, призванными вместе. Невольно из глаз покатались совершенно непрошенные слезы – то ли от грусти расставания, то ли от боли, нога уже успела распухнуть. Выпили по четверть стакана водки, закусили запеченной щукой и свежим луком, папуля запел песню про ямщика, а мы заснули глубоким сном. Предстояло проехать через тайгу еще двадцать пять верст.

По этой дороге мне, как и Коле, пришлось прошагать долгих четыре года, пока учились в педучилище: в субботу сорок километров до дома, в воскресенье – столько же назад, до Усть-Выми, имея за плечами отцовский солдатский вещевой мешок, наполненный картошкой да куском свиного сала. Чаше ходили вместе с серёговскими ребятами и девочками – братьями Обросовыми (Колей и Сережей), Тамарой Амосовой, Машей Поляковой, Зиной Немчиновой. Привалы устраивали, чтобы отдохнуть и перекусить, в одних и тех же местах: в Серёгово, на реке Ёридзка, где дорога подходила вплотную к ее изгибу, в Ибах.

Однажды весной Ёридзка так разлилась, что затопила несколько километров дороги. Чтобы добраться домой, пришлось преодолевать половодье по грудь в ледяной воде. Пролежав с высокой температурой несколько суток в постели, казалось, быстро выздоровел. Однако на первом же уроке гимнастики внезапно сковало все мышцы, и я упал на пол, как подкошенный. Так появился радикулит. Невидимая болезнь, скверная и неприятная.

В Ибах перекусили у родственников мачехи, накормили-напоили коня и поехали дальше. Мой Александр Степанович, самый лучший из отцов мира, терпеливо молчал, то и дело протирая платком глаза.

– Пап, ты чего так пригорюнился, не на войну провожаешь. Расскажи о чем-нибудь.

– А ты мне скажи, читал ли «Капитанскую дочку»?

– Да, читал. Но о чем ты?

– Вот прибудешь на место службы, сделай себе правилом жизни наказ отца Гринева сыну Петру.

– Припоминаю: «Береги платье снову, а честь смолоду».

– Не только. «Служи верно, кому присягаешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся». Пушкин умный был поэт и писатель. Таких уж на Руси больше не будет. Так что служи честно, никогда не давай себя в обиду и всегда держи свое слово.

– Ладно, пап, постараюсь.

– А вот Александра Сергеевича Пушкина перечитай еще раз, и не только «Капитанскую дочку», а все, что он написал.

– Хорошо, пап, я так и сделаю.

Отец помолчал, затем продолжил:

– Учись хорошо, пригодится. От знаний командира жизнь людей зависит. Повидал я смертей и под Старой Руссой, и под Смоленском. А все потому, что командовали нами юные лейтенанты, которые закончили двух-трех месячные курсы подготовки офицеров, и сами еще пороха не нюхали. И я такие же курсы в Великом Устюге в сорок втором закончил. Сам удивляюсь, как уцелел на фронте. Как-то месяц продержались в обороне (я политруком роты был), но только пошли мы в контратаку, в первые же часы – пуля в плечо. Почти год провалялся в госпитале.

– А что было потом?

– Потом – снова на передовую, снова ранение и снова в госпиталь, затем снова на фронт. Но поскольку я уже винтовку держать не мог, назначили санинструктором роты. Вот и вытаскивал раненых с поля боя, пока самого в руку не ранило. Так и закончилась для меня эта война в тыловом госпитале в июне 1945 года в Перми.

– Отец, а почему ты вернулся домой рядовым? Ты же сам говорил, что офицерские курсы закончил?

– Откуда мне знать. Может быть, приказ о присвоении офицерского звания не дошел до части. Могла быть и другая причина. В училище я еще беспартийным был.

– Как беспартийным? Ты же сказал, что политруком роты был?

– Как пришел с училища, так и назначили, партбилет же никто и не спрашивал. Я в партию вступил уже после ранения. Кстати, там же, в Великом Устюге, мы иногда встречались с твоим дядей – Степаном Ивановичем, только в разных ротах учились.

К слову сказать, приказа о присвоении звания «лейтенант» отец так и не дождался. Как не получил и ни одной награды ни во время войны, ни после нее, кроме медали «За победу над Германией». Хотя, как минимум, должен был получить два ор-

дена Великой Отечественной войны и две награды за ранения. Думаю, из-за безделья военкомов района.

Так, беседуя обо всем понемногу, к вечеру незаметно подъехали к последнему спуску с Ибских гор. Отсюда открывалась изумительно величественная панорама усть-вымьских просторов. Серебристая водная гладь слившихся в единое русло Выми и Вычегды в обрамлении изумрудных лугов на противоположных берегах казалась беспредельной. Из-за островов, словно белоснежный лебедь, медленно и величаво шел вверх против течения двухэтажный красавец-пароход «Николай Оплеснин». Прямо, разместившись в два яруса, готовилось ко сну старинное деревянное село Усть-Вымь, когда-то бывшее центром земли зырян. Под лучами заходящего солнца сияли медные купола нескольких белокаменных церквей, и среди них – стройный и очень строгий Собор святого Стефана Пермского, распространившего влияние русской православной церкви в XIV веке до Уральских гор. В этом селе я и проработал год после окончания педучилища в школьном детдоме.

В 1948 году отец также привез меня сюда, чтобы выучиться, подобно ему, на учителя начальной школы. Он учился заочно в 1933-37 годах, имея за спиной всего лишь нашу деревенскую церковно-приходскую школу, а уж затем экстерном сдал экзамены за 5-7 классы.

Учился я в педучилище неважно. Так, на экзамене по алгебре за первый курс получил «двойку», которую пересдал лишь осенью. Дело в том, что накануне экзамена меня пригласили на рыбалку на озёра за Вычегдой. Это была редкая возможность оплатить выловленной рыбой жильё у старушек, где мы жили с другом Виталием Савельевым. К июню устье Выми разлилось вместе с Вычегдой до трех километров. Рыбы наловили много, в основном карасей, щуку, окуней – где-то около двух небольших мешков. Но утром следующего дня разыгрался шторм, и только к середине дня, чуть не угодив под самоходную баржу с огромным плотом, сумели переправиться на свой берег. Когда прибыл в педучилище, экзамен уже закончился. Невыспавшийся, голодный и измученный в борьбе со стихией, я вытащил билет, но не смог его даже прочитать, положил на стол и в слезах поплелся домой, на квартиру. Такова жизнь: на смену радостям бытия, всегда в готовности их заменить, прядется печаль.

Эта «двойка» лишила меня стипендии на следующие полгода. От родителей скрыл, но сразу пошел зарабатывать деньги.

1362872

Сначала устроился работать кассиром в клубе, затем мотористом одноцилиндрового двигателя, который давал свет для проката кинофильмов. Очень знакомы мне лозунги зрителей типа «киношников – на мыло!» Весной каждый раз, когда причаливал к берегу грузовой пароход, работал вместе с однокашниками грузчиками, выгружая на берег мешки с мукой, сахаром, крупами и солью, ящики с консервами. Во время зимних каникул мы, то есть те, которым были нужны деньги на пропитание, устраивались в ближайший лесопункт: рубили сучья, кряжевали бревна, убирали хвою, а на старших курсах приходилось валить лес. Летом зарабатывали трудодни или деньги в колхозе. В последующем, после окончания первого курса, все экзаменационные сессии удавалось сдавать на «хорошо» и «отлично», что давало возможность получать стипендию в 160, 180 и 200 рублей в месяц. Но денег все равно не хватало.

Легче всего мне давались русский язык и литература, история, физика, арифметика, физкультура и соответствующие им методики обучения. Прекрасные были педагоги: Мария Ильинична и Илья Николаевич Шергины, пытавшиеся развить в нас проявившиеся некоторые способности к стихосложению, как и Галина Прокопьевна и Дмитрий Мартемьянович Лекановы, а также Георгий Александрович Козлов и Нина Александровна Макарова.

Из-за еженедельных таежных переходов и необходимости иметь дополнительные заработки я вечно опаздывал на занятия и слыл недисциплинированным учащимся, за что имел различные взыскания, строгие выговоры и предупреждения об исключении. Но каждый раз на мою защиту вставала Мария Давыдовна Дьяконова, работавшая методистом преподавания в начальной школе, Заслуженный учитель РСФСР, жена репрессированного во времена «ежовщины» и учившая еще моего отца. Я дружил с ее племянницей Ниной – очень милой, скромной и с добрым сердцем девочкой. Ее мать, Мария Максимовна, работала учителем русского языка в средней школе и пользовалась огромным авторитетом в селе. Отец Нины и ее сестры Али тоже был репрессирован в конце 30-х годов.

Зная хорошо моего отца, они часто приглашали меня к себе, угощали чаем с вареньем, а иногда и обедом. Нина безошибочно определяла, сыт я или голоден. Иногда мы с ней ходили вместе в кино. Ничего лишнего в отношениях, даже поцелуев не позволяли, но были очень дружны и относились друг к другу с огром-

ным уважением. Кстати, муж Марии Давыдовны, еще до смерти И.В. Сталина, вернулся домой, а остальных Дьяконовых, арестованных еще перед войной по доносу своих же сограждан и обвиненных в поддержке троцкизма, родственники так и не дождались.

Из-за подозрений в ложном доносе я знал случаи сохранившихся враждебных отношений даже между родственниками. Однако за пять лет моего пребывания в Усть-Выми я ни разу не слышал и не видел грубого или оскорбительного отношения жителей друг к другу. Село по национальному составу – русское, но каждый знал и умел хорошо разговаривать на коми языке. В педучилище были учебные группы, изучавшие только русский язык, и группы, которые изучали кроме русского и язык коми. Меня же после первого курса перевели из «коми» группы в «русскую» из-за того, что я не справлялся с грамматикой коми языка.

Думаю, из-за частых пропусков уроков наш директор Василий Петрович Исаков – умнейший педагог, благодаря которому поддерживалась хорошая дисциплина и добрый авторитет педучилища, тоже не очень-то хотел изгнать меня. А причины были. Однажды мой хороший приятель, выпускник училища Юра Кругляков оказался вовлеченным в пьяную драку среди мужиков. Юра был весьма могучим парнем, и на тот момент, как он говорил, шел мимо и пытался разъединить «драчунов». И вот на основе кляузы и заявления милиции Юру исключают из педучилища. Я написал прошение на имя министра просвещения Коми АССР Рудакова с обстоятельствами дела и ходатайством о его восстановлении в училище, после чего организовал сбор подписей всех учащихся. Отказались подписаться только две девушки – секретарь комсомольской организации и председатель профкома – две сестры Анна и Галя Люосевы. Письмо дошло до министра, но ответа я не получил, зато было заведено персональное дело. Каково было мое удивление, когда на общем комсомольском собрании Юру исключили из рядов ВЛКСМ, а мне объявили большинством голосов (тех, кто подписался под прошением) строгий выговор с занесением в учетную карточку. «За что?» – я так и не понял.

И вот, прошагав по тайге до райцентра – села Айкино – 25 километров, мы пришли на заседание бюро райкома ВЛКСМ. После вопросов и ответов в ходе выяснения сути первый секретарь райкома – старший лейтенант запаса Н.Минин, еще в воен-

ной форме, но без погон – внимательно выслушав нас, отметил, что эти ребята, то есть мы, еще не потерянные люди в комсомоле, и предложил объявить Ю.Круглякову строгий выговор с занесением в учетную карточку, а мне – без занесения. Это предложение было принято большинством голосов, при этом девушки – члены бюро – выступили даже против объявления взысканий и с просьбой обратиться с ходатайством к министру просвещения лично разобраться еще раз на месте. Мало того, эти девушки были с нами настолько солидарны, что вечером устроили нас на ночлег, где мы собрались вместе на ужин с брусничной наливкой, и весь вечер пели русские народные песни, танцевали вальс и танго под граммофон.

Юру Круглякова все-таки исключили из педучилища, а жаль. Ни за что, ни про что! В целом же обстановка обучения была свободной и творческой: каждый мог на уроках высказать все, что хотел, и это даже поощрялось. Бывали и забавные истории.

Как-то прелестнейшая Галина Прокопьевна читала нам наизусть «Евгения Онегина» и вдруг, воспользовавшись паузой, встает наш одноклассник Леня Поповцев и молвит: «Галина Прокопьевна, я вас страшно люблю, выходите за меня замуж!» Она отвечает: «Леня, мне тоже страшно, через год-два тебя призовут в армию, а что я одна буду делать с твоими детьми? Давай о свадьбе поговорим, когда ты вернешься из армии. Хорошо?» А теперь пойдемте дальше. И она продолжила:

«Я вас люблю (к чему лукавить),

Но я другому отдана

И буду век ему верна!»

«Э-э-эх! Жизнь!» – воскликнул Леня. Мы попадали со смеха.

Леню, действительно, сразу после окончания педучилища призвали в армию, а Галина Прокопьевна вышла замуж за нашего учителя физкультуры и будущего литератора Д.М. Леканова, позже – директора Коми республиканского книжного издательства. Уж такова была их судьба.... И все-таки Леня был очень влюблен в белокурую, синеглазую Галину, и не он один. Мы все ее любили по-своему.

В училище работало много кружков: литературный, фото, математический, танцевальный, спортивные. Каждую субботу проводили танцы; активное участие принимали в художественной самодеятельности. Кстати, мне пришлось играть ведущую роль в «Свадьбе Бальзамина» и читать лекцию А.П. Чехова о вреде курения. Зал сельского клуба взрывался от смеха, и мы –

артисты Капа Ворсина, Виталий Савельев, Лиля Семукова и другие – были очень довольны.

Жили студенты (так мы себя называли) очень дружно, выручали друг друга во всем. Главной заботой оставались поиск заработка и экономия имевшихся ресурсов до конца недели. Одевались девочки лучше, мы, мальчишки, нередко ходили в заплатах. Удивительным было то, что наши учителя на свои 650-700 рублей одевались всегда с иголочки, были предельно вежливы; мы никогда не слышали брани, крика. Одним словом – школа Ушинского и Макаренко! Проживали в общежитиях, за что ничего не платили, нередко – на частных квартирах за символическую плату... Ох, сердце затрепетало от приятных и незабываемых воспоминаний.

Солнце уже садилось, когда мы подъехали к дому, где я прожил год в комнате напротив квартиры завхоза детдома Владимира Александровича Гребенюка. У него были две дочери-красавицы: Люда и Мара, да такие красивые, что я даже и не думал завязывать с ними какие-либо романтические отношения, потому что чувствовал себя по сравнению с ними неуклюжим недотепой. Вскоре подошел и директор детдома Василий Иванович Козлов, год тому назад закончивший службу в армии старшим сержантом. Василий Иванович был прирожденным педагогом, он всегда находил особый подход и к воспитанникам, и к воспитателям, искренне уважавшим его. За год он сумел сделать многое для детей: придел их, заметно улучшилось питание, хорошо заработали столярная и швейная мастерские. До него воспитанников детдома после окончания семи классов школы, а бывало и раньше, обычно направляли для получения специальности в ремесленные или ФЗУ. При нем большинство детей стали продолжать образование в школе или в педучилище до их окончания.

Мы привели себя в порядок, и Василий Иванович вместе с В.А. Гребенюком повели нас на вечеринку, которую организовали в отдалении от жилого корпуса детдома, где нас уже все ждали. Состоялась скромная и веселая пирушка. Вспоминали удачи и неудачи, хвалили друг друга и тут же извинялись за допущенные ранее недоразумения и ошибки.

Все мои коллеги – И.В. Козлов, К.И. Амосова, Л.И. Мирошникова, В.А. Гребенюк и другие желали мне только одного: хорошей службы и мира. Я слушал этих добрых людей и думал: как же здорово повезло детям на своих учителей и воспитателей, а мне посчастливилось поработать в этой среде в первый год своей трудовой биографии!

В нашем детдоме не было грубости и рукоприкладства, попыток бегства, оскорблений, ненормальных взаимоотношений между «родителями» и «детьми», а успеваемость воспитанников была на балл выше, чем у остальных учащихся всей средней школы. Весной мне было предложено перейти для работы в райком комсомола, но мой двоюродный дядя С.И. Некучаев, ставший к тому времени председателем райисполкома, посоветовал взамен перспективной комсомольской карьеры сначала «стать человеком» – отслужить в армии, получить моральную и физическую закалку, выработать характер, а уж затем окончательно определиться со своим будущим. Я послушался дядю. В то время в армию не призывали лишь по медицинским показателям, не брали калек, но давали отсрочку для окончания любого учебного заведения.

Утром была линейка, и председатель совета дружины Женя Коданева последний раз отрапортовала: «Дружина – равняйся! Смирно! Товарищ старший пионервожатый, дружина пионеров имени Домны Каликовой по случаю вашего убытия на службу Родине построена!»

Я пожелал каждому счастья, успехов в учебе и удачи в жизни, стать достойным гражданином своей страны. Сказал, что мне очень жаль расставаться с ними, но всегда буду помнить о них. И сейчас помню. Всех помню...

Строй «рассыпался», каждый из воспитателей и воспитанников пожимали мне руки, некоторые девочки храбро чмокали в щеки и почти каждая дарила вышитый носовой платочек. У Лидочки Овчинниковой, Эльзы Гардер, Жени Коданевой, Эли Петряевой и даже у Володи Вальтера глаза увлажнились, предательская слеза блеснула на ресницах.

Прощавшись со всеми и расцеловавшись трижды с отцом, мы сели в кабину детдомовского «ЗИС-105», и шофер дядя Саша включил передачу. Наш путь лежал в райцентр, в Айкино, точнее, в военкомат.

...Проводы, проводы... Становится тревожно и грустно. Так провожали на русской земле и на финскую войну, и на Великую Отечественную, и после войны. Народ любил своих защитников, свою армию. И разве можно было не оправдать надежд родителей, друзей, товарищей и просто земляков? Из военкомата нас направили в закрытую воинскую часть, которая оказалась на самом деле военным училищем.

2. Наряд вне очереди

И вот мы в Череповце. Тогда это был небольшой городок, расположенный на берегу реки Шексна и впадающей в нее реки Ягорба. Наше военное училище разместилось в квадрате между рекой Ягорба и выложенной брусчаткой улицей Советская. Вокруг городка – деревянный двухметровый забор, с южной стороны которого размещалась городская тюрьма, отделенная от нас широким и красивым сквером из смешанных вековых деревьев. Город насчитывал чуть более 25 тысяч жителей; его можно было пересечь вдоль и поперек за полчаса. При нас уже началось строительство металлургического комбината. Жилые дома, строившиеся в первую очередь для строителей, росли как грибы. Заканчивался город площадью Металлургов с рестораном «Шексна» на углу и далее железной дорогой. В районе нынешнего Заречья и спичечной фабрики размещались наши тактические поля. Сейчас на площади Металлургов возвышается великолепный памятник в честь первых строителей и металлургов.

Нас, новобранцев (почти что оборванцев), до начала учебного года свели в одну роту, которой командовал майор А.С. Лихин, бывший образцом идеального внешнего вида и строевой подтянутости, чести и порядочности. В первый же день, к вечеру 11 августа 1953 года, повели нас через весь город в баню (она была одна на весь гарнизон); мы сняли свои одежды, уложили в мешки, привязали бирки с фамилиями и сдали каптенармусу роты. Каждому выдали мочалку, туалетное мыло и – вперед: час отмыwania дорожной пыли и пота, час расставания с вольготной гражданкой и заложенной внутри каждого из нас душевной анархией. После благостного очищения выходим в другую дверь, за ней – гардеробная, где сразу последовало неторопливое переодевание в военную форму с помощью офицеров и старшин вещевого службы.

Чувствуется их опыт. Не спрашивают ни роста, ни веса, ни размеров. Взгляд – и на тебе сверкающие белизной рубашка и кальсоны, носки, портянки, гимнастерка, брюки-галифе, кирзовые сапоги, ремни – брючный и поясной, пилотка, погоны, и все – впору. Выходим на улицу и не узнаем друг друга: кажется, что все похожи. На другой день – медкомиссия. Доктор майор Драчинский прощупал мою распухшую ногу, тут же намазал какой-то мазью и сказал, что ушиб хороший, мне «повезло», но скоро все пройдет.

Нашим командиром был старший лейтенант Дормановский – долговязый и надменный офицер. Вечером, вернувшись с ужина,

в строю у казармы мы слушали его наставления: «Запомните: в армии приказ начальника – закон для подчиненных, и он должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок!» Старшина объявил о наряде на следующие сутки, среди которых был назван и Володя Уланов, вологодский парень с Устюжны. Я возмутился:

– Товарищ старший лейтенант, курсант Уланов простоял в наряде прошедшие сутки.

Мой монолог был прерван возгласом Дормановского:

– Молчать! Ваша фамилия?

– Курсант Александров!

– За разговоры в строю объявляю вам наряд на работу вне очереди! Разойдись!

После вечерней проверки я разделся и только приготовился ко сну, тут же послышалась команда дневального:

– Курсант Александров, на выход!

Одеваюсь, выхожу из спального помещения, а передо мной – Дормановский.

– Курсант Александров, приступить к выполнению наряда вне очереди на работу: вымыть полы всей казармы, начиная с туалета! Ведро и тряпки получить у дежурного по роте.

– Слушаюсь!

И я приступил к работе. Хорошо, что имел ну просто отличные навыки в этом деле – мне, как старшему из детей, после ухода отца на фронт приходилось делать такую работу почти каждый день в течение трех лет. Но дома было три комнаты и одна прихожая, а здесь – казарма на 100 человек, коридоры, ленкомната, кабинеты комбата и ротного, умывальник, туалет, лестница. Нагибаться из-за опухшей ноги я еще не мог, и мне пришлось соорудить нечто вроде швабры из лыжной палки, намотав тряпье на кольцо. К трем часам утра все было закончено. Но если бы знал Дормановский, сколько проклятий полетело из моих полушарий мозга на его голову! (Говорили, что он через несколько лет покончил жизнь самоубийством. Может быть, он был психически болен? Но в то время я об этом ничего не знал.)

Конечно, заснуть я уже не смог, поскольку нервы были на пределе. Девятнадцатилетнему парню, еще неделю назад воспитывавшему детей, имевшему специальность учителя и завоевавшему определенный авторитет в педагогическом коллективе, начинать службу в армии даже не со взыскания, а с мытья полов, скажем прямо, не очень-то приятно. Чувство обиды, незаслуженного унижения и оскорбленного достоинства скребло душу.

Нас в педучилище неплохо учили, я бы сказал даже хорошо. Мы были начитаны, кропотливо изучали педагогику и психологию, методы обучения и воспитания. А тут: в первые дни встретиться с таким диким произволом! Мне показалось это дикостью, дремучей дикостью. Тем более, мы считали, что в армии командиры должны быть особенно чуткими, вежливыми, потому что имеют дело уже со взрослыми, хотя и молодыми людьми. В прошлом все мы были воспитаны разными школами, разными родителями, в разных национальных традициях, на всеобщих понятиях добра и справедливости. И все это было поколеблено за одну ночь одним властолюбом. Ведь мы еще не знали, что в строю нельзя разговаривать, а вопросы можно задавать только после команды: «Есть вопросы?» Когда я вступился за Уланова, моим побуждением было поправить ошибку офицера ввиду его неосведомленности, хотел лишь помочь ему. Зачем нужен был дикий крик, волчий радостный оскал, это взыскание? С моей точки зрения, на его месте следовало бы поблагодарить меня за восстановление справедливости.

Постепенно нам стало очевидным, что Дормановский был просто-напросто самовлюбленным и невоспитанным самодуром. Но что делать? Первая мысль – с утра пойти в штаб, взять документы и попросить послать в войска. «А вдруг вернут в военкомат, домой и будут призывать сызнова? Это будет позор! Следует повременить, осмотреться, понять что к чему, а затем уже принять окончательное решение».

В конце концов, такова наша жизнь: на место горя приходит радость, за неудачей идет удача. Главное – не унывать, не ныть, уметь терпеть.

Утром – зарядка, утренний осмотр, завтрак, затем экзамен по физической подготовке. Настроения – никакого. Несмотря на боли в ноге, сдал экзамен по гимнастике успешно, но радости отчего-то не было. На третий день сдавали экзамен по математике. Накануне еще раз подумал, если я следующий экзамен не сдам, меня направят все-таки в войска: зачем военкомату тратить лишние деньги? После трех лет службы в армии мне дадут как минимум начальную школу или детдом, или можно будет поступить сразу в пединститут вне конкурса. Стипендии, конечно, будет недостаточно, но я смогу устроиться куда-либо на вечернюю работу. Так что на гражданке я не пропаду. Поэтому решил экзамен по математике «провалить». Взял билет, взглянул на него и сказал, что я эти вопросы не знаю.

– Почему? – последовал вопрос.

– Потому что основной упор в педучилище был на арифметику и методику ее преподавания.

– Хорошо, – сказал преподаватель, – я вам даю два примера, чтобы убедиться, что вас так плохо учили.

Меня это задело, я написал на доске сразу же ответ, но добавил, что это несерьезные вопросы, а вот остального я не знаю.

– Что ж, алгебру и арифметику вы знаете, и этого вполне достаточно, чтобы вам поставили хорошую оценку.

– Вы еще площадь круга спросите, тогда я буду, по-вашему, круглый отличник?

– Нет, вполне достаточно, чтобы вам не поставили «двойку». У нас как раз «салятся на мель» на арифметических примерах, и ваша попытка получить сегодня «двойку» потерпела неудачу. Имейте ввиду: таких как старший лейтенант Дормановский в армии немного, хотя и встречаются. Я уже наслышан, как вы были наказаны еще до принятия присяги. Забудьте про него.

После экзамена все ушли в казарму, а я сел на скамеечку у волейбольной площадки и в расстроенных чувствах размышлял, как быть дальше. Надо же, я никому не жаловался, но даже преподаватели знают о моем унижении.

– Что так невесел, курсант?

Передо мной стоял майор А.С. Лихин. Отдав честь, я что-то промямлил в ответ. Начав с погоды, он сел рядом и на равных повел разговор об училище, о службе в армии, чему она учит, что дает, какие трудности ожидают и как их легче преодолеть. Конечно, говорил он, на гражданке легче. Там отработал свои восемь часов и делай, что хочешь. Офицеры в войсках работают круглосуточно. Но не в этом главное. В армии офицеры всю свою сознательную жизнь работают, как и учителя, с огромными массами людей разного характера, темперамента, образования, судимыми и несудимыми, склонными к алкоголизму, воспитанными родителями или без одного из них, а то и сиротами, разной национальности и вероисповедания. Среди солдат, иногда и офицеров, попадаются субъекты, которым зачастую место в тюрьме или в «психушке». Вся работа, называемая в народе службой, связана с огромным риском и человеческой энергией, нервными перегрузками, безмерной ответственностью не только за уровень боевой подготовки и готовности, но и поддержание достаточно высокого морально-психологического климата в подразделениях и частях, всестороннее обеспечение личного состава

всем необходимым, сохранение жизни солдат, сержантов и офицеров в любых условиях. Должность офицера – для сильных людей!

Разговорившись, и я поведал кое-что о себе. Незаметно прошел час, и мы вернулись в казарму, но мои сомнения насчет поступления в училище были наполовину рассеяны разговором с этим мудрым, приятным и прекрасным командиром. Замечу, за все годы будущей службы вот так душевно, не навязывая своей воли, со мной поговорили лишь несколько начальников. Очевидно, таких Макаренко-Лихиных на Руси и в ее армии все-таки маловато.

Я все время недоумеваю: почему в академиях и военных училищах нет самых важных дисциплин – педагогики и психологии, пусть в небольшом объеме? Они нужны как воздух!

После сдачи приемных экзаменов наступил двухнедельный «курс молодого бойца». Мы изучали уставы и стрелковое вооружение, одиночную строевую и физическую подготовку, контрольную стрельбу из карабинов Симонова (СКС), слушали политические информации. Завершался курс военной присягой. Нашим командиром на сборах был назначен лейтенант И.Кошельник, командовавший минометным взводом в роте, очень выдержанный и знающий офицер. Неожиданно для всех курсантов взвода в первый же день лейтенант назначил меня помощником комвзвода, а командирами отделений – И.Туркиевича, Ю.Прокопчика и Жору Тараканова. С самого начала службы мы подружились с Сашей Поповым, тоже бывшим учителем (после обучения в двухгодичном учительском институте) и Юрой Прокопчиком, белорусом из города Скидель; поддерживались хорошие отношения с моим земляком Колей Старцевым.

30 августа нас разместили в родной четвертой роте, выдали парадное и теплое обмундирование, представили командиров и преподавателей. Командиром нашего взвода стал симпатичный, стройный, весьма талантливый футболист, лейтенант Ю.А. Телицын; командиром роты – всегда серьезный и невозмутимый майор А.Шелгунов; командиром батальона – высокий, с греческими чертами лица подполковник И.Кравченко; преподавателем тактики – майор П.С. Брагин – невысокий, но упитанный, с гроздью орденов на груди. Все они, за исключением командира взвода, имели боевой опыт участия в Великой Отечественной. Именно они и учили нас военному делу все три года.

За эти годы в нашей роте не было передраг, скандалов, ос-

корблений, унижений, все было в рамках Устава. Между офицерами и курсантами с самого начала сложились добрые, человеческие отношения. Что касается учебного процесса, то я не помню ни одного случая, чтобы было сорвано хотя бы одно занятие, не считая кратковременных выездов каждую осень (обычно на две недели) на уборку урожая. В этом выражалось строгое соблюдение целеустремленной системности и последовательности в поддержании учебной и воинской дисциплины, введенной начальником училища – генерал-майором В.В. Карпелюком, одним из героев книги В.Закруткина «Кавказские записки».

Сложнее складывались взаимоотношения в повседневной жизни между курсантами, но годы, проведенные в военном училище, оставили в жизни весьма благоприятный след – как бы привязали нас к армии. Случай же с нарядом вне очереди оказался единичным проявлением самодурства; издевательства не являлись определяющими признаками армейского организма. Но если они начинали «обильно» проявляться, становиться «инфекционным заболеванием», его «лечили» наиболее эффективными хирургическими методами.

В дальнейшей службе, изучая дисциплинарную практику подчиненных, я окончательно убедился, что наряд на работу, как форма взыскания, не оправдывает себя, и не советовал применять его по ряду причин. Во-первых, объем работы за один наряд никакими документами не определен, время исполнения – тоже. Во-вторых, как показывает практика, трудно контролировать его выполнение, и чаще о взыскании забывают. В-третьих, имелись многочисленные случаи, когда сержанты-старослужащие использовали наряд вне очереди на работу как прикрытие мести или оскорблений, издевательств над не понравившимся молодым солдатом или умеющим защитить себя и сохранить чувство собственного достоинства. Последний довод: воспитать трудолюбие у детей, студентов, солдат – самая трудная задача для родителей, преподавателей и офицерского состава. Однако наказание трудом воспитывает ненависть к нему или рабскую покорность. Надо делать так, чтобы труд, особенно физический, доставлял не только удовлетворение его плодами, но и нравственное удовольствие.

3. Военная закалка

Основным предметом обучения в военном училище являлась, конечно, тактика. Мы начинали с изучения Устава и одиночной подготовки: в наступлении – с действий солдата при подготовке и переходе в атаку, с преодоления минных полей и проволочных заграждений, атаки переднего края с метанием ручных гранат и действиям по уничтожению «противника» в его траншее штыком и прикладом; в обороне – с отрывки одиночных окопов (в соответствии с размерами наставления по инженерному делу) для ведения огня лежа, с колена, стоя, ведения огня по наступающему «противнику», осуществления маневра перебежками и ползком для выбора новых огневых позиций, метания противотанковых и осколочно-фугасных гранат (ПТ и ОФГ). Тренировались до автоматизма, и за каждое занятие – оценка каждому курсанту. Было пролито немало поту.

Примерно через три месяца перешли к действиям в составе отделения. Каждый курсант по очереди, определенной преподавателем, в роли командира организовывал бой отделения: проводил ориентирование на местности (топографическое и тактическое) и выяснение полученной задачи; оценку «противника», слабых мест в его обороне или в возможной атаке, своих возможностей с учетом условий местности и погоды, и затем отдавал боевой приказ. После постановки задач следовали соответствующие действия всего отделения под управлением данного командира. «Противник» обычно обозначался фанерными мишенями, его огонь имитировали применением холостых патронов и взрывпакетов несколько курсантов взвода.

На занятиях по тактике танки, бронетранспортеры (БТР) не привлекались. Техническая база училища отставала от требований того времени: имелось лишь 10 танков Т-34-85 и столько же БТР. В то же время «обкатку» танками на первом курсе прошли 100 процентов курсантов, и на всю жизнь из нас была выбита такая болезнь как танкобоязнь. На учебном поле, за рекой Кошта, каждый взвод строил себе траншеи в 40 метров длиной: на отделение с окопами, нишами. По окончании работ «противник» переходил в наступление в составе усиленного пехотой танкового взвода: на одно отделение шел один танк. Мы обязаны были всем отделением сгруппироваться в направлении движения танка, вести огонь из станкового гранатомета «СГ-43», за 15-20 метров до подхода танка к переднему краю метать по одной учеб-

ной имитационной противотанковой гранате в реальную цель, затем пригибаться на дно траншеи в то время, как танк проходил сверху через нас. Затем часть отделения вела огонь по подходящей пехоте, а другая бросала по второй гранате на кормовую часть танка. Помню, Уланова засыпало так, что мы долго его откапывали. Потом танки разворачивались и атаковали нас с тыла. И так несколько раз. Жаль, но в последующие годы многие командиры батальонов и полков эти занятия, обязательные по программе боевой подготовки (тема №1), не всегда проводили, боясь происшествий, хотя в журналах учета «галочку» ставили. На первом курсе основой тактической подготовки были подготовка отделения и взвода.

Помимо тактики мы проходили теоретический и практический курсы огневой подготовки. В то время еще не было огневых городков, электронных тренажеров, но владеть всеми видами стрелкового оружия нас учили прекрасно.

Само собой, преподавали марксизм-ленинизм, историю военного искусства, иностранный язык, военную топографию, военную администрацию, а также чисто практические предметы: инженерную подготовку, противохимическую и противоатомную защиту, физическую и строевую подготовку. Сейчас считаю, что в то время недостаточно внимания уделялось технической подготовке. К примеру, из бронетанковой техники мы изучали лишь общее устройство танка Т-34-85 и БТР-40. Зато брали реванш в автомобильной подготовке, досконально изучали устройство автомашин и проходили большую практику их вождения.

...После первомайской демонстрации на площади Metallургов, в которой мы впервые участвовали в параде войск гарнизона со своими СКС (карабины Симонова), проходили концерты художественной самодеятельности; на следующий день – различные спортивные состязания. Третьего мая мы уже шагали в походном строю для продолжения учебы в ходе лагерного сбора. Прошагав 15-20 километров, мы обнаружили, что как такового лагеря нет, и нам предстояло его построить. На эту работу начальником училища была выделена всего неделя. Необходимо было разместить не только все училище на местности, но и построить дорогу шириною 7 метров и длиною около 4 километров через настоящее болото до соединения с областной дорогой. Каждое отделение получало участок длиною сто, а курсант – десять метров. Мы должны были заготовить из прилегающего кустарника (в основном, ивы) фашины и плотно уложить их на полот-

но (болото) будущей дороги. Затем эти участки посыпались из самосвала песком, разравнивались, и через неделю дорога была готова.

Что такое военный лагерь? Вообще-то немецкое слово «лагерь» по Далю – это «воинский таборъ, станъ, становище». На практике же – сложное и до гениального простое размещение подразделений воинской части. По фронту и глубине он разделялся на полосы четырьмя (ныне – тремя) параллельными фронту лагеря линейками: генеральской (посыпалась красным песком), за ней, разделенных метровыми межами, – передней, средней и задней; перпендикулярно к фронту – поперечными линейками. В первой полосе, между передней и средней линейками, в палатках размещались по нумерации справа налево подразделения училища. Передняя и средняя линейки служили для построения подразделений, а задняя – для движения транспорта. Палаточные «гнезда», которые сооружали из хвороста и глины размером 5х5 м и высотой 70 см, располагались по фронту и глубине из расчета одна палатка – на отделение, три – на взвод, двенадцать – на роту; в том числе отдельно – для канцелярии роты, старшины и офицеров. Во второй полосе, между средней и задней линейками, размещались охраняемые нарядом ружейные комнаты, комнаты культурно-просветительской работы (КПР), штабы батальонов, клуб училища и умывальники. За задней линейкой – туалеты. Ширина продольных и поперечных линеек между ротами и батальонами – 5 метров, между взводами в роте (от оснований бортов смежных «гнезд») – 2,5 метра.

Перед лагерем, за генеральской линейкой, для каждого батальона были построены гимнастические городки, за ними – футбольное поле и полоса препятствий; ближе к реке – деревянные домики для управления училища и крытая сверху курсантская столовая, за ней – открытый плавательный бассейн на реке Кошта. Эта река стала для нас главным лекарственным средством. Мне, например, чтобы ликвидировать боли в пояснице, на спине и в мышцах, доктор Драчинский советовал плавать в реке не менее 3-4 раз в день. Сначала я усомнился в эффективности этого метода. Но после первого лагерного сбора забыл о своем радикулите на десятки лет. Секрет в том, что неизвестным для нас образом в Кошту попадали теплые сернистые воды с металлургического завода, и температура воды с мая по сентябрь была всегда выше 20°C. В результате интенсивного плавания у меня стали выпадать волосы и даже появилась лысина.

Тогда доктор посоветовал постричься наголо и все лето ходить без головного убора (кроме занятий по тактике, строевой и огневой подготовки). Так я и проходил все три года, «сверкая» лысиной на солнышке и не показываясь даже приезжавшим в каждую субботу и воскресенье девушкам из города. Стеснялся. Со временем рост волос восстановился, и они до сих пор торчат «ежином», только почему-то стали седыми...

Основным зачетом для нас по физподготовке на реке был заплыв на 400 м в обмундировании, с оружием и снаряжением на время. Вначале было очень тяжело, но постепенно привыкли, и каждый из нас сдал этот зачет.

В интересах закалки курсантов вместо физической зарядки каждое утро проводился трех- или пятикилометровый кросс в форме, в зависимости от погодных условий. Это было здорово! Один раз в неделю время прохождения кросса контролировалось офицерами. Уже после второго кросса я легко «уложился» на II разряд: три километра в форме №3, то есть в брюках и сапогах, пробежал менее чем за 11 минут. Сказались «тренировки» во время учебы в семилетней школе и в педучилище. Быстрее меня во взводе бегал только Н.Козловский, член сборной команды училища по лыжам, но он был на голову выше меня ростом.

На втором курсе изучались и практически закреплялись знания и навыки по организации и ведению боевых действий взводом и частично ротой в наступлении и обороне, в сторожевом и походном охранении, в разведке. Запомнилось одно из проведенных майором П.С. Брагиным занятий по теме «Взвод в поиске». Поиск, как одна из форм ведения разведки, широко применялся в годы Великой Отечественной войны и проводился обычно назначенными разведывательными и стрелковыми подразделениями с целью захвата пленных, чтобы выяснить или подтвердить более точные разведывательные данные о противнике. Поиск всегда был связан с жизненным риском для тех, кто осуществлял его. Не все они заканчивались удачей; были и потери. Но применение поиска, как разведывательной акции, оправдывалось его результатами, которые затем сохраняли жизни тысячам бойцов.

Итак, занятие было тщательно подготовлено. Накануне нам выдали маскировочные халаты, имитационные средства, сухой паек. Сразу после подъема – завтрак, заполнение крепким сладким чаем фляги и марш на лыжах на 15-20 километров. Нам предстояло скрытно занять свои оборонительные позиции на

местности. От начала и до конца занятий присутствовал начальник училища.

Был морозный, ветреный февральский день. После ориентирования на местности мы должны были организовать постоянное наблюдение. Началось тщательное изучение обстановки. В 500-600 метрах к северу от нас были заметны очертания хорошо оборудованного и реально подготовленного опорного пункта «противника», который оборонялся, как выяснилось позже, взводом курсантов третьей роты нашего батальона. Были обнаружены пулеметный расчет, наблюдательный пункт и несколько стрелковых ячеек. В 150-200 метрах перед его передним краем в бинюки видны три ряда проволочных заграждений и следы установки противопехотных минных полей, разумеется, учебных, с имитаторами. Начальником разведки полка нашему взводу была поставлена короткая, но четкая задача: «Четвертому стрелковому взводу с минометной батареей батальона и саперным отделением в качестве разведгруппы к шести часам утра захватить пленного. Поддерживает артиллерийская батарея полка». Так началась кропотливая организация боя на местности, которая продолжалась более двенадцати часов.

Изучая «противника», мы установили, что наиболее слабое место – участок в центре опорного пункта шириною около 50 метров. Подходы к этому участку ограничивались с одной стороны оврагом, а с другой – насыпью от бывшего карьера. На боевом пространстве – частый и мелкий ивняк, запорошенный снегом, что давало возможность слиться с местностью при ее освещении. Кроме того, мы считали, что «противник» никак не мог ожидать каких-нибудь действий с этой стороны.

В соответствии с решением действующего командира взвода сержанта Ж.Тараканова были созданы подгруппы разграждения, огневого обеспечения и захвата. С наступлением темноты мы стали готовиться к практическим действиям, соблюдая полнейшую тишину. И лишь через два-три часа первыми поползли наши «саперы» – подгруппа разграждения, чтобы проделать и обозначить проходы в минных полях своих войск и войск «противника».

Ползти по хрупкому сыпучему снегу не так-то просто. Надо было, чтобы наблюдатели «противника» не только не видели, но и не слышали даже малейшего шороха. При вспышках осветительных патронов разведчик замирал. Каждая подгруппа «замечает» следы. Примерно через полтора часа, показавшиеся слиш-

ком долгими, поступил сигнал (зеленый свет), что проходы в заграждениях проделаны, и только тогда пошла вперед подгруппа огневого обеспечения, заняв заранее намеченные укрытия в двухстах метрах от переднего края «противника» в готовности, в случае обнаружения, не только поддержать действия подгруппы захвата, но и обеспечить ее отход.

Ну вот, пошли на дело мимо нас и ребята из подгруппы захвата, самые смелые и ловкие. Время замерло, постепенно начинают коченеть от холода руки, ноги и даже щеки, но никто не жаловался. Заносит снегом – тоже хорошо. Около двух часов ночи бесшумно появились и скрылись «захватчики» с «языком». И лишь когда был подан сигнал на отход подгруппы обеспечения, «противник» обнаружил пропажу одного пулеметчика. Началась стрельба, взвились осветительные ракеты. В ответ заговорили наши минометы, конечно же, языком взрывпакетов. По сигналу командира мы поползли назад по старому следу с удвоенной энергией.

В три часа ночи – отбой. Занятие закончилось. Наш генерал-фронтвик поставил «пятерку», и мы были настолько довольны, что обратный марш на лыжах показался легкой прогулкой. Еще целую неделю спустя, вечерами, мы делились впечатлениями и подтрунивали друг над другом. Было из-за чего...

Однажды ночью в середине зимы наш батальон был поднят по учебной тревоге с задачей совершить тридцатикилометровый марш, сосредоточиться в лесном массиве в 10 километрах западнее реки Кошта с готовностью выполнять боевые задачи в районе села N. Короткие сборы – и мы на лыжах скользим по хрустящему снегу с грузом примерно в пуд веса. Наша «ноша» – это автомат, противогаз, малая лопатка, гранатная сумка с двумя учебными гранатами, фляга с чаем, вещмешок с сухим пайком, туалетными принадлежностями, парой теплого белья, котелок с кружкой и ложкой, плащ-палатка и притороченная пара валенок. «Ноша» тянет вниз, к земле. Мороз обжигает лицо, особенно нос и уши; приходилось периодически снимать рукавицы и рукой растирать их; появляется пот – и через минуту снимаешь с лица и глаз иней. Отставать от впереди идущего товарища нельзя: засмеют. Через три-четыре часа мы оказались в глухом хвойном лесу, и сразу стало теплее.

Вызвали командиров взводов на КНП командира батальона. Не успели как следует отдышаться – вернулся лейтенант и приказал разместиться. Первая задача: построить чум, где мы бу-

дем проживать. Чум – это сооружение полузакрытого типа, построенное из трех вырубленных елок, поставленных конусообразно и соединенных вершинами так, чтобы оставалось отверстие для тяги дыма от очага огня в центре. Вокруг костра расстилался лапник, на котором мы отдыхали, стараясь придвигаться ближе к огню. Тепло!

Оказалось, нас вывели в лес на курс «выживания» в условиях суровой зимы в тайге. С утра – зарядка, умывание снегом по пояс, приготовление горячего завтрака из сухого пайка, утренний осмотр, шесть часов занятий до обеда, а после него – чистка оружия и еще три часа практических занятий или самоподготовка. После ужина – сон или ночные занятия, которые проводили с нами в открытом поле в составе взвода, затем роты и столько же – в составе батальона. Несмотря на тридцатиградусный мороз, не было случаев обморожения, заболевания или жалоб в течение двух недель. Хорошую нам давали закалку!

На третьем курсе основным содержанием тактики были теория и практика управления боем роты и батальона. В завершающей части этой подготовки под личным руководством начальника училища проводились на местности практические тактико-строевые занятия (ТСЗ): пешим по-машинному, на действительные расстояния, с применением УКВ радиостанций с выдвиганием обоих батальонов училища в колоннах, с последовательным развертыванием в ротные, взводные колонны, в линию отделений, в цепь с последующей атакой, а затем свертыванием боевых порядков в обратной последовательности с резкими изменениями направлений и фронта наступления. При этом каждый элемент ТСЗ повторялся столько раз, пока не достигалась одновременность и правильное соблюдение уставных интервалов и дистанций между подразделениями. Поту было пролито столько, что, думаю, на тех полях выросстал или сверхурожай, или бурьян величиной в человеческий рост (в зависимости от потребления соли культурой). Но польза для нас была огромная.

Все наши командиры от ротного и выше были фронтовиками, и это было очень важно с точки зрения передачи преемственности знаний и опыта. На этом же курсе в конце зимы наше училище участвовало в двухсторонних войсковых учениях. Реальным «противником» стали части и подразделения Севской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в городах Вологодской области.

Нас погрузили в воинский эшелон: офицеров – в купейные вагоны, курсантов – в деревянные крытые грузовые вагоны, названные нами «телятниками». Именно здесь был досконально изучен раздел Устава внутренней службы «Перевозки железнодорожным транспортом». Выгрузились на станции Грязовец, затем марш на лыжах на 30 километров, сосредоточение в лесном массиве, рекогносцировка и занятие обороны по юго-восточному берегу реки Камёла с перекрытием шоссе Москва-Вологда. Первая позиция обороны была выбрана очень удачно: наблюдаемое пространство доходило глубиной до пяти километров. С выбором переднего края получился конфуз. После рекогносцировки командиры роты с командирами взводов мы начали рыть окопы в совершенно мерзлом грунте.

Проходит три-четыре часа, и после прибытия комбата с рекогносцировки, проведенной начальником училища, нам приказано отойти на 300-500 метров. Вновь начинаем копать. Еще через 3-4 часа приходит полковник Царапин, начальник учебного отдела, который отметил, что передний край выбран крайне неудачно. И верно – на гребне высоты. Спускаемся на 600-700 метров ниже и снова начинаем копать – уже потные и уставшие. Смотрим: идет высокое начальство – руководство учений с нашим генералом – и говорит, что подошли к самому берегу реки и здесь хорошо бы иметь инженерные противотанковые и противопехотные минно-взрывные заграждения, да и обзор не тот. Наши командиры соглашались: «Конечно, лучше отойти на 200-300 метров и сразу все меняется – и обзор наблюдения, и маскировка лучше, более эффективно можно использовать боевые свойства оружия». Вновь отходим... и оказываемся на первоначальном рубеже, но наши силы уже измотаны.

Сколько раз в будущем, в ходе службы, я встречался с такой неразберихой! И она всегда отражается на солдате, ибо подобная неопределенность не только истощает физические силы, но и вселяет неуверенность в достижении успеха, поскольку он, солдат, не знает, кто же из его начальников, непосредственных и прямых – умнее, хитрее и решительнее. Причина подобной неразберихи одна: нарушение уставной, если хотите, выработанной опытом, последовательности работы командиров по организации боя. Тем не менее, этот урок для многих из нас не прошел даром. Если в будущем я принимал решения, пусть иногда ошибочные, то никогда после не менял их, разве что по приказу старшего начальника, бравшего на себя всю ответственность за новые решения.

В нашей Красной, а позже – Советской Армии еще со времен Троцкого в сознание комсостава постепенно и незаметно внедрялось правило, согласно которому старший командир всегда и во всем прав. Военный юмор на эту тему «оформился» в печальный иронический афоризм: «Я – начальник, ты – дурак; ты – начальник, я – дурак». Отсюда появились нередкие случаи вседозволенности, хамства и грубости по отношению к подчиненным, угрозы и взыскания по поводу и без них. В будущем в дисциплинарной практике подчиненных я встречал множество взысканий «за пререкания», «за обсуждение приказа», «за грубость к начальнику», но ни разу не встречался с формулировками типа «за грубость к подчиненным». Подумайте, будущие полководцы, над этим! Такие отношения характерны и «на гражданке», сплошь и рядом. Укоренившееся мнение (начальников, руководителей, работодателей, милиции, ФСБ, прокуратуры, судей) в том, что старший командир (начальник, олигарх, губернатор, глава, фабрикант) всегда и во всем прав, привело, в конечном счете, к серьезным социальным последствиям: оторванности командиров и командующих, особенно среднего и высшего звена, от нужд и интересов подчиненных.

При Хрущеве мы, офицеры-командиры взводов, рот, батальонов, особенно те, кто имели семьи, владели жалкое, нищенское существование. То же повторилось при Ельцине. Да и сейчас господа офицеры, слушатели академий, офицеры военных училищ, чтобы прокормить семью, вынуждены подрабатывать грузчиками, сторожами (охранниками), с ежедневным риском для жизни – таксистами. Пенсионер – генерал-майор из войск (академии) получает пенсию в 3-4 раза меньше, чем такой же генерал-майор из Генштаба, Министерства обороны, администрации Президента, хотя большинство из них не командовали ни полком, ни дивизией.

К этой теме отрыва «верхов» от «низов» я еще вернусь и расскажу, до каких абсурдов это доходит. В то же время хочется подчеркнуть, что существовавшая практика взаимоотношений начальников и подчиненных не имеет никакого отношения к принципу единоначалия, предполагающего право командиров единолично принимать решения, отдавать для их исполнения приказы и распоряжения и нести всю ответственность за выполнение. Все верно. Но дело в том, что принятию решения предшествуют уяснение задачи и оценка обстановки, в ходе которой командир обязан выслушать предложения подчиненных и их

доводы. Но не любят наши командиры выслушивать предложения подчиненных, и все тут!

...Пока я размышлял об этом, учения шли своим чередом. После того как определился передний край, приступили к созданию инженерных сооружений: окопов, траншей, огневых позиций, различных заграждений перед передним краем, подбрустверных нор для обогрева, сна и других бытовых укрытий. Большинство из них – прямо в снегу. Часть элементов для укрепления обливала водой. В сильные морозы эта работа – не самая легкая, если учесть, что для возведения окопов полузаглубленного типа при глубине снежного покрова 80 см необходимо вынуть промерзший грунт на 40-60 см вглубь. Нам повезло: за позицией отделения стоял хутор, очень теплый хутор, и такие были душевные хозяева, что позволяли нам заходить погреться в любое время дня и ночи. В этой избе жила довольно взрослая дочь – девушка необыкновенной красоты. Она всегда вела разговоры с нами, улыбалась, шутила, кипятила чай и для каждого курсанта находила доброе слово. Ее поведение и общительность исключали даже попытки высказать в ее адрес любому ловеласу неприятное слово. Не помню, как ее звали, но всем нам девушка была очень мила; от нее веяло теплом, радушием и добротой. Чисто русская душа!

За неделю оборонной жизни в снежно-ледовых окопах мы научились не только рыть окопы, составлять карточки огня и схемы опорных пунктов, но и выживать: разводить огонь, не замерзать, готовить горячую пищу, спать ночью в снежной норе на лапнике, сооружать простейшие противопехотные заграждения, постоянно поддерживая систему наблюдения. С каждым днем нарастало наше ожидание начала наступления «северных».

В один из дней с восходом солнца справа от нас мы услышали канонаду артподготовки «противника» и ответные удары нашей артиллерии. Затем показались наступающие танки с пехотой на броне. Воздух сотрясался от разрыва «снарядов» (толовых шашек), гула моторов и трели автоматов. Наш взвод тоже подготовился к бою, но... на нас никто и не подумал наступать. Поскольку взвод оборонялся на левом фланге батальона, мы решили, что «война» для нас уже закончилась. Стало совсем скучно.

Неожиданно мы услышали слабый, постепенно нарастающий гул моторов где-то в тылу, с юго-восточной стороны. Оказалось, что «противник» силами усиленной танковой роты обошел по

лесным дорогам наши позиции и решил ударить по левому флангу батальона с тыла. В тылу же у нас не было ни одного сооружения. Бросив свои окопы и лыжи, мы, совершенно очумелые, почти по колено в снегу побежали назад и выше хутора заняли позиции с интервалами 10-15 м, спешно малыми лопатами начали углубляться в снег. В 1,5-2 километрах со стороны леса не спеша на наше отделение, преодолевая снежные сугробы, наступало десять танков с десантом пехоты.

Не помню, умные ли я отдавал команды, но «огонь» мы открыли одновременно: из станковых гранатометов (СГМ) и ручных пулеметов, реальным метанием толовых шашек, взрывпакетов и холостыми патронами образца 1943 года. Танки «открыли огонь» с коротких остановок холостыми выстрелами, ускорив движение. С трехсот метров «открыли огонь» ручные гранатометы и автоматчики. Стоял оглушительный грохот. От разрыва первой толовой шашки полетели все стёкла хуторского дома. Заставили спешиться пехоту «противника» раньше времени, и она отстала. Подошло подкрепление во главе с командиром взвода. Когда мы побросали все взрывпакеты, танки были остановлены посредниками в 75-100 м от нашей позиции. Несмотря на мороз, было жарко, от нас валил пар, но мы были довольны. Так закончился первый учебный бой в нашей жизни.

В частном разборе лейтенант Ю.Телицын объяснил, что танки легко обошли наши позиции в 2-3 км, из-за того что в батальоне не было выставлено боковое охранение на левом фланге. Это тоже было хорошим уроком. Мы как дети радовались, что учение, как нам казалось, закончилось, вот-вот дадут команду и мы двинемся к ближайшей станции на погрузку. Но не тут-то было. К вечеру сержантов вызвал командир взвода и поставил новую задачу: батальонам училища было приказано в 22.00 перейти в наступление в составе контрударной группировки корпуса и к утру выйти к южной окраине города Вологда. Мы прикинули расстояние – около 30-40 км по полям, буеракам, перелескам, болотам. Командир взвода поставил конкретные задачи и отдал необходимые указания по действиям ночью, в том числе определил азимут наступления.

Распрощавшись с мечтой об отбое, мы почистили оружие, проверили крепления, смазали лыжи, свежими газетами утеплили ноги и ниже живота, хорошо поужинали и в назначенное время двинулись в ночную атаку. Преодолев «сопротивление» поспешно перешедшего к обороне «противника», «южные» к по-

луночи перешли в преследование, последовательно сворачиваясь в линию отделений, а затем и во взводные колонны (отделение за отделением). Эта ночь на лыжах мне запомнилась на всю жизнь. Мы, не спавшие толком почти неделю, но все же сохранившие силы, скользили в одной колонне за командиром взвода, имея впереди только дозорных. На фоне причудливых очертаний деревьев вдоль маршрута, звуков скрипучего снега, отливавшего синевой лунного света наше движение напоминало игру теневых силуэтов из волшебной сказки. Каждые 20-30 минут колонна останавливалась: наши командиры уточняли по компасу верность направления движения по азимуту. Но на любой остановке курсанты мгновенно засыпали стоя, опираясь на лыжные палки, до очередной команды «Вперед!» И чтобы тронуть колонну с места, каждый раз замыкающий сержант толкал впереди стоящего, тот – следующего, и так просыпалась вся колонна, чтобы двигаться дальше в состоянии полусна. Казалось, все спят прямо на ходу, но никто не падал и никто ни на что не жаловался. Первоначальное ощущение холода постепенно сменилось чувством тепла. К утру показались золотые купола церкви Вологодского кремля и окрестности города.

Такими запомнились первые в нашей службе войсковые учения. Кстати, моему земляку Коле Старцеву, наводчику СГМ-43 на учениях, за особое старание и отличие был предоставлен начальником училища внеочередной краткосрочный отпуск с выездом на родину сроком на десять суток. Я был искренне рад за него, и в то же время стало грустно, когда он уехал. Ведь мы были с ним из одной деревни.

По окончании второго курса мы проходили стажировку в войсках. Так я оказался в городе Грязовец. В полку меня назначили командиром взвода (вместо ушедшего в отпуск офицера) третьей стрелковой роты. В первое же воскресенье пришлось участвовать в эстафете 4x200 м в составе команды роты на первенство полка. Было очень приятно на последнем этапе догнать несколько человек и финишировать первым, чем сразу снискал уважение своих подчиненных. Надо признать, что в то время физической подготовке в войсках, как и в училище, уделялось очень много внимания. Распорядком дня было предусмотрено полтора часа спортивно-массовой работы. Действовали многочисленные кружки по различным видам спорта. По прошествии многих лет могу сказать, что много времени уделялось гимнастике, но недостаточно – самбо (самозащите) и приемам руко-

пашного боя, совершенно игнорировались восточные единоборства. Так, ежедневная утренняя зарядка, кроме вольных упражнений, включала бег на один, два, три, а летом – на 5 км. Зимой каждое воскресенье проводились лыжные кроссы на 10, 15, 30 км. Мою любимую дистанцию 30 км я легко пробегал (правда, начиная со второго курса) по нормам I разряда (выше не мог из-за курения). Бег дает незабываемые ощущения свободы, чистоты воздуха, «слияния» души и тела с природой, и сравним лишь с полетом, парением на крыльях. Я бегал свою «тридцатку» до 35 лет, и не жалею. Жалею, что курил, потому что был молод и глуп.

Не реже одного раза в три месяца проводились состязания по марш-броскам на 25 километров (из них пять – в противогасах) с преодолением в конце маршрута полосы препятствий и по завершении – стрельбой из закрепленного оружия. Марш-бросок – это обычный бег в составе подразделения с полным боевым снаряжением и редкими переходами на шаг для нормализации дыхания. Он закаляет бойцов, наполняет их чувством удовлетворения своей силой, духом, и бойцы совершают марш-бросок с большим желанием, если, конечно, командир сумел постепенно, наращивая дистанции, натренировать своих подчиненных, предусмотрел взаимовыручку, сумел вовремя поднять настроение, сказать ободряющие слова и сам бежит впереди. Но в то же время марш-бросок – это пытка для подразделений, у командиров которых на первом месте «Я», или для тех, кто не прошёл предварительной плановой подготовки. Еще хуже, если марш-бросок применяется в качестве наказания подчиненных за провинность. Не помню случая, чтобы подразделения с такими командирами занимали хотя бы какое-нибудь призовое место. Марш-броски, проводимые без достаточных предварительных физических нагрузок и тренировок, кроме вреда, ничего не приносят.

...Через несколько дней меня вызвал командир роты и передал решение командира полка подготовить взвод на дивизионные состязания по многоборью. И началось: каждый день стрельба, гимнастика, фехтование на штыках (с муляжами карабинов), преодоление полосы препятствий по элементам и в целом, нарастающие по длительности от 5 до 25 километров кроссы. Негде было тренироваться в плавании, легкие закалял бег. Через три недели в Вологде состоялось первенство: мы легко справились с «противниками» по фехтованию и гимнастике, заняв

первое место. Марш-бросок включал в себя на середине дистанции форсирование реки Вологда с оружием и снаряжением, с использованием лишь подручных средств, собранных в ходе марша, а в конце – преодоление полосы препятствий и стрельбу по появляющимся целям. Пришли мы первыми, а заняли лишь общее второе место. Судьи из Вологды нас просто-напросто «засудили» на стрельбе. Я еще не знал тогда, что судьям не всегда можно верить. Позже, участвуя в массовых состязаниях, убедился: если в составе судейской коллегии нет своего представителя, результаты будут почти всегда непредсказуемыми.

В целом стажировка прошла успешно. Ее результатом было то, что согласно запросу командования по окончании училища я попал на службу в этот же полк. Кроме того, здесь же, в этом городе я познакомился с будущей женой. Взаимоотношения между курсантами, конечно, не были гладкими, скорее – сложными. И это естественно. Каждый солдат, курсант, сержант, офицер – это личность, совершенно отличающаяся от любой другой. В повседневной жизни мы, «человеки», отличаемся лицом, статью, манерой поведения, характером и темпераментом, отношением к работе и учебе, умом, врожденными и развитыми способностями, природными данными. Но любая личность нуждается в уважении. Во многом проявление свойств личности определяется средой родительского бытия, обучения и воспитания в учебных заведениях и трудовых коллективах. Каждой личности присуще чувство самоуважения, равенства и свободы в отношениях с другими.

Что касается солдат (курсантов), призванных в армию, – их объединяет одно свойство: незнание того, как добывается хлеб насущный, одежда, обувь. Дети рабочих, колхозников, учителей, врачей обычно к учебе и дисциплине, к службе в армии относились с большим рвением, потому что с детства видели тяжелый труд своих родителей. Но были среди нас и избалованные «интеллигентки» – дети чиновников партии и госаппарата, высшего офицерского состава, нередко нарушавшие нормы армейской жизни; они пренебрежительно относились к нашей службе.

Когда меня назначили помощником командира взвода, многим это не понравилось. Я был старше других на два года, не вышел ростом, сутуловат, в общем, обычный деревенский мужик. Учеба в педучилище и работа в детдоме способствовали развитию требовательности к себе и подчиненным. Я не мог,

например, допустить, чтобы при прохождении нашего взвода через город на занятия и обратно курсанты шли не в ногу, с распушенными ремнями и расстегнутыми гимнастерками, растягивались. Мне было стыдно перед горожанами. Кое-кому моя требовательность, как и внешность, естественно не нравилась. Иногда в мой адрес отпускали остроты, колкости, на что я обычно давал неизменный отпор. В то же время я никогда не жаловался ни командиру взвода, ни ротному; никогда никому не объявлял взысканий, и это сводило на нет усилия желающих вывести меня из себя. Но однажды произошел случай, который заставил еще раз все хорошо обдумать.

Коля Лыков, мой хороший приятель из нашего отделения, однажды предложил после вечерней проверки потренироваться в боксе – просто так, вроде бы шутя. Было известно, что он посещал занятия секции бокса в училище, но участие в состязаниях не принимал и, следовательно, его уровень подготовки был на уровне II-III разрядов. Я же никогда боксом не занимался. В деревне мы, парни, с детских лет занимались лишь вольной борьбой, но бокса у нас не было, наверное, потому что не было перчаток.

В ответ на приглашение я подумал: а почему бы не попробовать? В самой казарме был широкий коридор между двумя рядами двухъярусных коек с каждой стороны. Надели перчатки, и началась вроде бы на самом деле обычная тренировка. Используя простейшие приемы самбо, мы минут десять без перерывов обменивались ударами. Я собирался предложить закончить «тренировку», как внезапно получил сокрушающий удар в нос. Удар не был нокаутирующим, но я еле-еле удержался на ногах, из носа ручьем потекла кровь.

Много лет спустя на одном из медицинских осмотров врачи обнаружили у меня искривление носовой перегородки, оставшееся на всю жизнь. Я вспомнил тогда свой первый и последний боксерский бой. Вытирая полотенцем свое окровавленное лицо, я вдруг увидел, что вся рота с интересом наблюдает за нами, на отдельных физиономиях расцвела довольно ехидная улыбка. Я все понял: кто-то уговорил Колю Лыкова «оттренировать» меня по полной катушке. И тогда я решил драться до тех пор, пока не получится хороший ответный удар по сопернику, что бы ни случилось.

Бой продолжался. Я пропустил еще один хороший удар в челюсть, такой, что аж в глазах потемнело, но виду не подал.

«Противник», довольный успехом, невольно или преднамеренно опустив руки и забыв о защите, впервые заулыбался. И в этот момент, собрав всю энергию, я нанес по его лицу короткий прямой удар. Удар был и вправду хорош, потому что кровь хлынула не только из носа, но и изо рта. На этом наша «тренировка» закончилась. Рассчитанная кем-то комедия с целью проучить меня не состоялась. Я подошел к Коле, извинился, что так получилось, и мы, обнявшись, пошли спать. Я не пытался выяснить, кто надоумил его проучить меня. Уверен, что он осознал глубину своего неблагоприятного поступка, но с тех пор мы еще больше подружились. К сожалению, после выпуска из училища Коля тяжело заболел и был уволен из армии.

Для меня было очень важно, что я сумел постоять за себя, не уронив чести и собственного достоинства. В то же время этот случай заставил подумать о том, что нельзя в отношениях с оппонентами, да и с подчиненными тоже, быть всегда прямолинейным. В конце концов, любой словесный выпад можно «отразить» обычной шуткой, перевести в другое русло разговор. Командиру любого уровня надо быть пусть не штатным, но дипломатом. Вскоре взаимоотношения между мною и недовольными сослуживцами значительно улучшились.

В армии у каждого воина бывают и радости, и тяжелые дни. Одно дело, если любимая девушка выходит замуж, не дождавшись твоего возвращения. Наступают темные, кошмарные дни, о которых никому не расскажешь, но через какое-то время неприятности проходят. В таких случаях важно командиру доказать своему подопечному, что ему здорово повезло в жизни: рядом целый мир прекрасных, умных и порядочных девушек. Другое дело, когда человека незаслуженно обидели, – это не проходит быстро, и человек будет помнить всю жизнь.

После прибытия из первого отпуска нам объявили новый строевой расчет. Заместителем командира взвода назначили Жору Тараканова – простого, симпатичного, общительного юношу. Командирами отделений остались прежние сержанты, а младший сержант Александров, то есть я, был назначен старшим автоматчиком – понижен в должности на одну ступень. За что? У меня не было дисциплинарных проступков и взысканий, учился только на «отлично». В общем, удар был ниже пояса. Беспричинное снятие с должности было не то что неожиданным, а просто ошеломляющим. Чем я не понравился командирам взвода и роты, до сих пор понять не могу. Полагаю, дело было в том, что

я старался держаться от начальства подальше. Более того, за три года я ни разу без вызова не заходил даже в канцелярию роты. Всякое бывало во взводе, но, помня о наказе отца, никогда ни о чем и ничего начальству не докладывал. Да и необходимости не было. Дисциплина во взводе была хорошей, с мелкими нарушениями дисциплины разбирался сам: обычно это ограничивалось беседой один на один.

Возможно, была и другая причина. Она могла заключаться в том, что из-за частых приступов радикулита на первом курсе я нередко ходил в санчасть и брал справку с освобождением от марш-бросков и других тяжелых нагрузок. К тому же, военный дирижер после прослушивания отобрал меня и Алфёрова в училищный ансамбль песни, и каждое воскресенье, вместо легкоатлетических и лыжных состязаний, мы занимались в хоре. Радикулит – это такая дрянь, что захочешь что-то сделать, но не можешь: скованы мышцы, любое движение отдается болью и в то же время совершенно нет внешних признаков болезни. Уверен, что в первый год доктор Разинский не очень-то верил в мою болезнь и принимал за «сачка».

В конце марта 1954 года в училище проводились состязания на первенство взводов по марш-броску на 25 км с преодолением «зараженных» участков местности, 400-метровой полосы препятствий и с боевой строевой в составе взвода на финише. Так вот, последние 5 километров меня практически тащили на себе Юра Прокопчик и Коля Козловский.

«За что?» – единственная мысль крутилась в мозгу. Под утро взял чистый лист бумаги, пошел в комнату культурно-массовой работы (так тогда называлась ленкомната) и написал рапорт на имя комвзвода с просьбой ходатайствовать перед вышестоящим командованием об отчислении меня из военного училища с последующим направлением для прохождения службы в войсках. Вечером меня вызвал командир роты майор В.С. Шелгунов – фронтовик, уравновешенный, серьезный и толковый, как говорят в армии, офицер. Беседа длилась долго. Ротный говорил, что все курсанты находятся в равных условиях, обижаться не надо и настойчиво просил взять рапорт назад: «Вам будет очень полезно научиться подчиняться равным себе».

Я был непреклонен, и тогда ротный сказал, что место моего рапорта – в его сейфе, и вернет мне его после окончания училища. Поразмыслив, я пришел к выводу: сверху, видимо, виднее, да и мне надо научиться сначала быть рядовым подчиненным, а

начальником через два года все равно буду. Разговор пошел на пользу. Между прочим, политработники в армии всегда требовали с нас, командиров, вести повседневную индивидуальную работу с подчиненными – что случалось очень редко. Отрыв старшего и высшего офицерского состава от нужд и потребностей подчиненных, общение языком приказов, угроз, нотаций, грубости, оскорблений – эта манера поведения передавалась сверху донизу. На мой взгляд, это явление было и есть одной из главных причин появления «дедовщины» в армии.

В далеком будущем я наблюдал за отношениями начальников и подчиненных во Вьетнамской народной армии и поражаюсь тому, насколько они гармоничны, основаны на взаимном уважении, на чувстве равенства личностей, которое возможно лишь при равенстве социального положения взаимодействующих сторон. Мне часто приходилось видеть, как командующий войсками округа, командир дивизии, полка запросто, за одним столом, принимали пищу во время завтрака, обеда, ужина с окружающими их подчиненными офицерами, водителями, поварами, адъютантами, охраной, а вечером могли пропустить «в целях дезинфекции» желудка рюмку-другую самогона из риса. Никогда я не слышал криков, оскорблений, ненависти, пренебрежительного отношения к подчиненным. Самое удивительное заключалось в том, что дисциплина в армии, в которой не всегда хватало хлеба (риса), мяса, соли, добротной одежды, поддерживалась превосходной, абсолютной. Таковую армию не победить никогда!

Думаю, из-за разрыва между словоблудием и конкретной заботой о людях, рабочих, крестьянах и трудовой интеллигенции (учителях, врачах, инженерах, ученых) образовалась пропасть между бывшим ЦК КПСС и народными массами. Я сознательно вступал в партию, изучил десятки трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Плеханова, Димитрова и совершенно убедился в правоте их учения. Социализм – это закономерный этап в развитии человеческого общества. Поражение империализма неминуемо, он сам себя сожрет с потрохами. У этой закономерности – тысячи оснований.

У кого сегодня высшие темпы развития в мире? У каких народов растет благосостояние? У китайского и вьетнамского народов, которые живут по объективным законам социализма в условиях рыночной экономики при сохранении общественного характера собственности. В какой стране прожиточный уровень жизни населения выше? В Швеции, Норвегии, Финляндии, где

смешанная экономика и в послевоенные годы правили социал-демократы. Но ведь социал-демократия – это правое крыло социализма. Почему сегодня жители Восточной Германии (бывшей ГДР) в объятиях развитой ФРГ голосуют за преемницу СЕПГ, и ныне в бундестаге есть практически коммунистическая фракция? Почему в Берлине состоялись массовые демонстрации в память о великих вождях немецкого пролетариата – Карле Либкнехте и Розе Люксембург? Да потому что в бывшей ГДР были наилучшим образом, даже лучше, чем в СССР, воплощены социалистические идеалы равенства, братства, благоденствия, свободы; там все имели работу, отпуск, приличную зарплату; пусть недорогую, но свою машину («Варбург», «Трабант», «Жигули», «Волгу»); в магазинах можно было купить любые продукты или промтовары, произведенные как в своей стране, так и странах народной демократии.

В середине 70-х годов только в город Шверин приезжало за день до трех тысяч автомашин из Гамбурга, Любека и других городов ФРГ. Граждане ФРГ приезжали не только навестить своих родственников, но и закупить высококачественные дешевые продукты. Не секрет, что на пограничных КПП изымались тонны сливочного масла, сахара, круп и других продуктов, изъятых у западных земляков и вывозимых ими сверх установленной нормы. Какие прекрасные города и села, культурные, медицинские и спортивные центры были сооружены за двадцать лет! Вечером, а также в выходные дни, горожане выезжали на природу (многочисленные озера, реки, леса) или на свои дачи. Причем в ГДР наряду с господствующим государственным сектором экономики существовала частная собственность (частный сектор). Например, в каждом селе или даже хуторе из трех домов, не говоря уже о городах, размещался «гаштет» (ресторанчик), много частных магазинчиков, строительных организаций, домовладений. И не было у «частников» никаких проблем с налогами, налетами полиции, как нынче у нас; не было беспредела, криминальной обстановки. Люди верили в свое завтра, в свое будущее.

...В училище всё шло своим чередом. Понижение меня в должности было встречено отдельными «интеллигентами» даже с радостью и воодушевлением. Мне через несколько дней стало намного легче на душе. Отвечать только за себя – милое, простейшее дело. И все-таки, в эти несколько дней перед глазами прошли заново все мои двадцать лет...

4. В годы военные и после

Откуда было знать моим сослуживцам, какие испытания, горести и радости мне пришлось пережить? Всем им было по 17-18 лет, мне было двадцать, и снятие с должности замкомандира взвода, если бы оно было обоснованным, для меня осталось как укусы, от которого следы остаются не более чем на два-три дня.

Мне иногда кажется, что сама Природа проводит надо мной бесконечные опыты, и каждый раз ждет необычного финала. Жизнь иногда так сильно бьет по тебе, или дарит такие невыносимые радости, что, кажется, не выдержать их ни телу, ни душе. Вот и получается – жизнь бьет ключом, а мы все крепнем.

Когда мне было два года, умерла мать Глафира Ивановна Александрова (Поповцева), оставив нас, двоих братьев, с отцом. Вскоре появилась мачеха, затем две сестры, а 8 ноября 1942 года ночью я помогал родить мачехе еще и брата. К тому времени отец был уже на фронте, и я, как старший среди детей, выполнял все обязанности хозяина дома. В восемь лет ежедневно колосил дрова, топил печи, кормил коз и овец, носил воду в ведрах с реки по нескольку раз в день. На меня легли все заботы о моих младших сестрах и братьях. С девяти лет вместе с мачехой уже валил и распиливал лес на зиму, заготавливал корма для скота. За невыполнение «мать-мачеха» наказывала, иногда ремнем или давала подзатыльники, или запирала на ночь в хлев вместе со скотом. В то время она видела во мне только лишнюю рот и рабочую силу. Между тем, я благодарен ей за то, что не дала умереть с голоду, а главное, приучила к труду. В десять лет мы, одноклассники Коля Старцев, Валя и Лида Злобины, Юра Спесков, уже зарабатывали трудодни в колхозе: летом пасли лошадей, коров, участвовали в прополке огурцов в парниках и капусты в поле, окучивали и затем убирали картофель и капусту; зимой вывозили навоз на поля, подвозили сено к скотным дворам; весной бороновали вспаханные поля; летом с одиннадцати лет мне была уже доверена одна из сенокосилок с двумя лошадьми.

С началом войны пропал без вести служивший в Литве наш дядя Ваня – Иван Иванович Поповцев. Не выдержав этого горя, в 1942 году умерла наша бабушка по матери – Ефалия Петровна Поповцева (коми, девическая фамилия Каракчиева, – из деревни Ляли). Дядя Ваня, как мне говорили, даже был женат на литовке, но найти его следы мне не удалось.

В 1943 году перестали приходить письма от дяди Коли, и заболел наш дед по матери, Иван Степанович Поповцев, который оставался после ухода отца на фронт самым близким и родным для нас человеком. У него жил и воспитывался мой младший брат Вениамин. Оказалось, что дядя Коля долгое время был в окружении где-то под Ленинградом, и ему пришлось больше полугода воевать в партизанах. За дедом ухаживала его сестра из хутора Кряж Александра Степановна Некучаева, мать Степана Ивановича, того самого, который благословил меня на службу в армию. Дед мой, сын донского казака из Таганрога, высланного на север еще в царское время, был русским, работал конюхом в колхозе, очень любил лошадей и пользовался славой очень гостеприимного хозяина. До войны его дом являлся как бы постоянным двором, в нем останавливались на ночлег люди, занимавшиеся товарообменом по реке Вынь. Кочующие цыгане, которых было немало, останавливались тоже у деда. Так его и звали: Таган Вань, или Цыган Вань. Он и в самом деле походил на цыгана: был здоров, черноволос, с длинной бородой, но нас, своих внуков, очень любил и никогда никому не давал в обиду. Будучи больным, он распорядился передать для нас несколько мешков зерна, хотя сам жил впроголодь.

Как сейчас помню, мы еще весной на лошадях с ним ездили в Княжпогост (райцентр, ныне город Емва) и на рынке продавали выращенный им и подготовленный к употреблению табак. Распродали стаканами около двух мешков и привезли много денег и несколько буханок хлеба (по 200 рублей за буханку). После инсульта его парализовало, а его глаза продолжали узнавать меня и брата. Умер он в декабре 1944 года.

После похорон дом закрыли досками. На следующий же день мачеха погрузила моего брата в сани, и двоюродный брат моего отца Микол Коль повез его за 100 км в районный детский дом села Шошки. Этот студеный декабрьский день был самым тяжелым в моей жизни. Я помню образ матери по единственной фотографии у одного родственника и помню, как отпевали маму в нашей церкви, полной народа, а бабушка, державшая меня на руках, сказала: «Посмотри, внучёк, на свою маму в последний раз». И еще помню, как после похорон я сидел в углу под образами в доме деда, и все желали нам добра, вырасти и помнить о ней. Рассказывали, что мама была красавицей, певуньей. Рядом с основным столом висела люлька, а в ней – мой брат, которому было всего полгода.

И вот моего родного брата увезли. Мне казалось, что от меня оторвали не только кусочек сердца, но и вырвали из моего тела истерзанную душу. До глубокой ночи просидел я на бревнах перед домом моего деда и рыдал во всю мочь, пока не выкипели слезы. В то время я еще верил в Бога, знал много молитв, которым учили меня бабушки, и спрашивал его, обращаясь к звездному небу: «Боже, зачем ты так поступил с нами, где твоя воля? В чем виноваты моя мать, я, брат, дядя Ваня, бабушка, дед? Почему я теряю самых близких? Боже, сохрани жизнь отцу и дяде Коле на фронте, молю тебя!»

Мачеха работала в колхозе завскладом, одновременно продавцом магазина сельпо в деревне, дома всеми делами занимался я, да и дед оставил нам зерна (я видел эти мешки в холодной комнате отцовского дома). Брат мог бы и прокормиться вместе с нами. Конечно, время было трудное. Я хорошо знал, что у нас были запасы не только зерна, но и круп, сахара, а картофеля и овощей было вполне достаточно, чтобы прокормить всех пятерых детей. Она не воровала, но лишнюю булку хлеба вдобавок к нашим карточкам в хлебопекарне, куда она ездила за хлебом для населения дважды в неделю, ей давали.

С тех пор я в жизни не плакал. И лишь в 1978 году, на похоронах отца, непроизвольно покатались слезы из глаз: они были солеными, и горькими струйками обжигали лицо. Мачеху я так и не простил за брата почти до самой ее смерти. Лишь за два года до того, когда она меня провожала после похорон брата Николая, и словно предчувствуя, что это последняя встреча, она зарыдала так же, как и я в свое время, и просила меня лишь об одном: «Жора, прости меня, прости, прости...» Я простил ее, и не только за брата, но и за все ее грехи; Бог ей судья, если он есть...

Весь 1944 год и первая половина 1945 года запомнились мне как время выживания. Это было самое тяжелое время в деревне. Кроме работы и учебы главная забота – как и чего покушать. Есть хотелось всегда. Мачеха кормила меня отдельно, но этого явно не хватало. Выручали родственники, соседи, которые относились очень благожелательно ко мне: они уважали моего отца и родственников по матери. То попросят письмо прочитать или написать, то газетку, то воды принести с колодца, и каждый раз угощали лепешкой, картофельными оладьями, стаканом козьего молока или сладкого чая. Конечно, за мной постоянно следила моя бабушка по отцу – Мария Павловна Александрова (рус-

ская, родом из хутора Кряж). Мой дед по отцу – Степан Николаевич Александров – погиб на фронте в 1916 году, как рассказывал его брат Николай Николаевич, служивший с ним на Западном фронте. Дед погиб в штыковом бою под Барановичами, но не сдался в плен.

Моя бабушка, не ужившаяся с мачехой характерами, тем не менее, любила меня, как и отца, и никогда не позволяла, чтобы я лег спать голодным. Те же старушки и женщины, мужья которых были на действующем или трудовом фронте, как и бабушка, одним взглядом определяли мое состояние и, перекрестившись, приглашали зайти к ним на минутку, чтобы угостить чем бог послал. Со своей стороны, как бы в ответ, я обязательно помогал им поколоть и занести дрова, принести воду, поправить забор, очистить хлев. Я никогда не отказывался от еды, хорошо осознавая, что мне дают милостыню, и благодарил за это. Однако чувство стыда, безысходности и беспомощности жгло душу. Чувствовать себя нищим – ужасно, врагу не пожелаю. Поэтому, когда меня спрашивают: «Кто тебя воспитывал?» – Я всегда отвечаю: «Весь советский народ».

И вместе с тем, никогда не было мысли своровать что-нибудь, даже картофелину. Кстати, каждую военную весну мы с мальчишками искали на картофельных полях остатки прошлогоднего урожая – там вместо картофеля оставался в кожуре крахмал, из него мы делали лепешки, подсаливали и поджаривали. Было очень вкусно! Хотя во внешкольное время мы уже зарабатывали свой хлеб насущный в колхозе, иногда удавалось добыть пищу и другими способами.

В нашей деревне был огромный двухэтажный дом, построенный после гражданской войны Михаилом Ивановичем Злобиным (дядей отца) и моим отцом; в нем и размещалась рядом с церковью наша начальная школа. С началом войны на первом этаже учились мы, а второй этаж был отдан детям карелов, эвакуированных в нашу деревню из Карело-Финской ССР во главе с учителем. Прошедшие через воздушные тревоги и фашистские бомбежки, потери родных и близких, карельские дети отличались сплоченностью, дисциплинированностью и исключительным прилежанием. В их характере присутствовала какая-то внутренняя скорбь, скромность, граничащая с безмолвием. Я ни разу не видел, чтобы они смеялись или играли. Мы к ним относились как к родным, боялись их огорчить или обидеть. Несмотря на повышенные продовольственные пайки, им все же не хватало

простой домашней пищи, и наши колхозницы помогали чем могли: приносили картофель, лук, грибы, бруснику, клюкву, капусту. Пищу для них готовила, отдавая этой работе всю свою израненную душу, тетя Евстолия (мы ее звали «тетя Столья»), у которой погибли на фронте муж и двое сыновей: Алексей и Михаил. Продуктами карельских детей обеспечивало государство – по более высоким нормам по сравнению с нами. Говорили, что тетя Евстолия работала в школе с самого открытия: она была и сторожихой, и уборщицей, и воспитательницей в одном лице.

Осенью 1943 года карельских детей вернули на родину. Знают ли те дети, нынешние почтенные старики, как переживали за них и помогали дети Республики Коми?! Возвращение на родину стало возможным не только благодаря разгрому фашистских армий на Курской дуге, но и прочной обороне Карельского фронта, которым с 1941 года до марта 1944 года (в самые трудные годы!) командовал генерал-полковник В.А. Фролов. Именно он, генерал В.А. Фролов, еще с октября 1941 года, командуя силами двух небольших армий во взаимодействии с Северным флотом, не позволил немецко-фашистским войскам хоть на шаг продвинуться вглубь страны. Несправедливо, что оборону наших северных территорий, в том числе Карелии, связывают лишь с именем маршала К.А. Мерецкова, вступившего в командование фронтом, в котором имелось уже шесть общевойсковых армий, в последний год войны. Думаю, когда-нибудь в Карелии воздвигнут памятник генералу В.А. Фролову, как единственному полководцу Великой Отечественной войны, не знавшему поражений. Кстати, наше военное училище входило в состав Беломорского военного округа, которым командовал генерал Фролов, и лишь в начале 1956 года эти войска вошли в состав вновь образованного Северного военного округа.

В опустевших после отъезда карельских детей комнатах разместился детский дошкольный санаторий, в котором ежемесячно восстанавливали и укрепляли здоровье около пятидесяти ослабленных скудным послевоенным питанием детей фронтовиков, вдов и многодетных семей со всего района. Санаторий просуществовал до 1956 года. Такие оздоровительные учреждения были созданы в каждом районе республики: хорошее питание, изумительно чистый воздух, неустанная забота подготовленных педагогов и медиков творили чудеса с этими детьми. Заведующая санаторием нередко звала меня помочь распилить или наколоть дров, раскопать клумбу для цветов, подмести сад

вокруг школы, соорудить ящик с песком. Кроме того, на меня была возложена задача один раз в неделю постригать детей; на это обычно у меня уходило два дня после школы. За «парикмахерские услуги» выдавали небольшие деньги сначала мне на руки, а затем в руки моей мачехи. Несмотря на тяжелые военные годы, дети не умирали с голоду.

Самыми незабываемыми в моей памяти из юношеских лет остались два события.

8 мая 1945 года. Мой день рождения: одиннадцать лет, ни с утра, ни после школы меня никто не поздравил и никто не вспомнил об этом. Я заготовил и занес дрова для печек, наносил воды, покормил скот и пошел к реке: весь вечер смотрел, как ломается, трещит и грохочет посиневший лед. На душе было тошно и горько. Успокоившись, вернулся домой и лег спать. Утром чувствовал себя не лучшим образом, и даже не пошел в школу. Около десяти часов спустился с печки перекусить чем-нибудь, и вдруг увидел в окне, как председатель райисполкома Михаил Евгеньевич Лобанов проскакал на коне по единственной улице в деревне с криками «Победа! Победа!» Я бегом включил репродуктор – те же слова повторял Левитан. «Пробкой» выбежал босиком из дому и побежал в школу. Был солнечный весенний день; сердце билось от радости так сильно, будто хотело вырваться наружу. Около правления колхоза уже собиралась торжествующая толпа. Через минуту, ворвавшись бурей в скрипящий перьями притихший класс, я запрыгнул на стол нашей учительницы Анны Ивановны Шилиной и дико крикнул: «Победа!» Через мгновение все бежали к правлению колхоза. Там творилось что-то невообразимое! Качали на руках то Лобанова, то вернувшихся раненых фронтовиков; все обнимались, целовались, поздравляли друг друга, кричали «Ура!» Люди все подходили и подходили...

И тут произошло совершенно неожиданное. Сквозь восторженные, радостные выкрики, поздравления и объятия прорвались душераздирающие рыдания нашего агронома Марии Ивановны Спеськовой, у которой на фронте погибли муж и сын. К ней «присоединились» другие вдовы и матери. Мы прочувствовали не только величие Победы, но и трагизм окончившейся Великой Отечественной. Мы знали, что уже никогда не вернутся погибшие мужья, сыновья, внуки; женщины, старики и дети никогда не обнимут своих близких, не смогут воспитать и дать образование своим детям, обеспечить их всем необходимым. Плакали

все, словно освобождая через слезы и стоны неутешное горе и ненависть к немецкому фашизму, к этому звериному отребью рода человеческого. Мать успокаивала тетю Евстолию Старцеву, у которой на войне погибли оба сына, а ее внуки Володя и Юра (мои будущие друзья) остались без отца.

Глядя на несчастных женщин, мне казалось, что сердце разрывается на части. А каково было им? Разве можно было словами выразить сочувствие одноклассницам Лене и Вере Спесковым, у которых в войне погибли отец и два брата? Девочки, прижавшись к безмолвной от неизбывного горя и неотвязной боли матери тоже молча плакали и их горькие слезы текли ручьем. Их третий брат, Валентин, остался жив, но после Дня Победы при возвращении домой из Берлина был зверски убит на станции Котлас бандитами «Черной кошки». Эти подонки ничем не отличались от фашистских головорезов... Нелюди....

Когда я пишу эти строки, представляю, сколько слез было пролито в тот день моей будущей женой Антониной Михайловной и тещей – покойной Матреной Леонтьевной, оплакивавших Михаила Александровича Камкина, погибшего 26 июля 1942 года в деревне Шилово под Воронежем и похороненного в Братской могиле №113. Мои внуки и правнуки! Это был ваш дед и прадед по матери! Место захоронения мы узнали из «Книги памяти» (Грязовецкий район). Мы там были и возложили к постаменту красивого мемориала на берегу реки Воронеж цветы. Восточнее фашисты не продвинулись, но эта победа досталась дорогой ценой, в том числе жизнью вашего деда и прадеда.

Кстати, за своего погибшего мужа Матрена Леонтьевна, прожившая с нами с момента нашей свадьбы, ни рубля не получила от государства. Когда же в истории нашей России правители начнут проявлять элементарную заботу о семьях воинов, отдавших жизнь за Родину, о старшем поколении?! Многие вдовы после войны остались с двумя-пятью ребятишками, которых предстояло кормить, одевать, обувать, растить, учить, опираясь лишь на собственную силу и свою любовь. Уверен, настанет время, когда вспомнят о вдовах и поставят им памятники в каждом городе, в каждом селе!

Я иногда задумываюсь, почему Западная Европа отказалась от смертной казни за умышленные убийства и другие тяжкие преступления, а сейчас и Россия присоединилась к этому акту, несмотря на ежедневный кровавый террор со стороны преступного мира? Вряд ли состоятельна версия о переходе к гуманнос-

ти, ведь Германия, Великобритания, Франция, Италия и другие цивилизованные государства, не раздумывая поддержали решения и действия США по уничтожению тысяч людей в 90-х годах XX столетия в Югославии и Ираке – ни бывшая СФРЮ, ни Ирак не объявляли войну и не представляли угрозы ни Штатам, ни странам Западной Европы. Зачем нужно было без суда и следствия уничтожать безвинных людей? Да потому, что Ирак хотел лишь быть независимым от США в распределении своих нефтяных сокровищ, потому что Югославия начала было бороться с албанским терроризмом. Ответ поищите сами, уважаемый читатель.

...День Победы 1945 года, слезы и стоны матерей, братьев и сестер погибших постепенно стихли, радость Великой Победы одержала верх. Председатель колхоза Надежда Степановна попросила наших парней принести столы, стулья, а женщин – все, что у них есть съестного, из магазина – водку, и через час на большой лужайке перед зданием правления начался праздничный пир. Как же нам было весело, уютно, сытно и счастливо! Правда, вдовы со своими детьми до начала празднования разошлись по домам: в этот вечер они поминали покойных, самых близких им людей, отдавших жизнь ради счастья и свободы нашего народа. Никто не спал в ту первую победную ночь.

Вторым по значению событием явилась отмена карточной системы в декабре 1947 года. В один из вечеров Мария Алексеевна приехала из Серёгова в особенно приподнятом настроении. Выгрузив целый воз товаров и, о чем-то пошептавшись с отцом, закрыла магазин и объявила, чтобы завтра все покупатели принесли свои продуктовые карточки, так как они оказались фальшивыми. Дома, за ужином, мать с отцом выпили почти по стакану водки, и веселые пошли спать. Не лишённая юмора моя мачеха (я ее тогда называл «тетей», а «мамой» стал называть после начала службы в армии) утром следующего дня действительно собрала все карточки и на глазах у всех сожгла, и только уже затем объявила недоумевавшим «зрителям», что карточки отменили. Поднялся невообразимый гвалт: было столько смеха, радости, появилось ощущение, что вот, наконец, с войной навсегда покончено!

Тетя продавала хлеб из расчета 2 кг на душу, по 500 грамм сахара, конфет, печенья, пряников. Весь вечер взрослые пили водку (у нас самогон никогда не гнали), женщины – молдавское сухое вино, которое продавали прямо из бочки. Закусывали со-

леньми груздями, селедкой, тушеной бараниной, квашеной капустой и солеными огурцами, брусникой в собственном соку; пели песни, плясали, вспоминали тех, кто не дожил до этого дня, воздавая дань любви и уважения каждому выжившему. К ночи спиртных напитков в магазине не осталось, поэтому с утра снова пришлось ехать в Серёгово, и на этот раз мать взяла меня с собой в качестве помощника. В хлебопекарне и на складах сельпо, разместившихся рядом с рекой недалеко от сользавода, мы загрузили наши розвальни всякой всячиной. Не спеша поехали домой, и впервые она угощала меня конфетами, белыми пушистыми булочками, весело болтала со мной. Мачеха сидела впереди, а я устроился позади саней. Проехав чуть, я услышал: «Сходил бы с отцом в воскресенье в лес: подстрелите тетерева, зайца или рябчика – что попадет». «Ладно», – говорю.

И тут произошло необычайное событие! Примерно в двух верстах от деревни на перешейке между двумя болотами, «вклинившимися» в сосновый бор, на высоте пяти-шести метров перпендикулярно к дороге висели телефонные провода, тянувшиеся по столбам из Княжпогоста к селу Серёгово. Приближаясь к проводам, мы увидели, как впереди с шумом взлетел огромный черный глухарь и, набирая высоту, полетел в нашу сторону. Зачарованные чудесным зрелищем, следили за птицей. И вдруг глухарь ударяется грудью о стальные провода телефонной линии и камнем падает... в наши сани. Было и смешно, и жалко, и просто удивительно! Глухарь весил, пожалуй, в полпуда. «Ну вот, – сказала мать, – в воскресенье можешь отдохнуть так, как тебе захочется». Выгрузив товар, закрыли магазин, а дома всей семьей хохотали над историей с глухарем, радуясь подарку природы.

В природе, в жизни людей, животных и растений настолько все взаимосвязано, что порою трудно понять происходящее. В наступившее воскресенье я решил вместе со своими сверстниками покататься на лыжах с гор, сейчас это называют скоростным спуском. Для этого «спорта» у нас была приспособлена специальная трасса: мы поднимались на самую вершину горы, у подножия которой примостилась наша деревня, и катились почти вертикально вниз 400-500 метров, объезжая притулившуюся на окраине баньку, затем плавно спускались в овраг и по его дну катились до самой реки. Длина трассы была более версты. Мы получали море удовольствия от скорости спуска, встречного ветра и собственной смелости; снова и снова поднимались вверх, пока не иссякали силы.

В то утро, поднявшись, я почему-то вспомнил о погибшем глухаре, царе всей таежной дичи, и мне захотелось полетать. Для этого я решил использовать баню в качестве трамплина (со стороны горы она была полностью запорошена снегом), чтобы после спуска пролететь 30-40 метров и приземлиться на дно оврага. Стремительный спуск, ветер в лицо, «пролетает» под ногами крыша бани и, не долетев положенных тридцати метров, падаю как мешок на ближний скат оврага. Ничего не вижу, ничего не слышу – чувствую сильную боль в ногах. Через 10-15 минут мальчишки откопали меня и повезли на своих плечах домой. Оказалось, обе лыжи, нырнув в сугроб, поломались, нога оказалась вывихнута, а сам я приходил в себя еще пару суток. Ошибка моя состояла в том, что я, как тот глухарь, не увидевший нависших над дорогой проводов, не сумел разглядеть, что крыша бани наклонена не в сторону оврага, а в сторону горы, и на ней накопилось столько снега, что при спуске я сразу нырнул в него.

Вот так и в армии: без тщательной разведки нельзя совершать марш, нельзя наступать, обороняться. Не зная броду, не суйся в воду, а еще лучше, принимая решение, нужно научиться предвидеть возможные его последствия.

...Вскоре в магазине у мачехи появились ценники, и я их внимательно просмотрел. Это были три книжечки, где по поясам расписывались цены на продовольственные, галантерейные и промышленные товары. К примеру, 1 кг пшеничного хлеба в первом поясе (Ставрополье, Краснодар, Украина, Белоруссия, Черноземье) стоил 3 рубля 80 копеек; во втором (Урал, Северо-Запад) – 4 рубля 20 копеек, в третьем поясе (остальная территория) – 4 рубля 60 коп. Фактически розничные цены на товары были максимально приближены к их себестоимости с учетом стоимости сырья, транспортных издержек, размещения производительных сил, а также затрат на организацию торговли. Это позволяло правительству при нарастающем росте производства ежегодно снижать цены на 25-30 процентов. Как мы радовались этому! Кстати, осенью 1948 года хлеб стоил на 1 рубль дешевле по сравнению с 1947 годом. Знают ли наши молодые люди, что уже к концу 1948 года уровень промышленного производства в СССР превысил довоенный уровень 1940 года? Страна, где практически уничтожена треть экономики, была восстановлена за три года! В городах и поселках восстановлено и построено только жилых домов общей площадью свыше 100

миллионов кв.метров, а в сельских местностях – 2 миллиона 700 тысяч жилых домов. В военных условиях построены Алтайский, Владимирский и Липецкий тракторные заводы, за два года восстановлены Сталинградский и Харьковский, а во время четвертой пятилетки (к 1950 году) построен Минский тракторный завод. В 1945-50 годах эти заводы дали стране более полумиллиона тракторов.

В нашем магазине кроме перечня количества товаров, разрешенных к продаже в одни руки, был вывешен и утвержденный правительством минимальный перечень товаров, который должен быть в магазине в любое время дня и ночи. Неимение хотя бы одного из почти 50 наименований влекло для завмага серьезные последствия, и это – в маленькой деревушке. В сельмаге подобный перечень был уже в 1,5 раза больше. Сейчас же, в условиях капитализма, когда цены устанавливаются в соответствии со спросом, четко выявляется, что получение сверхприбыли – главная забота, а дисбаланс цен – норма жизни так называемых предпринимателей, а на советском языке – спекулянтов. Действительно, обычная жевательная резинка «Стиморол» или бутылка подслащенной воды стоят дороже, чем килограмм хлеба или сахара. Причем, как доказали наши ученые, употребление этой «жвачки» кроме вреда здоровью детей никакой пользы не приносит. Но какие родители не уступят желаниям детей?

...С прибытием отца с фронта многое в нашей жизни изменилось в лучшую сторону. Однако семья росла, и нужда не покидала нас. Отец помимо заведования школой был избран секретарем парторганизации (разумеется, на общественных началах), и обычно после школы, а летом – с утра до вечера, работал в колхозе, чтобы кормить и одевать семью. К 1952 году нас, детей, было уже восемь человек.

Начальную школу я окончил на «отлично», сдав четыре экзамена. Учебу в пятых-седьмых классах продолжил в селе Серёгово, находящемся в пяти верстах от деревни. В семь часов утра я пил свою кружку молока с куском хлеба; этого было достаточно, чтобы высидеть уроки, но из школы плелись из последних сил. В сильные морозы мы оставались в селе: школа занимала несколько комнат у местных жителей, и нам давали лишь место. В такие дни мы питались, кто чем располагал. В селе была чайная, где можно было недорого купить стакан сладкого чая, к которому давали довесок хлеба. Сколько стаканов чая, столько и хлеба. Стоила такая порция 10 копеек. Морозы были настоя-

щей пыткой, зато возвращаясь домой, всегда ждал сытный горячий ужин. Самым вкусным блюдом у северян являются мясные щи из баранины, которые тушатся весь день в печке в чугунной или керамической посуде. Содержимое чугунок таяло во рту, и жевать не надо было. На второе блюдо – жареный, тоже в печке, картофель со шкварками или в молоке.

Однажды, это было во время учебы в шестом классе, из-за сильных январских морозов мы остались на всю неделю у одной старушки в Серёгове. С вечера у меня поднялась высокая температура, всю ночь мучил понос, на теле появилась густая красноватая сыпь. В сельской амбулатории при больнице принимал единственный фельдшер на весь сельсовет – Михаил Иванович Дьяконов. Измерив мне температуру, поставил диагноз «корь» и дал таблетку аспирина. Конечно, он помнил, когда в ночь с 7 на 8 ноября 1942 года я приехал за ним на лошади и увез в деревню Кошки помочь родить матери третьего брата Николая. Михаил Иванович пытался найти подводу, но – безуспешно. Пришлось отправляться домой в деревню пешком, а это шесть километров. С трудом я прошагал через все село, зашел погреться в последний на окраине дом. Хозяева оказались добрыми людьми, напоили горячим чаем, и я двинулся дальше. Мороз был жуткий! На мне не было никакого белья, так как я выбросил его еще ночью в туалете.

На безоблачном небе сияло яркое оранжевое солнце, а в моем теле – такой же жар с «обратным» знаком. Однако через версту, дойдя до леса, я почувствовал, что силы покидают меня. Решив передохнуть под огромной елью, запорошенной снегом сверху донизу, я устроился поудобнее – и тут же заснул крепким сном, «провалился». Наверное, так бы остался в «вечности», если бы не providение. Оказалось, что нашей соседке по дому тете Дуне во сне явилась ее подруга Глаша (моя покойная мать) и попросила с утра съездить в Серёгово за лекарствами от кори, хотя ее дети уже лежали в карантине. Тетя Дуня запрягла лошадку в сани и рысью полетела до самого села. В больнице Михаил Иванович спросил, встретила ли она меня по дороге. Получив отрицательный ответ и взяв необходимые медикаменты, тетя Дуня помчалась назад, в Кошки. Подъехав к лесу, в котором я так благополучно устроился, лошадь сама остановилась, и тетя Дуня заметила тропочку следов от валенок. Она нашла меня спящего, но еще дышащего, вынесла на руках, положила в сани и погнала дальше, думая лишь о том, чтобы довести живым до хутора

Кряж, что располагался между нашей деревней и Серёговым. Очнулся я на печке в доме моей двоюродной бабушки Александры Степановны, которая пыталась отогреть меня горячим чаем, козьим молоком, еще чем-то. Обе эти женщины спасли мне жизнь.

До сих пор удивляюсь: как я остался жив? Позже медики не обнаружили даже следов обморожения – снег оказался вместо одеяла.

К вечеру приехал отец, завернул меня в тулуп и отвез домой. Не помню и не знаю, чем нас лечили врачи и медсестры районной больницы, но через пару недель всех нас поставили на ноги. Правда, почти год я оставался почти глухим, и только благодаря матушке-природе через несколько лет слух вернулся, хотя и не полностью.

В то время, пока я учился в семилетке, после школы отец брал меня всюду с собой: валить и вырубать сучья, кряжевать и складывать лес, пахать и бороновать землю, сажать картофель и вывозить навоз на поля весной, косить «литовкой» траву и скирдовать сено, работать на сенокосилке и молотилке летом, выполнять плотницкие работы как для дома, так и в колхозе. Все это в будущем пригодилось. Моим же любимым хобби остались рыбалка и поход по грибы, ягоды: морошка, черника, голубика, брусника, клюква.

Большинство сверстников, в отличие от горожан, успешно окончив четыре класса начальной школы, заканчивали свое образование. В академии педагогических наук никто не пытался вскрыть глубинные причины, почему большинство деревенских детей вплоть до середины 60-70-х годов имели образование всего лишь 5-6 классов. (В 50-60-х годах основную массу солдат в армии составляли юноши с образованием 5-6 классов, сержантами назначали с семи-восьмилетним образованием.) Причину любого явления надо искать в социальных условиях. Конечно, это война: в нашей деревне, насчитывавшей 60 дворов, погибло около 60 мужчин и 15-20 человек пропало без вести. Поэтому почти все мальчишки и девчонки с 10-12 лет были вынуждены работать, чтобы позаботиться о младших сестрах и братьях. Кроме того, ежедневно ходить в школу 6-7 км только в одну сторону было тяжело, и такая прогулка не оставляла сил на уроки. Отец заставлял меня выполнять домашнее задание после ужина; и если я засыпал, будил в шесть часов утра и все равно принуждал сделать уроки.

Автобусов, как и грузовых машин, в селах еще не было; хорошо, что МТСы выделяли для пахоты колхозной земли тракторы. Так было везде. До сих пор удивляюсь, почему руководство колхоза не догадалось выделить обычную повозку (сани) для перевозки детей, ведь в колхозе было более семидесяти лошадей, а использовалось на работах около пятидесяти. Положение изменилось во второй половине 60-х – в начале 70-х годов. Например, шестеро моих братьев и сестер получили высшее образование; с тех пор в армию молодые люди шли уже со средним образованием.

После окончания неполной средней школы, то есть семи классов, я очень хотел пойти учиться на фельдшера в Сыктывкарское медучилище – мечтал стать врачом. Однако из-за состава семьи (10 человек) моей мечте не было суждено сбыться. В Серегово десятилетка еще не работала, и потому я оказался учащимся Устьвымского педучилища и горжусь этим. Каждое воскресенье тащил через тайгу (40 километров) в отцовском вещмешке свой провиант на неделю: картофель, кусок сала, кочан капусты, лук, иногда – соленую треску. На хлеб и сахар отец давал 25 рублей (ныне 2,5 рубля).

Мне повезло в жизни не только на учителей, но и превосходных друзей и товарищей, которые словом, делом и личным примером поддерживали, нередко выручали, если не считать случая с Юрием Кругляковым. Хорошими друзьями и даже шефами были два брата Николай и Сергей Обросовы, Николай Дьяконов и Коля Старцев; верным другом был Виталий Савельев. Отличными товарищами являлись Альберт Каракчиев, Леонид Огнев, В.Игошин, В.Поляков.

А каким очарованием, добром, высокой нравственностью обладали наши девочки Нина Дьяконова, Мария Полякова и Зинаида Немчинова из Серегово; сестры Галя и Зина Каракчиевы из Ляль, Валя и Нина из Ибов, Лиля Семукова и Нина Симакова. Лучшие наши отличницы, особо одаренные природой яркой внешностью, грацией, обаянием и умом – Тамара Амосова, Ия Балина, Надя Саражина, Вера Орлова. Это были настолько цельные натуры, настолько скромные, что я даже стеснялся заговаривать с ними на внеучебные темы. Осознание своего полунищего бытия и залатанная одежда заставляли держаться от них подальше. О любви в те годы я мечтал, лишь читая И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, А.Н. Толстого.

Основное время каникул проводил в деревне, работая в кол-

хозе. Мне всегда на сенокосе доверяли сенокосилку, запряженную парой лошадей. Работали от восхода до захода солнца.

Особенно нравилось работать на реке Кылтовка, впадающей в Вымь, — это в 8-10 км восточнее нашей деревни; там были прекрасные заливные луга колхоза «Серп и молот». Выезжали большим табором: девушки, вдовы, юноши, мужики, вернувшиеся ранеными после войны. Спали на траве, закрывались тоже душистыми травами, кушали обед, очень вкусно приготовленным тетей Дуней, моей спасительницей. Вечерами, если оставались силы, ходили на рыбалку, и тогда готовилась вкуснейшая уха из хариуса. Блесну для ловли делали из обычной светлой жести консервных банок в виде миниатюрных пропеллеров. Вода в Кылтовке была настолько чистой, что рыбу видно без труда, и несколько человек за час вылавливали ведро хариусов и плотвы.

Недалеко от наших покосов на берегу прозрачной и тихой речки размещался зажиточный и богатый колхоз района «Виль ордым» («Новое становище»), в котором трудились высланные переселенцы — бывшие кулаки. Мы общались с ними довольно часто, и ни одного случая репрессий, наказаний тюрьмой или зонной, расстрелов в их среде не было.

Кстати, всем крестьянам этого колхоза после войны было разрешено вернуться в родные края, поэтому к 1950 году колхоз перестал существовать. Сейчас там построены дачи жителей города Емва. Считаю, что И.В. Сталин ошибся, создавая колхозы из объединения бедняков: надо было из самых зажиточных, тех самых кулаков. Это и сейчас сделать не поздно, так как колхозы в той или иной форме воссоздать придется, если мы не хотим быть рабочим быдлом США. Я и сейчас считаю, что колхозы (но не совхозы, где господствует наемный труд) — самая лучшая форма ведения сельского хозяйства, если коренным образом исключить высокий уровень эксплуатации со стороны государства. Во Вьетнаме крестьяне семейного подряда (разновидность колхоза по родственному признаку) или кооператива половину полученной продукции обязаны продавать государству по его научно обоснованным ценам, остальную продукцию продавать самостоятельно по свободной цене. В результате с конца 80-х годов прошлого столетия по сегодняшний день (то есть за 15 лет) Вьетнам вышел на второе место в мире (после Китая) по экспорту риса, хотя до этого нередко завозил рис из соседних стран. Открою один секрет для тех, кто хочет похудеть: ешьте рис вместо хлеба из пшеницы, ржи, ячменя — и не будете полнеть.

Выгода – суть организации коллективного хозяйства, которое веками существовало у нас в форме сельскохозяйственной общины, или «мира» в Древней Руси. Даже после введения рабства, то есть крепостничества (законы 1597 года и Указ 1602 года) царем Борисом Годуновым (везет же России с царями – Борисами!) крестьянство обеспечивало хлебом не только своих господ, но и позволяло помещикам в ущерб крепостным торговать зерном за границей. Буржуазные «политологи», «демократические либералы» упорно внедряют в сознание народных масс тезисы о том, что Россия перед революцией 1917 года кормила хлебом всю Европу. Это такая же ложь, как и то, что премьер Столыпин, решивший якобы крестьянский вопрос – историческая фигура. Он пытался расслоением крестьянства и разгромом сельхозобщин получить дополнительную опору самодержавию, но потерпел фиаско. Из общин на хуторах вышло менее четверти крестьян. Помещичье землевладение оставалось. Положение крестьянства еще более ухудшилось, что привело к волнениям. В ходе столыпинской реакции были казнены и осуждены на каторгу десятки тысяч крестьян и рабочих. В народе «отец» реформ получил звание «вешателя». В итоге один из «символов» России был убит царской охраной.

Войну с Японией вызвал экономический кризис 1902-1903 годов, что показалось царю выходом из критического положения страны. А происходящее дальше – известно: тяжелейшее поражение и залечивание ран, первая русская революция, утопленная в крови на Дворцовой площади в Петрограде, на Пресне в Москве, в Баку, Риге, Перми, Екатеринбурге, Харькове, на броненосце «Потемкин», в сотнях других городов, разгон в 1907 году II Государственной думы. Николай II в народе получил звание «Кровавый», сейчас же он – святой.

Уместно напомнить, что в 1911 году разразился страшный голод, охвативший 30 миллионов крестьян. С тех лет крестьяне и начали поджигать помещичьи усадьбы, кулацкие хутора. Вот вам и герой – Столыпин. Большевиков в стране насчитывалось несколько тысяч. Расстрел мирной толпы рабочих на Ленских приисках 4 апреля 1912 года, когда по приказу царя было убито и ранено более 500 человек; вовлечение России в мировую «мясорубку» – первую мировую войну: снова голод, холод, окопные вши. О каком избытке зерна могла идти речь? О какой райской жизни до Октябрьской революции, совершенной народом, а не партией (но под ее руководством), идет речь?

Попытки либеральных демократов создать фермерство, то есть восстановить класс кулаков и помещиков, уже потерпели фиаско. Ссылаться на США смешно: американский фермер – тот же глава семейного кооператива, что «семейный подряд» во Вьетнаме, которому подчиняются все члены кооператива, родственники. Ферма в США – тот же колхоз, только оснащенный не без помощи государства современной техникой. (Поверьте, я был на ферме в США.)

В чем преимущества коллективных хозяйств? Первое – добровольный труд с целью создать необходимую продукцию для населения городов; для самообеспечения колхозников достаточно урожая с личного приусадебного участка. Второе – отсутствие рабства и чиновничества. В колхозе все равны, а правление и председатель избираются только на основе волеизъявления колхозников. (В конце 80-90-х годов в колхозе им. В.И. Ленина в станице Старопавловская Аполлонского района Ставрополя райком пытался пять раз сместить председателя колхоза, и ни разу этого сделать не удалось! Кстати, в этой станице выпекается самый вкусный хлеб в мире, это серьезно! Плохо, что редко выдвигались альтернативные кандидаты тем, которых рекомендовал райком. Но при развитии социалистической демократии это исправимо). Третье – совместный труд позволяет облегчить труд крестьян; это создает условия для приобретения средств механизации, автомашин, тракторов, комбайнов, что недоступно единоличникам. В результате высвобождается время для отдыха, лечения, рыбалки, охоты, спорта. Наконец, совместный труд освобождает от неизбежной нищеты миллионы многодетных семей, вдов, инвалидов, ветеранов труда, просто стариков.

При Сталине колхозы расцвели, людям жилось лучше и лучше, колхоз еще и сплавивал. Только благодаря колхозному строю наша страна сумела выстоять в борьбе с фашизмом. Развалил колхозы Н.С. Хрущев; это по его приказу пахотные земли, независимо от климатических условий, стали засеивать кукурузой. Помню, едем на учениях по Вологодской области, а вокруг на полях редкие кустики кукурузы высотой 15-20 см, и это в конце августа! Страна за несколько лет оказалась в тяжелейшем продовольственном положении. Отсюда – целина, которая, конечно, выручила от введения карточной системы.

При Хрущеве началось совершенно непродуманное укрупнение колхозов, что привело не только к резкому ограничению посевных площадей и сенокосных угодий в целом по стране, но

и к разорению деревень, а главное – к массовому оттоку сельской молодежи для работы в города. Это создало огромную массу излишней рабочей силы, что привело к резкому падению заработной рабочих в промышленности, на добыче и переработке полезных ископаемых, на транспорте. В результате стали расти розничные цены, которые до этого каждый год снижались при Сталине. Разгром колхозов привел к резкому снижению количества скота, чем был вызван огромный дефицит мяса. При Хрущеве были введены непосильные налоги и резко ограничены размеры личных приусадебных участков. Замена колхозов совхозами означала не что иное, как переход к наемному труду в сельском хозяйстве, к новой форме эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, но уже со стороны государства. Поэтому производительность труда в совхозах была низкой.

Последствия авантюрных, антинародных и волюнтаристских нововведений можно показать на примере моего родного колхоза, в котором в то время трудилось около 150 человек. У нас выращивали озимую рожь, ячмень, овес, горох, лен, картофель, капусту, огурцы в парниках. В колхозе были конюшни и 70 лошадей, коровники. В личном хозяйстве каждой семьи были корова, 10-20 овец, два-три поросенка, 15-20 кур, участок земли 50-80 соток, в зависимости от состава семьи. В деревне имелись двухэтажная школа, совмещенные детсад и ясли, клуб, магазин, склады, огромные парники, кузница, склады зерна и овощей, дизельная электростанция. У каждого мужика были обязательно ружье и лодка. В реке водились семга, нельма, щука, налим, окунь, плотва; в лесах – дичь, иногда охотились на медведя и лося. За каждой семьей негласно была прикреплена лошадь. В общем, до прихода к власти ярого троцкиста Н.Хрущева нам жилось весьма уютно и сытно. Замена колхозного строя совхозным стала бедой.

С началом «демократических» реформ совхоз распустили, и из желающих было создано открытое акционерное общество (ОАО), хотя никто из акционеров так и не получил ни одной акции. В итоге это ОАО, включающее весь район, производит животноводческой продукции (другой попросту нет) столько же, сколько давали два колхоза из тридцати имевшихся после войны. Таким образом, в результате «реформ» в целом районе, как и на всем Севере, был осуществлен переход к натуральному хозяйству.

Моя сестра Нина и ее муж Борис – сейчас одни из «моло-

дых» жителей деревни, ей 65 лет, а мужу 68 лет – были самыми зажиточными: держали две коровы, бычка, около 30 овец и двух десятков кур; у них был трактор, мотоцикл, несколько теплиц и парников. Эта пожилая пара обеспечивала продуктами семью дочери Ларисы и сына Анатолия; кроме того, продавали за полцены мясо, сметану, молоко. Поверьте, это изобилие стоило адского труда, и как результат – тяжелые болезни. К началу «реформ» Нина накопила на книжке, работая дояркой, а муж механизатором, свыше 30 тысяч рублей, на что можно было купить три «Волги». Через год «демократии» вместо них уже невозможно было приобрести велосипед. В разы сократилось производство зерна, молока, мяса. Страна потеряла продовольственную безопасность. Ныне около 70 % продуктов закупается за границей. Отсюда – небывалый и непрерывный рост цен.

На какие «шиши» один из наших премьеров стал миллиардером, а другого прозвали «Миша – два процента»? Многие задаются вопросом: откуда у наших олигархов и руководителей страны появился первоначальный капитал, который позволил им приобрести в личные руки нефтяные и газовые промыслы, авиацию, морской и речной торговый флот, тысячи санаториев, домов отдыха, пионерлагерей, фабрик, заводов – в общем и целом 90 процентов экономического потенциала страны, созданного трудом народа в годы мирного созидания? Есть и другой вопрос: куда делись наши денежные вклады в Сбербанке России? Именно эти вклады были заморожены, чтобы раздать их своим «демократическим» сторонникам в «верхах» государства, областей и крупных городов для получения беспроцентных кредитов, и на эти кредиты снова же по заниженным ими ценам приобрести в частную собственность богатства страны.

Но я верю – народ проснется. Может быть, появится новый лидер, новая политическая сила, и крестьянство, весь наш народ поднимутся с колен. Сумел же нынешний президент пусть немного, но заметно улучшить положение в стране.

...30 июня 1952 года состоялся выпускной вечер вместе с учителями, с хорошей выпивкой и танцами. Сначала я решил не ходить: прохудились ботинки, да и на брюках было полно заплат. Но отец позаботился: прислал оказией с кем-то из девчонок свои новые ботинки (правда, на два размера больше) и поношенные, но целые и выглаженные брюки.

После выпускного «бала» я получил направление на учительство в одну из самых глухих деревень вверх по Вычегде – Верх-

няя Вотча. Туда, как мне объяснили, надо было добираться сначала до Сыктывкара на машине, до Сторожевска – на пароходе, затем на катере, потом на лодке и, наконец, на лошадях. В пути – неделя. Сразу назначали заведующим школой. Говорили еще, что в Верхней и Нижней Вотче нужен был грамотный председатель колхоза. Но... не вышло.

На выпускном вечере кто-то мне сказал, что в школьном детдоме села освободилась должность старшего пионервожатого, причем срочно, хотя бы временно. Решив, что для работы учителем мне нужно заработать сначала на костюм, на другой день пошел к директору детдома. Это был пожилой, хмурый человек с седеющими волосами, на костюме – нашивки о ранениях на фронте и орденская планка наград на левой стороне груди. Изпод густых насупленных бровей на меня смотрели холодные, безразличные, глубоко посаженные темно-карие глаза. На желтоватом лице не было ни улыбки, ни сарказма – сама серьезность. Жил он с женой тут же, в детдоме, в комнате рядом с директорским кабинетом. Мне он задал только один вопрос:

- Так это вы хотите поработать у нас?
- Да, но только два месяца.
- Дети вон там, на улице, идите и работайте.

И я пошел работать. Увидев «сражение» на волейбольной площадке, подошел к ребятам, поздоровался и спросил:

- Можно и мне с вами поиграть?

Дети приняли меня за «новенького», и я начал играть в волейбол, которым очень увлекался еще в педучилище. Так началась трудовая деятельность комсомольца и дипломированного учителя начальной школы.

На следующий день меня пригласил бухгалтер Николай Христович; он хромотал от тяжелого ранения в ногу во время войны, но был приветливым и душевным человеком. Мы разговорились. Убедившись, что мои «подъемные» в сохранности, порекомендовал купить хороший шерстяной костюм фабрики «Большевичка» прямо на вещевом складе детдома; костюмы висели для выпускников, но имелись излишки. Завхоз Владимир Александрович Гребенюк, родом из Бобруйской области, высланный с семьей за сотрудничество с немцами в качестве старосты села, но не сделавший ни одной подлости для односельчан, подобрал для меня прекрасный темно-бежевый костюм – первый костюм в моей жизни. Заплатив 450 рублей и получив квитанцию, я переделался и из оборванца превратился в

довольно-таки симпатичного юношу. Радости не было предела. За плату мне предложили питаться вместе с воспитанниками, я сразу согласился и ни разу об этом не пожалел, потому что никогда еще не ел такой вкусной и сытной пищи. Через неделю мне предоставили из фонда детдома и отремонтировали отдельную комнату.

Через день директор Ягуаров (и фамилия подстать) представил на пионерской линейке нового старшего пионервожатого, то есть меня. Чуть позже я собрал Совет дружины, выслушал вопросы ребят, их пожелания; спросил, как кормят, одевают, есть ли жалобы, бьют или не бьют? Вначале – негласное молчание, но спустя время, убедившись, что я говорю с ними «на равных» (по возрасту так оно и было), стена молчания разрушилась. Жалоб я не услышал, вероятно, мне еще не совсем верили. На другой вечер я собрал председателей советов отрядов и звеньевых – было уже веселее. В эти же дни наметил план работы на месяц, который включал разнообразные мероприятия нравственного, эстетического, трудового, физического воспитания, пионерскую работу. Я пытался привести в систему проведение сборов (дружины, отрядов и их советов, звеньев), заседаний Детсовета с указанием конкретных вопросов, организовать работу, согласно пожеланиям пионеров, различных кружков: хорового, фото, футбольного, волейбольного, легкой атлетики, авто и просмотр кинофильмов, посещение экскурсий и различных спортивных состязаний. И самое главное: постепенно создавать музей Гражданской войны. Определенную часть моего плана составляли конкурсы, благодаря которым выделялись таланты. Самой талантливой из 400 воспитанников была Эльза Гардер, немка (дети немцев составляли примерно 75 процентов воспитанников), лет 15-17 (хотя истинный возраст никто не знал – его определяли при приеме в детдом доктора). Эльза – дитя войны, превосходно рисовала, сочиняла чудесные стихи (правда, уж очень серьезные и печальные), умела хорошо шить и вышивать. В первый год моей работы она поступила в педучилище.

На дворе шумело лето, и главной моей заботой стала организация работы пионерской дружины так, чтобы каждый ребенок был занят, не скучал и побыстрее забыл о своей сиротской доле. Ни у кого из воспитанников родителей, по нашим данным, в живых не было, заменой им стали воспитатели. Помню, только у Лидочки Овчинниковой в Айкино была жива и работала в райкоме комсомола родная сестра.

Но придумать название кружков – это одно, а реально организовать их работу – другое. Для развития кружковой работы не было мячей, сеток, секундомеров, фотоаппаратов, красок, карандашей, альбомов для рисования и многого другого. Неожиданно нам помог райком комсомола. Как-то на районной комсомольской конференции мне предложили выступить, и я высказал делегатам наши беды и все, что наболело на душе. В итоге, по решению бюро РК ВЛКСМ нашими шефами оказалась комсомольская организация железнодорожной станции Микунь (ныне – это город), и через две недели нам прислали десять велосипедов (раньше дети их в глаза не видели), спортивный инвентарь, несколько фотоаппаратов «Комсомолец», фотоматериалы. Через пару месяцев я был откомандирован на машине в Сыктывкар, где со склада Министерства просвещения по распоряжению заместителя министра Н.И. Козлова, которому я лично подал заявку, нам выделили около десятка детекторных приемников с наушниками, кипу художественных книг для создаваемой нами общественной библиотеки, тетради, альбомы, акварельные краски, кисти. Постепенно задуманное пришло в движение.

В моих действиях не было ничего особенного: все свое время – с шести утра до десяти вечера – я отдавал работе. Педагогическое наследие А.С. Макаренко, которое мы изучали в педучилище, и помощь руководства детдома имели, конечно, немаловажную роль.

В современных условиях в России, где сотни тысяч детей из-за нищенских условий жизни выброшены на улицы, в детские дома, приюты, опыт величайшего педагога Макаренко нужен педагогам как никогда, если, конечно, государство повернется лицом к детям.

С позиции сегодняшнего дня наш детдом можно оценить по высокой шкале: детей хорошо кормили, одевали, обучали, превосходно воспитывали. За год у нас не было ни одного случая воровства, драк, избиений, оскорблений. Самое главное заключалось в том, что воспитатели относились к детям как к своим, а иные и лучше. Одно было плохо: после окончания седьмого класса (неполное среднее образование) по разнарядке Министерства значительное количество детей посылали продолжать учебу в ремесленные училища и ФЗУ (фабрично-заводские училища). А может быть, это и неплохо? По крайней мере, каждый воспитанник гарантированно получал рабочую специальность, а кто желал – продолжал учиться. Например, Володя Слюсарчук стал

Заслуженным врачом РФ и сейчас проживает на Ленинском проспекте города Москвы; Рая Докучаева – профессором университета, доктором филологии; Женя Коданева и Эльза Гардер, Маша Давыдова – педагогом; Володя Вальтер – инженером; Эля Петряева, кажется, воплотила мечту стать артисткой, но в детдоме была самой талантливой спортсменкой. К сожалению, не знаю, как сложилась судьба остальных ребят, ведь я работал в детдоме всего один год.

Вроде можно завершать «детдомовскую тему», и почему-то вспомнилась телевизионная передача, посвященная судебному разбирательству в наши дни с одним подонком, устроившем (с позволения органов образования) свой «детдом», в котором насиловал девочек, а из мальчиков готовил преступную группу. Чтобы органам надзора выйти «сухим из воды», какой-то институт объявил этого маньяка невменяемым. Он бы и сейчас творил свое «черное дело», если бы две девочки не осмелились обратиться в суд.

Англичане говорят, что в каждом стаде найдется паршивая овца, русские упоминают о семье не без урода. Таким «уродом» в нашем детдоме оказался его директор Ягуаров. Имея, видимо, фронтальной сексуальный опыт, он, войдя в доверие якобы «отцовской» привязанностью к старшим девочкам, лишил их девственности и занимался прелюбодеянием прямо в своей квартире, рядом с директорским кабинетом. Одним словом, пустили козла в огород. И никто об этом не знал, ни одна девочка не пожаловалась воспитательницам. Разоблачила директора приехавшая к нему на постоянное жительство жена. Это было в первый месяц моей работы, Сталин был еще жив. Конечно, директор внезапно был арестован, затем после следствия состоялся суд и он был приговорен к расстрелу. Завуч детдома, Валентина Михайловна, и воспитатели, сотрудничая с угрозой, сумели сделать так, что остальные дети об этом так ничего и не узнали, тем более о фамилиях пострадавших. Даже я их не знал, лишь догадывался. Именно поэтому тем девочкам душевную травму удалось пережить более или менее спокойно.

В детских учреждениях для беспризорных надо быть очень и очень бдительным. О детях надо заботиться, и если так случится, что у них не станет будущего, нация исчезнет. Познав, что такое жить без родителей, всю свою жизнь я посвятил воспитанию и обучению детей. Ребята, призванные в армию в возрасте 18 лет, – те же дети. Офицеры, окончившие военное училище в

возрасте 20-22 лет, – те же дети, только они берут обязательство воспитывать и обучать детей помладше. Да здравствуют дети, внуки и правнуки!

5. Разочарование

...В военном училище учеба шла своим чередом, учился только на «отлично», к своему удивлению даже не было «четверок». Стойко перенес первое понижение в должности и числился по строевому расчету старшим стрелком с погонями младшего сержанта. После окончания второго курса был назначен (с повышением) командиром второго отделения с присвоением звания «сержант». К сожалению, из нашего отделения в начале учебного года были исключены два курсанта за неуспеваемость: Н.Старикович родом из Белоруссии и Басанов из Азербайджана. Курсанту Стариковичу на вид было 30-35 лет, багаж знаний был действительно низок, и ему трудно было осваивать программу училища. И в этом оказалась виновата война: его деревня сгорела вместе со всеми документами и, видимо, при призыве в армию в сельсовете выдали справку, какую он попросил.

Басанов – парень «горячих кровей», любил женщин и нередко ходил в самовольную отлучку. Самое интересное, что я ни разу не видел его уходящим в самоволку или прибывшим с нее, хотя и попадало от командира взвода. Я же вечерами сидел за учебниками или читал в библиотеке художественную литературу, а в выходные и праздничные дни уходил в увольнение в театр, кино, на концерты или просто погулять. Каково же было мое удивление, когда перед отъездом в войска Басанов подошел ко мне и начал утверждать, что я его «закладывал». Не то что «закладывать», за три года в канцелярию командира роты я заходил всего лишь раз, и то в связи с рапортом об отчислении из училища. Тем не менее, на душе остался неприятный осадок. Кто-то, все-таки, подставлял меня. Стычка с Басановым вызвала у меня негативное мнение об азербайджанцах. Но судьба всегда преподносит сюрпризы: через пару лет я поехал встречать новый год на Север, и там, у сестры Софьи (она – врач) познакомился с азербайджанцем Геной Габибовым, который вскоре стал моим зятем и показал себя очень порядочным человеком. Так сама жизнь преподнесла важный урок: нельзя по поступкам отдельных людей судить о целом народе.

Я долго размышлял, кто же на самом деле подставлял меня и «закладывал» своих же сослуживцев, и пришел к выводу, что это мог быть один из старшин рот. Только он ежедневно бывал у начальства. Я запомнил двоих: Петрухина и Хохлова. Они оба были воплощением тех персонажей, которые буквально упивались предоставленной им властью: так выслуживались перед командиром роты, что смотреть было тошно, меня же оба терпеть не могли за независимый характер и просто за то, что не находили оснований придираться ко мне. Но это лишь догадки.

В памяти остался один случай, произошедший 8 мая, в день моего рождения, когда мы были на последнем лагерном сборе у реки Кошта. Я был дежурным по роте, дневальный вызывает меня на линию. По генеральской линии шел начальник учебного отдела – высокий, плотный и тучноватый полковник Царапин. Я подошел к нему строевым шагом и доложил по форме, что рота на занятиях в поле, но не подал команду «Смирно!» Он, побагровев, вызвал командира роты и устроил мне и ротному натуральный разнос. Когда же я попытался оправдаться – «Для кого подавать команду «Смирно!», если рота на занятиях» – реакция начальника была мгновенной: за пререкания со старшим начальником – трое суток ареста.

После сдачи дежурства я спросил у майора Шелгунова, когда убыть на гауптвахту.

– Вы не спешите. Пойдете тогда, когда вам будет вручена записка об аресте.

Я так и не дождался этой записки, но урок для меня не остался бесследным: уставы можно растолковывать по-всякому, но старший будет всегда прав. В то же время этот случай показал, что среди офицерского состава есть люди, которые не подчиняются слепо любым капризам начальства и не боятся нести ответственность за принятое решение. Таким был наш майор Шелгунов. Эти его черты я впоследствии перенес в свой стереотип общения с подчиненными.

Передо мной – диплом об окончании военного училища по третьему разряду: одни «пятерки», «тройка» по огневой подготовке и «четверка» по физподготовке. И это при том, что я с детства владел любым типом стрелкового оружия, в училище – тем более. Как-то командир взвода устроил нам, сержантам, тренировку: расставил на поле около десяти разных мишеней на всю глубину войскового стрельбища.

Наступая пешим, с обнаружением любой из них, я немедлен-

но открывал огонь, и все мишени, появляющиеся и движущиеся, немедленно исчезали. Все мишени были поражены с расходом одного магазина патронов.

На госэкзамене по огневой подготовке при выполнении упражнений 1 бос (боевая одиночная стрельба) я поразил все появляющиеся цели и видел, как трассирующие пули «прошли» движущиеся три ростовые фигуры, размещенные за рекой. Каково же было мое удивление, когда, вернувшись в исходное положение, мне объявили, что ни одна движущаяся мишень не поражена. Это означало, что по огневой подготовке я получил «тройку» и буду выпущен по третьему разряду, также я лишился права выбора военного округа, где мне предстояло служить. Я лишь обратился к командиру взвода: «Товарищ старший лейтенант, этого не может быть, вы же видели, что все мишени поражены трассирующими пулями». Телицын пообещал разобраться. Мои друзья – Саша Попов и Юра Прокопчик – успокаивали, что, вероятно, до моей стрельбы трое курсантов могли не попасть в цель, и чтобы не было «двойки», мои пробоины отдали неудачникам, тем самым повысив кому-то разряд. «Двоек», действительно, во взводе не было, хотя бывали случаи, что отдельные курсанты на стрельбах не поражали цели.

Странно то, что ни командир взвода, ни командир роты, знавшие мои отличные показатели по стрельбе, не заступились и не потребовали пересдачи экзамена. Боялись «двоек» или раскрытия безобразного очковитирательства? Да и я, подавленный предательством моих же сослуживцев, молчал.

На экзамен по физической подготовке были вынесены преодоление полосы препятствий и гимнастика. Кросс, насколько помню, не проводился. Получив отличную оценку за преодоление двухсотметровой полосы препятствий, накануне экзамена по гимнастике пошел на спортплощадку. Без разминки поработал на перекладине, брусках и подошел к коню. Мне нравилось совершать прыжки через коня: короткий разбег, толчок, взлет, несравнимое чувство парения в воздухе, сальто и мягкое пружинистое приземление. Не знаю, что нашло на меня, но расстроенный «тройкой» по стрельбе я в этот раз оттолкнулся от деревянного мостика так сильно, что при полете не успел коснуться руками коня и угодил вытянутыми руками вперед сразу в яму с деревянными опилками. Острая боль в руках. Как оказалось, пальцы от удара о землю «приросли» на миг к тыльной стороне ладони. Вначале подумал «все – конец, калека, все пальцы пе-

реломал». Кто-то поднял с земли, помог добраться до медпункта лагеря, где я очнулся и увидел, что пальцы распухли. Дежурный врач, прощупав руки, сказал, что переломов нет, но очень сильно растянуты суставы, предложил взять справку об освобождении от экзамена из-за травмы. Это оттягивало мой выпуск еще на две-три недели, и я отказался. Утром с перебинтованной рукой пошел на экзамен. Превозмогая боль, еле-еле выполнил положенные упражнения на «тройку». Так общая оценка по физподготовке оказалась «четыре».

Досадно, ведь за три года я не получил ни одной «четверки», имея первый разряд по лыжам, второй – по легкой атлетике, третий – по гимнастике. Для всех выпуск был праздником, для меня – одним из самых крошечных событий в моей жизни: я был растерзан, раздавлен, чувствовал себя как побитая собака. И только Саша Попов сказал мне: «Брось, не горюй, пусть нас бьют, зато мы крепнем».

После экзаменов – переезд в пункт постоянной дислокации, тренировки и торжественное построение. Дипломы и лейтенантские погоны вручал лично командующий войсками Северного военного округа генерал-полковник А.П. Стученко, бывший в войну командиром полка, дивизии, корпуса. Вечером – торжественное собрание: выступление начальника училища, поздравления командующего, напутствия и пожелания. Здесь же мы узнали, что выпускники по первому разряду уезжают в отпуск через сутки, по второму разряду – через двое суток, а «недоучки», получившие третий разряд (вроде меня), – через трое суток. Причина – из-за напряженной работы штаба училища по оформлению документов. Мой земляк Коля Старцев уехал в нашу деревню через двое суток, он закончил училище по второму разряду – без «троек».

С тех пор я дал себе клятву: никогда не давать в обиду своих подчиненных, защищать и беречь их, «не щадя живота», заботиться как о своих близких. Клятву дал, чтобы впредь ни одному моему подчиненному не взбрели в голову те мысли о моих начальниках, какие появились у меня после госэкзаменов. В одном я был уверен, что стрелял лучше всех, и мои знания по всем остальным предметам были оценены на «отлично», а это было залогом к успехам в службе в войсках.

Если бы... Ныне, после сорока лет службы в Советской Армии, мне приятно осознавать, что смысл той клятвы я пронес через всю жизнь. Учитывая не совсем выдержанный характер, я

никогда ни разу никого не предал, ни разу не пожаловался вышестоящим начальникам на своих подчиненных и всегда защищал их честь. И мне всегда приятно встретиться с любым из многих тысяч офицеров-сослуживцев, потому что моя совесть чиста и для каждого из них в жизни я сделал что-то полезное и нужное. Мои солдаты были всегда сыты, прилично одеты и главное, научены воевать так, как надо.

6. Еще один взгляд на наше прошлое

Шел 1956 год. В феврале состоялся XX-й съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев в докладе «О культуре личности» с беспримерной ненавистью ворона бросился топтать имя уже мертвого, три года лежавшего в Мавзолее, И.В. Сталина. Только таким кощунственным способом, подлой клеветой Никита Хрущев попытался смыть с себя позор сдачи Украины гитлеровской армии и плена двух миллионов окруженных бойцов Красной Армии под Киевом и Харьковом. В то время он, первый секретарь ЦК КП Украины и член Политбюро ЦК ВКП(б), навязывал свою волю Главкому направления и командующим войсками фронтов. В ходе войны, где бы ни появлялся Н.С. Хрущев, всегда следовало поражение за поражением. Но И.В. Сталин был всегда дисциплинирован и законопослушен, строго выполнял устав ВКП(б), поэтому он не мог самостоятельно снять со всех должностей первого секретаря ЦК Украины и предать суду военного трибунала. Все грехи Хрущева Сталин принял на себя, за это Хрущев так «прославил» Сталина, что в этом ему не было равных.

30 июня 1941 года решением Президиума Верховного Совета, Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома учрежден Государственный Комитет обороны (ГКО) СССР, в котором была сосредоточена вся полнота власти в стране, государственное, военное и хозяйственное руководство. Членами ГКО были назначены И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель), К.Е. Ворошилов и Г.М. Маленков – ядро партии, люди, для которых превыше всего интересы народа и государства. Позднее в ГКО введены Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский и А.И. Микоян. Стратегическое руководство Вооруженными Силами в борьбе с врагом Комитет обороны осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования, в которую входили Г.К. Жуков, И.В. Сталин,

В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Н.Г. Кузнецов и Б.М. Шапошников. Как видим, Н.С. Хрущев не входил ни в один из высших органов руководства страной. Сталин всегда видел ограниченность взглядов и безграмотность Хрущева в вопросах стратегии и тактики партии и государства. Будучи до абсурда недалевидным и злопамятным человеком, в то же время властолюбивым и себялюбивым, Н.С. Хрущев не только оклеветал Сталина. В июне 1957 года, пользуясь предоставленной властью, он нанес непоправимый удар по партии, отстранив от руководства ее ядро, всех членов бывшего ГКО и Ставки ВГК, которые успешно справились не только с управлением партией, государством и Вооруженными Силами в годы войны, но и сумели в течение трех лет восстановить народное хозяйство, а позже – поднять жизненный уровень народных масс в несколько раз. Мало того, он разорвал партию на промышленные и сельскохозяйственные обкомы и райкомы, вдвое увеличив штатный партаппарат, разрушив тем самым единство управления партией и народным хозяйством.

Если «критикой» культа личности Хрущев расколол партию и общество на две части, то устранением большевистского ядра партии и страны – это В.М. Молотов, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, Г.К. Жуков – он обезглавил испытанное руководство СССР, тем самым сделав предательский шаг в подлой измене делу социализма. После избрания Никиты Хрущева первым секретарем ЦК в Москву потянулась «на повышение», в основном с Украины, длинная вереница бывших собутыльников нового «вождя», готовых голосовать за что угодно, лишь бы иметь в Кремле и на Старой площади теплое местечко. Так был создан механизм разгрома большевистского руководства партией. Не прошло и двух лет, как Хрущев «чихал» на свое же порождение: постановление «О культе личности», и в марте 1958 года сам себя назначил Главой правительства, став полновластным «царьком» всея Руси. Вот вам и оттепель! За «великое десятилетие» стал четырежды Героем!

Следующий удар Хрущев нанес по системе управления народным хозяйством страны, создав параллельно вместо конституционных органов управления и власти так называемые совнархозы, запутав окончательно экономические связи и плановость в руководстве. Этим актом чиновничий аппарат был увеличен в 2-3 раза, который хором запел «Ура!» Хрущеву, и пошло-поеха-

ло. Так появились местничество, приятельство, «славославие» высших начальников, коррупция; так был создан источник разрушения партии и государственной власти. Как по волшебной палочке, малограмотный и невоспитанный Никита стал самым талантливым и принципиальным вождем якобы народных масс, на самом деле оказался их злейшим врагом. И наконец почти непоправимый удар был нанесен колхозному строю – основе социалистического сельского хозяйства, о чем я писал в предыдущих главах.

Из истории мы знаем, что в ходе коллективизации было допущено немало ошибок. Начав с раскулачивания наиболее активных противников Советской власти – убийц активистов, поджигателей зерноскладов и коровников, отравителей колхозного стада лошадей и другой сволочи, – руководители на местах перенесли эту борьбу на все крепкие хозяйства и даже на середняков. Руководство партии уже через год остановило эту «вакханалию». И.В. Сталин в своем письме «Головокружение от успехов» резко поправил зарвавшихся «горе»-руководителей, и коллективизация в два-три года была в основном завершена.

Заваруха с насильным внедрением кукурузы как обязательной культуры в госхозах и разгром колхозов привели к тому, что в 1959-1961 годах валовой сбор зерна был намного ниже, чем в 1958 году, а население страны за эти годы увеличилось почти на 11 млн. человек (ежегодный прирост населения составлял более 3,5 миллионов человек). Внедрение кукурузы и сокращение посевных площадей зерна в деревне привело к катастрофическому дефициту кормов. Надеясь на чудо, претворяя в жизнь свои авантюры, Хрущев – человек крайне тщеславный и лишенный скромности в самооценке – вдруг в этих условиях решил «догнать и перегнать» Америку в производстве мяса на душу населения. В это время в любой деревне для крестьян в совхозах уже не было проблем с обеспечением мяса. У каждого имелась своя скотинушка, да и леса, реки, озера рядом, что тоже кормит любого неленивого. Но накормить население городов становилось серьезной проблемой. Вместо планомерного увеличения поголовья скота, которое уменьшилось в годы войны в два раза, и создания условий для подъема животноводства по всей стране стали резать скот: лошадей, коров, отары овец. Надо же «догнать» Америку! Чтобы перевыполнить план и заслужить награду у Хрущева часть руководителей областей (например, Рязанской) стали покупать скот для поставки на мясокомбинаты у со-

седей. Скот убывал, «догонял» Америку, не помогала и целина, а проблема накормить рабочий класс и интеллигенцию мясом и хлебом не исчезла. Кукуруза вопреки воле Хрущева ну никак не хотела расти потому только, что северная граница США проходит по широте южных границ СССР, ныне – РФ.

Помню, после очередных директив Никиты Кукурузника поздно вечером к отцу заглянул председатель колхоза Иван Васильевич Политов. Мать поставила на стол бутылку водки, закуску. (Это было во время моего отпуска по окончании училища.) Состоялся разговор, который изложу почти дословно.

И.В. Политов: Ну что, партторг, будем делать? Пришло указание «сверху»: приусадебные участки колхозников сократить до 15-20 соток в зависимости от состава семьи, а все личные сенокосные угодья ликвидировать в пользу колхоза. Каково твое мнение, Александр Степанович?

Отец: У меня вокруг дома 20 соток, этого хватает лишь на то, чтобы с трудом свою ораву накормить. Чем же скот будем кормить: корову, овец, поросенка? Без мяса в деревне не выжить.

И.В. Политов: И я о том же: все мы в одинаковом положении. Надо принимать решение.

Отец: Надо провести партсобрание, люди подскажут.

И.В. Политов: И что мы сами с тобой можем предложить.

Отец: У нас основной клин личных хозяйств – за оврагом до самого бора, в среднем по 25-30 соток на хозяйство, а вокруг домов – всего по 15-20 соток. Вот и думай.

И.В. Политов: Я тебя понял. Приедет проверка, пусть меряют вокруг домов, из-за 3-5 соток шума не будет, а землю за оврагом объявим колхозной.

Отец: Только надо будет всем посадить картошку, ликвидировать межи, предупредить, что это колхозное.

И.В. Политов: А если докопаются? И как быть с заготовкой сена?

Отец: Если докопаются, нас могут исключить из партии, но в тюрьму, думаю, не посадят: мы же не против народа идем. Что касается заготовки сена, в наших лесах достаточно заброшенных угодий, хватит всем. Пусть каждый использует тот участок, который принадлежал до создания колхоза. Найдем всем. Весной поможем сеном с Кылтовки, как заработок на трудовни, и оформим решением правления.

И.В. Политов: И откуда этот проклятый ирод свалился на

нашу голову? Только начали подниматься в гору – и на тебе: новые налоги, кукуруза, ныне – сокращение приусадебных участков.

Отец: Дураками, вроде нас с тобой, наша земля полна. А этот сидел тихо-мирно на Украине, земля там – чернозем, не то что наша глина или суглинок: воткнул весной палку в землю, осенью вырастет дерево. Вот он и добрался до короны. Ничего, переживем. С мертвыми всегда легче бороться, их можно критиковать, «поливать» грязью, пинать, вытаскивать из могилы, надеются, что ответа не будет. Но с живыми бороться труднее. Переживем как-нибудь и поживем еще...

Так были решены проблемы сокращения приусадебных участков в масштабе отдельного небольшого колхоза. Но этот случай, думаю, был одним из немногих исключений. Пострадали десятки миллионов людей.

Стадо страны убывало, мяса на прилавках городских магазинов не прибывало. Урожай зерна и овощей резко сократился несмотря на то, что пришло новое указание Н.Хрущева: кукурузу сеять только квадратно-гнездовым способом. Но и это не помогло: надо было выбираться из дерьма, куда завел страну Хрущев. И тут Никита Сергеевич нашел убедительную причину «имеющихся недостатков»: слишком много колхозов, и все они такие мелкие, такие мелкие... Надо объединяться! И началось. До сих пор многие считают, что укрупнение колхозов и постепенное превращение их в совхозы было прогрессивным шагом. Но по своим трагическим последствиям это оказалось главной составляющей задуманного Хрущевым плана разгрома – ликвидации колхозов. В нашем сельсовете шесть колхозов объединили в один. Все капиталы, накопленные за двадцать лет и предназначенные для закупки техники, строительства электролиний, дорог и недвижимости в колхозе, пошли под хвост какому-то дяде. МТС распустили, тракторы поделили между несколькими колхозами, разумеется, за деньги; налаженное производство, колхозная демократия, строительство жилищ для молодых семей и объектов соцкультбыта – все рухнуло. Вскоре, через пару лет ликвидировали и эти несколько колхозов, в районе создали два совхоза вместо бывших тридцати колхозов.

По площади наш район занимает территорию, равную Израилю, Кувейту, Словении. В Серёговском сельсовете было развернуто сначала одно отделение совхоза – животноводческое, а в нашей деревне – одна животноводческая бригада по выращива-

нию телят. Коров из деревни увезли, лошадей сдали на мясо. Перестали сеять рожь, ячмень, овес, горох, лен, коноплю, выращивать капусту и огурцы. Все поля в течение нескольких лет заросли травой и кустарниками. Молодежь и работоспособное взрослое население села потеряли работу и были вынуждены искать заработки в леспромпхозах, где были бараки и финские деревянные дома; на железной дороге, где для жилья приспособлены старые вагоны; на стройки в городах с обещанным жильем, где давали большие по тем временам деньги. Многим повезло – в Коми АССР началось строительство крупнейшего в Европе лесопромышленного комплекса и города Эжвы под Сыктывкаром, Княжпогостского завода ДВП.

Через 3-4 года таких «революционных», точнее – антиреволюционных, антисоветских перемен в деревнях и селах остались одни старики и инвалиды. В нашей деревне закрылись магазин, школа, санаторий, детсад, ясли, клуб, алкоголики разрушили церковь. Все это пошло на дрова. Вывод какой? Основы социалистической экономики в сельском хозяйстве были разгромлены Никитой Хрущевым, а восстанавливать придется нашим внукам и правнукам. И то, если молодежь поймет, что занятие спекуляцией приводит к всеобщему обнищанию, криминалу и, в конечном счете, к гибели нации. Единственно полезное дело «царь Никита» сделал для Украины – подарил Крым, за который пролито море русской крови за историю государства российского.

Никита Хрущев поколебал нашу веру в марксизм-ленинизм, разрушил основу социалистического сельского хозяйства – колхозы, оторвал от земли миллионы людей. Именно с воцарением Хрущева жизнь с каждым годом стала дорожать, так же как и в нынешние времена, а иногда становилась невыносимой. Дошло до того, что мы, военные, питались на Сахалине вместо обычного мяса – кониной, и то за счет массовых забоев монгольских лошадей. Последние свои удары Хрущев нанес по Советской Армии. Я хорошо помню сокращение Вооруженных Сил на 600 тысяч, затем на 1 млн. 200 тысяч человек без предварительной подготовки – казалось, поголовно, но весьма избирательно и в спешке. Не было даже продуманной директивы кого, как и на основе каких принципов увольнять офицеров. Сверху донизу в первую очередь увольняли неугодных подчиненных, но лучших из лучших офицеров, имевших фронтовой опыт – «цвет» армии. Не учитывались награды, заслуги, выслуга лет, имеет ли офи-

цер квартиру, деловые качества. Так, на основе наскоков двух своих замполитов Худократова и особенно Куркулева был уволен в 40 лет командир 303-го мотострелкового полка Герой Советского Союза, полковник Фрол Петрович Чабурин; это был отличный командир. К увольнению представил совершенно не знавший Чабурина только что ставший после окончания Академии Генерального штаба комдивом полковник Крутовец, дослужившийся до генерал-полковника. Командира зенитной батареи, капитана Кобылкина, фронтовика, одного из самых грамотных и уважаемых офицеров уволили за два года до получения пенсии. Многим офицерам до пенсии оставалось от одного до трех-пяти лет. Кадровики не считались ни с чем. Нам, молодым офицерам, предлагали идти на должности старших техников в Ракетные войска стратегического назначения, в военкоматы, пограничные войска.

Вот когда в немыслимых размерах расцвело в армии лизоблюдство, подхалимство, угодничество и многие из нынешних пороков. С устранением маршала Жукова с поста министра обороны был нанесен непоправимый удар по единоначалию и дисциплине в армии, потому что политработники получили право контроля, а точнее, слежки за своими командирами, на обсуждение их действий и приказов. Они могли за любые решительные меры «настрочить» такое, что любой командир мог быть уволен из армии в тот же час, или решением не парторганизации, а замполита отправлен на парткомиссию. Поскольку парткомиссия являлась окончательной инстанцией для армейских коммунистов, они, вопреки рекомендациям политработников, стали избирать туда наиболее принципиальных, смелых и авторитетных офицеров, в том числе командиров. Особенно постарался в устранении Г.К. Жукова от руководства Вооруженными Силами Начальник Главпура генерал-полковник А.С. Желтов и сослуживец Никиты Хрущева – генерал А.А. Епишев. Видимо, за личный вклад в дело развала армии им обоим в 1978 году присвоено звание Героя Советского Союза.

Как могло случиться, что в течение десяти лет в стране хозяйствовал невежественный самодур, нарушивший основы партийной жизни, дипломатической этики, организации политической, хозяйственной и культурной жизни страны? Следующее за ним поколение руководителей уже не думало о судьбах страны и народа: их помыслы были заполнены ростом собственной карьеры. Правда, были исключения, но в явном меньшин-

стве. Никита Хрущев за время «царствования» отбросил партию, страну и общество на десятилетия назад, остановил процесс развития социалистической и партийной демократии, отбросил благосостояние народа как минимум к 1948 году. В период его правления партия разделилась на две части: первую – руководство, оторвавшееся от народа и армии, и вторую – рядовых коммунистов на предприятиях, учреждениях, в здравоохранении и войсках. Отсюда – все наши беды.

Я не пытаюсь никого убеждать, агитировать – тем более. Вышеизложенные отступления – это мои, следовательно, субъективные выводы на основе практики жизни и службы. Никому не навязывая своего мнения, все же уверен в своей правоте, и могу доказать обилием дополнительных фактов и научных данных. Но, к сожалению, слишком мало отпущено времени...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ЗИГЗАГИ И СОБЫТИЯ

1. Занимаемой должности соответствует

Предание гласит, что гужевой поезд Екатерины Второй – при возвращении ее царского Величества из Вологодского Кремля в Москву – на тридцатой версте застрял в грязи так, что местные аборигены вынуждены были на своих плечах вынести карету царицы на сухое место. За такое святое действие государыня угостила мужиков медовухой и наказала им быть горожанами, а город отныне и во веки веков называть Грязовец. На самом деле это местечко впервые в истории упоминается с 1538 года – со времен Ивана Грозного.

Здесь нет реки, но есть ручей, который жена называет речкой Ржавкой; нет озер, но есть симпатичный пруд, облагороженный лиственным садом, танцплощадка, называемая парком; вокруг – леса, поля и болота. Имелся в городе авторемонтный завод за железной дорогой (думаю, что он был построен на базе развернутого ремонтно-восстановительного батальона Вологодской дивизии). Были маслозавод и железнодорожная станция. Как и положено, в советском городе действовали семилетняя и средняя школы, несколько детсадов и яслей, поликлиника, больница, типография, баня с номерами, Дом культуры, стадион, кинотеатр, действующая церковь у кладбища, почта, телеграф, электростанция, школа-интернат для слепых и глухонемых, педучилище, сельхозтехникум, райком партии и комсомола, райисполком. В годы войны в лучших зданиях учебных и лечебных заведений были развернуты военные госпитали, медперсонал которых вернул к жизни, в строй тысячи раненых бойцов. Работали в госпиталях в основном местные девушки и женщины, а школьники каждые субботу и воскресенье устраивали для раненых концерты художественной самодеятельности.

Город населяли трудящиеся предприятий и железнодорожной станции, учителя, медики, почтовые служащие, партийные

и советские работники, продавцы магазинов. Вдоль шоссе Москва-Вологда стояли двухэтажные, а в остальной части – преимущественно одноэтажные деревянные дома. Вдоль немногочисленных мощеных улиц были устроены деревянные тротуары, так что и в дождь, и в слякоть каждый житель с определенной осторожностью мог пройти в туфлях или в ботинках до самого центра и обратно. Центром считается расположенный в небольшом скверике между церковью и ЗАГСом памятник воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. На памятнике высечены фамилии и инициалы героев, погибших в годы войны с фашизмом. Среди них – имена родного деда наших сыновей и прадеда наших внуков Михаила Александровича Камкина и его племянника, сына брата Владимира, Георгия Владимировича Камкина. Дядю Володю я знал. Это был фронтовик, очень добрый и деликатный, гостеприимный человек, всегда находивший общую тему для разговора при встрече и жил почти рядом с домом, где я снимал комнату, – в ста метрах от КПП военного городка.

В целом городок был спокойный, тихий. Неизвестный, судьбой брошенный в этот город, утром или вечером шагая по улицам, мог заметить опрятно одетых, с наглаженными брюками и в хромовых сапогах, начищенных до блеска, в шерстяной гимнастерке с портупеей, молодых и постарше военных. Это были офицеры N-ского стрелкового полка Севской стрелковой дивизии. Направляясь на службу или возвращаясь с нее, они обращали на себя внимание прежде всего молодых особ женского пола. Честно и откровенно скажу: самые симпатичные и красивые девушки этого города чаще всего становились женами военнослужащих.

В этом городе и в этом полку началась моя служба в Советской Армии в должности командира отдельного разведывательного взвода.

Военный городок за деревянным забором выглядел очень прилично: двухэтажные деревянные казармы, здание штаба полка, солдатская столовая, клуб, КПП, караульное помещение, спортзал, парк боевых машин. Посередине городка размещался строевой плац, покрытый асфальтом, позади казарм – стадион с футбольным полем и беговыми дорожками, с волейбольными, баскетбольными площадками и двумя полосами препятствий. За парком боевых машин размещались склады полка.

Командовал полком полковник А.Е. Андреев, бывший ко-

мандир партизанской бригады во время войны. Комполка был невысокого роста, но плотного телосложения, русоволосый, с ясными голубыми глазами, от взгляда которых веяло мудростью и спокойствием: в общении с ним становилось тепло и уютно. Полковник был скромен: о своих делах и подвигах никогда не рассказывал, хотя на кителе сверкали ордена и медали, в том числе ордена Ленина, Красного Знамени. Андреев никогда и ни на кого не повышал голос, но дисциплина и порядок в полку поддерживались в норме.

Вместе со мной прибыло еще пятеро выпускников нашего училища, в том числе и земляк Николай Старцев, поселившийся в ста метрах от меня и назначенный командиром взвода в первый батальон полка.

Мой взвод состоял из восемнадцати человек (три отделения по шесть разведчиков) и имел на вооружении три мотоцикла «Урал», три бронетранспортера БТР-40 с СГМ (станковый пулемет Горюнова образца 1943 года) и три автомашины ГАЗ-63. В военное время взвод развертывался в роту. Встретили в полку хорошо, сразу же разместили на частной квартире. Начальник разведки, бывший фронтовик майор И.А. Зубарев, уже на следующий день представил меня взводу. В тот же день я принял вооружение, технику и боеприпасы – имущество взвода. Моим предшественником был прекрасный офицер, умница, старший лейтенант Б.А. Полушкин, ставший заместителем начальника штаба полка, а чуть позже окончивший академию им. М.В. Фрунзе. Взвод выглядел весьма прилично по сравнению с пехотой, по крайней мере, вся техника и вооружение исправны и ухожены.

В течение недели вечерами я беседовал с каждым сержантом и солдатом, и выяснил немало интересного. Первое, что бросилось в глаза, – большинство ребят намного старше меня. Дело в том, что из восемнадцати человек – двенадцать ранее были осуждены за различные преступления и выпущены на свободу по амнистии в связи со смертью И.В. Сталина. Многие призваны из Ленинграда (Серков, Фомин, Антипов, Зубков и другие), сержанты Марущак и Левко – из Украины, рядовой Горидзе – из Грузии. Все были здоровы, проворны, умны, с юмором. Только вот с образованием выше восьми классов всего несколько человек. Чувствовался опыт жизни, переживание радости и огромных страданий, каждый имел несколько специальностей.

С личным составом взвода с самого начала сложились хоро-

шие служебные и человеческие отношения. Это произошло, думаю, из-за того, что я ни разу ни одному солдату не напоминал о его прошлом, всегда поощрял за любое усердие в службе, сам никогда не опаздывал и не приходил неподготовленным к какому-либо занятию, никогда не обманывал их и всегда держал свое слово. Правда, в начале службы были отдельные исключения. Так, однажды в субботу, прибыв на вечернюю поверку, обнаружил рядового Гогу Горидзе, вернувшегося из увольнения, вдрызг пьяным. Тут же выписал записку об аресте на 10 суток и отправил на гауптвахту. На другое утро, войдя в канцелярию взвода, получил звонок от начальника караула лейтенанта Антрощенко:

- Георгий, твой Горидзе сбежал с гауптвахты, ищи!
- Как это сбежал?
- Очень просто – через печку, еще и трубу поломал на крыше.
- Ладно, разберусь и позвоню.

Выхожу минута в минуту к утреннему осмотру и вижу, что мой дорогой Горидзе чистенький, наглаженный, стоит как ни в чем не бывало в строю. Спрашиваю:

- Почему сбежал?
- Мне там не нравилось.
- Но почему через печку, там же двери есть?

– Товарищ лейтенант, я же разведчик. Представил себя в плену, но ввиду того, что у дверей стоял вооруженный караульный, решил попробовать побег через трубу. Мне это удалось, и никто не заметил.

Обращается ко мне рядовой Антипов – рыженький, плотного телосложения, к тому же классный боксер:

– Товарищ лейтенант, он уже отсидел почти пять лет и ему действительно на гауптвахте неуютно: там кормят, охраняют, поят, не оскорбляют, не бьют – все это непривычно и скучно.

– И что вы предлагаете? Наградить его орденом или взорвать гауптвахту?

– Мы тут с ним поговорили до вашего прихода, и он дал слово, что больше не будет.

– С гауптвахты бегать?

– Нет, напиваться не будет. Просто ему вчера не те кореша попались. Вообще-то он хороший.

– Ладно, сержант Марущак, проводите осмотр.

И смех, и грех. Меня распирало от желания расхохотаться; я пошел в канцелярию и позвонил Антрощенко:

– Толя, сожги записку об аресте и вычеркни Горидзе из ведомости учета арестованных. Он – в казарме. Потом расскажу. Пока!

Вернулся к взводу и сказал следующее:

– Бойцы, говорю, что думаю. Я не намерен прощать вам ни одного серьезного нарушения дисциплины – ни пьянок, ни самоволок. Вы служите не мне, вы готовитесь в армии к защите своего Отечества, а служение в отдельном разведывательном взводе – это особое доверие. Мы будем заниматься только боевой и политической подготовкой. Поэтому, кому не нравится – скатертью дорога! Я сумею взамен таковым найти достойных звания разведчиков солдат. Поверю вам в первый раз, но во второй раз – печь на гауптвахте не поможет.

Через два дня после этого события арест Горидзе был отменен, и ему было объявлено три неувольнения.

И все-таки в ноябре произошел еще один случай. Прибыв внезапно (это я делал довольно часто) на вечернюю проверку, обнаружил, что в казарме нет рядового Замоволкина. Кто-то сказал, что он ушел к своему другу в третью роту, но там его не оказалось. Снова построил взвод. Время отбоя. Рядышком, из роты связи, слышался храп со свистом. Я обратился с трагической тирадой к своим бойцам: «Самовольщик идет в самоволку в трех случаях – или он влюблен и потому стесняется обратиться к командиру из-за ложного стыда; или он настолько распущен своими родителями, что ему приятнее побыть с проституткой, чем вместе с вами и он плюет на вас, считая себя супергероем. В этом случае он представляет для вас большую опасность, поскольку может стать опасным переносчиком гонореи, сифилиса и других венерических болезней и его надо будет срочно отправить на медосмотр. Или он нашел теплую компашку и пьет сейчас самогон или денатурат, чем подвергает свою жизнь опасности и опять же чихает на вас, потому что вместо сна и отдыха вы должны искать его, тратить энергию и нервы. Самовольная отлучка – преступное деяние, это нарушение закона и Устава. Во всех случаях он позорит наш взвод, который является лучшим в полку. С ним может случиться всякое – и нам в этом случае отвечать. Поэтому приказываю: первому отделению во главе с сержантом Левко взять повязки патрулей у дежурного по части и пройтись по всем известным вам «злачным» местам; второму отделению устроить две-три засады в «окнах» забора с западной стороны; третьему отделению – две засады на южной стороне.

Самосуда не устраивать, так как 10 суток ареста ему обеспечено (я пользовался правами командира роты). Сержанту Марущаку и рядовому Антипову зайти ко мне. Выполняйте».

Бойцы оделись и пошли на задание. Назавтра было спланировано тактическое занятие по теме: «Отделение в боевом разведывательном дозоре (БРД) при совершении марша в предвидении встречного боя». Марущак и Антипов должны были на определенных мною местах обозначить по карте действия «противника» «огнем» с фронта, с флангов, в ходе преодоления естественных преград и т.д. по маршруту выдвижения взвода. Занятие проходило «пешим по-машинному», а на технике аналогичное занятие проводилось в составе всего взвода. Отделение должно было действовать быстро и решительно по принятии командиром действующего в дозоре отделения и его командам. Проинструктировав, я отпустил их.

Наконец, около трех часов ночи замкомвзвода доложил, что Замоволкин был обнаружен первым отделением, но сбежал и пойман засадой недалеко от клуба части. Самовольщик был в подавленном состоянии: он никак не думал, что взвод будет его искать. Действительно, от него воняло «сивухой», и я не стал разбираться с выпившим. Дав взводу «отбой», сам пошел домой. В 6.30 поднял взвод по учебной тревоге, дал время позавтракать. В 7.10 утра объявил тему, цель занятия, довел требования боевого Устава по возможным вариантам действий дозора и дозорных при встрече с разведкой или подразделениями охраны «противника», выслал «противника» – и занятие началось. Практически это был марш-бросок взвода: отделения в боевом разведывательном дозоре двигались от одного пункта наблюдения до другого только бегом.

Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что занятие удалось: внезапные действия реального «противника» заставили дозорные отделения вести разведку не только наблюдением, но и активными действиями с выходом во фланг и тыл, перемещаться только по лесу, по тропам, параллельным шоссе. Периодически возникали перестрелки, и это заставляло весь взвод быть настороже. Примерно через каждые три часа одно отделение шло на смену другому, «потерявшему» часть личного состава. На высоте 203,0 в районе Ростилово (20 км в сторону Москвы) взвод был остановлен. Выдвигавшемуся «противнику» в сторону Грязовца удалось обмануть нашу разведку ложными действиями вдоль шоссе, и его авангард был обнаружен движущимся вдоль

железной дороги в 8-10 километрах от Грязовца. Таким образом, задача была изменена по направлению на 180°, и занятие закончилось с прибытием в ППД лишь к 18.00 часам.

В ходе этих занятий я убедился, что физически слабых солдат во взводе нет. Все были в поту, уставшие, но довольные. Неважно себя чувствовал лишь рядовой Замоволкин. При разборе занятия я напомнил ему, что это занятие было плановое. И марш общей протяженностью 45 км было бы вынести намного легче, если бы его самоволка не отняла четыре часа отдыха у личного состава.

Больше самоволок во взводе, пока я им командовал, не было. В ходе занятий по физической, строевой, огневой подготовке и другим предметам я убедился, что мне придется работать лишь над тем, чтобы уровень качества подготовки взвода поднять до отметки «отлично». По огню и вождению мною была поставлена задача: каждому разведчику овладеть всеми видами штатного оружия и боевой техники. По субботам, в парковый день, мы шли в свой парк боевых машин. Сначала в течение часа под руководством штатных водителей изучали устройство и технологические элементы обслуживания, а затем выполняли необходимую работу и очищали от грязи и пыли. Основным предметом для взвода была тактическая (она же специальная) подготовка. Вопросы тактики отделения и взвода в наступлении и обороне, наблюдение, маскировку проводили вблизи военного городка. Более сложные темы – действия в поиске, засаде, налете и другие – отработывали в так называемых зимних лагерях.

Выезжали на учебной технике в леса на 60-70 км от города и размещались в хвойных шалашах с «буржуйками». Занимались весь день и ночь от одного до двух недель на незнакомой местности. Многому нас научил начальник разведки майор Зубарев, имевший фронтовой опыт разведчика. Помню, в конце марта мы отработывали поиск по добыче «пленного» недалеко от лагеря. Между рощей и лесом была прогалина шириной в 600-700 м, которая разделяла «западных» и «восточных». Объектом для поиска на переднем крае «противника» являлся офицер – сам майор Зубарев. Готовились к поиску около полутора суток. В 2.00 следующей ночи он, устав от запуска осветительных ракет, присел в окопе вздремнуть. В это время ему был накинут мешок на голову группой захвата в составе Серкова, Антипова и Фомина. Оценка была «отличной».

Кстати, во время этого (второго по счету) зимнего полевого

выхода со мной приключилось небольшое происшествие. Должен признаться, что еще во время стажировки я познакомился на танцах с черноволосяй, черноглазой и курносой студенткой, которая, скажем так, мне весьма понравилась. Я даже написал после стажировки, но она не ответила; видимо, в Грязовце хватало холостых парней. Прибыв на постоянное место службы, я случайно встретил ее во время вождения боевых машин: она шагала по дороге в сторону Москвы. Мы ее «захватили», посадили в свой БТР и довезли до самой школы на реке Нурма, это примерно в тридцати километрах от города. Так я узнал, где она работала и жила.

Так вот, рассматривая после занятий в лагере карту, я увидел, что Нурма размещалась в каких-то 10-15 км от нас. Захотелось, естественно, навестить к своей знакомой. Спросив разрешения у начальника и не ожидая ужина, я встал на лыжи и пошел. Но не налегке: я взял с собой пистолет, фонарь, компас, карту с поднятым маршрутом, по которой и определил азимут движения. Если бы двигался по дороге, то это было бы 30-45 км. Снег был довольно глубоким, наста не было, и я пробегал между рыжими рощами по серо-голубым прогалинам, кое-где – по кабаньим тропам, ведущими к реке. Через час-полтора стемнело и приходилось все чаще заглядывать на компас, включать фонарик, но вскоре к темноте привык. И вдруг мне показалось, что рядом справа за кустами промелькнули силуэты волков, возможно и кабанов. Подумал, что у меня обычный естественный мандраж, и надо просто держать себя в руках. Вспомнил, что такие ощущения у меня были в юности, когда я шагал через тайгу из школы или педучилища: «Конечно, это обычные галлюцинации», – подумал я. На родине я волков ни разу так и не видел. Однако скоро я увидел несколько движущихся параллельно со мной неопределенной формы теней. На всякий случай, чтобы не попасть врасплох, достал пистолет и сделал пару выстрелов в их сторону. После этого тени исчезли, но я продолжал держать пистолет наготове, и только через четверть часа положил его в кобуру.

Незаметно по времени я подошел к реке. Вышел к Нурме в двух километрах выше по течению. Сверху, с крутого берега, река казалась покрыта снегом, и я потихонечку поехал вниз. Спуск был ровным, склон не крутой, и я плавно... нырнул в реку, естественно с лыжами – не удержал равновесия и плюнулся своими мощами в воду. Оказалось, тонкий лед давно рас-

таял, и воду сверху я просто не увидел. Слава богу, река в этом месте была неглубокой и я, побарахтавшись, встал на лыжи: вода была по грудь. Я быстренько вышел на берег и побежал к школе, но там моей Антонины Михайловны не оказалось, она уже успела переехать жить в деревню в одной версте от школы. Ее подруга Антонина Петровна проводила меня до дома моей девушки, прихватив с собой бутылочку спирта – так, на всякий случай.

Зайдя в дом и поздоровавшись, я успокоил их и взобрался на печку, чтобы раздеться, предусмотрительно отдал одежду посушить и стал ждать, когда все высохнет (и накроют скатерть-самобранку). И вдруг я увидел внизу, на скамейке, свою портупею с открытой кобурой. Сердце екнуло. Спустившись с печи, еще раз проверил кобуру, все карманы – пистолета не было.

Делать нечего: быстро оделся во что бог послал, выпил горячего чая и пошел по своим следам, пока их не запорошило снегом за ночь. Дошел до места моего «погружения», и вдруг появилась мысль, что когда я вкладывал пистолет в кобуру, возможно, я забыл ее застегнуть. И когда я перевернулся в воде, оружие могло просто-напросто выпасть. Решив не паниковать, я спокойно снял лыжи, включил фонарь и медленно вошел в воду чуть ниже того места, где принимал «приятный» холодный душ. Ведь на дворе был март, а это все-таки север. Вода в Нурме была настолько прозрачна, что как будто где-то недалеко растопили бриллиант, который, превратившись в бесцветную жидкость, не спеша «разливается» по дну реки, украшенному скатертью разноцветных блестящих камней. Рыбаки хорошо знают такое ощущение. Дойдя до середины реки по пояс (брр!, и сейчас это помню) и освещая дно, я увидел в полутора-двух метрах блестящий черный и даже красивый мой родной пистолет Макарова. Забравшись на полметра головой в воду, аккуратненько поднял его:

– Ну что, дружок, искупался, отдохнул и хватит, пошли домой!

Думаю, рядом был мой ангел-хранитель, который всегда выручал меня в сложных и опасных жизненных ситуациях, и до сих пор бережет... Пока...

Вернувшись бегом на лыжах к своей подружке, обнаружил накрытый стол и растопленную печь. Моя форменная одежда была высушена. Мы сели за стол. Хорошо посидели, очень хорошо!

К рассвету, когда еще мои бойцы, кроме часового, спали, я вернулся в лагерь как ни в чем не бывало и даже успел пару часов отдохнуть. Только на обратном пути реку Нурма перешел

через мост. Так, на всякий случай... Никаких изменений в состоянии здоровья не последовало. Что касается моей черноглазой подружки, «высушившей» меня, то вот уже многие десятилетия она живет рядом со мной в одном доме, и даже в одной квартире.

Дни службы в полку проносились с быстротой молнии. Кроме боевой подготовки, времени ни на что не оставалось. Этот фактор являлся важнейшим условием того, что никаких происшествий во взводе не было. Бывали на моих занятиях и представители разведотделения дивизии, и командир полка, но замечаний не было. В каждый выходной день взвод участвовал в различных состязаниях на равных с ротами (батареями), летом – в основном по легкой атлетике и стрельбе, зимой – на лыжах. Я не помню, чтобы наш взвод, даже в эстафетах, занимал ниже первого места, при этом личное участие командира было законом.

С хозяевами квартиры жил дружно. Тетя Дуся хорошо готовила, у них была своя корова, овцы, куры. В первый же месяц помылся в русской печке, и хотя попарился хорошо, но отсутствие свободы вынудило впредь ходить в городскую баню, где брал «номер» за 4 рубля. На Севере у каждой семьи была своя большая «черная» баня. В ней было особенно приятно зимой, когда после «хорошего пара» три-четыре раза искупаешься в снегу.

Службу в Грязовце вспоминаю всегда с большой теплотой.

Весной 1957 года пришел приказ: полк расформировать, личный состав откомандировать в другие части дивизии. Молодые офицеры, в основном командиры взводов, были распределены в различные части, часть осталась в штате полка; всех, кто был постарше, уволили в запас. В Грязовце оставался так называемый «полк кадра» с полным комплектом боевой техники, вооружения, материальных запасов и необходимым минимальным количеством офицеров для поддержания мобилизационной готовности к развертыванию.

Вооружение и имущество взвода я сдал за два-три дня, недостатки не было. С щемящей тоской отправил своих парней, ставших почти родными, в город Череповец.

Вскоре вызвали в штаб полка, дали ознакомиться с аттестацией. Вывод командира полка был таков: «Занимаемой должности вполне соответствует. Отличный строевик и физкультурник». Вручили предписание: через пять дней должен явиться для прохождения дальнейшей службы в мотострелковый полк нашей же дивизии в город... Череповец. Позже узнал, что наш коман-

дир полка полковник Андреев был уволен в запас, ему не было и 45 лет. Он получил квартиру в Вологде, где был назначен директором крупной обувной фабрики и со своими обязанностями справлялся отлично. Затем его след я потерял.

Интересно, что командир дивизии за год в полку ни разу не побывал, и я до сих пор не знаю, кто тогда командовал дивизией. Догадываюсь, но об этом позже.

С прибытием в полк я был назначен командиром третьего взвода третьей стрелковой роты. Представился командиру полка, его заместителям, командиру батальона подполковнику В.А. Серякову – фронтовику, солидному тяжеловесу, всегда уравновешенному голубоглазому вологжанину. (В будущем он станет командиром полка, а затем старшим преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе.) Заместителями комбата были замечательные офицеры – майор Лихин, мой старый знакомый, и майор Давыдов (в полку было два штата). Это были отличные офицеры – честные, знающие, умеющие. Затем представился командиру роты – капитану Волтунову, вечно всем недовольному офицеру. Кроме крика, шума, придираков по пустякам другой формы общения с подчиненными он не знал. На вид Волтунову было за сорок, он всегда был занят, всегда куда-то спешил.

Но самым неожиданным событием явилось то, что третьим стрелковым взводом оказался мой родной отдельный разведвзвод в полном составе! Взаимной радости не было предела.

Уже в следующую субботу произошла короткая стычка с командиром роты. Приходит ко мне старший сержант Г.Марущак и показывает подписанный мною ранее список увольняемых, в котором из девяти записанных желающих пятеро были вычеркнуты командиром роты. Я взял список и немедленно пошел к нему: «На каком основании отказано в увольнении моим пяти подчиненным?» Доводы оказались совершенно несуразными: «люди не изучены», «я не думаю о боеготовности»; «из всей роты я отпускаю за два дня 10-12 человек и потом целую неделю приходится разбираться с опоздавшими и напившимися в увольнении» и т.д. Комроты начал снова кричать на меня, при этом я узнал о себе, что «тупой как валенок», «распущен», «мое место не в армии, а на лесоповале» и т.д. Мой командирский голос был развит не хуже, но я не стал спорить и пошел к комбату. Ему доложил, что из взвода в среднем увольняется четверть солдат в субботу и воскресенье, взысканий у моих солдат нет, вести себя умеют, внешний вид лучше, чем в других взводах и я верю

в своих бойцов. Подполковник Серяков внимательно выслушал меня, спросил Волтунова, объявлял ли он кому-либо взыскание и спокойно написал в правом углу списка увольняемых «разрешаю» и дал указание ротному выписать увольнительные записки на всех. «Вот если его (то есть мои) бандюги натворят что-нибудь в городе или напьются, тогда и спросите с комвзвода по полной катушке, ясно?» Конечно же, и в это увольнение, и в последующие мои боицы ни разу не подвели ни себя, ни меня.

В целом обстановка в полку мне понравилась, массовых или грубых нарушений дисциплины не было. Правда, случилось одно происшествие, когда на войсковом стрельбище погиб оператор, который полез на «силовой» столб без изолирующих перчаток, а в это время кто-то включил ток. Говорили, что его товарищи вместо искусственного дыхания по незнанию зарыли упавшего со столба в землю по пояс, и он скончался.

Вскоре мне дали очередной отпуск. Сначала я заехал в Грязовец. Долго не сговариваясь, мы с Антониной Михайловной подали заявление в ЗАГС и вместе поехали в деревню, где объявили родителям о женитьбе. На следующий день собрали ближайших родственников и устроили свадебный вечер. Подарок нам вручили при отъезде – 1000 рублей. Эти деньги нам оченьгодились в Череповце, поскольку наше имущество было очень и очень скромным: две тарелки, две ложки, две вилки, две чайные чашки и кастрюля. Возвратившись в Грязовец, с друзьями зашли в ЗАГС, расписались, я заплатил за жену три рубля, распили бутылку шампанского, вторую разбили об угол здания – «на счастье». Последний раз я проходил мимо ЗАГСа спустя лет сорок, и удивился, что угол этого здания до сих пор цел. Хорошие мастера все-таки раньше строили каменные дома!

Через несколько дней с одним чемоданчиком одежды Антонины мы поехали в Череповец, где я снимал одну комнату в деревянном доме с общей кухней на три семьи. Хозяйка дома – буфетчица ресторана, и появлялась она только ночью. Однако сосед был буйным малым, особенно в подпитии, часто избивал жену, и каждый раз мне приходилось его останавливать, а однажды даже вытащить из петли: он по пьяни пытался повеситься на ручке входной двери. В трезвом состоянии он был вполне нормальным и приветливым человеком.

Чуть позже жене нашли работу учителя немецкого языка в вечерней средней школе, и это тоже было неплохо. Мне же работать было легко, так как мои ребята не подводили, и осенью мы

заняли по результатам боевой подготовки первое место среди взводов. Батальон же в полку был единственным (остальные – кадры, то есть без личного состава срочной службы).

Еще до итоговой проверки полк был выведен на полковые тактические учения. Наш взвод и взвод артбатарей полка были оставлены для несения караульной службы по охране и обороне военного городка. Службу в карауле несли, меняясь с артиллеристами, через сутки почти две недели. Все бы обошлось, но мои бойцы все-таки перестарались. Стараясь угодить, каждый раз на обед подавали всю неделю суп как можно пожирнее, а на второе – побольше соуса. (Начальник столовой оставил для нас побольше комбижира вместо сливочного и растительного масла.) Я ел, конечно, все подряд и с огромным удовольствием. Через пару недель сильно заболел желудок, и доктора признали гастрит в острой форме. Таблетки экстракта белладонны успокаивали на день-два, затем все повторялось.

Через полгода, в феврале 1958 года, меня вызывает доктор и говорит, что по его заказу поступила парная (на двоих) путевка в Тарховский военный санаторий, расположенный рядом с городом Сестрорецк. Кстати, санаторий размещался у озера Разлив под Ленинградом, а на противоположном берегу находился шалаш, где в 1917 году готовил социалистическую революцию В.И. Ленин. Мы каждый день с женой после грязевых процедур вставали на лыжи и доезжали до шалаша. После обеда – часовой отдых и катание на коньках (хороший был каток), после ужина играли в настольный теннис или шли в кинозал клуба. Кстати, среди медсестер была одна девушка, не помню имени, за время нашего пребывания ни разу не проиграла в теннис. Она могла стать чемпионкой мира без всякого сомнения. В то время настольный теннис еще не был так распространен, как позже, когда китайцы победили в этом виде спорта, прославив тем самым свою страну. Сейчас они уже догоняют США (наших – недавно) в негласной конкуренции в большинстве видов спортивных состязаний.

Мы подружились с молодой женщиной с Украины – Ириной Константиновной Сецко. Она была замечательным человеком, душевной и внешней красоты. «Пристала» она к нам только потому, чтобы отбить охоту дон-жуанов по покорению женских сердец. С той поры я поверил в существование верности и любви истинно русской женщины, величие которой доказали еще жены декабристов.

Лечили же меня сестрорецкими грязями, и с тех пор гастрит потерял меня.

В субботу и воскресенье, иногда и в рабочие дни, мы ездили изучать достопримечательности Ленинграда. Построил его, как все знают, Петр I, «великим» которого смело можно назвать по огромному множеству трупов крепостных крестьян Руси, на которых и стоит город.

О, бывший великим, особенно в годы Советской власти, могучий русский народ! Мне жаль тебя, когда на склоне лет последних вижу, как из-за нищеты тебя почти по миллиону человек сверх нормы отправляют на тот свет и при этом заявляют: «Никогда еще нашему народу не жилось так хорошо, как нынче!» К тому же сорок миллионов человек (пенсионеров и инвалидов), которые в знак протеста даже не идут голосовать, голодают, нищают, болеют, умирают без лечения. Ведь сейчас нет бесплатного лечения, а пенсионеры почти всю пенсию тратят на лекарства, которые при Советской власти стоили копейки и дефицита в них не было. Миллионы детишек остаются сиротами, бомжами, преступниками. Матери из-за нищеты бросают и продают детей, потому что кормить, одевать, обучать и воспитывать их не на что и некому! Вот что нам принес капитализм...

...Не зря мы пропадали в Эрмитаже, в бывшем Зимнем дворце царя и его челяди, «сосавшей» кровь из русского народа и ставшим музеем для народа после революции. Конечно, описать его и выразить восхищение не хватит слов ни одному поэту, а второго Пушкина в нашем Отечестве пока нет. Поэтапно мы прошагали весь Невский проспект и даже посидели в одном ресторане, побывали в Петропавловской крепости, у Исаакиевского и в Казанском соборе, на Марсовом поле. Четко высеченные на памятниках борцам революции эпитафии, написанные первым наркомом просвещения А.Луначарским, биотоки скорби и памяти павшим пронизывали сердце и душу... Посетили родственников жены, выживших в годы войны и проживавших на улице Зенитчиков вблизи Кировского завода. Приняли нас очень хорошо!

Этим эпизодом с пребыванием молодого лейтенанта в одном из лучших санаториев Вооруженных Сил я хотел показать не только заботу врачей, но и государства о своих защитниках. И не только. Мой отец был простым учителем начальной школы, но ему каждое лето выделяли путевку на юг или на Серёговский курорт республиканского значения.

2. Избран единогласно

Между тем, жизнь продолжалась, служба и стычки с капитаном Волтуновым – тоже. После октябрьских праздников меня вызвал комбат и предложил поработать в должности штатного секретаря комсомольской организации батальона. Скорее всего, я сделал тогда непоправимую ошибку в жизни, что согласился. Итак, в декабре я был единогласно избран секретарем. Меня удивило, что ни один из замполитов, ни секретарь комитета ВЛКСМ полка старший лейтенант Стуленков (кстати, неплохой был мужик) со мной не побеседовали. Только подполковник В.А. Серяков всегда находил время для меня, и один-два раза в неделю беседуя, умело направлял мою работу. Честно признаться, это непыльная должность, и особого напряжения в службе не было. Я был предоставлен самому себе, и только опыт работы в детдоме и военном училище помогли найти «нишу» в идеологической и культурно-массовой работе по воспитанию личного состава и поддержанию хорошей воинской дисциплины.

Основным методом стала индивидуальная работа, и прежде всего с комсомольским активом, с отдельными членами ВЛКСМ, вызывающими мой интерес по тем или иным причинам. Как-то комбат сказал мне, что надо предпринять неординарные шаги, чтобы изменить отношение личного состава к состоянию внутреннего порядка и чистоты в казармах. Собрали бюро, секретарей, посоветовались и решили ежедневно на каждом этаже вывешивать крупно написанные оценки состояния внутреннего порядка каждого подразделения. При этом оценки определяли назначенные нами солдаты из наиболее авторитетных, чистоплотных и порядочных. Это было для них комсомольским поручением. Дело быстро пошло в гору.

Много времени мы уделяли организации массовых спортивных состязаний в тесной взаимосвязи с начальником физподготовки полка капитаном Н.М. Швырковым. Считаю, что развитие массового и кружкового спорта в армии – важнейшее средство для поддержания хорошей воинской дисциплины. Результаты каждого кросса, стрельб, других состязаний через 2-3 часа уже были отмечены в стенгазете в ротах, батальонах. Важное место уделялось настроению солдат, поощрению и преданию гласности отличников учебы, отличившихся при несении караульной службы, победителей состязаний. Персональные дела практически не заводили – не было повода и причин. Важным

направлением стала организация культурно-массовой работы: экскурсии и художественная самодеятельность, культпоходы во Дворец культуры на различные концерты и в краеведческий музей, встречи с металлургами и строителями. И почти каждый день – индивидуальные беседы с рядовыми.

В то же время я вскоре убедился, что с этой должностью справится не то что штатный, а даже нештатный сержант срочной службы, мало-мальски эрудированный в политграмоте и имеющий не менее среднего образования. «Писаниной» планов, протоколов я занимался в одном кабинете с замкомбата по политчасти капитаном М.В. Комаровым. Однажды я поинтересовался: «Товарищ капитан, знаете ли вы, что я женат, мы ждем ребенка и живем на частной квартире? Вы не могли бы поговорить с полковым начальством о том, чтобы мне выделили квартиру?» Капитан пообещал. Жену все-таки пришлось отправить в Грязовец, чтобы она там была под присмотром матери.

Через пару месяцев мне выделили комнату площадью десять квадратных метров в двухкомнатной квартире двухэтажного кирпичного дома с печным отоплением, как раз напротив КПП военного училища. Соседом оказался выпускник нашего училища старший лейтенант П.Даньшин, жена которого тоже собиралась рожать. Кухня, туалет, умывальник были общими, ванной комнаты в квартире не было. Честно скажу, никакой радости от переезда в новое жилище я не ощутил.

24 июля получил телеграмму о том, что у меня родился сын Игорь. Радость была безмерной. Ура! Доложил начальству, разрешили неделю отпуска. В тот же день сел на первый попавшийся товарный поезд, прямо в тамбур, и в десять вечера был уже в Вологде. Чуть позже я уже ехал в товарняке, идущем на Москву, с уверенностью, что он обязательно остановится в Грязовце. Представьте мое удивление, когда он с огромной скоростью промчался мимо Грязовца! Я не то что побоялся выпрыгнуть, даже не успел сообразить, где это можно было бы сделать, не разбившись. И все-таки мне повезло: через несколько часов поезд остановился на станции Данилов. Была полночь. Подошел к дежурному по станции с просьбой посадить на любой поезд в обратную сторону: «сын-то ждет, небось!» Дежурный был молодцом: понял молодого папу и обещал помочь – попросить машиниста следующего поезда снизить скорость в Грязовце, чтобы я смог сойти с него или выпрыгнуть. Перекусив в станционной столовой, через некоторое время я уже ехал в тамбуре последнего вагона и к утру был

дома. Спустя несколько дней счастливый папаша нес своего сынишку-крошечку весом 3,6 кг и ростом 52 см рядом с мамой домой. Через пару недель все трое были уже в Череповце.

Антонине после декретного отпуска надо было идти работать. Решили тещу взять к себе, чтобы она ухаживала за ребенком. Но как четвером размещаться в десятиметровке? Пошел к комбату, он поговорил с командиром части, и к весне нам выделили шестнадцатиметровую комнату в трехкомнатной квартире с тремя хозяевами. Натуральная коммунальная квартира. Соседи рядом – рабочая семья с одним ребенком – были отличными ребятами. Второй сосед – майор, преподаватель в военном училище (оно к тому времени стало высшим военным училищем радиоэлектроники). Его жена не работала, считая себя аристократкой; у них росла дочь лет тринадцати, школьница. Каждый день жена преподавателя подчеркивала, что она майорша, что мы – никто, и пыталась нами командовать. В общем, она хотела, чтобы мы на кухне были мышками, а она – кошкой. Поэтому мы с соседом вынуждены были отвечать соответствующим образом. Жизнь в этой квартире напоминала суший ад. Через несколько месяцев в присутствии соседей я пригрозил майору, что если его жена не прекратит «бытовой террор», я буду вынужден принять меры защитного характера. Сосед высказал то же самое. После этого они более-менее утихомирились. Вот так и прожили почти год – вдесятером в квартире.

В сентябре 1958 года с полком проводились сложные и длительные тактические учения. Думаю, что они являлись частью дивизионного или даже корпусного командно-штабного учения (КШУ) с привлечением войск. В газетах писали о том, что НАТО собиралось провести крупные учения войск на территории Северной Норвегии с привлечением авиации и ВМС. Видимо, наши учения были символическим ответным шагом.

3. На Севере Крайнем

Однажды полк был поднят по учебной тревоге и выведен в район сосредоточения. Через сутки нас погрузили в пульманы воинского эшелона, и мы поехали на восток, через Вологду, прибыв в Котлас. В речном порту нас погрузили на суда типа «река-море», и мы пошли на Север. Сидя, лежа, стоя на палубе, в перерывах между учебными занятиями, все успевали полюбоваться

золотой осенью и весьма живописными берегами Северной Двины. Мимо нас проплывали села и деревеньки с огромными одно- и двухэтажными домами с небольшими окнами, с резными узорами наличников и обязательной баней невдалеке. Между деревьями нередко появлялись лесопункты с огромными штабелями бревен из вырубленных сосен, елей, лиственниц, березы и осины; кое-где в запанях кипела работа по формированию плотов. То слева, то справа простирались многочисленные заливные луга с аккуратными стогами или вовсе не скошенные. Часто луга переходили в болота. Иногда на одной стороне берег был высокий, в виде крутого яра, а на противоположном берегу открывались огромные просторы, похожие на сплошной зеленый ковер. Навстречу частенько пыхтели пароходы, буксиры, самоходные баржи, нередко и мы обгоняли крохотные катера, тащившие на буксире умело собранные и скрепленные огромные плоты со строевым лесом. Попадались и длинные «языки» почти белых и светло-желтых пляжей, но ни одного загорающего. Незабываемая картина «одевшейся» в золото природы отражалась в зеркале удивительно прозрачных и спокойных вод северной реки. Интересно, что цвет воды менялся в зависимости от ветра, фона местности и освещенности. Стояло роскошное «бабье лето», и солнце то лукаво выглядывало из-за белых облаков, чтобы облить теплом и светом всю землю, то пряталось в них, словно играя с нами. В лучах солнца вода становилась то голубой, то серо-зеленой, то золотистой; если ветер поднимал рябь, становилась серебристой. Позже, бороздя разные моря и океаны, я всегда пытался понять, отчего любое море могло быть в солнечный или пасмурный день не только синим или голубым, но и зеленым, серым или даже черным.

Пройдя Архангельск, в устье Двины нас пересадили на океанский лесовоз водоизмещением пять тысяч тонн. Было утро. Незаметно заштормило.

Видимо, в целях маскировки всех нас – солдат и младших офицеров – разместили в трюме. Скоро наступила морская качка. Многих тошнило, и запах был неприятный. Командование батальона разместилось, очевидно, в кают-компани, но меня никто туда не приглашал. В моем подчинении солдат не было, и я поднялся на палубу, пытаюсь сориентироваться по солнцу. Оказалось, что мы не стоим на месте, а движемся в составе ордера. Догадка была верной: мы будем действовать в качестве морского десанта. Вскоре впереди нашего судна появился довольно

большой по моим понятиям остров, который на языке моряков назывался «Мудьюг» (остров Мудьюгский). Впрочем, может быть, я и ошибался. Остров оказался чарующе привлекательным: виднелись пожелтевшие рощи, повсюду разбросаны различные строения и жилые здания со своеобразной, присущей только Северу, архитектурой; особенно шикарно смотрелась в центре селения высокая деревянная церковь. Я достал из полевой сумки блокнот, карандаш и попытался сделать наброски острова. Эти зарисовки я хранил десятки лет, пока не потерял во время службы в Приморье. Говорили, что получилось здорово, правдоподобно, хотя рисованием, кроме как в педучилище, никогда не занимался.

Оставив остров позади, мы повернули сначала на запад, затем на юг. Через три-четыре часа наш корабль подошел к берегу, и началась высадка. Из-за штормовой погоды попытки спустить трап не удалось. Кранов и шлюпок на судне не было, поэтому высадка десанта с полной экипировкой (с оружием и снаряжением) осуществлялась простым прыгиванием людей с высоты примерно 3-5 метров в воду. Жесткость приземления смягчалась, конечно, водой. Вначале глубина воды была не более метра. Солдаты прыгали в воду, достигнув дна, становились на ноги и шли вперед, на берег, но судно, по мере выгрузки, незаметно отходило от берега. Одним из последних с палубы прыгал пулеметчик первой роты рядовой Андриенко – до сих пор его фамилия осталась в памяти. Это был старательный, выдержанный и крепкий на вид юноша. Он прыгнул свечой и сразу скрылся под водой. Затем он вынырнул с пулеметом на спине, пытался руками выкарабкаться, но, видимо, не умел плавать и вновь скрылся под водой. Его голова еще пару раз появлялась над водой, а затем он скрылся совсем, а море продолжало волна за волной «набегать» на песчаный берег. Офицеры прыгали в воду, пытаясь зацепить Андриенко или найти его, но леденящий холод заставлял их шустрее выплывать и добираться до берега. Самое обидное, что невозможно было чем-то помочь. Я прыгал последним с разбега, сразу ушел ко дну, но не почувствовал его под ногами, выплыл и вплавь добрался до берега. До сих пор чувствую жуткое состояние, как леденящая вода касалась тела, и казалось, что кровь стынет в жилах.

Спустя многие годы я купался зимой в проруби, и удалось поплавать 7 апреля 1985 года в Балтийском море в семиградусной воде. И хоть бы что! Но Белое море было совсем другим.

Командование восприняло это происшествие как несчастный

случай. Были попытки выловить его баграми, даже рыболовной сетью, но все оказалось бесполезным. В 10-15 метрах от берега глубина моря достигала уже 10 метров.

Спустя 45 лет с того дня, наработав опыт руководства многочисленными учениями различного масштаба, могу определенно утверждать, что виновными в гибели солдата были руководители учения. Это они мобилизовали для учения совершенно неприспособленный к перевозке личного состава лесовоз, не имевший ни шлюпок, ни кранов, ни лестниц или других приспособлений, и вообще никаких средств высадки. Это они, руководители, не обеспечили безопасность, не организовали спасательную службу при высадке, нам даже не выдали спасательных жилетов; не были вызваны водолазы, не был найден при нас и погибший. Я не знаю, кто был руководителем учения, кто разрабатывал план и меры безопасности. Но знаю, что комдивом был полковник Подтемкин. Гибель солдата, конечно, была совершенно несуразной и неоправданной.

...Высадившись на берег, батальон развернулся в цепь и пошел в атаку на воображаемого противника, поскольку руководство не выставило вместо «противника» даже элементарного заслона, не было и мишеней. Подозвав меня, комбат поставил задачу:

– Мы скоро развернемся и будем наступать на восток вдоль побережья к Северодвинску. Твоя задача – следовать за боевыми порядками рот и не допустить отставания солдат. Сумей подбодрить и помочь любому, кто будет отставать, а если кто-то не сможет идти, тащи на себе. Люди мокрые, сейчас главное – не отдых, а движение; отвечаешь головой за каждого. Задачу понял?!

– Так точно.

– Действуй!

Наступали мы по болоту, более или менее сухому, только сами были мокрые и сохли в движении. Батальон, в котором насчитывалось без специальных подразделений более двухсот человек, был развернут на фронте примерно до полутора километров. Чтобы выполнить поставленную задачу, мне приходилось, кроме продвижения вперед, маневрировать вдоль фронта, чтобы заметить любого отстающего. Сначала все шло ровно, затем начали появляться отставшие: у кого-то начинало натирать ноги («Снимай, старина, сапоги, выжми портянки, аккуратненько заверни и вперед!»); у кого-то высохло во рту («На, выпей пять глотков, но не больше»); кому-то захотелось в туалет («Давай, дорогой, отдохни пару минут, но не больше!»).

После двух часов от меня уже валил пар, а одежда понемногу стала высыхать. Отстававшие все чаще стали жаловаться на усталость; появились жалобы на головную боль, на боль в животе. Уставшим популярно объяснял, что если кто-то отстанет хотя бы на пять минут, то может заснуть, затеряться и замерзнуть или заблудиться, и ждет его дорога на «тот свет». («Популярно» – это значит, что одних уговаривал, другим внушал, третьих успокаивал спокойными словами, а некоторых – матом, что греха таить.) Многих подбадривал, говорил, что в усталости заговорила его слабость, и на самом деле он боец сильный и уже через минуту почувствует это, когда пойдет догонять свой взвод. У кого заболела голова, давал таблетку пирамидона; у кого живот – экстракт белладонны; у кого понос – таблетку фталазола (те таблетки я всегда носил с собой – этому нас учил еще в училище на военно-медицинской подготовке доктор Драчинский).

Батальон свернулся в предбоевой порядок, идти всем стало легче, а затем пошли в одной колонне. Комбат поблагодарил меня, за что – не сказал. К вечеру вышли на дорогу и в пешей колонне пошли в направлении Северодвинска. Прибыли на пункт погрузки, в окрестностях города нас в первый раз накормили горячим ужином и вскоре погрузили в вагоны. Мы уже думали, что учения закончились и через сутки будем в Череповце, но... Проснувшись утром, в вагонных окнах увидели совершенно незнакомую и меняющуюся местность. Мелькали болота, низкорослые березы и кустарники, кое-где скалы, среди которых небольшие сосны и ели казались заблудившимися на фоне желтого покрывала земли. Казалось, и мы тоже заблудились. С самого начала учений нам было категорически запрещено сообщать по почте (тогда еще почта работала как часы) своим родственникам и друзьям названия населенных пунктов, включая железнодорожные станции и пристани. И только увидев станцию Кандалакша, мы наконец поняли, что едем на Север (наверное, собирать ягоды и знакомиться с тундрой). Нас тогда совершенно не волновали вопросы войны и мира, межгосударственных отношений. Мы были твердо уверены в неуязвимости нашей страны от кого бы то ни было, в том числе от НАТО, и верили нашей Советской Армии.

Вот почему мы с изумлением любовались открывшейся новой страницей природы, появились ощущения необъятности просторов нашей родины, восхищения ею. Солдаты и молодые офицеры были искренне довольны тем, что за одно учение столько

впечатлений. Со станции Кола наш эшелон повернул на северо-запад. Через какое-то время дорога пошла в гору, поезд резко замедлил движение, и многие из нас повыскакивали из вагонов, чтобы размять кости и немного пройтись пешком. После Западной Лицы нас выгрузили, покормили, и батальон в колоннах двинулся вперед. Наша минометная батарея тащила вьючным способом каждый из шести 82-миллиметровых минометов в разобранном виде: ствол, опорная плита, двунога-лафет, боезапас. Почему их заставили нести на себе, мне сначала было неясно, ведь были машины. На привале комбат, прибывший с КП полка, поставил задачу командирам рот занять оборону на восточных скатах высот, окаймлявших огромную зеленую долину, с перекрытием грунтовой дороги на Никель.

Оборону заняли в тех же окопах, где в 1941 году стояли насмерть воины соединений и частей 14-й армии, которой командовал очень скромный, неизвестный широкому кругу читателей, но один из самых выдающихся военачальников Великой Отечественной войны – генерал-лейтенант В.А. Фролов. Через два месяца после начала войны Фролов стал командующим войсками Карельского фронта. Именно войска его 14-й армии силами двух стрелковых дивизий и отдельной лыжной бригады в декабре 1941 года нанесли огромные потери егерям немецкого 19-го горно-стрелкового корпуса в долине, прилегающей к реке Западная Лица, которую сами немцы называли «долиной смерти». Маршал Советского Союза К.А. Мерецков в книге «На службе народу» писал: «Воины Севера (10-я и 14-я стрелковые дивизии) нанесли гитлеровцам громадные потери. Враг лишился десятка тысяч солдат и офицеров. Стоит посмотреть хотя бы на одно немецкое кладбище 19-го горно-стрелкового корпуса в Петсамо (Печенга): десять тысяч крестов, под каждым крестом – по несколько погибших, а над всем этим безмолвным «березовым лесом» высится колоссальный железный крест на гранитном постаменте».

Если бы вы знали, сколько же останков немецких солдат в одной только «долине смерти» не похоронено! Впрочем, и наших – тоже немало, но на порядок меньше. В этом я убедился, когда во время подготовки обороны мне однажды пришлось по указанию комбата пройти с десятков километров по северным скатам сопков, прилегающих к долине, чтобы проверить, не заходят ли наши солдаты в эти места – ведь они могли подорваться на минах. Груды костей, ржавого оружия, предметов снаря-

жения, бляхи ремней с гербом и свастикой, ордена (в основном кресты, медали) – все это лежало в открытых окопах нетронутым. Очевидно, немцы в этих окопах готовили большую засаду, чтобы расстрелять советские наступившие части, но, не дождав-шись, замерзли навеки или были поражены ударами нашей артиллерии и минометов. После я не раз задавался вопросом, тогда еще не зная, какое райское место на земле занимает Германия с ее прекрасным климатом, богатейшей флорой и фауной, множеством рек, ручьев и озер, буквально кишачих рыбой, лесеми, полными дичи и зверья: зачем они полезли на нашу землю, чтобы сделать нас своими рабами? Позарились на наши природные богатства? Около восьми миллионов немецких солдат и офицеров нашли смерть на нашей земле. Именно так, а не иначе! С одной стороны – и их жалко; с другой – за чем шли, то и получили. Мы вас звали? Нет!

Сегодня на Западе – настоящая эйфория: 1 апреля 2004 года сразу семь государств вступили в НАТО, в том числе страны Балтии, Болгария, Словакия, Словения, Румыния, ранее вступили Польша, Чехия, Венгрия. В первый же день натовские самолеты начали нас пугать полетами над Литвой. Поэтому думаю вот о чем: должны ли народы нести ответственность за преступные действия своих правительств? Чтобы снять ответственность с миллионов немцев за злодеяния по уничтожению и истреблению 26,5 миллионов советских людей в Великой Отечественной войне, из которых 18 миллионов были мирными гражданами, как указано у М.А. Гареева, буржуазные правительства стран Запада возложили всю ответственность на партийное, государственное и военное руководство фашистской Германии. А миллионы фашистов, уничтожавших наших людей, разве не виновны? А народы, которые поддерживают агрессию своих стран против миролюбивых народов, разве не виновны?

Существуют непознанные закономерности в развитии природы и общества. Например, Россия освободила Болгарию от турецкого ига в конце XIX века. Второй раз наша Советская Армия освободила Болгарию и ее народ в 1944 году – от фашистского рабства. В ответ – неблагодарность целого народа. Польше, странам Балтии была предоставлена советской властью независимость сразу после революции. Когда их сеймы в 1940 году почти единогласно голосовали о присоединении к СССР, в зале не было солдат с оружием и никто их не заставлял за это голосовать.

Советская власть «вытащила» страны Балтии из нищеты и хуторов с соломенной крышей; помогла построить города, заводы, фабрики, вернула им Вильнюсский край и Клайпеду. Литва превратилась в процветающую страну. 600 тысяч советских воинов погибло за освобождение Польши. Сотни тысяч – за освобождение Чехословакии, Словении, Румынии. В ответ – «черная» неблагодарность.

За десять лет господства капитализма положение в этих странах не стало лучше. Сейчас они «нырнули» под крыло НАТО, считая его гарантом свободы и независимости. На самом деле эти страны потеряли свою независимость навсегда и оказались под оккупацией сил НАТО: экономической, политической и полностью военной. Это наглядно видно на примере Югославии: развитое государство в короткие сроки раздроблено на карликовые, беззащитные княжества во главе со ставленниками США. Выражаю этим народам свои соболезнования.

Ясно как день, что НАТО было, есть и будет направлено против России. По логике оно было бы распущено за ненадобностью, или Россия была бы приглашена войти в НАТО. Иначе зачем натовцам оккупировать всю восточную Европу. Значит, блок НАТО готовится к войне против России. Есть ли сегодня гарантии, что на Западе не найдется очередной Гитлер или президент, который лишь из-за нефти оккупирует Ирак? Господа! Вы поставили свои народы, позарившись на «зеленые бумажки», под угрозу катастрофы, если США и НАТО решат вторгнуться в Россию. Да, это правда: в современных условиях НАТО через Польшу, страны Балтии теоретически в течение недели может захватить Калининград, Ленинград и Псков. Но эти города – еще не вся Россия. И как известно, она будет бороться до конца. Почитайте, господа, историю! Вспомните Бисмарка. Неужели вы думаете, что среди русского народа не возродятся Жуковы, Матросовы, Фрунзе, Кутузовы, Суворовы, Миныны и Пожарские, заодно и Курчатовы и Королевы?! Плохо вас учили истории в школе, господа, очень плохо!

В борьбе с терроризмом против шахидов авиация и танки, ракеты и подлодки – бесполезны. Только незрячий не видит, что так называемая борьба с террором – лишь прикрытие подготовки возможной очередной агрессии против новой жертвы.

Суть одной из непознанных закономерностей развития общества, общественных и межгосударственных отношений заключается в том, что «черная неблагодарность» или нанесенное зло

всегда оборачиваются еще большим злом против их творцов. Примеров – тысячи! Кстати, Норвегию наша армия тоже освобождала от фашистского порабощения, как благодарственный ответ – вступление в НАТО. Известно, что Норвегия была оккупирована фашистской Германией в апреле 1940 года. С июня 1941 года на границе с Норвегией и Финляндией готовилась к вторжению в пределы СССР не только маннергеймовская Финляндия, но и немецкая армия «Норвегия». Карельский же фронт оборонял полосу шириною до одной тысячи километров (самую широкую из всех фронтов) силами всего двух армий.

Военное искусство генерала В.А. Фролова заключалось в нижеисследующем.

Во-первых, он прекрасно изучил местность, определил наиболее вероятные направления, дороги и тропы, где мог пройти противник. Карельская и мурманская земли – это сплошное переплетение озер, болот, лесов, рек в сочетании с лишайниковым ковром на земле, часто украшенным снежным ягелем.

Во-вторых, он превосходно подготовил в инженерном отношении вторую полосу обороны, на которой сосредоточил основные силы и средства. Эта полоса так и осталась непреодолимой. (В первой полосе обороны основные усилия всегда сосредотачивались на второй или третьей позиции, то есть в глубине, при этом все войска были укрыты и замаскированы от воздушных ударов противника.)

В-третьих, Фролов никогда не распылял силы и средства по всему фронту, а сосредотачивал их только на доступных для немцев направлениях, перехватив все «узлы» дорог, лесных троп и проходы в болотах и межозерье. Так он сумел создать непреодолимую оборону в направлениях на Мурманск, Кандалакшу, Лоухи, Ухту, Медвежьегорск.

В течение трех лет генерал Фролов командовал Карельским фронтом, никогда не давая противнику покоя внезапными контратаками и налетами во фланг и в тыл в разных местах и в разное время, нанося огромные потери живой силе врага. Ни один другой полководец не командовал столь длительное время фронтом. Став в феврале 1944 года заместителем маршала К.А. Мерецкова, Валериан Александрович блестяще справился с разгромом гитлеровской армии «Норвегия» и освобождением Северной Норвегии от фашистской нечисти.

За умение управлять войсками в сражениях и бою В.А. Фролов не получил ни звания Героя, ни звания генерала армии, ни

ордена Победы. И никто не сказал ни одного слова Сталину в его пользу. Никто. Я написал о нем для того, чтобы люди помнили и знали талантливых, волевых, не битых немцами полководцев, которые умели выполнять поставленные задачи и беречь жизнь солдат.

Конечно, следует учесть, что обороне Карельского фронта способствовали героические и умелые действия Северного флота (командующий адмирал А.Г. Головкин) и Северного оборонительного района под командованием генерал-лейтенанта береговой службы С.И. Кабанова. Это они обеспечили оборону всего северного побережья страны и не допустили высадки крупных десантов врага. В свою очередь успешные действия Северного флота были бы невозможны без стабильной обороны войск Карельского фронта, не допустивших выхода соединений 19-го горно-стрелкового корпуса немцев в тыловые районы флота на суше. Да и сам Северный флот в то время был относительно слабым. К началу войны он состоял из 8 эсминцев, 15 подводных лодок, 116 самолетов. В ходе войны арсенал усиленно пополнялся: к ноябрю 1942 года было уже 318 боевых самолетов и увеличился состав флота.

...Между тем, в сентябрьские дни 1958 года солдаты нашего полка вгрызались в скальные породы, работая только лопатами и киркомотыгами, строя окопы, огневые позиции и наблюдательные пункты, укрытия, траншеи. Часто встречались останки, которые мы аккуратно складывали рядом, чтобы в конце учений положить их в отрытые окопы и закопать навечно, поставив деревянный крестик. Попадалось много ржавого стрелкового оружия, предметов снаряжения.

К вечеру на НП комбата прибыл командир полка. После проведенной с комбатом и командирами рот рекогносцировки по уточнению принятого решения, командир полка приказал мне выехать с ним на станцию, чтобы привести и укрыть в тылу батальона колонну автомашин. Пока ехали, командир вспомнил: к северу от нас неподалеку находится город Печенга, за ним – полуостров Рыбачий, «приставший» к Кольскому как медведь. На Рыбачьем командир прослужил целых семь лет командиром отдельного батальона. Туда он был переведен с должности порученца маршала Р.Я. Малиновского, бывшего тогда Главкомом войск Дальнего Востока. Однажды «хорошие» люди шепнули маршалу, что его порученец вроде бы подружился с симпатичной, молодой военврачом, лечившей шефа. За это Фрол

Петрович и был сослан на Рыбачий, чтобы служба не казалась медом.

Помню, примерно через год я оказался с несколькими старшими офицерами в курилке напротив штаба полка в одной компании с командиром. Прибегает начальник штаба подполковник Арденнов и передает телеграмму комкора с поздравлением по случаю присвоения командиру очередного воинского звания «полковник». Невольно на его глазах появились слезы и он, закрыв лицо ладонями, глухо промолвил: «Одиннадцать лет!» Да, чтобы получить звание полковника Герою Советского Союза, выпускнику академии имени М.В. Фрунзе Ф.П. Чабурина понадобилось одиннадцать лет.

Еще не раз придется сталкиваться с парадоксами кадровой политики в армии. Но так или иначе, утверждаю, что полковник Ф.П. Чабурин был не только отличным, требовательным командиром полка, но и Человеком. Это многим не нравилось, и в 1960 году его в расцвете сил уволили в запас. Когда представление на увольнение дошло до министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского, наш командир был вызван в Москву. Маршал предложил остаться служить в армии, но Фрол Петрович отказался – он никогда не принимал подачек.

...С задачей, поставленной командиром полка, я справился. Через 12 часов прибыл заместитель командира по технической части подполковник Малый и передал приказ вернуться в батальон. Через несколько дней динамики «боя» объявили отбой, мы сели в машины, доехали до станции, погрузились в эшелон и сразу заснули. Проснулись уже в Череповце.

4. Неисповедимы пути провидения

В октябре состоялось отчетно-выборное комсомольское собрание полка, и меня неожиданно избрали штатным секретарем комитета ВЛКСМ. Это была капитанская должность. С одной стороны, повышение – это хорошо, с другой – сомнения: зачем мне это надо? Работа, конечно, была самостоятельная, мое рабочее место оказалось в одном кабинете с секретарем парткома полка капитаном И.Н. Стоговым – бескомпромиссным, честным, отдававшим всего себя работе коммунистом и партийным вожаком. С самого начала у нас завязались прекрасные отношения, при этом советы он давал только тогда, когда я просил. Секрета-

рем комсомольской организации батальона избрали нашего фельдшера, молодого лейтенанта И.И. Красько. Это был высокий, красивый блондин. Я его зауважал не только за добросовестное отношение к делу и честный взгляд, но еще и потому, что он неожиданно для всех женился на парикмахерше – очень милой, доброй и симпатичной, с длинными светло-пшеничными косами и голубыми глазами девушке Клаве. Считалось, что парикмахерами работают чаще всего неспособные учиться, малограмотные или ущемленные здоровьем девчата. Иван Иванович был молодцом: чихал на глупые предрассудки недалеких умом людей, с ходу «пошел в атаку» и приобрел себе в жены прекрасное создание. Через полгода с небольшим он поступил учиться в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Надеюсь, он стал превосходным военврачом и счастлив в жизни.

Кроме организации и осуществления мероприятий идеологического и культурно-массового характера, развития спортивной работы на новой должности пришлось заниматься индивидуальной работой с младшими офицерами, состоявшими в ВЛКСМ. Зачастую неурядицы в службе являлись следствием неудовлетворительных социальных условий: отсутствие квартиры, невозможность найти работу для жен по специальности, крайне низкое денежное содержание. Хрущев, разваливая армию, как и «царь Борис II», сделал офицерский состав нищим. Так, командир взвода получал всего 1400 рублей (на руки – 1140), командир роты – 1600 рублей, комбат – 1800 рублей, при этом с узурпацией власти Хрущевым, вследствие его антинародной политики, цены как на промтовары, так и на питание росли. Инфляцию удалось остановить лишь Л.И. Брежневу. Тяжелые материальные условия были причиной распада немало числа семей офицеров. Кроме убеждения, что в будущем будет лучше, в вопросах конкретной помощи молодым офицерам со стороны политработников я натолкнулся на непреодолимую стену. В трудоустройстве жен молодых офицеров пытались помочь в горкоме комсомола (первый секретарь Б.Чирков), с которым мы нашли хорошее взаимопонимание, но в вопросах решения квартирных вопросов было глухо. Через комитет комсомола «Череповецметаллургстроя» я добился приема у секретаря парткома строительства и просил его выделить хотя бы 4-5 комнат. Около 20 молодых офицеров жили на частных квартирах. Но и этот номер не прошел. Наивен был. Все усилия оказались напрасными. Дело о моих «похождениях» дошло до командира полка, и

он, указав на бессмысленность моих поисков, сказал, что в следующем году недалеко от части будет построен 32-квартирный дом. Положение дел должно улучшиться.

Летом 1959 года вместо убитого на учебу в академию лейтенанта И.Красько секретарем комсомольской организации первого мотострелкового батальона по моему предложению был избран сержант срочной службы Е.Вербин – ленинградец, очень активный и бескомпромиссный по характеру юноша. Если бы он сумел получить высшее образование, Вербина ждало бы большое будущее. Но, к сожалению, чаще судьба играет с человеком, а не наоборот. Не знаю, кем он стал после службы, хотелось, чтобы он был счастлив. С его избранием комсомольская работа получила новый импульс: нам было интересно работать, мы находили удовлетворение всегда, если удавалось кому-то помочь, провести полезное для всех мероприятие. Конкретная работа шла на занятиях в поле, на стрельбище, спортплощадках, в парке боевых машин.

В октябре 1957 года Пленум ЦК КПСС принял известное постановление «Об улучшении партийно-политической работы в СА и ВМФ», согласно которому по инициативе Н.С. Хрущева был выведен из состава членов Политбюро и освобожден от должности министра обороны СССР маршал Советского Союза Г.К. Жуков – избавились еще от одного соратника Сталина. Этот безграмотный «марксист», захватив в неумелые руки всю власть в стране (и партийную, и государственную), все еще мстил Иосифу Сталину за свои провалы в войне и за сына. Известно, что сын Н.С. Хрущева был арестован в Киеве еще до войны за связь с бандитами, позже разжалован в рядовые и осужден за убийство (по пьяни) своего товарища, но был прощен Сталиным и направлен на фронт. В первый же боевой вылет, оказавшись в плену, пошел наговор с немцами. По приказу Сталина Леонида Хрущева выкрали у немцев и доставили в Москву. В результате, военным трибуналом МВО был приговорен к расстрелу. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) приговор был оставлен в силе.

Месть – это характерная черта параноиков, добивающихся личной власти через предание остракизму своих предшественников в отместку за нанесенные, якобы несправедливо, обиды. Кстати, сын Сталина, Яков, был убит немцами в концлагере, погиб героем.

Почти год в партийных организациях политработники клеймили Георгия Жукова и на этой «волне» всех настоящих коман-

диров. Хорошо помню, как второй замполит полка майор Куркулев на одном из партсобраний полка изгалялся с пеной у рта над командиром полка П.Ф. Чабуриным. Оказывается, командир не прислушивается к советам партполитаппарата, и до сих пор, как маршал И.С. Конев (именно его произвел Г.Жуков в маршалы, а ранее спас от позора за поражение на подступах к Москве), не осудил стремление Г.К. Жукова к бонапартизму. Комполка обвинили в том, что он редко выступает перед личным составом с разъяснениями решений партии, нарушает нормы партийной жизни, и ему, коммунисту Ф.П. Чабурину, надо сделать серьезные выводы. Для меня же, как и для многих коммунистов, вывод был один: Никита Хрущев решил положить конец ленинскому принципу управления в армии – единоначалию. В общем виде это выглядело так: командир не смеет вести самостоятельную деятельность, принимать решения, отдавать приказы без одобрения политработников. Но за все, что делается, отвечает командир, а политработники – ни за что! По сути, всякую военную, хозяйственную, научную и иную деятельность Хрущев накрыл политическим контролем.

В декабре 1958 года в Вологде собралась VI-я партконференция дивизии. Я был избран делегатом с совещательным голосом. Обсуждался вопрос «О ходе выполнения решений Октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС об улучшении ППР и очередных задачах партийных организаций». В докладе начальника политотдела то и дело мелькала фамилия полковника Чабурина и номер нашего полка. Выслушал я всю эту критику и написал записку в президиум с просьбой дать слово. Выступил; сказал, что в докладе НачПо дословно приведено выступление майора Куркулева на полковом партсобрании, и конкретных примеров нарушения норм партийной жизни в докладе нет и их нет на самом деле, обстановка в полку не хуже, чем у других. Боевая и политическая подготовка была оценена за год на «хорошо», без грубых нарушений воинской дисциплины, никто не осужден. Непонятно, кому выгодно чернить нашего командира полка, которым мы гордимся. После этого плохо о нашем полку не говорил никто. Наши офицеры меня поддержали, сказали, что я выступил правильно. Но майор Куркулев мое выступление не забыл.

На первую конференцию корпуса были избраны делегатами с решающим голосом комполка Ф.П. Чабуриным, подполковники Серяков, Родин, майор Худократов и я. Партконференция со-

стоялась в Архангельске, разместили нас в «Интуристе», а заседания проходили в Доме офицеров. Погода стояла пасмурная, точнее, нависала «полярная ночь», и город просматривался только при электрическом свете. Вытянувшись вдоль Северной Двины, он показался нам заграничным городом со своеобразной архитектурой невысоких зданий и, казалось, единственным проспектом Павлина Виноградова. Посреди проспекта пролегла трамвайная линия, и вечером казалось, что все жители города выходили кататься на коньках по блестящему льду на трамвайных путях и тротуарах под ярким светом старинных уличных фонарей.

В день приезда мы всей полковой делегацией пошли ужинать в ресторан. Это было мое первое в жизни посещение ресторана. Заказывал командир. На холодное – икра черная с маслом, язык отварной с овощным ассорти, на второе – рябчики с картофелем фри, на третье – кофе с мороженым, на всех – бутылка водки с последующей добавкой. Оркестр играл классику: полонез Огинского, серенаду Шуберта, лунную сонату Бетховена. Было очень уютно, вкусно и весело. Чабурин был великолепен в роли тамады и блистал завидным остроумием. Мой бывший комбат тоже дружил с юмором, и нам оставалось только поддакивать. Кроме нас, из военных в зале никого не было – они, видимо, ужинали в столовой Дома офицеров.

На проходившей конференции славили Никиту Хрущева и партию; выступавшие вновь и вновь говорили о необходимости укрепления руководящей роли партии в Вооруженных Силах. Я, конечно, не понимал еще, зачем ее надо укреплять, потому что практически весь офицерский состав состоял из коммунистов. Понял лишь спустя годы. Хрущев боялся повторения заговора военных, который случился во второй половине 30-х годов во главе с маршалом М.Н. Тухачевским. Организация заговора была признана большинством участников, и в первую очередь самим Тухачевским без всякого принуждения. Об этом говорят все факты и документы в архивах. Слепая ненависть к Сталину вдохновила Хрущева реабилитировать маршала Тухачевского и сравнить с землей Великого Маршала Победы.

На нашей конференции выступали, в основном, политработники, которые пугали командиров, критиковали их. Становилось ясным, что честью и совестью нашей эпохи в армии остались только политработники, даже не секретари парторганизаций. Как сумели они взять в свои руки контроль над партийными организациями армии в мирное время, вопреки Уставу КПСС?

Прямо поразительно! На душе остался весьма смутный осадок. Сохранение института политработников после войны как системы, безусловно, было крупнейшей ошибкой И.В. Сталина.

На следующий вечер я пошел вдоль трамвайного пути, прошел мимо стадиона «Водник», где гремели раскаты радости болельщиков за любимую команду «Водник» (по хоккею с мячом), и скоро добрался до Соломболы. В этом районе города находилась общежития мединститута, где учились девушки, можно сказать, одноклассницы; в этом же институте училась и моя сестра София. Я сразу же попал на студенческую вечеринку. Хорошо посидели, вспомнили юные годы, и моя бывшая когда-то любовь Клава Кочанова проводила меня до трамвая, а потом я ее до дома...

Конференция длилась два дня. Само участие в ней, знакомство с городом, в котором часто бывали царь Петр Алексеевич и великий Ломоносов, посещение ресторана, покупка настоящего миниавтомобиля с двигателем в виде педалей для моего сына и весьма приятная встреча с моими друзьями по юности остались навсегда светлым событием в моей жизни.

В конце января – начале февраля 1961 года состоялся XXI внеочередной съезд партии, на котором Н.Хрущев объявил о полной и окончательной победе социализма в СССР, страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества. Поэтому проверенные и налаженные механизмы планирования развития страны его уже не устраивали, и по его приказу был разработан семилетний план, согласно которому выпуск промышленной продукции должен был возрасти на 80 процентов, а сельского хозяйства – на 70, хотя в 1959 году сбор зерна был ниже, чем в 1958.

Этот волюнтаризм и нарушенный порядок планирования развития страны обошлись нашему обществу очень дорого. С тех пор, как и сейчас, планы составляются, раздаются обещания, но никто и никогда не проверяет, как они выполнены. По крайней мере, ни одно правительство в стране не подало в отставку за невыполнение своих обязательств.

...Мои комсомольские дела шли в гору: чем больше в работе с людьми набираешься опыта, тем лучше видны результаты. Но с горы легко и скатиться. Наша частная жизнь шла своим чередом. У нас появились друзья: лейтенант А.Альгин, его жена Фаина и Володя и Зоя Старцевы. С Володей мы были из одной деревни (его отец Алексей погиб на фронте). Благодаря матери,

Володя со своей будущей женой окончил Воркутинский горный техникум, и теперь оба работали на Череповецком металлургическом заводе. (Так они и проработали до выхода на пенсию: Володя – в должности начальника цеха, а Зоя – председателем профкома.) Ребята были интересные и очень талантливые: Володя отлично плясал (четыре года прослужил на Северном флоте), хорошо пел и играл на гитаре, обладая чувством юмора, он был человеком изумительной порядочности, честности и трудолюбия, к тому же имел природный дар талантливого художника. Зоя-Марина (так мы ее называли), отличалась гостеприимством, веселым нравом, ошеломляющим воображением и способностью к стихосложению. Почти все выходные и праздники мы проводили вместе, тактично соблюдая относительную очередность в выборе места встречи. Одно лето мы с семьями ездили даже на Север, где весь отпуск любовались природой. Но скоро наступил конец моим мечтам и иллюзиям.

В начале мая за один день состоялась дивизионная комсомольская конференция, на которой обсуждали вопросы улучшения работы организаций ВЛКСМ в свете требований XXI съезда КПСС. Нас было более тридцати делегатов, в основном, из состава комсомольского актива, несколько молодых офицеров, отличников боевой подготовки, присутствовал командир и его заместитель по политчасти. В Вологду ехали в разных вагонах: на обратный путь для солдат были куплены билеты в плацкартный вагон, для офицеров – в купейный. После окончания конференции и ужина мы поехали на обычном городском автобусе до железнодорожного вокзала. Я собрал солдат и объявил, что поезд отходит через полчаса и за 15 минут до отправления всем нужно быть у плацкартного вагона №3. В назначенное время все были в вагоне, и поскольку мест было достаточно, я остался с солдатами. Со мной в открытом купе остались сержант Вербин, секретарь первичной организации роты связи рядовой Соколовский и кто-то еще. Разговоры были недолги, все мы устали за сутки и вскоре заснули. Ранним утром нас разбудил голос кондуктора – мы были на подходе к Череповцу. И тут я заметил, что в купе нет рядового Соколовского. Не оказалось его и в вагоне. Прибыв на станцию, я построил и опросил всех солдат-делегатов, но Соколовского никто не видел. Подошел майор Худократов, заметив, что солдат мог отстать от поезда на промежуточной станции, и посоветовал обратиться в линейное отделение милиции. Отправив с Вербиным всех солдат трамваем, сам по-

шел в отделение милиции. Дежурный по селектору запросил информацию об отставшем солдате. Сначала были лишь отрицательные ответы, но через семь минут со станции Чобсара (полчаса езды до Череповца) сообщили: нашли ноги в солдатских сапогах, а затем и само тело. Ужас сковал меня, внутри будто все живое оборвалось, ноги превратились в тяжелые свинцовые колодки, кровь бросилась в лицо. Когда подтвердили фамилию погибшего, я еле-еле встал, поехал в полк и доложил обо всем командиру. Конечно, он пытался по-человечески успокоить меня, хотя и сам был расстроен не меньше, – ведь в полку командир отвечает за все и всех.

Худократов уже доложил по телефону о гибели солдата начальнику политотдела дивизии и что виновным считает меня – лейтенанта Александрова, поскольку «он был назначен старшим вагона». Какой еще старший вагона? У нас же был не воинский эшелон, и мой билет – в купейном вагоне. Кроме того, никто меня старшим вагона не назначал, просто я решил поехать в одном вагоне с солдатами, чтобы пообщаться. И потом, если говорить о старшем, то реально им был майор Худократов!

Приехав домой, я сказал жене, что у нас беда и вернусь очень поздно. В части мне сообщили, что получен приказ комдива полковника Подтемкина, в котором «за преступно-халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей» мне объявлено трое суток ареста с содержанием на гауптвахте. Я недоумевал: после происшествия прошло всего два с половиной часа, еще никто не разобрался, в чем причина гибели, даже военная прокуратура не приступила к дознанию, а виновник по докладу замполита и начальника политотдела, был найден и ему объявлен арест. Хорошо, что не расстрел! И это через сутки после комсомольской конференции, где нас учили строго соблюдать уставы, социалистическую законность, нормы коммунистической морали. К тому же, секретарь комсомольской организации, насчитывавшей около тысячи человек, был рекомендован на эту должность этими же политработниками, а за полгода стал преступником! Мало того, была дана команда секретарю партбюро привлечь меня к партийной ответственности. Секретарь партбюро И.Н. Стогов собрал партбюро, изложил свою оценку, единогласно было принято решение, что Александрова привлекать к партийной ответственности не за что. Меня даже не стали приглашать, настолько всем было ясно желание переложить вину за несчастный случай на другого.

Узнав о приказе комдива, я пошел в строевую часть за предписанием, однако в это время меня вызвал второй замполит полка (по второму штату) – майор М.И. Куркулев и сказал, что исполнение ареста откладывается, так как моя задача – организовать похороны погибшего в соответствии с Уставом. Позже я узнал, что организация похорон была возложена командиром на майора Куркулева. Попробуй не выполни приказ! Я возразил, что Соколовский не мой подчиненный, я не его начальник, а лишь секретарь организации, где погибший состоял добровольно и у него есть командир роты. Он ответил: «Мы так решили. Выполняйте!»

Пошел к командиру роты взять адрес родственников. Оказалось, солдат был женат второй раз, комроты охарактеризовал Соколовского только с положительной стороны. В версию замполита полка о том, что солдат был выпивший, командир не верил. Но если я вечером беседовал с ним на расстоянии полуметра и не заметил этого, о чем было говорить? Никто из тридцати делегатов не видел, чтобы он выпивал с кем-то. Кто это «видел», я так и не узнал. Прокуратура остановилась на единственной версии: проезжая станцию Чобсара, он вышел из купе в туалет, который оказался закрытым. Тогда он прошел в тамбур, открыл дверь (как нарочно, проводник не закрыл ее на ключ) и решил справить свою нужду. (Версия о том, что сам проводник мог быть хорошо выпившим и случайно толкнуть солдата, или кто-то другой толкнул его, даже не рассматривалась.) Однако на стыке рельсов, где осуществляется перевод стрелок, от сильного толчка его резко качнуло и он выпал под встречный проходящий товарный поезд. Это был очень редкий, тяжелый несчастный случай, и уголовное дело, ввиду отсутствия состава преступления с чьей-либо стороны, было закрыто.

Версии и приговоры определились позже, но в тот день я чувствовал себя виновным и искал причину своей вины. Выходило, что именно в нашем купе я один не должен был спать, а ждать, когда Соколовский на рассвете проснется, пойти с ним до туалета, разбудить проводника, который как нарочно уснул, заставить его открыть туалет, затем выйти в тамбур и закрыть на ключ его левую дверь. Таким образом, я обязан был выполнять в купе роль няни, а в вагоне – роль бригадира поезда. Позднее я встречал его родственников, размещал их, объяснял, что виновным в случившемся следует считать меня одного, и прокуратура возбудила уголовное дело; чтобы найти причины. Им,

родственникам, его жене, как и мне, от моих объяснений легче не стало.

Собрал пожертвования для жены, так как государство, к сожалению, выдавало только ничтожное пособие. Состоялись похороны, и в тот же день всех приезжавших посадил на поезд. Вечером следующего дня после похорон я взял записку об аресте и убыл в Вологду на гауптвахту (в то время я еще не изучил положение Устава по исполнению ареста). Позавтракав в столовой Дома офицеров, в 9 часов был на гауптвахте. В тот день мне исполнилось 25 лет. Неправда ли, трогательная забота обо мне со стороны моих непосредственных начальников-политработников? Начальники караулов обходились со мной очень деликатно и с уважением – слухом земля полнится. Они уже знали все про этот случай и вопросов не задавали, только сочувствовали. За трое суток «губы» я немного успокоился и многое передумал. В конечном счете, твердо решил, получив хотя бы двухкомнатную квартиру, уволиться в запас.

Когда я вернулся в полк, там уже работал помощник начальника политуправления округа по комсомолу майор А.Д. Лизичев, чтобы проверить работу комсомольской организации, признать ее на общем собрании неудовлетворительной и заменить меня более достойным секретарем.

Алексей Дмитриевич изучил все планы, протоколы собраний, побеседовал со всеми секретарями первичных организаций, с замполитами и командиром полка, секретарем партбюро, активистами. Кроме замполитов, заявивших, что я вспылчив и вина за гибель солдата лежит на мне, никто не охарактеризовал меня с отрицательной стороны: ни бывший комбат, ни командир полка, ни секретарь парткома. Но приказ ЧВС надо было выполнять, поэтому было назначено отчетно-выборное комсомольское собрание. За три дня я подготовил доклад и отчитался. Работу за полгода признали хорошей, что бывает редкостью в практике работы партийных и комсомольских организаций. При выборах нового комитета ВЛКСМ я вновь был включен в его состав, и против не было ни одного голоса, несмотря на призывы майора Куркулева не включать в список. Еще час длилось заседание комитета. Все члены были «за» мое переизбрание секретарем. Они отлично понимали: начальство, чтобы найти виновного в несчастном случае, в моем лице нашло «стрелочника», которого можно примерно наказать и доложить об этом «наверх».

В армии, вопреки здравому смыслу, несчастный случай воз-

водится в чрезвычайное происшествие. В 2003 году в результате несчастных случаев на дорогах и по вине водителей погибло более 30 тысяч граждан – это вдвое больше, чем за 10 лет войны за свободу Афганистана от американской агрессии. За это всю милицию страны нужно арестовать, а сотрудников ГАИ отдать под суд? Ведь они в ответе за порядок на дорогах. Так и в армии: к каждому солдату, сержанту офицера не приставишь. Жизнь настолько многообразна и полна опасности для любого человека – всего не предусмотреть. Задача власти, в армии – офицерского состава сделать все, чтобы свести до минимума эту опасность. Говорят – «все в руках Божьих», но я считаю, что от судьбы, начертанной матушкой-природой, не уйти никому.

...Вернемся в кабинет партбюро. После многих переголосований я встал и обратился к членам комитета с убедительной просьбой освободить меня от обязанностей секретаря не только потому, что чувствую в подсознании свою вину, но и потому, что больше не хочу свою судьбу связывать с комсомольской работой и вообще с партполитработой. И тогда все единогласно меня поддержали. Поскольку офицеры – члены комитета – категорически отказались от предложенной должности, секретарем по моему предложению стал старший сержант Вербин. Он так и оставался секретарем до увольнения в запас. Умный был парень. Его не прельстили ни капитанская должность, ни обещания представить к офицерскому званию.

Майор А.Д. Лизичев побеседовал со мной и сказал, что претензий к моей работе нет и он предпримет меры, чтобы надомной не чинили расправы и назначили на равную должность. Но расправа совершилась, и была она гнусной, антизаконной. Почти все сослуживцы через год-два были уволены в запас, большинство из них остались в Череповце и Вологде, и они могут подтвердить правдивость моего повествования.

15 мая майор Лизичев убыл в Ленинград, а 16 мая получен приказ командира дивизии о снижении меня в должности на одну ступень «за неудовлетворительный подбор секретарей комсомольских организаций, приведший к чрезвычайному происшествию». Этим же приказом я был назначен заместителем командира третьей роты по строевой части в нашем же полку. Это было мое второе понижение в должности.

Пусть скажет каждый, служивший в армии: кто подбирал и рекомендовал секретаря комсомольской организации роты (батареи)? Правильно, командир роты (батареи) – и никто больше,

ибо никто лучше ротного не знает людей. Соколовского, уже мертвого, политработники костили как морально неустойчивого, пьяницу. Уверен, что командир роты знал, что он разведен. И если жена изменила мужу, и он развелся с ней, считалось, что этот человек морально неустойчив. Этот комплекс почему-то внедрился в кадровые органы и по сей день. В стране нынче разводится половина супругов. Так что, они все морально неустойчивы и обязательно пьяницы? Кстати, пьяницей Соколовский не был, и ничем не было доказано, что он был выпивший. Соколовский по характеристике друзей и командира роты был ответственный и порядочный солдат. Роковую роль в его гибели сыграло случайное стечение обстоятельств, которое трудно объяснить с точки зрения логики.

В данном случае командир дивизии полковник Подтемкин с подачи начальника политотдела «надругался» над Уставом и законом, в частности, над дисциплинарным Уставом, имевшем силу закона. И вот почему: дисциплинарное взыскание может быть наложено только после окончания расследования или дознания. Арест мне объявили уже через пару часов после несчастного случая – до начала дознания. Комдиву важно было показать власть, строгость, волю, не разобравшись в случившемся. Он был настолько полон величия, что даже не приехал разобраться в Череповец. Судьбы людей для него не имели никакого значения, он заботился прежде всего о собственной карьере.

Далее, согласно Уставу, запрещается за один и тот же проступок налагать несколько взысканий или соединять одно взыскание с другим. Применив ко мне и арест, и понижение в должности за одно происшествие, он дважды наказал меня. Вот и выходит, что для самодуров закон не писан, и в армии уже тогда существовали две дисциплины: первая – для младших, которые обязаны были выполнять положения Устава, вторая – для высшего начальства, которое могло грубо попать Устав и закон, не оглядываясь на прокурорский надзор.

И наконец: кто позволил чести и совести военного округа – члену Военного Совета и начальнику политуправления, генерал-лейтенанту – ставить задачу подчиненному, не имевшему фактов, поехать на место и сместить секретаря комитета ВЛКСМ? Этот член ВС, считая себя высшим представителем партии, вообразил себя судьей и «чихал» на Устав комсомола.

Конечно, случившееся повлияло на мое будущее. Но я не стал жаловаться, и даже Лизичеву не написал, как обошлись со

мной. За две недели на мое сердце выпала такая стрессовая нагрузка, которая обернулась, как я думаю, мерцательной аритмией в будущем. Три года службы пошли прахом, материально в том числе. Это особенно сказалось, когда мы стали ждать второго ребенка.

Но я приобрел понимание несовершенства партийной и комсомольской организации и вообще новых порядков в Советской Армии после передачи всей полноты власти в руки Главпура СА и ВМФ. Дальнейшая служба все более подтверждала зарождавшиеся умозаключения.

...Мой непосредственный начальник капитан А.И. Никулин был стройным, симпатичным, вежливым командиром с доброжелательной улыбкой; он вызывал искреннее уважение у подчиненных и сослуживцев-офицеров. Никулин особенно любил проводить занятия по строевой подготовке, построив всю роту на плацу в одну шеренгу, тренировать солдат строевым приемам с оружием и без, по элементам, разумеется, на глазах у всего начальства. Мне доставались остальные занятия и поддержание дисциплины в роте вечерами и в выходные дни. Кроме того, я проводил физическую, огневую, тактическую подготовку и защиту от оружия массового поражения, утренние осмотры, вечерние поверки, нес службу в нарядах.

Вот так и отслужил год, ни за что не отвечая, кроме проведения занятий и соблюдения мер безопасности на войсковом стрельбище и на занятиях по тактике. Правда, были и более серьезные поручения: летом полк был выведен в один из учебных лагерей и доукомплектован до штатов военного времени (думаю, это было сделано в целях проведения сборов с военнообязанными запаса и проверки планов мобилизационной готовности). Я получил свою четвертую роту и ежедневно в течение нескольких недель проводил с ротой занятия по тактике, изучению оружия и обучению стрельбе, инженерной, противохимической (противоатомной) подготовке и днем, и ночью. За успехи получил благодарность от командира и по окончании сборов был отправлен в отпуск.

В том году было объявлено первое значительное сокращение Вооруженных Сил на 600 тысяч человек. Где-то сокращали целыми соединениями, частями, у нас сокращение коснулось только офицерского состава. Командирам взводов предлагали перейти в ракетные войска (РВСН) старшими техниками с предстоящей переподготовкой, в пограничные войска или военкоматы. Я отказался от всех предложений и выразил желание уволиться в

запас – надо было думать о будущем. Взял отпуск и поехал в Вологду поступать на заочное отделение историко-филологического факультета Вологодского пединститута, но из-за отсутствия времени на подготовку сдал экзамены на «хорошо» и не прошел по конкурсу. Решил провести «наступление» в следующем году.

В конце года был сдан в эксплуатацию новый жилой дом на улице Красноармейская, где мы с женой мечтали получить квартиру. К тому времени наша семья состояла из четырех человек (тещу взял на свое иждивение) и мы ждали второго ребенка. Председателем жилищной комиссии являлся второй заместитель командира по политчасти – тот самый майор М.И. Куркулев. Я обратился к нему с вопросом, будет ли моей семье выделена отдельная, хотя бы двухкомнатная квартира. Куркулев ответил, что для нас четверых дадут две комнаты (это 26 квадратных метров) в трехкомнатной квартире, где проживает с семьей в одной комнате капитан запаса Н.Баранов, инвалид первой группы. Я возразил, что через полгода нас будет пятеро и предоставил справку врачей. «Это еще вилами на воде писано», – был дан иезуитский ответ.

Так мы оказались восьмером в небольшой квартирке. Спасибо соседям: они оказались прекрасными людьми, и до сих пор с оставшейся в живых Тосей мы поддерживаем дружеские отношения. Зато предназначавшаяся для нас отдельная двухкомнатная квартира была предоставлена в порядке улучшения жилищных условий моему командиру роты капитану Никулину, имевшему жену и ребенка. Его жена была красива, элегантна, но главное – работала продавцом в магазине военторга, где всегда держали дефицитные товары. Получил отдельную двухкомнатную квартиру на трех человек и наш бывший сосед, майор из училища. Вот и вся социальная справедливость. Примечательно, что каста политработников своими действиями в угоду несправедливости и неуважения людей в погонах медленно, но уверенно вызывала к себе растущее недовольство офицерского состава.

5. Неожиданное назначение

Прошел год. В стране было объявлено об очередном сокращении Вооруженных Сил на 1 миллион 200 тысяч человек. Ветераны помнят, как электросваркой резали на части корабли, само-

леты, подлодки, орудия. Спасло нас от оккупации НАТО лишь ядерное оружие и мощная группировка войск в ГДР, Чехословакии, Польше и Венгрии.

Нужно ли было сокращать нашу армию в то непростое время? Да, нужно. В условиях мирного развития страны, необходимости перехода на более качественные средства вооруженной борьбы в интересах надежной обороны страны требовались дополнительные финансовые и материальные ресурсы. Объективно сокращение армии, особенно сухопутных войск, и сокращение объемов капитального строительства в стране могло компенсировать провалы Хрущева в какой-то степени и решить насущные задачи, вставшие перед страной. Не секрет, что Соединенные Штаты и западные союзники провоцировали Советский Союз встать на путь гонки вооружений.

Но речь идет о том, что в армии служат живые люди, и к ним надо было отнестись по-человечески. Конечно, необходимо было выработать научно обоснованные критерии в решении кадровых вопросов: дать тем, кому оставалось до пенсии пять лет и менее, дослужить, построить и выделить каждому увольняемому офицеру достойную квартиру, выходное пособие и пенсию; организовать переподготовку офицерского состава, используя их организационный и морально-психологический потенциал (честность, преданность делу, порядочность, высокую дисциплинированность) с целью разумного восполнения нехватки квалифицированных кадров. Нельзя было «выщипывать» армию, как курицу. Считаю, что сокращать надо было полностью соединения и объединения (бригады, дивизии, армии) с переназначением офицеров в соединения полного состава в пределах военного округа. Не уничтожать корабли, самолеты, танки, ракеты и другую боевую технику, а законсервировать их в базах хранения под охраной.

В тот год я вновь послал документы для поступления в Вологодский пединститут. Всю весну вечерами и ночами корпел над учебниками. Пришло время сдавать экзамены. Мне дали отпуск на вторую половину июня – первую половину июля. Экзамены в институт сдал на «отлично», и сразу остался на установочную сессию. Весь день – на лекциях; вечерами и в «белые ночи» любил посидеть с учебником где-нибудь на скамеечке у стен Кремля, прогуляться по скверам и пустынным улицам, иногда с сокурсниками, чаще один. В то время написал немало стихов, правда, все они остались у тети Нади, где я проживал. Вологда –

красивейший город России, ровесник Москвы, только люди здесь добрее и честнее, а девушки, женщины ни в чем не уступают своим столичным сестрам и подругам, они даже лучше, «чище» и во многом красивее.

Прибыв на службу, понял, что сокращение дошло и до меня: вновь различные предложения в ракетные, пограничные войска и военкоматы. Но я был непреклонен и готовился к увольнению в запас.

В начале августа внезапно наш полк передислоцировали в Вологду, в так называемые «красные казармы». Наше соединение было переведено в категорию кадрированной мотострелковой дивизии, но в составе не Северного, а Ленинградского военного округа. Кстати, за семь лет я успел прослужить в трех военных округах: Беломорском, Северном и Ленинградском, не выезжая за пределы Вологодской области.

Нас, офицеров всего полка, разместили в бывшей казарме одного из полков по четыре-пять человек в комнате. Наши семьи остались в Череповце. Вскоре были уволены в запас командир полка, его заместители, в том числе и начальник штаба. Пришло новое, как оказалось, временное командование полка. Командиром полка был назначен бывший начальник штаба дивизии Герой Советского Союза полковник Афанасьев, начальником штаба был назначен начальник оперативного отделения дивизии подполковник В.Андреев. Чтобы остаться в армии, они пошли служить на ступень ниже. Вскоре вместо Афанасьева прибыл выпускник академии подполковник Смирнов. Я ждал приказа на увольнение в запас. Но однажды вызывают в отделение кадров дивизии и объявляют приказ о назначении меня командиром мотострелковой роты в наш полк! Меня поздравили и добавили, что нашлись люди, которые ходатайствовали перед командованием за меня так яростно, что выбора, кроме как оставить служить в кадрах СА, не было. Так я и не узнал до сих пор, кому обязан этому назначению. Кстати, мой бывший комбат подполковник В.А. Серяков пошел на выдвижение и стал командиром полка в Грязовце. Новым моим комбатом стал умный, рассудительный, очень корректный и всегда спокойный выпускник академии им. М.В. Фрунзе подполковник В.И. Акура.

Через несколько дней меня назначили исполняющим обязанности помощника начальника штаба по строевой части. Моя новая работа состояла из двух частей. Первая – ведение книги приказов по полку и учет личного состава, в том числе офицеров,

с ведением их личных дел. Вторая – работа с документами по представлению офицеров на вышестоящие должности, очередные воинские звания, к наградам и, конечно же, к увольнению в запас или в отставку. При увольнении офицеров за один год пришлось выслушать столько слов горечи и обиды, что приходилось успокаивать, находить нужные слова о будущем – настолько несправедливо отнеслись к нашим лучшим офицерам. Но процесс увольнения офицеров в запас был пущен на поток.

Кроме командирских занятий ничего больше не было. Поэтому после службы мы шли в общежитие, переодевались и в первые месяцы уходили в кино, театр, ресторан «Север» – он был в то время в городе единственным. Через два-три месяца нам это надоело, да и «зачачки» закончились, и тогда вечером стали садиться за карты. Там я впервые увидел, как любители преферанса играли до самого утра, а затем, угорелые от сигаретного дыма, одни – довольные, а другие – унылые, но все уставшие, плелись по утрам на службу. Из-за этого фактора прекратил прохождение учебных курсов преферанса навсегда – мне было жалко этих мужиков. Но в «кинга» играть научился: всегда с предварительным условием – конец игры в 23.00. Немало и выпивали. Были у офицеров и другие заносы из-за безделья и нужды.

Все сходились в одном – ненавидели Хрущева и ждали, когда ему дадут по одному месту. Кстати, наши военные контрразведчики были с нами во всем солидарны. Никто из дивизионного и нового полкового начальства ни разу не поинтересовался, как мы живем? Очереди к умывальнику, в туалет, отсутствие душа, горячей воды, библиотеки, хотя бы бильярда, зачастую жизнь впроголодь – ничего их не интересовало. Тогда-то я и сделал один из важных для себя выводов: будь всегда заботлив о своих подчиненных не жалостью и слезой, а решай все вопросы практически, на месте и решительно. Наше годовое пребывание в Вологде показало, что для руководства страны и Вооруженных Сил интересы офицерского состава были совершенно чужды. Разве нельзя было сначала построить жилье, а затем разделять нас с семьей, доводя до уровня нищих?

Постепенно руководство страны и партии отрывалось от народа, а командование армии – от офицерского состава. Само собой, когда мы чувствовали себя скотом, с которым можно делать все, что угодно, наше недовольство и негодование росло с каждым днем.

6. Беседа «между нами»

Однажды зимой меня пригласил к себе наш полковой контрразведчик. В кабинете сидел начальник контрразведки дивизии, подполковник Бондаренко. Нормальный был мужик, как и большинство контрразведчиков – воспитан, учтив и скромен. Иногда я встречал его в штабе, в поле на занятиях.

– Нам с вами, товарищ Александров, предстоит очень серьезный разговор.

– Я в чем-то провинился?

– Нет, успокойтесь.

– Тогда что же?

Далее он сказал, что в условиях возрастания угрозы агрессии со стороны США и НАТО, активизации разведывательной деятельности со стороны этих стран я мог бы принести более весомую пользу своей Родине, тем более о передислокации нашего полка из Череповца в Вологду стало известно разведке армии ФРГ. Поэтому особый отдел очень рассчитывает на сотрудничество.

Поинтересовался, о каком виде сотрудничества идет речь. Начальник откровенно ответил, что речь идет об информировании органов контрразведки об отдельных подозрительных разговорах или действиях отдельных лиц или групп, направленных против нашей страны или наносящих ущерб ее обороноспособности. Эта информация, разумеется, будет детально проверяться и должна быть строго конфиденциальной; но чтобы сохранить секретность, необходимо подписать соответствующую бумагу о сотрудничестве и взаимной сохранности тайны. Я ответил, что доведение любой информации о действиях или высказываниях, наносящих ущерб интересам и обороноспособности Родины, исходящих от кого бы то ни было, является обязанностью каждого гражданина СССР, тем более – члена КПСС. При появлении у меня серьезных подозрений, подкрепленных фактами, я без всякой бумаги, если будет необходимо, могу довести их до органов контрразведки, хотя и считал до сих пор, что об этом должен информировать моего непосредственного начальника. Поэтому нет никакой необходимости и расписываться где-либо об охране тайны информации, так как я давал военную присягу. Ввиду того, что речь не шла о моем переходе в органы КГБ, то не было необходимости подписывать документы.

Беседа продолжалась несколько часов. Но идею беседы я по-

нял: меня хотели обременить обязанностями внештатного сотрудника органов контрразведки. При этом, к их чести, намеков на какое-либо вознаграждение или плату за информацию не было. Несмотря на «массированную атаку», оборону своей чести я выдержал. Истиной является и то, что в мой адрес не было высказано даже намеков на угрозы или санкции. В последующем я не мог бы пожаловаться на какое-нибудь влияние органов КГБ на свою судьбу. Со стороны начальника контрразведки все было очень честно и порядочно, хотя при встрече каждая из сторон осталась при своем мнении. Единственное, о чем они попросили в конце беседы, чтобы разговор остался между нами. Пишу об этом за давностью лет, чтобы подчеркнуть, что в 60-е годы XX века в органах КГБ СССР, в том числе и в военной контрразведке, работали преданные своей Родине, порядочные и умные офицеры.

Вспоминая прошлое, ловлю себя на мысли, что если бы мне было предложено перейти на работу в органы КГБ, я бы не отказался. Может быть, нам бы с единомышленниками удалось в будущем своевременно вскрыть, остановить рост и расползание «пятой колонны», созданной в России Алленом Даллесом. Вот выдержка из плана А.Даллеса, бывшего директора ЦРУ, известного не только из передач телеканала НТВ, но и многочисленных публикаций: «...Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые, и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх перед друг другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное по-

ложение, превратив в посмешище. Найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества».

К великому сожалению, план А. Даллеса выполнен не на сто, а на все двести процентов. Сейчас огромная страна превращается в сырьевой «придаток» транснациональных компаний империализма. Самой престижной работой многих людей, к сожалению, является спекуляция или, как они это называют, предпринимательство. Самая же главная ценность сейчас – деньги, деньги и еще раз деньги.

Прочитайте, уважаемый читатель, еще раз выдержку из плана Даллеса, и вы увидите, что это описание современной действительности. Но и здесь немцы опередили американцев. Мечты Гитлера сбылись. Пожалуйста, в Эстонии внедряется политика нацизма, «ноль внимания» со стороны Евросоюза. Не так много лет пройдет и Польша, страны Балтии, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария могут оказаться под властью очередного западноевропейского агрессора. Возможно, эта участь ожидает и Францию. Она предала, и так и не отблагодарила Россию за избавление от Наполеона в 1812-13 годах, от войск Вильгельма в 1916 году и наконец, от фашистской оккупации. Результат? Мы сейчас платим французской стороне сотни миллионов долларов, якобы за долги. Не они нам, а мы им.

Что касается США, их ожидает глубокий экономический и политический кризис. Его предвестником можно смело назвать социальные революции и приход к власти «левых сил» в целом ряде стран Латинской и Центральной Америки. В конечном же счете, все народы мира постепенно пойдут по пути социализма. Другой альтернативы развития просто нет.

...Примерно через год на должность помощника начальника штаба полка был утвержден старший лейтенант Е. Панков, мой хороший товарищ. Мне было предложено, как бывшему учителю и потому знакомому с психологией людей, обладавшему тогда каллиграфическим почерком, перейти для работы в отдел кадров дивизии, но я по собственной дурости отказался. Отделения, отделы, управления кадров – это те самые «теплые» места, экватор, где офицер, выполняя свои обязанности, отвечает только за себя. Для меня эта должность была не родная, и я, привыкший работать непосредственно с людьми, отказался.

Потянулись дни боевой учебы, подготовки и проведения сборов с приписным составом, проведение занятий с офицерами запаса в различных военкоматах. В ходе регулярных сборов изу-

чались и закреплялись навыки владения новым оружием, ведения боя, обновлялись знания по защите от оружия массового поражения (ЗОМП). В ходе командирских занятий с нами изучалась организационно-штатная структура подразделений, частей и соединений армий вероятного противника; много стреляли, выезжали в поле для решения групповых упражнений и тактических «летучек», где получали и закрепляли практику организации и ведения боя. Новый командир полка – подполковник Н.И. Смирнов был требовательным, строгим, но справедливым и даже немного замкнутым в себе человеком, хорошо понимал, что в кадрированных частях (впрочем, как и в развернутых) лучшее средство поддержания дисциплины – это интенсивная планомерная боевая (в том числе командирская) подготовка.

Материально жилось все хуже и хуже. Через год, наконец, построили новый большой пятиэтажный дом – и вновь нам жилье не досталось. Квартиру на две семьи (мою и моего заместителя старшего лейтенанта Капелюка) позже нам все-таки предоставили в доме на улице Чернышевского. Дом был с печным отоплением; одна кухня, без умывальника, один туалет на восемь человек. Ни душа, ни ванны, зато нам – две миниатюрные комнаты и одна – Капелюкам. Отапливать новое жилье приходилось два раза в сутки, иначе все выдувало. Надо было покупать уголь, дрова, пилить их, колоть, носить воду. Единственная радость – соседи, с которыми мы сразу нашли общий язык. Света, жена Володи Капелюка, была на сносях и вскоре родила. Жизнь стала еще сложнее. Необходимо было найти работу для жены; лично ходил даже к заведующей горно, но безрезультатно: в городе – избыток учителей и вакантных мест не было. Вскоре мы остро ощутили, что такое жизнь впятером на одну ставку командира роты. Пришлось продать отцовский дом жены. На ее долю вырученных денег купили, наконец-то, необходимую мебель. Жене удалось-таки устроиться обмотчицей в одну из мастерских города, но из-за слишком большого внимания со стороны отдельных рабочих ей вскоре пришлось оставить эту работу.

Наступила весна 1962 года. Жить становилось как-то неудобно, помощи ждать неоткуда. Мы уже перестали покупать мясо, колбасу, питались крупами и овощами: жили из расчета 30 рублей на человека в месяц. Но у нас ни земли, ни дачи, ни других источников дохода. Надо было платить за квартиру, свет, уголь, дрова, транспорт, покупать одежду и обувь детям, которые по-

стоянно росли, мы же, взрослые, одевались в то, что было. Ни разу ни один борец за победу коммунизма не побеспокоился, а как же живет семья офицера? Надо было что-то делать. Был пат – хоть стреляйся.

Совершенно случайно стало известно, что старшему лейтенанту Петрову, командиру первой роты, предложили поехать на Дальний Восток: на Сахалин, Чукотку или Камчатку. Однако Юра, как мне сказали, отказался из-за болезни жены. Решение тут же созрело. В воскресенье взял справку врача о том, что я болен, написал рапорт и отдал его Капелюку для передачи в штаб полка. (В армии освобождает от службы по болезни командир на основе заключения врача.) Сам же взял билет на последний поезд, следовавший в Ленинград, и в понедельник утром я уже был на Дворцовой площади у штаба ЛенВО. Я откровенно рассказал о жизни своей семьи и попросил перевод на любую должность на Дальний Восток – мне пошли навстречу. Во вторник утром уже был получен приказ командующего войсками ЛенВО об откомандировании меня на Дальний Восток.

Оказалось, что с нашей дивизии собралось около десяти офицеров, и все – с тяжелыми материальными условиями и без надежд на продвижение по службе. Меня карьера уже не волновала: надо было думать о детях, чтобы они могли жить и учиться в человеческих условиях. Сборы были недолги, все имущество погрузили в контейнер. С собой взяли два чемодана.

Проблемы возникли уже в пути. Мы добирались с детьми, старшему Игорю было четыре года, младшему Саше – два. Надо было их одеть потеплее и купить в дорогу необходимые лекарства и пищу. Кое-что продали, купили, как нам казалось, все необходимое, и поехали. Приехав в Москву, остановились на сутки у дяди (родной брат моей мачехи) Петра Алексеевича Злобина. Закупили еду, Петр проводил нас на «Волге» до поезда, и мы через всю страну поехали на Дальний Восток. (Петр был испытателем машин в НАМИ, мы с ним были друзьями детства. К сожалению, через год он погиб в автокатастрофе. Впоследствии мне удалось во многом помочь двум его сыновьям, младший сын и поныне служит в войсках противовоздушной обороны Российской армии.)

Через несколько дней пути у ребят пошел понос, поднялась температура. Возможно – из-за некачественных продуктов, которые в вагоне портились, так как не было холодильника. Сердце разрывалось на части от того, что ты видишь своих детей

больными и ничем не можешь помочь. Но нашлись добрые люди: пассажиры и проводники отыскивали в поезде антибиотики, и дело пошло на поправку. Вместо еды перешли на чай и сухари, печенье. Ближе к Новосибирску продукты закончились, в привокзальных магазинах на станциях – пусто. Хрущев довел страну до нищеты своей кукурузой. На одной из станций дали на всякий случай телеграмму Тониной двоюродной сестре в Новосибирск с просьбой встретиться во время остановки. Конечно, с голоду мы не умирали, в поезде был вагон-ресторан, но у нас не было достаточно денег, чтобы там питаться, поэтому брали кое-что только для детей. Мы же питались хлебом и чаем.

Прибыв в Новосибирск, к нам в купе ворвались с радостными объятиями наши Рита и Коля Павловы, принесли с собой огромную корзину всевозможных продуктов и солений, при этом не портящихся: фрукты, томаты, соленые огурцы и варенье, яйца, зажаренное до красноты мясо, лук и многое другое – у них был свой большой дом и огород с садом. При встрече даже успели выпить традиционные русские три рюмки, и мы расстались с ними на долгие пять лет. Как же точна русская поговорка: «Настоящий друг познается в беде!» Добавлю, что через пять лет мы летели на новое место службы через Новосибирск, где пробыли уже больше недели, и тогда отблагодарили их от всей души за проявление чудесной человеческой заботы о попавших в беду не очень близких родственниках. Таковыми они оставались всегда, пока были живы.

На десятые сутки прибыли во Владивосток. На Черной речке, на пересыльном пункте, мне был предложен выбор: Магадан, Камчатка, Курилы, Сахалин – Южный или Северный. Посоветовавшись с женой, выбрали поселок Леонидово на Северном Сахалине. Позже я понял, какую совершил ошибку. Если бы выбрал место службы на юге, мне легче было бы учиться, не надо было бы тратить деньги на проезд, гостиницу. Но главное состояло в том, что на юге войсковые части были полного состава, а в Леонидово – кадрированные. Это, как потом сказали мои товарищи, означало, что все пять лет придется служить командиром роты. Случаев выдвижения на высшую должность в Леонидово не было выявлено ни разу. К тому времени ротным я прослужил уже три года. Однако кадровик округа не сказал мне ни слова об этом и даже похвалил мой выбор, дескать, легче будет учиться в институте, который к замене можно будет и закончить. (Дело в том, что со времени поступления в институт

я успел сдать только два зачета за первый курс – по школьной гигиене и Древнему миру. Такие результаты в учебе были связаны с перипетиями переездов по службе, заботой о хлебе насущном, с подготовкой к зиме, добычей рыбы и дичи на пропитание.)

Неделю ждали билеты на океанский лайнер. В день отплытия пошел проливной дождь, в море начинался шторм. Однако пограничники у трапа теплохода «Крильон» пропускать пассажиров, особенно с чемоданами и детьми на руках, не торопились. Наконец, прошли на корабль и – о, ужас! – нас разместили в каюте третьего класса в носовом трюме. В предстоящие трое суток я десятки раз проклял этого кадровика, который сунул нас с малыми детьми в трюм вместо размещения в каютах второго класса, как и положено было для младших офицеров по приказу министра обороны. Кадровик избавился от нас, из-за своей лени заранее не забронировав места.

С самого спуска в трюм мы уже почувствовали качку, которая становилась все более неприятной. Жену, детей, принявших сразу положение «лежа», затошнило. Наконец, отчалили. По мере выхода в открытый океан шторм усиливался и вскоре достиг, как нас оповестили сами моряки, девяти баллов. Детям и жене было все хуже и хуже. Надо было найти чего-то кисленького и побольше воды. Поднялся на вторую или третью палубу, постоял минут пять и пришел в себя. Осталось легкое головокружение. Между тем, всех проходивших мимо моряков рвало на части, и чувствовали они себя просто ужасно. Но поразило другое: ревуций и медленно качающийся океан. Волны огромной величины одна за другой надвигались и наваливались на наш немаленький, на вид с пятиэтажный дом, теплоход, который в моих глазах стал как спичечная коробка. Волны равномерно раскачивали наш лайнер то вверх – и океан казался где-то далеко внизу, то вниз. И в этот момент казалось, что мы находимся где-то на дне и следующая волна захлестнет навсегда. Но снова медленный подъем. Ощущения – полярные, но никакой боязни.

Нашел ресторан: буфетчица, официантки двигались, шатаясь и держась за что-нибудь неподвижное. Всех, мягко скажу, тошнило; в зале стоял очень даже неприятный запах. Купив все необходимое, я спустился к своим. Мои ребятишки стонали; жена, чуть не плача, их успокаивала. Попили кисленького лимонада, кое-чем перекусили, выпили успокоительных таблеток (кажется, элениум) и все уснули. Проснулись на следующий день. Тихий океан (до сих пор удивляюсь, почему он назван Тихим) яро-

стно бушевал, но мы, постепенно привыкнув, стойко пережили стихию. Наш «Крильон» чихал на издевательства взбесившихся волн, и не спеша «разрезая» их килем, уверенно шел к Корсакову. И я думал тогда: почему же нас, офицеров Советской Армии, победившей фашизм и освободившей Европу, наше командование и руководство загоняет в трюмы, как скот?

Уже гораздо позднее мне приходилось не раз пересекать этот Великий Тихий океан по тому же пути: это были командировки во Владивосток за молодым пополнением. Обычно мы с солдатами проводили время на верхней палубе, а вечером даже танцевали и пели песни. Вот одна из них, схваченная мною на лету прямо на палубе «Крильона» и оставшаяся в памяти:

Листья тихо шумят в саду,
Словно желтый снежок идет,
По тропинке один иду
Той, что к счастью ведет.

Припев:

Листья тихо шумят,
Опадая в саду,
Грустно мне без тебя
Одному.

Понимаешь ли ты сама,
Как мне трудно понять тебя?
Почему же простые слова
Мне так трудно сказать?

Припев.

Верю, знаю, весна придет,
Зашумит, забурлит кругом;
По тропинке не я один,
А мы вместе пойдем...

Припев.

Добавлю, что у этой нехитрой лирической песни с незамысловатыми словами – прекрасная задумчивая мелодия, и все мои друзья знают ее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ САХАЛИНСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

1. Первые впечатления

К началу третьих суток, а именно 30 августа 1962 года, наш маленький отряд из четырех человек (мать оставили в Вологде) высадился в порту Корсаков. Далее – ночь в поезде, в котором вагоны, словно пьяные, шатались из стороны в сторону по узкоколейке, построенной еще японцами, и мы выходим на станции Олень. Как в сказке. Нас тут же нашли наши заменяемые Кривичи (муж с женой) и соседи Андреевы, которые забрали из наших рук чемоданы, сумки и повели в поселок. На первые дни нас разместили в незанятой квартире, жители которой уже уехали на материк. У Кривичей, ожидавших замену, необузданной радости не было предела. Мы делали вид, что тоже рады, но в душе такая радость навевала на грустные мысли. Был накрыт хороший стол, и мы славно посидели.

От залива Терпения нас отделяли 18-20 км лесного массива на болоте с растущей на нем самой вкусной ягодой в мире – сахалинской клюквой, так называемым клоповником. И это не громкие слова. В жизни я перепробовал сотни разных напитков, но вкуснее и ароматнее «Горного воздуха», производимого на Сахалине на основе клоповника, так и не встретил. Для сравнения: если оценивать «Coca cola» и «Горный воздух» по десятибалльной системе, то счет будет 3:10 в пользу последнего. Куда глядят наши новоиспеченные предприниматели? Всё на Запад поглядывают, а «золото», оказывается, лежит на болотах Сахалина.

Поселок Леонидово разместился в 25 км от райцентра и порта Поронайск. Сам по себе поселок состоял из четырех частей: военный городок с его атрибутами, центр – жилой район с японскими кирпичными домами, где были все удобства; штаб дивизии, гостиница, Дом офицеров, госпиталь, средняя школа, офицерская столовая-кафе, баня, рынок, магазины; окраина – небольшой жилой массив из четырехквартирных деревянных

финских домиков с печным отоплением и одной водоразборной колонкой на четыре дома; Заречье – жилой квартал, где проживали в собственных домах корейцы, которые выращивали все виды овощей, включая томаты, для продажи нашим офицерам; у них всегда можно было купить красную икру и балык лосося. В бывших японских домах имелись водопровод, душ и канализация. Центрального отопления не было, печи топили углем, который покупали в поселке Гастелло, где размещался один из полков дивизии, или сами вырубали киркомотыгами чуть выше поселка на берегах реки Леонидовка. Эта река, шириною от 30 до 100 метров, разделяла поселок военных от Заречья.

На второй день, это было воскресенье, меня пригласили на рыбалку. На излучине реки, примерно в одном километре ниже моста, закинули небольшую сеть; один из нас тащил ее по берегу, другой – по середине реки глубиною в метр. Прошли всего лишь 150-200 метров, вытащили сеть, и я обомлел: такого количества рыбы никогда еще в жизни не видел! Кета, горбуша, кунжа, форель – чего там только не плескалось! Это надо было видеть! Не вынимая сеть на берег, сначала выбросили в реку всех самцов; самок выпотрошили, собрав два ведра икры, а саму рыбу сложили в три мешка, чтобы отвезти в солдатскую столовую. Оказывается, рыбалка была организована с разрешения командира и рыбнадзора, чтобы подкормить солдат свежими котлетами, ухой. Икру и мелкую рыбу поделили между рыбаками.

Позже таких рыбалок не устраивали. Если, к примеру, семье требовалась рыба, я садился на велосипед, брал с собой крошечную, но крепкую удочку, цеплял на нее что-либо съестное, закидывал в воду и тут же вытаскивал рыбку, какую бог послал, и назад, домой. Так что обычная рыбалка занимала несколько минут. И тем не менее к осени в нашей кладовой были целые полочки банок с красной икрой, которая – о, ужас! – вся засветилась, когда однажды вечером открыл дверь. Пришлось выбрасывать. Это был фосфор, но каково было зрелище! Потребовалось время, чтобы овладеть секретами заготовки икры, в том числе и заводскими. Научились коптить и вялить рыбу: было бы желание! Надо было научиться выживать, а времени предостаточно: предстояло прошагать по Сахалину целых пять лет, которые показали вечностью.

Итак, с 1 сентября 1962 года началась служба в должности командира первой мотострелковой роты 396-го полка 79-й мотострелковой дивизии, той самой, которая в августе 1945 года ос-

вобождала Южный Сахалин, в том числе и Леонидово от японских самураев. Все части дивизии размещались в двух военных городках: главные силы – в Леонидово, остальные в поселке Гастелло. Казармы и здания штабов были кирпичной постройки, но уже послевоенной. Каждый полк огорожен деревянным забором. В полку для обеспечения мобилизационного развертывания, несения караульной службы, поддержания техники в боеготовном состоянии частично развернутыми были мотострелковый и танковый батальоны, артиллерийский дивизион, зенитная батарея и спецподразделения: роты связи, саперная, ремонтная, полковой медпункт, хозвзвод. Был свой клуб, строевой плац, футбольное поле и весь необходимый спорткомплекс – от гимнастического городка и полосы препятствий до спортзала; свой лазарет, столовая, парк боевых машин, склады.

Понравились нам, прежде всего, люди – добрые, задушевные, порядочные.

Чем сахалинцы отличались? Удивительной заботливостью и уважением друг к другу, особым расположением, гостеприимством, чувством родства и чувством локтя. Сахалинцы – это особая нация. Этими качествами обладали, кстати, не только военные, проходившие службу по долгу и по необходимости, то есть из-за нужды. В последующие годы я познакомился с коренными жителями Сахалина: потомками десятков тысяч политических ссыльных во времена царизма, тысячами смелых и отважных переселенцев с материка, выпускниками высших учебных заведений, приехавших сюда по распределению и добровольно.

Известно, что Сахалин, после 1905 года стал тюрьмой, местом ссылки (похуже, чем Соловки) прогрессивно мыслящих людей России. Так вот, все ссыльные поселенцы и переселенцы отличались более высокими духовными качествами: сплоченностью, общительностью, взаимовыручкой, благородством, внутренней и даже особой внешней красотой. Женщины и вовсе бесподобны! В ссыльном краю во время нашего пребывания не было крупных уголовных преступлений: бандитизма, изнасилований, грабежа, заказных или иных убийств. Будучи студентами, после сдачи очередного зачета или экзамена мы любили компанией побродить по паркам Южно-Сахалинска, примыкающим к подножию сопок и гор райским кушам, но никогда не встречали проявления криминала.

Встретили нас сахалинцы не то чтобы хорошо, а еще лучше – тепло! Командир полка, полковник Д.С. Сильвестрович, дал время

устроиться, проводить смену, заготовить дрова и уголь на зиму. 5 сентября я приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Жена с 1 сентября начала преподавать немецкий язык в средней школе: как в дневной, так и в вечерней. Вскоре и меня вызвали в политотдел и предложили параллельно со службой преподавать историю и обществоведение в вечерней школе в 9-11-х классах, так как учителей не хватало.

Через полмесяца прибыл контейнер, но оказалось, что необходимые документы потеряны, скорее всего, во время погрузки на теплоход еще во Владивостоке. Это был хороший «подзатыльник» судьбы. Пришлось брать аванс и заплатить около тысячи рублей. Но наше нищенское существование уже закончилось, и я полностью погрузился в будни службы: уходил в 7.30 утра, приходил в 23.00. Детей устроили сразу: одного – в детсад, другого – в ясли; через год купили для них пианино. Как справлялась жена в первый год пребывания на Сахалине – понятия не имею. Зато ушло в прошлое время, когда приходилось экономить на пище и одежде для жены и детей. Получили первый паек, который нас вполне удовлетворил, причем из мясных продуктов был выбор: мясные консервы или монгольская конина (свой скот Хрущев уже успел вырезать). Мы остановились на конине; это было замороженное, но после варки нежное, чистое, без сухожилий и жира, вкусное мясо. Вместо рыбы брали рыбные консервы. Картофель добывали своими руками в военсовхозе в 10-15 км севернее нас, на время уборки нас вывозили туда в выходные дни; из восьми выкопанных мешков один выдавали вместо заработка. Там же по государственной цене можно было купить дополнительно сколько угодно картофеля, моркови, капусты, других овощей. Килограмм овощей стоил от 10 до 30 копеек; урожай в военсовхозе всегда был очень высоким. Фрукты – прекрасные сладко-кислые яблоки – поступали в магазин из Северной Кореи круглый год. И все же витаминов не хватало. Цинги не было, но на Сахалине у меня начался пародонтоз, который доконал меня уже во Вьетнаме.

В субботу или воскресенье мы с друзьями всегда собирались на совместный ужин. В праздники застолье было обширным: приглянувшиеся друг другу и взаимно симпатизирующие соседи и друзья из четырех домов каждого квадрата. В квартире собиралось до двенадцати человек. Летом – во дворе, где мужчины выставляли столы и стулья, а женщины накрывали столы, каждая со своими двумя-тремя блюдами. О, как было все вкусно!

Нередко с друзьями в выходные теплые дни собирались на берегу реки, разводили костер, варили тройную уху и пекли шашлыки из рыбы, благо она была рядом и поймать ее на всех не было проблемы. Ели, пили, пели песни и плясали, веселились от души. До сих пор помню, как Миша Бабашко, Володя Рачков в одних трусах вдохновенно исполняли под баян «Танец лебедей» Чайковского. Хохоту было до коликов в животе!

Водку в то время продавали «гусьями», то есть в бутылках по 800 граммов. Но должен сказать, что на наших вечерах пили обычно «в норму»: немного, обильно закусывая, благо, было чем. Иногда после домашних вечеринок шли на танцы в Дом офицеров или пели дома у кого-нибудь. Если вечера проходили у нас, я на слух подбирал мелодии любимых песен на пианино, и все пели вместе, или с сынишкой Игорем исполняли под аккомпанемент самые «хулиганские» стихи Есенина.

Дружбу с нашими друзьями и соседями мы пронесли через всю жизнь. Это самые близкие нам люди, и мы до сих пор с ними переписываемся, иногда заглядываем друг к другу в гости. Эти друзья живут в Минске, Казани, Донецке, Клайпеде, Белгороде-Днестровском, Борисоглебске, Риге, Таллинне; но с некоторыми из них не можем встретиться годами, особенно с 1991 года, когда нас кинули в бездну нищеты Горбачев и К^о. Зимой, ближе к весне, каждое воскресенье выезжали на машинах к устью реки Поронай на подледную ловлю удочкой корюшки и наваги. Ширина устья – около версты. Если пройти вверх по течению два-три километра, река сужалась до 500-300 м. В зависимости от погоды и везения за день ловили до 10-15 кг корюшки, чуть поменьше наваги, камбалы. Корюшка на Сахалине, как и крабы, – крупная, 25-30 см длиной, кругленькая, если она с икрой, и стройненькая, если без нее, всегда блестит серебром и радует глаз, при этом на всем пространстве реки чувствуется необыкновенный аромат свежих огурцов. На рыбалку, конечно, брали с собой выпивку и закуску, устраивали с сослуживцами этакий небольшой групповой «обогрев». В общем, для рыбаков каждый такой выезд был настоящим праздником души и тела.

Помнится один забавный случай. В весенний день мы с подполковником С.В. Михеевым выехали на мотоцикле на подледную ловлю. Когда прибыли на место, над рекой бушевал снежный буран, видимость – минимальная, и было видно, что приехавшие раньше нас рыбаки сворачивали удочки и собирались у

машин, а затем и вовсе уехали. Мы решили попробовать половить, но уже через 15-20 минут лица покрылись ледяным панцирем; замерзли настолько, что решили прекратить рыбалку и по пути зайти в один из жилых домов, заселенный, как оказалось, офицерами внутренних войск МВД. Они хорошо нас встретили, мы выложили наши припасы и “горючее”, затем вместе посидели. Неожиданно ребята предложили нам презент – мешок замороженной корюшки, выловленной ими накануне. “Мы по мешку вчера наловили, все равно девать некуда, берите.” Видел бог, мы были очень скромными и хотелось сделать людям приятное – не отказались и погрузили подарок в люльку. По пути придумали и прикол для наших друзей-рыбаков. С вечера делаем тузлук, заливаем ею рыбу и утром всю корюшку развешиваем на растянутых веревках во дворе для вяления, но так, чтобы наши офицеры, проходя мимо наших домов на службу, увидели, как много мы, оставшиеся вчера на льду, наловили. Сработало: только мы прибыли на службу, вопросам не было конца. Мы серьезно отвечаем: «Когда все уехали, мы подумали, что нам повезло и никто не будет мешать. Пурга вскоре утихла, показалось солнце и начался такой клев, что мы едва успевали вытаскивать». Удивлению не было предела!

Ровно через неделю рыбаков на реке собралось в два раза больше. И снова была пурга. Но люди чего-то ждали и, действительно, через час выглянуло солнце, подул теплый южный ветер, потеплело и пошел такой клев, какого давно не видели. Вот так в нашем случае сказка превратилась в быль.

Весной, когда лед от берега уходил в море, ездили ловить корюшку сетями. Обычно на берегу собирались десятки машин, в том числе и милицейские (есть хотят все). Один тащил невод в море (чаще – вплавь; обычно в нашей артели эту работу доверяли мне), другой – на берегу. Протаскивали сети на 150 метров, затем вытаскивали на берег. Вода была холоднющая (бррр!), но в защитных костюмах тепло. После такого «плаванья» сушились у костра. После трех-четырех заходов в море рыбалка заканчивалась. Десять офицеров-рыбаков везли домой по мешку прекрасной корюшки. Затем ее засаливали по-сахалински и развешивали рыбу на бечевках. Еще рыбу коптили; часть свежей рыбы оставляли женам для жарки, ребятишки ели их с изумительным аппетитом. А вот красную икру мои дети не любили совсем. Зато, прибыв на материк, стали уплетать за обе щеки. Наш военгородок находился в центре Сахалина; с запада и юга

поселок окружали обгоревшие горы и сопки, а с востока – лесисто-болотистая равнина, открывавшая путь прохладным ветрам и тайфунам Тихого океана. Они делали свое «черное» дело; но, как ни странно, оно было полезно в смысле воспитания в людях терпения, выносливости, умения преодолевать не только трудности, создаваемые природой, но и социальные проблемы. Географическое положение поселка определяло и погоду, и микроклимат: и летом, и зимой периодически бывали солнечные и жаркие, холодные и просто теплые дни. Весной и осенью дожди шли почти ежедневно. Погода менялась по нескольку раз в день. В любое время года, особенно осенью, в один и тот же день можно было увидеть солнце, попасть под грозу, дождь или снег, а направление ветра, как и температура воздуха, менялось еще чаще. Думаю, ООН давно необходимо принять решение, чтобы каждому жителю Поронайского района и Охи совершенно справедливо за каждый прожитый день выдавали премиальные за верность и терпение к погоде. Не зря наш залив носит название Терпения. Есть еще одна особенность: под Новый год выпадало столько снега, что заносило все одноэтажные дома, и мы выбирались из дома через форточку, затем убирали снег от дверей и на лыжах ехали на службу. И только к вечеру танки и тягачи с бульдозерным оборудованием завершали расчистку улиц во всем поселке.

Однажды в новогодней «Правде» на первой странице была помещена фотография из Южно-Сахалинска с изображением людей, перешагивающих через электропровод со светофором, который летом обычно висит посередине улицы на высоте 4-5 метров. Осадки могли идти день, неделю, другую, третью. Столько же могут господствовать летом зной и жара, зимой – мороз. Но так бывало редко. Никаким метеорологам на Сахалине никогда не угадать состояние погоды, как не угадать и время, когда пронесется тайфун, ураган или разольются во всю ширь реки Леонидовка и Поронай, затапливая дороги и сваливая бетонные мосты на шоссе и железные – на железной дороге. Едва ли возможно угадать, когда может быть землетрясение, какое было в Нефтегорске и не раз, но менее слабые по силе в Леонидове. Встаешь иногда утром, а печь – вся в трещинах; берешь алебастр, размазываешь и затыкаешь все дыры – до следующего раза. Во всех кирпичных домах хорошо видны трещины. Не знаешь, когда вдруг начнет пылать огонь или лава из какого-нибудь постоянно кипящего вулканчика на сопке, которых на Сахалине видимо-

невидимо, особенно на сопках ближе к мысу Крильон. Осенью или весной можно наблюдать «огненную панораму»: горят леса, сопки и самая вкусная во Вселенной сахалинская ягода – клоповник. Огонь мы никогда не тушили; его заливали дожди, которые могли пойти в любой день. Да и тушить было некому и нечем. Неверно, что кто-то леса и сопки поджигает; это естественное явление.

Жили мы на улице 40 лет ВЛКСМ в финском деревянном доме №14. Перед домиком сажали цветы; за домом находился сарай для дров, к нему пристроен курятник с курами и гусями. Зимой они согревались теплом от электрической лампочки, а летом их охраняла наша японская кошечка Мурка с коротеньким хвостом. Уголь складывали в огороженный прямоугольник из досок рядом с крыльцом.

У нас были очень хорошие и милые соседи: белорус капитан Миша Бабашко, с которым мы учились в военном училище в одном взводе, и его жена Лима (мы ее звали Риммой) – симпатичная, общительная женщина с прекрасным голосом Людмилы Зыкиной и музыкальным слухом. Сосед за другой стенкой – участник войны, заместитель командира нашего полка по тылу подполковник В.А. Обыдьяшев и его жена Лена – очень скромная и обаятельная, стройная женщина. Еще одним соседом был комсомольский вожь старший лейтенант Лоза, уехавший через пару лет в академию. Наши большие друзья – капитан Николай Миронов и его супруга Полина Андреевна, которые были без ума от нашего сына Саши и баловали его. Коля был командиром саперной роты в соседнем полку, а Полина – учительницей географии в школе; Рачковы – Володя и Тамара – соседи по дому: Володя – командир роты связи в полку, у него был прекрасный баритон, схожий с голосом великого современника Захарова; Тамара и Володя Грицань, Вера и Володя Неверовы, Полякова Броня и Виктор, с которыми общаемся до сих пор, хотя жизнь раскидала нас по всей России.

2. Будни ротного командира и институт за два года

Старшие лейтенанты А.П. Легчилин, В.И. Гуськов, лейтенант В.Н. Леденев являлись командирами взводов в роте. Если первые двое весьма успешно командовали подразделениями, то бывшему суворовцу, холостяку Леденеву времени на взвод явно

не хватало. Обычно по утрам он приходил с порозовевшим лицом, иногда – с большой головой, правда, выпившим на службе никогда не появлялся. В целом особых проблем в роте ни с офицерами, ни с личным составом не было. Сказывался опыт работы. Месяцами шла планомерная боевая и политическая подготовка; дисциплина поддерживалась хорошая, однако через пару месяцев в ходе внезапных проверок выяснилось, что отдельные солдаты все-таки ходят в самоволку. Если такое обнаруживаешь, нужно довести дело до конца. Начал вечерами и даже ночью наведываться в казарму. Как-то я попросил начальника разведки, ведавшего нарядами, назначить меня не дежурным по части, а начальником патруля в гарнизонный наряд. С патрулями прошлись по закоулкам деревянных строений, разместившихся за парком боевых машин вдоль реки. Заходим в один из домиков, где ярко светилось окно. Была полночь. И вот картинка: справа – диван, на котором занимаются любовью какой-то солдат с довольно симпатичной девушкой лет двадцати. У окна – стол, на котором пустые и полупустые бутылки из-под вермута, капуста, открытые мясные и рыбные консервы, хлеб, в общем – остатки солдатского пайка. Вокруг стола важно «заседают» четыре-пять солдат в ожидании очереди. Как только мы вошли, солдат как ветром сдуло. Девушка спокойно поднялась, показывая свои недурные прелести, накинула халат и, спросив, что нам надо, пошла к двери другой комнаты. Открыв ее, мы увидели еще одну «активно работающую пару» на кровати и двух сидящих молодых солдат. На этот раз мои патрули сумели задержать солдат. Мы были крайне удивлены, когда увидели, что женщине, возлежавшей на другом ложе, было около 75 лет. Обе они были изрядно выпившими, и говорить с ними было бесполезно. Оказалось, что они, мать и дочь, держали притон и жили за счет солдат и сержантов городка, которые в обмен на сексуальные услуги кормили и одевали их. Мы вызвали участкового, который сказал, что их знает, не раз отправлял в Поронайск в отделение милиции, но каждый раз их через сутки отпускали.

На другой день я собрал роту в ленкомнате и рассказал о том, что мы увидели в притоне. Надо было направить психику солдат на неприятие секса с проститутками, грязи, неприличия. Я им рассказывал: «Вы представляете, заходим в дом, а там такая противная вонь и запахи выделений, пота, селедки... Солдаты, наверное, думают, что Мурка красива, но вы бы посмотре-

ли эти грязные простыни и валявшиеся на полу вонючие трусы, на ее грязные руки. Рядом, в другой комнате, лежит 75-летняя старуха, и никто не знает, какие болезни она пережила, но ведь из миллионов микробов достаточно одного, чтобы кого-то из вас сделать сифилитиком без носа, либо «грибником», либо плодопитомником гонореи. В будущем у вас могут родиться дети-мутанты, которые испортят жизнь близкого вам человека и будущей семьи. Разве для получения этих «радостей» провожали вас в армию ваши родители, братья, сестры, невеста? Подумайте сегодня и каждый раз, прежде чем идти в самоволку или увольнение, над последствиями».

Я не стал «светить» обнаруженного в притоне солдата, но поговорил с ним крепко один на один. После этого самовольные отлучки из нашей роты прекратились.

В роте служили также солдаты с высшим образованием, призванные на год, многие были со средним образованием. Среди солдат с высшим образованием отличался известный в будущем тележурналист Вен-Гржановский. Через полгода он сдал экзамены, получил звание лейтенанта запаса и остался работать в Южно-Сахалинске. Парень был очень способный. Я отлично помню якута – рядового Якунина: мощного, смелого здоровяка, который после года службы стал старшиной роты, настолько он быстро постигал азы солдатской науки, был честен и воспитан.

Но все-таки один из солдат – довольно умный, способный, очень развитый – рядовой Г.Насонов продолжал свои самоволки; он всегда находил правдоподобную оправдательную причину. Если не остановить, он мог попасть в дисциплинарный батальон. В долгой и откровенной беседе Насонов открылся, что безнадежно влюбился в девушку Тоню, которая жила в Поронайске. Дал мне адрес, фамилию, имя, отчество девушки, сказал, где она работает. Обещал, что подобного не повторится. Однако через месяц старшина позвонил и доложил, что на вечерней проверке опять нет рядового Насонова. Я тут же позвонил командиру полка полковнику А.Д. Сильвестровичу и попросил дать мне машину, чтобы поехать в Поронайск за Насоновым. Командир дал добро. В Поронайском отделении милиции я попросил дежурного дать мне одного милиционера, чтобы при задержании самовольщика в условиях частной квартиры была соблюдена законность. Глубокая ночь, мы постучали. Насонова, его невесту и будущую тещу разбудили. Милиционера пришлось отпустить, а «святую троицу» собрал на кухне: «Если у вас серьезные

отношения и вы любите друг друга, надо принять решение: либо придется прекратить самоволки и через год солдат вернется к вам целым и невредимым, либо после следующей самоволки он будет осужден и, после отбытия наказания в дисбате в течение двух лет, должен будет дослужить еще год».

Любовь победила, больше Насонов в самоволки не ездил. Но после того как я увидел его невесту, правдами и неправдами старался давать ему на выходные дни и праздники увольнительную до двух суток. Тоня на самом деле была не просто молодичка, а настоящая, с длинными густыми волосами, голубоглазая, писаная русская красавица! Сыграли молодые красивую свадьбу, и Насонов так и остался жить и работать в Поронайске.

Нередко солдаты, их родители обижаются, если их сыновей наказывают за самовольные отлучки и пьянки. Считается, что преследуют самовольщиков зануды и вредные командиры. Но смысл кроется в следующем: в казарме, в подразделении и солдат, и сержант находятся под присмотром и защитой своих же товарищей, под контролем командиров – как младших, так и старших. С первого шага самовольной отлучки такой солдат выходит из-под защиты армии, и его жизнь подвергается опасности – то ли из-за пьянки, то ли со стороны хулиганов, то ли со стороны проституток, то ли со стороны «голубых». Кроме того, юноша в 18-19 лет совсем ребенок, ему хочется острых ощущений, всего попробовать. Командир отвечает не только за его воспитание, обучение, физическую кондицию перед вышестоящим командованием, но и за его жизнь перед родителями. Вот почему чем командир строже, чем он справедливее, тем лучше для солдата. Нельзя игнорировать и тот факт, что решающую роль в формировании личности солдата играют родители; командир в течение двух лет может лишь «подремонтировать» испорченные родителями отдельные качества личности, превратить 95 процентов из 100 слабаков в сильных мужчин, научить защищать свою Родину.

Сразу оговорюсь, что строгость несовместима ни с «дедовщиной», ни с многочисленными взысканиями. Но об этом позже. Кстати, до 70-х годов я с «дедовщиной» не встречался. Это были частные случаи; лучшим способом поддержания твердой воинской дисциплины, устранения пьянства, самоволок, «дедовщины» является планомерная, налаженная боевая и даже физическая подготовка. Солдат должен быть постоянно занят, быть на виду.

Особенно большую пользу в армии играет развитие спорта в виде состязаний с последующим наглядным показом достижений каждого солдата. Лично я любил участвовать в состязаниях по стрельбе, легкой атлетике, лыжам и достиг в них уровня первого разряда, а после прохождения специальных сборов по подготовке высокоподготовленных спортсменов-разрядников мне было присвоено наравне с другими звание кандидата в мастера спорта по военному троеборью. До сих пор вспоминаю лучшего стрелка дивизии – своего комбата, майора, затем подполковника П.Ф. Шишкина. Он ежедневно тренировался в стрельбе и мог в свободное время часами стоять с пистолетом в вытянутой руке, в результате добился перекрытия олимпийских нормативов. И когда командование ДВО по просьбе Спорткомитета СССР предложило ему выступить в составе сборной СССР на очередной в 1964 году Олимпиаде, он отказался, отказался ради службы. Знаете, бывает, что один шаг в сторону может поменять судьбу человека. Возможно, это была его ошибка (об этом позже), но своим поступком он продемонстрировал, что дороже славы для офицера является служба в армии, которой он посвятил свою жизнь. Я спросил как-то, почему он отказался. Комбат ответил: «У меня нет практики участия в международных соревнованиях. На Олимпиаде можно и опозориться». Его личная ответственность за честь страны была выше собственного самолюбия. Не каждый способен на это. Я восхищался своим комбатом.

Между прочим, наш командир полковник А.Д. Сильвестрович в молодости играл за московский «Спартак» (не знаю, в основном составе, дубле или молодежном), поэтому футбол был очень популярен в полку. Запомнил братьев Малковых: младший – из нашей роты, был прекрасным защитником, а старший – нападающим, служил в танковой роте. В полузащите энергично играл сын командира – Валера. Командир не только болел и тренировал свою команду, но и часто любил вечерами бить по воротам.

Пройдет время, мы с ним встретимся в нашей комнате общежития академии им. М.В. Фрунзе, вместе ходим в Лужники на матч «ЦСКА – Спартак», где будем «болеть» за разные команды и останемся довольны исходом «ничья», несмотря на изумительно изобретательную игру В.Федотова, а вернувшись в общежитие, за столом вспомним про всех наших сахалинцев. К сожалению, это станет последней нашей встречей; Сильвестровича назначат заместителем начальника штаба Борисовской армии и направят

главным военным советником в Гвинею-Бисау. Его заместителем по политчасти станет полковник А.П. Фадеев, который, стремясь получить после командировки более высокую должность, напишет «телегу» на своего командира о якобы частом употреблении спиртного. После этого Сильвестрович будет уволен в запас и вскоре от сердечного приступа скончается. Начальник Вильнюсского гарнизона примет бывшего НачПО полковника Фадеева А.Д. и, получив с Политуправления округа бумаги, лично будет провожать в запас. Его «заслуги», видимо, недооценили. Не пожелай зла ближнему, иначе зло вернется к тебе. Вот так сурово судьба играет людьми.

Я написал про своего командира лишь потому, чтобы отвести прочь возведенную политработниками клевету. И ни один знавший нашего командира никогда о нем не скажет плохого слова! И еще одна поговорка: «Не рой яму ближнему, сам попадешь в нее в аду».

Кроме спорта и личный состав, и мы, офицеры, активно участвовали в художественной самодеятельности. За пять лет службы в нашей дивизии не побывало ни одного артиста. Поэтому мы сами себя на время делали артистами. Пример. Три приятеля, три ротных командира – танкист, связист и общевойсковик, капитаны Н.Косик, В.Рачков и я даже участвовали в финале смотра художественной самодеятельности ДВО с песней «Рос на опушке рощи клен...». Чудесная, душевная песня, а на три голоса вообще звучит фантастически.

В общем, на Сахалине и служба, и жизнь, и быт, и спорт, и культура слились воедино, что помогало нам преодолевать сообща всевозможные препятствия и неприятности. Никто никому не завидовал: все знали, предстоит пять лет прослужить, занимая одну и ту же должность. Ничего, привыкли терпеть. Конечно, бывали стычки, не все было гладко, да и я не был бриллиантом. Как-то осенью провожали на материк командира саперной роты капитана Н.И. Селезнева, а встречали капитана Н.П. Юхневича, который приехал с пятью сыновьями (замечу, через год у них родилась, все-таки, дочь). На проводы в числе других были приглашены и мы с женой. Так случилось, что меня посадили рядом с женой моего начальника штаба батальона майора Н.И. Неоженко, которая оказалась немного старше меня.

На застолье я был вроде тамады, играл на баяне, вместе со всеми распевали песни, шутили. Когда вечер закончился, стали расходиться, и я одним из первых пошел домой. Уже ближе к

дому почувствовал сзади хороший удар по голове, затем второй, третий раз; мне удалось схватить эту руку-кувалду и перекинуть напавшего через себя прямо в канаву, полную грязной воды. И тут я увидел, что это наш начальник штаба. Бить я его не стал и пошел дальше. Он же встал весь в грязи и побежал назад за подмогой: один за другим на меня стали кидаться его старые друзья и даже его жена. Мне ничего не оставалось, как защищаться и кое-кого из мужиков обвалить в той же луже, что спасло от повторных ударов.

Меня интересовало одно: за что? Жена Андреева – Ася – рассказала, что майор Негоженко приревновал меня к своей жене, а затем попросил своих друзей проучить, так как я испортил ему новый костюм. Вот и все. Уже утром меня вызывает начальник штаба полка подполковник Самотурский:

– Вы знаете, товарищ Александров, что положено по закону за нападение или избиение своего начальника?

– Не знаю, но дело не в этом: я никого не избивал, лишь только защищался от нападения сзади.

– А вы знаете, что его сегодня нет на службе? Что вы с ним сделали?

– Да ничего не сделал, спросите комбата, думаю, он все видел.

Самотурский успокоился и посоветовал сходить к Негоженко и извиниться. «Пострадавший» Негоженко лежал на кровати с мокрым полотенцем на лбу, но целенький.

– С чего вы, Николай Иванович, вчера на меня кинулись?

– Да спьяну. Перебрал.

Тут он попросил жену приготовить столик. Он поднялся, мы немного опохмелились. Я попросил извинения за испачканный костюм. На этом все и закончилось. Расстались с Николаем Ивановичем друзьями, да и с другими разборка закончилась взаимными извинениями. Больше никто не поднимал на меня руку. С того времени в любой компании я строго следил за барометром своего физиологического состояния, чтобы не переборщить. Это был хороший урок.

...Иногда нас отправляли в командировки. Однажды ранней весной, когда снег лежал глубиной до полутора метров, группу отобранных офицеров нашего полка привлекли в качестве проверяющих на весенней проверке штабом корпуса. Мы попали в группу под командованием полковника Илюхина, начальника оперативного отдела корпуса, для проверки одного из полков южной дивизии, расположенной недалеко от города Долинска.

Разместили нас в каком-то холодном доме под названием «гостиница». Ужин из некачественных блюд принесли из солдатского котла, хотя мы готовы были платить за питание, если бы готовили отдельно. Питаться за счет солдат – это было слишком, и мы отказались. Сходили в магазин, купили съестного на ужин и заодно на завтрак.

На другой день после строевого смотра мы на ГТС (гусеничный транспортер средний) поехали на войсковое стрельбище. Приехав и осмотрев мишенное поле, мы поняли, что здесь давненько никто не стрелял. Это показали результаты проверки двух мотострелковых рот. Вот отстрелял первый солдат, и мы отправились с командиром роты к мишеням: «ноль» поражений. И тогда на моих глазах ротный капитан специальным шилом (диаметром в 7,62 мм) начал стремительно делать дырки на каждой мишени. Возможно, эти действия были заранее отработаны.

Я оторопело спрашиваю его:

– Ты что делаешь?

– Слушай, капитан, не моя вина, что мы мало стреляем. Нам зимой приходилось больше снег убирать в городке, чем стрелять. Если рота получит «двойку», мне не видать майорской должности. Я уже пятый год на роте.

– Я тоже пятый год на роте, но всегда сам вожу роту на лыжах за 12 километров, чтобы отстрелять положенные упражнения. В нашей дивизии вообще нет никакого выдвижения, но мы дырки сами не делаем. Своим стремлением сделать карьеру любой ценой вы делаете меня соучастником гнусного очковтирательства.

В общем, сказал я ротному, чтобы он впредь к мишеням не подходил.

Психанул я капитально, готов был «разорвать» этого капитана. Это же надо иметь столько нахальства! И я вспомнил, как мне нарисовали «ноли» на последней цели в ходе выпускного экзамена в училище. Я понимал его состояние, но это было пределом наглости. Результаты стрельбы, по большей части, особенно старослужащих и офицеров, все-таки тянули ближе к «тройке», и в итоге рота получила удовлетворительную оценку. Следующей роте, проверенной офицером оперативного отдела корпуса, поставили вообще «неуд», да и по строевой подготовке хоть какая-то положительная оценка была под вопросом.

На следующий день все поменялось: нам нашли гостиницу, чистое постельное белье, организовали хорошее питание. Скажу

честно, такой неподготовленный полк я за всю службу видел только в Приморье: люди не умели ходить даже во время проверки строем, в казармах грязь, запущенность, внешний вид солдат был жалким. Неужели командование дивизии, корпуса не видело, что здесь может произойти все что угодно? Перед подведением итогов долго думали и гадали, какую поставить оценку? На «тройку» никак не тянуло. Кстати, мы так и не узнали, какую тогда оценку поставил полковник Илюхин.

В течение первых шести месяцев службы я успел познакомиться со всеми командирами рот наших трех полков, приехавших на Сахалин не по принуждению, а добровольно по замене. Большинство прибыло с целью дослужить здесь до пенсии и уволиться на материке хотя бы с небольшими денежными накоплениями: стаж шел «год за полтора». Среди ротных были очень талантливые, трудолюбивые и знающие офицеры: капитаны И.И. Ляшко, В.И. Погребец, Н.А. Косик, майоры П.П. Иванов, И.Н. Тарасов, подполковники Соловьев, Манилов, служившие примером для подражания. Из молодых офицеров выделялись капитаны Н.Зевахин, И.Скальский, старший лейтенант В.Грицань, которые, как и я, учились заочно в гражданских вузах. Кстати, мой хороший приятель Володя Грицань служил комсоргом полка, позднее закончил юрфак и работал следователем в военной прокуратуре. После увольнения в запас в смутные времена был избран депутатом Госдумы I-го созыва. Ныне возглавляет общественную организацию «Антимафия».

До пенсии не близко, и я все-таки решил получить гражданское высшее образование. По-настоящему взялся за учебу только после получения официального разрешения командующего войсками ДВО генерал-полковника И.Г. Павловского. Честно — не ожидал. В январе 1963 года поехал на зимнюю сессию. Перед этим командир полка к положенным десяти суткам зимней сессии дал еще неделю за счет неиспользованных выходных дней. Это позволило мне сдать все зачеты и экзамены за первый курс и частично — за второй. Там же, пока жил в гостинице «Дальневосточник», познакомился со студентами-заочниками третьего курса, некоторые из них сдавали зачеты за четвертый курс. Все они были состоявшимися специалистами — каждый в своей области, большинство с высшим образованием, несколько человек — с образованием высшей партийной школы; это и медики, и профсоюзные деятели, военные и учителя, советские работники, например заместитель председателя горисполкома.

Стремлением к знаниям и трудолюбием они, безусловно, вызывали уважение. Иронизируя, они в сердцах жалели меня и предсказывали, что если мне удастся закончить институт к концу службы на Сахалине, это будет великий успех. И дернуло меня за язык на их насмешки ответить, что если они не против, я могу их «догнать» уже к осени. Они посмеялись, на этом разговор закончился. Но слово не воробей, и чтобы сдержать его, решил работать более интенсивно и, главное, последовательно. Это решение не было бахвальством, оно всесторонне продумано. За время пребывания на сессиях нам платили не более ста рублей в месяц, и тянуть учебу 4-5 лет не имело никакого смысла.

Подготовив очередной по составленному плану зачет или экзамен, я выпрашивал у своего комбата выходной день во вторник вместо воскресенья. В понедельник вечером после работы сидел в поезд, во вторник с утра в Южно-Сахалинске сдавал зачет или экзамен, вечером садился на обратный рейс и в среду утром был уже на службе. К июню 1963 года мне удалось сдать все зачеты и экзамены за второй и зачеты – за третий курс. Мало того, начал писать курсовую работу по теме «Освобождение Советской армией и ВМФ Южного Сахалина и Курильских островов в 1945 году от японской оккупации». Работал ночами, спал 3-4 часа, не более, отсыпался в субботу. Привык, здоровеньким был. После январской сессии слетал на материк, чтобы привезти тещу из Вологды, а заодно и сдать в Череповецком пединституте экзамен по философии за третий курс. Благодаря студенческому билету, стоимость билета на самолет обошлась вдвое дешевле.

Прилетев в Домодедово, взял такси и доехал до Быково. Было 35-40 градусов мороза. Поздно вечером полетел до Череповца на «ИЛ-14». Оказалось, в Череповце в аэропорту нет ни гостиницы, ни теплого зала ожидания. Достал из сумки газету, помял ее и положил в брюки для прикрытия. Стал искать такси, но ни одной машины не было и пришлось почти в полночь добираться до города пешком. Это около двух километров до реки и через нее по льду еще километр, не меньше. Мост через Шексну только строили. В городе ни одной движущейся машины, и до свояка добирался еще час. Когда прибыл на место, так замерз, что пришлось сразу выпить стакан водки; внутри всего трясло. И удивительно: утром встал как ни в чем не бывало. Этот кошмар перехода по льду через Шексну до сих пор вспоминаю с ужасом. Стоило свалиться под напором ветра, и я бы уже никогда не

встал. В тот же день пошел навестить наших друзей Старцевых. Посидели за столом, посмотрели альбом с фотографиями, в котором обнаруживаю лотерейный билет ДОСААФ стоимостью 50 копеек. Срок действия билета заканчивался через несколько дней, а тираж уже давно состоялся.

– Вы этот билет проверяли?

– Нет.

– Вы согласны мне поставить ящик коньяка, если билет выиграет «Волгу»?

– Да брось ты его в мусорное ведро, какой уж там выигрыш... Навязали на заводе, вот и купил. Мы никогда ничего не выигрывали и не выиграем.

– Тогда отдайте билет мне.

– Пошли в сберкассу, если выиграем – будет и коньяк! А если нет – все равно надо идти купить хлеба.

Пришли, попросили таблицу с тиражом. Смотрю: номер билета совпадает с номером в таблице, где написано: «Автомобиль Волга-ГАЗ-21». Это было что-то! Еще раз сверили и одновременно крикнули: «Есть!» Оператор добавила: «Мы вас давно ждем!»

Старцевы рады были как дети. Правда, у них денег не то что на ящик – на бутылку не было, но деньги были у меня. К тому же я привез красной икры, кетового балыка горячего и холодного копчения, поэтому «обмыли» мы очень даже здорово. Так и остались Старцевы на всю жизнь передо мной должниками. Но это был в их жизни единственный выигрыш. Я уже писал, что есть в жизни непознанные закономерности. Думаю, Его Величество Случай закономерно преподнес этот подарок, ставший своего рода компенсацией за тяжелое детство, упорство в учебе и неутомимый, лишь частично оплачиваемый труд на благо Отечества и всего народа. (Я тоже однажды выиграл – аж три рубля!)

Через пару дней я сдал экзамен по философии, затем доехал до Вологды, где купил с рук кирилловский баян, забрал свою тещу и вернулся самолетом на Сахалин. Через две-три недели получаем от Володи письмо. Друзья сообщили, что «Волгу» обкатали, Зоя сдала на права. Ныне ни Володи, ни Зои уже нет.

...Снова служба, работа в школе, учеба по ночам. Перед началом летней сессии я попросил декана перевести меня в группу «спецов». Посмотрев мою зачетную книжку, он согласился. Каково же было их изумление, когда на летней сессии мы оказались в одной аудитории! Я присутствовал на всех лекциях и

семинарах, но за месяц все экзамены за третий курс сдал. До Нового года сдал все зачеты, и на январской сессии 1964 года вместе со всеми сдавал несколько экзаменов за четвертый курс и был допущен наравне с другими к выпускной экзаменационной сессии, получив тему дипломной работы. Ни в коем случае не хочу на этом примере показать какие-то свои особые таланты. Дело в том, что объем знаний, полученный за четыре года учебы в педучилище и три года в военном училище, оказался более весомым. Мне было достаточно прослушать лекцию, прочитать обязательный материал в учебниках и заданных первоисточниках, и было достаточно, чтобы идти на экзамен. Отметки – «хорошо» и «отлично». Дипломную работу писал по очень интересной теме: «Кризис современной социал-демократии в Западной Европе». Работая над ней, я изучил и стал знать не только руководство западно-европейских государств, но и различные течения социал-демократических партий, их сущность, механизмы обмана трудящихся масс периодическими сменами правительств, которыми, безусловно, управляли финансовые воротилы под флагом «демократии и свободы».

Для подготовки к госэкзаменам, сдачи «хвостов» и защиты дипломной работы был вынужден использовать очередной отпуск дополнительно к положенным сорока суткам сессии. Еще до отпуска мне предложили завершить обучение в Военно-политической академии, куда мог быть принятым на третий курс заочного отделения. Это предложение я счел издевательством. Мои сокурсники проявили особую заботу, я до сих с огромной признательностью вспоминаю их. На период сессии меня приютили в Доме отдыха «Железнодорожник», построенного на пологом склоне сопки, примыкающей к совершенно необыкновенному, дикому парку культуры и отдыха. Уверен, что это лучший парк в России. Путевку оформили как на работника ДОСА-АФ. И не на один срок, а на два. Такое могли сделать только настоящие друзья! Не подумайте, что бесплатно: стоимость путевки пришлось оплатить из своего кармана, но проживание в Доме отдыха обошлось в два раза дешевле, чем если бы жил в гостинице. Не говоря о том, что не надо было задумываться о питании. К сожалению, я так и не смог отблагодарить своих товарищей и друзей. Хотя, честно говоря, так и не узнал инициатора.

Только что миновала сороковая годовщина окончания института. Друзья мои, я знаю ваш возраст! Вы всегда останетесь в

моей памяти молодыми, озорными и самыми прекрасными людьми на свете!

Летом 1964 года всей группой успешно сдали госэкзамены, получили дипломы из рук ректора А.Я. Афанасьева о высшем образовании с квалификацией «Учитель истории и обществоведения». Моими соратниками-друзьями были Н.Кудинов, Т.Гончарук, Б.Репин, Н.Горлова, В.Рябикина, И.Андреев, Г.Козекина, В.Котова, Л.Опалюк, Л.Чернова, В.Паустовский, В.Иваненко и другие. С благодарностью вспоминаю декана А.М. Лопачева, заведующую кафедрой В.Г. Руслякову, преподавателей Е.К. Розова, Б.Н. Новосельцева.

3. Самодурство, и как с ним бороться

Этим же летом 1964 года милые и очаровательные женщины – моя жена, Лима Бабашко и Лена Обдыяшева – поступили в Южно-Сахалинское педучилище. В 1966 году дамы получили вторую специальность – учитель начальной школы.

Известно, что мечта каждого офицера – поступить и закончить близкую по профессии военную академию. Именно это высшее образование дает серьезную перспективу в службе. В то время в академию принимали офицеров в должности не ниже командира роты (батареи) до 32 лет и в должности комбата – до 35 лет. Мне шел 31-й год, ротным командиром я прослужил более четырех лет, и, по-видимому, оставался последний шанс поступить в академию. Ни о каком выдвижении никто из нас даже не помышлял. В конце лета 1965 года я подал рапорт о разрешении сдать вступительные экзамены в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Стал понемногу готовиться.

В октябре комдив генерал С.Гижицкий проводил сборы командиров батальонов и их заместителей. На сборах я показывал организацию занятия с ротой по огневой подготовке с практическим выполнением стрельб не только солдатами, но и участниками сборов, при этом я был руководителем занятия и стрельб. Это мероприятие затянулось до самого обеда. По окончании комдив поблагодарил личный состав роты и меня за усердие и хорошую подготовку к занятиям.

В этот же день я должен был заступить дежурным по части, но необходимо было проверить оружие, собрать гильзы (это обязательно, чтобы сопоставить с количеством оставшихся боепри-

пасов), подвести итоги, покормить людей, совершить марш на 12 км, зайти домой, переодеться и к 18.00 быть на разводе караулов. Получалось, что я не успевал к разводу, поэтому попросил присутствовавшего на занятиях замполита полка майора Мрасева передать и.о. командира полка подполковнику Самотурскому заменить меня другим офицером. Мрасев заверил, что передаст и разрешает мне остаться с ротой (он же был прямой начальник), и уехал вместе с участниками сборов. В наряд пришлось заступить на другой день.

Прошла неделя, меня отправили с командой от дивизии за молодым пополнением на материк. Командировка прошла нормально, в числе других получил благодарность в приказе от командующего войсками ДВО. По прибытии в полк я заглянул в строевую часть и спросил делопроизводителя Асю Андрееву, подписан ли мой рапорт о поступлении в академию. Она отдала мне рапорт в руки, где в левом углу начертано: «Отказать ввиду наличия дисциплинарного взыскания. Д.Самотурский». Спрашиваю Асю: «О каком взыскании идет речь, я ни от кого не получал?» Она достает мою служебную карточку и показывает: «За неявку для заступления в наряд дежурным по части... Строгий выговор... командиром части». Я взял рапорт и пошел к Самотурскому, в кабинете его не было; заглянул в помещение партбюро части: там находились секретарь партбюро майор Н.Москвичев, замполит майор Мрасев и подполковник Самотурский.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Да, обращайтесь.

– Я хочу знать, за что мне отказали в праве поступления в академию?

– За низкую дисциплинированность, товарищ капитан.

– В чем заключается моя недисциплинированность? За время службы в полку у меня не было ни одного нарушения воинской дисциплины. В день, когда вы мне заочно объявили выговор, я получил благодарность от командира дивизии.

– Вы не выполнили мой приказ о заступлении в наряд дежурным по части. И потом, кто вам дал право изымать рапорт из делопроизводства? Это уже предел нахальства.

– Я проводил показательные занятия, и о том, что не могу заступить из-за отсутствия времени, просил майора Мрасева передать лично вам. И он разрешил мне остаться с ротой. Мало того, заверил, что передаст вам. Что касается изъятия рапорта, то

этот рапорт на бумаге мой, а не ваш. Что хочу, то и сделаю с ним.

– Я вам не разрешал. Я здесь командир полка.

Он уже мнил себя командиром полка, так и подписывал все документы «Командир войсковой части 47147 подполковник Самогурский».

– Вы пока не командир полка, а лишь исполняющий его обязанности.

– Достаточно! Хватит пререканий. Вон отсюда!

– Поосторожнее, это не ваш кабинет, а комната партбюро.

– Я сказал: вон отсюда, подонок!

– Если я подонок, ты, повторяю, ты – сволочь, понял?

– За хамство и пререкания объявляю вам трое суток ареста!

– Пошел ты ... (и послал подальше). А на гауптвахте с удовольствием посижу, чтобы не видеть трое суток твою тупую морду, понял?

И пошел в роту. При этом разговоре ни замполит, ни секретарь, которого я очень уважал, не проронили ни слова.

Через полчаса зашел в роту дежурный по части и передал мне в руки предписание для следования на гауптвахту в город Южно-Сахалинск. Все как положено, с печатями и подписью Самогурского. Он даже не знал, что согласно Уставу гарнизонной и караульной службы отбывать арест в другом гарнизоне офицеру не положено. Если в своем гарнизоне нет офицерской гауптвахты, положено содержать арестованного в отдельной комнате при дежурном по части.

Конечно, была возможность вернуться к подполковнику, пасть на колени, попросить прощения, и все было бы улажено. Но я подумал, что если это сделаю, то с нами – офицерами – самодурам будет позволено делать все, что заблагорассудится. Сегодня они оскорбляют, запрещают, арестовывают меня одного, завтра будут творить зло над другими сослуживцами. И я решил не унижаться, а нести свой крест до конца. Оставив роту под командованием старшего лейтенанта Легчилина, пошел домой и начал собираться в Южный. Дети, конечно, спрашивают:

– Куда, папа, собираешься?

– На гауптвахту, дети мои милые, на гауптвахту!

– А что там делают, на гауптвахте?

– Отдыхают, дети, отдыхают. Отсыпаются, кто сильно устал от трудов праведных. Там хорошо, как на курорте.

Провожали на «курорт» всем семейством, весело и дружно.

Желали не унывать, но я, хоть и скрывал, отлично понимал и знал, что моя карьера офицера закончилась. Так оно и вышло.

Билет купил в спальный вагон «СВ». Сам для себя решил: отдыхать – так отдыхать. Приехав утром в столицу острова Сахалин, перекусил в буфете гостиницы «Дальневосточник», где во время учебы в институте обычно останавливался. Затем пошел к коменданту гарнизона, который сказал, что я могу отправиться назад, так как из других гарнизонов принимать арестованных офицеров по Уставу не положено. Но я упросил сделать отметку о прибытии и дать возможность отсидеть, раз уж приехал. Комендант позвонил начальнику караула и я, откланявшись, пошел к автобусной остановке мимо штаба корпуса, территория которого находилась через дорогу напротив комендатуры. Проходя мимо контрольно-пропускного пункта штаба, я увидел идущего навстречу моего старого наставника И.Н. Стогова, ставшего подполковником. Я даже не знал, что он приехал на Сахалин; видимо, в полку политработники избавились от него, уж слишком он был честным и порядочным.

Мы обнялись, расцеловались. Оказалось, что он является инспектором политотдела корпуса. Спросив, где я служу, поинтересовался:

- Что ты делаешь в Южно-Сахалинске?
- Направляюсь на гауптвахту, только что от коменданта.
- Не понял, расскажи поподробнее.

И пришлось мне рассказать о событиях последних дней.

– Ну вот видишь, я же помню, как ты о наших политработниках отзывался. Оказывается, и среди командиров сумасброды попадают. Подожди меня здесь, я отмечусь о прибытии на службу, и мы с тобой потолкуем.

– Да нет, Игорь Николаевич, уж лучше сейчас же поеду на гауптвахту, а через трое суток к вам заеду.

Прощались, я поехал. От остановки автобуса до гауптвахты было недалеко, и вскоре я подошел к калитке. Позвонил, навстречу выбежал начальник караула – молодой лейтенант, который, представившись, сообщил: «Товарищ капитан, мне только что звонил комендант гарнизона. Вам необходимо срочно прибыть к начальнику политотдела корпуса».

Мне стало ясно, что Игорь Николаевич понял разыгравшуюся в моей душе трагедию и боль, ненависть, и решил вопреки моей просьбе вмешаться в это дело. После нашей встречи Стогов зашел к начальнику политотдела корпуса и поведал ему мою

печальную историю. Когда я прибыл к полковнику (в будущем – генералу) Рассейкину, мне в присутствии Стогова пришлось рассказать все заново. Начальник политотдела только спросил:

– Неужели такое может быть в наше время? На гауптвахту вы не сядете, потому что по Уставу не положено. Надо вам успокоиться и отдохнуть. Вот и отдохните двое-трое суток. Мы закажем вам в «Дальневосточнике» номер.

На этом и попрощались. Пешком дошел до гостиницы. Меня уже ждали.

– Для вас заказан номер. Вам какой?

Мне стало смешно, и я сказал, что мне нужен «Люкс». Выделили. Заплатил за трое суток и приступил к «самоуспокоению»: посещал моих знакомых по институту, дышал горным воздухом, вечерами ходил в театр, кино.

Через трое суток отдохнувший, выспавшийся прибыл в Леонидово (конечно, снова в вагоне «СВ»). Доложил, как положено, и сказал, что на гауптвахту не приняли, хотя я каждое утро умолял коменданта выделить одно место для меня. «Вчера мне объяснили и отметили в записке об аресте, что вы, товарищ подполковник, грубо нарушили Устав гарнизонной и караульной службы». Самотурский скрипел зубами, но ничего не мог поделать. Оказывается, его уже вызывали на беседу к начальнику политотдела дивизии полковнику Саушину.

После доклада пошел в роту. Скоро прибежал посыльный по штабу и попросил расписаться в книге приказаний о заступлении дежурным по части. Расписавшись, позвонил майору Мартынюку, ведавшего учетом наряда, что он грубо нарушил Устав, так как о заступлении в наряд положено объявлять за сутки. Еще через час посыльный принес приказание о моем заступлении в наряд на следующий день. Затем дежурный по части позвонил мне и передал приказ Самотурского принести в штаб одну кровать с чистым постельным бельем. Дал команду старшине, чтобы на листе бумаги была надпись: «Персональная кровать арестованного капитана Г.А. Александрова».

Самотурский от злобы начал терять разум, мне оставалось ему подыграть. Перед тем как пойти домой, зашел к начфину и отдал свое предписание, билеты на поезд, квитанции за гостиницу, за постели в вагоне и попросил его оплатить все расходы «командировки». Все это вместе взятое составило довольно внушительную сумму, близкую по величине к половине моего месячного оклада. Он ответил, что должен посоветоваться с начфи-

ном дивизии, поскольку в предписании не записано, на каком основании я был откомандирован в Южно-Сахалинск, а письменного приказа о моем наказании в полку нет.

После службы в наряде ко мне прибыл начальник разведки артиллерии дивизии и сказал, что ему поручено провести расследование по поводу оплаты моих расходов, связанных с командировкой в Южно-Сахалинск. Меня это весьма удивило, если не возмутило! Майор начал меня уговаривать отказаться от требования оплаты расходов. Мол, мне еще с Самотурским служить да служить вместе.

– Товарищ майор, не угрожайте мне, ничего преступного я не совершил! Служить бы рад, прислуживаться Самотурскому тошно. Почему я из-за его самодурства должен лишать своих детей еды на полмесяца? Я что, сам просился в Южно-Сахалинск? За самодурство и оскорбления подчиненных надо уметь отвечать. Можете передать комдиву, что меня не надо пугать, я согласен на увольнение хоть завтра.

На следующий день в 9.00 я был уже в кабинете комдива. Он вежливо поздоровался, посадил за стол:

– Вы знаете, товарищ Александров, что говорил В.И. Ленин о воинской дисциплине?

Затем подошел к книжному шкафу, взял один из томов Ленина, открыл заранее выбранную страницу и начал читать: «Чтобы победить...» и т.д.

– Знаю. «Нам нужна железная воинская дисциплина, доведенная до высших пределов».

– Вот именно. (Затем положил том на полку.) Но почему же вы, товарищ Александров, встали на путь грубого нарушения воинской дисциплины и недобросовестного исполнения своих служебных обязанностей?

И я понял, что Самотурский и его компания в лице Мрасева дали комдиву на меня такую характеристику, с которой и в тюрьму не примут. Конечно, они поверили подполковнику, выпускнику академии, но не мне. Я знал, что И.Н. Стогов мне доверял. Комдиву я ответил, что он может посмотреть мою служебную карточку, в которой нет ни одного взыскания, кроме наложенного Самотурским. Даже мой арест в 1959 году не был записан. Следовательно, я не являюсь нарушителем воинской дисциплины, а десятки поощрений говорят о том же.

– Но вы же оскорбили подполковника Самотурского, а затем на него же пошли жаловаться в политотдел корпуса.

– Да, это факт, что я оскорбил его, но первым сделал это он. Жаль, что у нас запрещена дуэль, лежал бы уже в гробу за свое оскорбление. Мне что, надо было рот закрыть на замок? Есть свидетели. Кстати, я никуда не ходил жаловаться. Скажите, почему вы все обвиняете меня, но не хотите даже выслушать, как было дело?

– Говорите, я вас слушаю.

И я подробно рассказал, как было дело, начиная с показательных занятий.

– Вы должны были заступить дежурным по части, могли доехать на машине и успели бы на развод.

– Товарищ генерал, а если бы что-нибудь без меня случилось в роте, ведь была стрельба, могли остаться патроны даже в патроннике – чем черт не шутит! Кто был бы виноват? Снова я. Потом полроты свидетелей подтвердят, что замполит полка решил мне остаться именно в интересах обеспечения безопасности личного состава. Если он отказывается от этого, вызовите офицеров, они подтвердят мою правоту.

– Ну, хорошо, все можно уладить. Но почему вы и дальше конфликтуете с подполковником, предъявляя документы на оплату?

– Товарищ генерал, я служу не зарвавшемуся подполковнику Самотурскому, а своей Родине. У меня не было нарушений воинской дисциплины и не будет. В то же время моя семья состоит из пяти человек, которых я должен кормить и одевать. Так почему я должен понести расходы, связанные с незаконным арестом и командировкой в другой гарнизон? Пусть эти расходы оплатит виновный. Если он этого не сделает, я добьюсь через прокуратуру и военный трибунал. Тем более что у меня никакого желания ехать отдыхать в Южно-Сахалинск не было. И убедительно вас прошу внушить подполковнику, что Устав – это закон, и его надо соблюдать всем, без исключения, военнослужащим. Если он хотя бы еще раз повысит голос, мои действия будут втройне адекватны.

На этом наша беседа закончилась. Через несколько дней меня пригласил наш начфин капитан И.Н. Фадеев и выдал деньги сполна. По секрету он сообщил, что комдивом издан приказ, согласно которому мои расходы возмещаются за счет подполковника Самотурского, а ему было указано на недопустимость повторения действий, ущемляющих права офицеров.

Еще через пару часов Самотурский вызвал к себе, усадил и спокойным тоном сказал: «Нам с вами, Александров, служить в

одном полку, и впредь не следует больше конфликтовать». Я согласился и попросил его впредь обходиться без оскорблений, унижающих человеческое достоинство подчиненных, не повышать голос и уж тем более – не пугать.

Казалось, справедливость восторжествовала, но документы в академию так и не были посланы – я потерял последний шанс попытаться поступить в Военную академию до 32 лет. Взыскание Самотурского не было занесено в служебную карточку, но я потерял бесценные годы для продолжения военного образования, на моей карьере был поставлен крест. Вскоре вышел приказ министра обороны СССР, который вообще запрещал прием на основные факультеты академий тех офицеров, кто получил высшее гражданское образование. Действительно, зачем таких «умных» держать в армии!

Служить стало легче, потому что солдаты относились ко мне с искренним уважением. Как ни грустно, но строить планы на будущее также не надо было. Настоящий командир, А.Д. Сильвестрович, приехавший после окончания академии, встретив меня, подбодрил: «Держись, парень!», и пожал руку. Мне показалось, что крылья складывать рано.

4. Учения и приключения

Служба в роте шла без приключений; за днями шагали недели, за ними – месяцы; днем – в роте, вечером – в школе. Мне понравилось к каждому уроку готовить информацию о важных и в то же время интересных исторических фактах, по крайней мере, учащиеся их сразу запоминали. На зачетах я давал возможность списывать со шпаргалок, как будто не замечая, да и позорить ученика ни к чему, хотя каждый учитель всегда видит любое движение рук, ресниц, губ, слышит каждое слово (правда, ученики об этом часто не догадываются). Но как только ученик отвечал свою тему, я останавливал, замечая, что этот вопрос он знает хорошо, и начинал беседу совершенно по другим темам. Постепенно таким образом приучил учащихся к каждому уроку, к каждому зачету и экзамену перечитывать весь материал. Хорошо помнил, как опытный доцент в Вологодском пединституте, принимая у меня зачет по истории Древней Руси, задал вопрос: «Что вы прочли из рекомендованной литературы к этому зачету?» Я ответил: «Чингиз-Хана» и «Батгя» Яна.

Последовал второй вопрос: «Что в этих произведениях запомнилось?» Я ответил, что меня поразило описание поединка и смерть Евпатия Коловрата. (Действительно, его последний бой был описан В.Г. Яном так ярко – волосы встают дыбом.) Мой доцент ничего не стал больше спрашивать, взял зачетную книжку и поставил зачет.

Из учеников и учениц запомнилась русская девушка Людмила и кореянка Света. Она была так красива, эта Света, одевалась с таким шиком и вкусом, что мужчины бросали на нее пламенные взгляды, не могли оторваться. Вызывало уважение старательное отношение Светы к учебе. После окончания школы ее увезли в Южно-Сахалинск, поговаривали, что за ней в Корсаков приезжал специальный лайнер то ли из Северной, то ли из Южной Кореи. Ее подруга Тамара вышла замуж за нашего офицера – зампотеха танковой роты старшего лейтенанта Гаркушу, дослужившего до полковника. Моя жена нередко бывала в корейских домах по проблемам детишек и всегда восхищалась порядком, чистотой, взаимоотношениями в семье и величайшим трудолюбием. Ни один русский не выращивал у нас томаты, корейцы растили их без теплиц, каждый куст под бумажным чехлом, и мы с удовольствием покупали у них рубиновые сочные огромные вкуснейшие помидоры! Стоили они около трех рублей за килограмм.

Весна 1965 года запомнилась бурной, неуправляемой, дикой. Реки вышли из берегов, ручьи и дороги превращались в горные потоки, сокрушавшие на своем пути в движении к океану все, что попадалось.

Однажды в штабе полка сообщили, что поезд Южно-Сахалинск – Тымовское не дошел до Поронайска, но скоро прибудет. К тому времени между Поронайском и Леонидово снесло несколько мостов и участков железной дороги. В этом поезде должно было прибыть молодое пополнение для нашего полка. Рано утром меня вызвал командир полка, приказал взять в парке транспортный ЗИЛ-157, выехать в Поронайск, встретить и привезти молодое пополнение в полк. Дорога, ограниченная с обеих сторон глубокими кюветами, шла параллельно реке Леонидовка. Справа на болоте рос невысокий смешанный лес, слева неширокая лесополоса разделяла дорогу от русла. Сама река – набухшая, угрожающая – бурлила и ворчала, норовя захлестнуть гравийные откосы и соединиться с болотами, и кое-где это ей удалось. Доехали до вокзала нормально, но поезда не было, и мы стали ждать его прибытия.

Ждали долго, проголодались; перекусили в станционном буфете. Затем дежурный по станции сказал, что поезда не будет. Тогда я подъехал к военкому и попросил покормить людей, если все-таки поезд подойдет. Примерно в 17 часов мы двинулись назад в Леонидово. Проехав несколько километров, как-то не сразу поняли, что дорога исчезла и нас окружает вода. Смесь из воды, грязи, льда двигалась навстречу. По мере продвижения вперед вода прибывала, уже и колеса скрылись. В пяти-семи верстах от города на небольшом возвышении находилась деревушка. Как только вышли на сухое место, остановились. Что делать: двигаться вперед или назад? Почему-то мне запало в голову, что Леонидово сравнительно выше над уровнем моря, чем Поронайск, и я надеялся, что на сухую дорогу мы выйдем раньше, чем по дороге в город. Выбрали движение вперед. Уже через полкилометра вода дошла до ног и постепенно стала затоплять кабину. Машина шла на второй передаче, не торопясь, но верно. Искусство вождения машины заключалось в том, чтобы ехать (интуитивно) точно посередине дороги. Я лишь тихо говорил: «Чуть влево, хор»; «Чуть вправо, хор»; «Так держать!..», иначе нам грозил снос в кювет. Вода все поднималась, назад уже пути не было, а развернуться не было возможности. Вот уже залило капот, но мотор работает как часы; вот уже осталась лишь небольшая щель между уровнем воды и крышей кабины для наблюдения за дорогой. Вода уже по пояс сидящим в машине, а машина все шла и шла.

Что делать, если двигатель заглохнет? Возможно, придется выйти из кабины, доплыть до деревьев на болоте и попробовать пойти по залитому болоту. Но в этом случае в холодной воде мы могли продержаться всего десять минут. В конце концов, решил я, что выйдем на крышу кабины и будем греть друг друга, пока не стихнет поток. В голове у меня стучала лишь одна мысль: «Ну, давай, миленькая, вперед, не заглохни!» Постепенно, к нашей радости, вода в кабине стала заметно убывать, а скоро и вовсе исчезла. В 5-6 километрах от Леонидово мы вышли на сухую дорогу. Ура! Поставили на место ремень вентилятора. И тут водитель воскликнул: «Товарищ капитан, есть Бог на свете! Знаете ли вы, что послезавтра у меня «дембель» и я полечу на материк? Наверное, сегодня весь день за меня молилась моя мама». У парня полились слезы по щекам. Я ответил, что он сам прекрасный водитель и в этом вся «соль».

До сих пор удивляюсь, как мы уцелели?! В таких случаях я благодарил своего ангела-хранителя.

Запомнилась на всю жизнь другая командировка, где я был в качестве посредника при одном из комбатов на дивизионных тактических учениях в южной дивизии. Так случилось, что из нашей дивизии привлекли двоих: капитана В.Погребца и меня. Учения были сложными, интересными и долгими. Кстати, по прибытии в Аниву я встретил однополчанина из Вологды, подполковника Н.Ф. Кузьмина, бывшего у нас командиром батальона, а здесь – заместитель командира полка по политической части. Вот повезло офицерам! Кузьмин был не только прекрасный командир, но и чудесный человек. Мы продолжили нашу встречу у него дома, хорошо посидели, вспомнили совместную службу, наших товарищей и друзей. Жена его оказалась симпатичной, душевной и гостеприимной хозяйкой. Учения начинались утром, поэтому ближе к полуночи мы расстались, и я пригласил их к себе в гости в Леонидово. К сожалению, больше не встретились.

По замыслу учений у «нашей» стороны были достоверные данные о возможной высадке крупного морского десанта «южных» в районе мыса Крильон. Предусматривалось нанести удары ВМС и авиацией по «противнику» в случае его высадки с восточного направления Анивского залива, а главными силами «северных» остановить его наступление на рубеже Невельск – Кириллово, и частью сил «нашего» морского десанта в тыл севернее мыса Крильон во взаимодействии с воздушным десантом завершить разгром.

Полк Кузьмина на следующее утро был поднят по учебной тревоге и выведен сразу в район восточнее Корсакова в качестве морского десанта для посадки на десантно-переправочные средства (ДПС). Пока командование изучало обстановку и принимало решение, с батальонами проводились тактико-строевые занятия по посадке подразделений на ДПС и их высадке. Задача посредников состояла в том, чтобы не допустить нарушений мер безопасности, дать оценку действиям подразделений и их командирам, принимать участие в розыгрыше наиболее важных эпизодов учений. В перерывах между занятиями, особенно вечером, нам даже удалось порыбачить на красноперку. В конце тонкой бечевки привязывали небольшой, но увесистый груз; от груза повыше зацепляли несколько крючков с различными аппетитными наживками и бросали в море, привязав один конец к колышку. Оставалось только периодически проверять, и если хорошо клевало – вытаскивать. Это напоминает перемет, кото-

рый мы ставили на речке. Но красноперка – рыба благородная, по сравнению с плотвой довольно крупная и ловить ее – одно удовольствие. Правда, хозяйкам не всегда нравится: уж больно костлявая. Солдатам на уху выловили. Всего одна рыбалка, один вечер – а запомнилось на всю жизнь!

Затем была реальная погрузка и переход десантным порядком под прикрытием кораблей огневой поддержки через весь Анивский залив. Полный штить, море сверкало светло-бирюзовой эмалью; солдаты, уставшие после тренировок, с удовольствием отдыхали, созерцая причудливые очертания береговой полосы. Затем была высадка на нормальных ДПС, не надо было прыгать в воду, как когда-то в Белом море, затем – атака и развитие наступления в северном направлении по сопкам. Впервые мы увидели на земле голые кипевшие круги (диаметром до метра), в которых почва как бы варилась по-настоящему. Таких «котлов» было немало. Как нам пояснили, это были естественные выходы на поверхность небольших вулканов.

К середине дня после утренней высадки поступила команда от старшего посредника остановить продвижение полка и перейти к временной обороне в готовности к отражению попыток «противника» прорваться на юг в связи с предстоящей высадкой воздушного десанта, с которым мы должны были соединиться. Мы видели, как самолеты военно-транспортной авиации выбрасывали из «чрева» сотни парашютистов, десятки единиц техники. Приземление десанта и техники нам увидеть не удалось, но вскоре мы услышали канонаду боя, приближавшуюся к нам. Неожиданно недалеко от меня по дороге подъехал ГАЗ-69, из него легко выскочил довольно молодой и симпатичный генерал в полевой форме одежды. Я подошел и представился. Последовал ответ: «Генерал Сухоруков. Где ваш штаб полка?» Я сказал, и он, пожав руку, поехал дальше. Руки я в тот день, конечно, не мыл. (Генерал Сухоруков, в то время командир воздушно-десантной дивизии, в будущем станет командующим войсками ВДВ. Никогда ни от кого про него не слышал плохого слова, все офицеры всегда восторженно отзывались о нем.)

Учения продолжались еще несколько суток, были интересными и поучительными, обошлось без происшествий. По окончании мы приехали в Южно-Сахалинск; операторы разместили нас с Васей в гостинице. Поезд уже ушел, у нас не было ни проездных, ни денег; обещали все выдать завтра. Хотелось есть, обыскали свои карманы и нашли восемь рублей на двоих. Си-

дим и думаем, куда пойти: в буфет или в ресторан? Решили – в ресторан.

Как-то сразу поднялось настроение. Прибыли, сели за пустой стол в зеленом зале. Подходит миловидная, симпатичная девушка лет восемнадцати и спрашивает, что бы мы хотели. Мы говорим ей:

– Откуда такую красавицу нам бог послал, мы еще никогда такую не видели! Вы, наверное, самая красивая девушка на Сахалине! Выбирай, кто из нас тебе милее, и выходи замуж!

Тут она окликнула подружку:

– Валя, иди сюда, у меня женишки появились!

– Девочки, вы пока подумайте над нашим предложением. Закажем мы вот что: две стопки водки, два винегрета и бутылку «Горного воздуха». Не знаем, хватит ли на хлеб, но у нас денег всего пять рублей на еду и три рубля на такси, чтобы вас довезти. Можно, мы вас после работы довезем?

Девушки захохотали:

– Откуда вы такие здесь появились?

– Из лесу, вестимо! Вы же видите, мы в полевой форме, зато сапоги наши блестят.

Так и познакомились.

Через пять минут на нашем столе появился графинчик водки, селедка, бутерброды с красной икрой, рыба жареная (форель), цыпленок табака, две бутылки «Горного воздуха», два кофе и еще что-то. Мы – в шоке и восторге одновременно:

– Девочки, мы же вполне серьезно: у нас нет денег.

– Вы что, в последний раз к нам зашли? Куда вы денетесь, занесете как-нибудь. Вы же – женихи!

Мы были целый день голодные и с принесенными яствами расправились очень быстро. Решили подождать девушек, чтобы проводить их домой. В общем, было весело. За соседним столом, полным закуски, скучал в одиночестве неизвестный нам капитан первого ранга и пил «Арагат». Услышав наши разговоры, предложил присоединиться к нему.

Мы не могли отказаться и, конечно, «помогли» ему. Заиграла музыка, пригласили девочек на танцы. Скоро ресторан закрыли, и к нам подошел директор ресторана: «Мужики, у меня в кабинете накрыт стол, сегодня – день рождения и поэтому я прошу вас всех зайти». Как мы могли отказаться?

После столь обильных излиятий мы вышли на улицу, оставили первое попавшееся такси и поехали. Сначала решили

проводить Лиду – она жила где-то на окраине, за железной дорогой в сторону аэропорта. Приехали к ее дому, я вышел из машины, чтобы проводить девушку до двери, но Вася развернулся и был таков! В общем, подставил меня. Лида посочувствовала мне:

– Ну куда ты ночью пойдешь? Ладно уж, заходи.

Я был сконфужен и рад одновременно. Зашли в прекрасно обставленную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Лида переделалась в обтягивающий шерстяной костюм, подчеркивавший линии ее изящной фигурки, и быстро накрыла на стол: шампанское, икра, фрукты, кофе. После кофе стал чувствовать себя увереннее. Мы разговорились:

– Как тебе живется одной?

– Нормально. Что не жить, когда за один вечер чаевых дают с месячную зарплату.

Потом она села на спинку дивана, а я сидел на стуле напротив, и вдруг – выпалила:

– Господи, какой же ты старый!

Мне было 30 лет, ей – двадцать.

– Ладно, не обижайся, я пошутила. А дети у тебя есть?

– Да, их у меня двое, два парня.

Лида помолчала и сказала:

– Давай укладываться спать, мне к десяти на работу.

Она постелила мне на кровати, а сама легла на диван. Спать я, естественно, не мог, попросил ее лечь рядышком. После долгих уговоров она согласилась, но при условии, что я ее трогать не буду. Тут-то я «вспомнил», что мужик, и потом: вдруг она посчитает меня импотентом? Однако малейшие попытки к сближению решительно пресекались.

– Ладно, смотрю, ты не угомонишься. Все вы, мужики, одним лыком шиты, ума у вас нет. Дураки вы и бабники! У меня есть муж и дочь, сейчас она живет у мамы. Муж – пьяница, недавно мы развелись. Недели две назад, уже после развода, приезжает «скорая», и врач просит сдать кровь из вены и пальца. Оказалось, мой муженек болен гонореей и находится на лечении в больнице. Правда, мы не жили с ним около двух месяцев. Но результаты анализов пока я не получила...

Вот тогда я сразу протрезвел! Простая русская женщина преподала мне великолепный урок нравственности, который я запомнил на всю жизнь. Думал, что она завела к себе переспать, но оказалось, просто пожалела меня, и приведя домой, поступила без всякого умысла, вполне естественно.

Проснувшись довольно рано, мы позавтракали, и я пешком добрался до гостиницы: Вася спокойно спал. С утра пошли в штаб, получили наши командировочные и проездные и, сдав отчет, успели пообедать в ресторане, вернуть «кредит» нашим девушкам, поблагодарить их и попрощаться. Вечером сели на поезд.

Когда я приехал в Южно-Сахалинск в очередную командировку, зашел в ресторан увидеть мою знакомую, но она там уже не работала, и никто не знал, куда она делась. В тот вечер я пошел в театр, а после спектакля встретился в буфете с Заслуженным артистом РСФСР и Народным артистом Коми АССР, моим кумиром в молодости Шамраевым. (Его я помнил еще по роли Иосифа Сталина в постановке «Незабываемый 1919-й» Коми драмтеатра в Сыктывкаре. Пока учился в институте, покупал билеты в драмтеатр.) Познакомились, поговорили с ним, вспомнили Сыктывкар, и тут подходит... она!

Лида теперь работала в буфете театра. Поздоровались как старые знакомые – она принесла нам выпить, закусить, и присев, как бы между прочим, сообщила, что у нее все хорошо и ищет жениха. Посоветовала мне подумать. Но было уже поздно. После той знаменательной встречи я не видел Лиду. Очень хотелось, чтобы она была счастлива.

В июле после выпускных экзаменов в академии им. М.В. Фрунзе вернулся наш командир полка, которого назначили начальником штаба дивизии. Прибыл новый комполка – бывший заместитель комполка в Дачном подполковник С.В. Горшков – высокий, стройный, симпатичный мужчина, выпускник фрунзенской академии. Самотурский остался «с носом» и дальше своего кабинета никуда не выходил. За три года он даже «умудрился» ни разу не заглянуть в роту. Это надо уметь!

Так случилось, что на должность одного из командиров рот замена не прибыла, и по этому случаю новую должность заслуженно получил старший лейтенант Легчилин. Как-то в обычной беседе с новым командиром полка я пожаловался, что мне становится тяжеловато: ротным уже пять лет, начал уставать, выполняя одно и то же; «плюс» преподавание в школе, не высыпаясь, большая семья, и было бы целесообразно меня заменить, благо еще восемь ротных командиров по штату. С.Горшков отнесся вполне понимающе и спросил, кого лучше назначить. Я предложил старшего лейтенанта Легчилина, который вполне успешно командовал ротой после меня, хотя и было одно чрезвычайное происшествие.

На меня же Горшков возложил обязанности внештатного начальника физподготовки и спорта. Это была самая легкая, интересная и полезная работа за всю службу в армии. Физподготовку организовал так, что во всех состязаниях на первенство дивизии команды нашего полка занимали только первые места. Лично сам тренировал команды по лыжам (в том числе и женскую), по стрельбе и по военному троеборью для сдачи нормативов первого разряда и кандидата в мастера спорта. Самоволки в полку прекратились. Лично я представлял сборную дивизии (начфизом дивизии был Г.Иванов) на первенство района. Кроме командирской подготовки, периодических занятий с приписным составом каждый из нас ежедневно после обеда и каждую субботу обслуживал и поддерживал в боевой готовности свои штатные бронетранспортеры БТР-152.

В начале лета вызвал к себе новый начальник штаба дивизии. В его кабинете сидел в пригнанной, «с игопочки», форме майор ВДВ. Полковник А.Д. Сильвестрович объявил, что в учебном центре будут проводиться сборы с офицерами запаса спецназначения; руководителем сборов назначен майор N, а я – командиром роты со всеми вытекающими обязанностями. Из полка я убывал в город Оху «для проведения командирских сборов с офицерами запаса на месяц». Моя роль сводилась к контролю за соблюдением распорядка дня, за проведением строевой, огневой, физической и политической подготовки, за организацией всестороннего обеспечения сборов. С утра необходимо выехать к месту проведения сборов. «Само собой, язык – на замок!»

На следующий день мы с майором выехали на место, казарма на 100 человек была полностью подготовлена: кровати заправлены, столовая и кухня в идеальном порядке. Обговорили первоочередные задачи, разделили функции. Я написал в соответствии с программой расписание занятий, а на другой день стали принимать людей: проверяли данные, провели санобработку и переодели в форму. Выяснилось, что прибывшие офицеры отслужили в армии не менее года, занимали ответственные должности партийного, советского и «командного» состава области, городов, районов и крупных предприятий. Это были «отборные» люди, знавшие, кстати, свободно один из иностранных языков. В первые дни они изучали новейшую технику и вооружение, особенно средства связи, проводили тренировки в радиоклассе и в поле. Позже майор их «выбрасывал» (направлял) на 3-4 дня для выполнения определенных учебных задач в сопках,

горах, на побережье Северного Сахалина. Все вовремя возвращались. Ребята отличались прекрасной физической подготовкой и развитым интеллектом, но главное – преданностью Родине. После окончания сборов они как незаметно собрались, так же и «растаяли». Никто их не встречал, никто не провожал.

Через пару недель после спецсборов предстояла командировка почти на самый Север. Мне дали взвод солдат, ГАЗ-63 и приказали убыть в распоряжение одного из начальников корпусных складов боеприпасов. Склад этот затерялся в тайге, и чтобы туда попасть, надо было знать множество поворотов дорог. Кирпичные склады были неплохо оборудованы, но не обвалованы; обслуживала и охраняла их команда в составе чуть больше взвода. Рядом размещалась небольшая казарма и несколько жилых домов для трех офицеров и шести сверхсрочнослужащих старшин с семьями. До ближайшего селения – 20 км. Сколько же надо иметь офицерам, и особенно их женам, терпения, выдержки и самоотверженности!

Наша задача состояла в том, чтобы в течение месяца привести в окснарвид (окончательно снаряженный вид) определенную партию боеприпасов и выполнить ряд необходимых погрузочно-разгрузочных работ, связанных с их перемещением. Лично мне надо было организовать эту работу и не допустить разного рода ЧП, например, подрыва боеприпасов при работе с ними. В случае ошибки всё живое и неживое на этих складах взлетело бы на воздух. Поэтому перед каждым входом на территорию складов солдаты выворачивали карманы, чтобы не было курева, спичек, других зажигательных средств. Мало того, я заставил отвинтить с подошвы сапог стальные набойки, чтобы при передвижении по камням и металлическим изделиям не возникло случайной искры. Позднее мне пришлось немало заниматься с боеприпасами, и всегда удивляло легкомысленное отношение артвооруженцев к размещению личного состава и семей военнослужащих буквально рядом со складами. Разве можно строить склады без обваловки хранилищ и охранной зоны, без пожарной команды, правильно спроектированных громоотводов и надлежащего освещения? От безалаберности погибали сотни и сотни невинных людей.

В тот раз мы удачно выполнили поставленные задачи и вернулись в Леонидово целыми и невредимыми. Но эта командировка запомнилась, потому что была очень рискованной. Впервые в жизни я увидел, в каких невозможных условиях приходится жить нашим офицерам, прапорщикам и их семьям.

Осенью с нашим полком были проведены плановые учения по доукомплектованию военнообязанными запаса и боевому слаживанию подразделений. Затем нас вывели на полковое тактическое учение по обороне морского побережья на участке Гастелло – Поронайск. Моя рота обороняла опорный пункт в полтора километра по фронту. Впервые в жизни мне удалось увидеть следы мореходства судами всех типов: десятки метровых акул, тонны выброшенной морской капусты (натурального йода), десятки больших и малых нерп, крабов, лежащих на песчаном берегу, но уже погибших в результате деятельности человека. Учения прошли хорошо, хотя и без обозначенного «противника». Через неделю сборы закончились, и мы вернулись сначала в лагерь, а затем в пункты постоянной дислокации.

После окончания сборов мне было приказано доставить колонну автомашин, призванных из Александровска. Выехали с утра в ясную солнечную погоду; осень не спеша и незаметно переодевалась в причудливый золотой наряд. Проехали Буюклы, Смирных, Победино, «Долину смерти», где японцы уложили почти в полном составе свой 88-й полк в 1945 году, Палево, Тымовское, после которого дорога пошла на запад, в гору. Подъем начинался серпантинном Западно-Сахалинских гор. И вот последний к перевалу длинный пологий подъем.

Двигались мы на скорости 50-60 км в час, не более. Вдруг в 10-15 метрах от самого перевала услышали мощный выстрел, затем наша машина резко завилыла и неожиданно свалилась набок в довольно глубокий кювет с правой стороны дороги. Я ударился головой сначала в переднее, затем в боковое стекло, почувствовал сильную боль в правой ноге. С лица потекла кровь. Шевельнул конечностями – пальцы слушаются, значит не перелом, а просто сильный ушиб. Прошло лишь мгновение. Посмотрел влево – водитель, вижу, живой, но испуган и полностью растерян. Я скомандовал: «Быстро из машины, пока не загорелась!» Но прежде чем спрыгнуть на землю, он протянул мне руку, чтобы и я мог выйти за ним через верхнюю (левую) дверь.

Осмотрел машину: ничего нигде не протекает, и я успокоился. Подошедшие водители быстренько обработали йодом наши ссадины и с помощью двух буксирных тросов подняли машину на полотно дороги. В пятнадцати метрах ниже перевала рядом с дорогой лежало глубокое ущелье глубиной до 300 м. Одним словом, случись этот «выстрел» на две-три секунды позже, и от нас с водителем остались бы «рожки на ножки», а от машины –

металлолом. Оказалась проколотой задняя правая шина железным штырем, как будто специально загнанным в полотно дороги.

Повезло второй раз. Мой ангел-хранитель был рядом.

На привале я поразмышлял и решил проинструктировать водителей о том, как будем спускаться с перевала. Произошел вроде бы обычный несчастный случай. На наших машинах не было металлоискателей, да и кто мог увидеть в движении загнанный в землю штырь?

Этой осенью, когда стало довольно ветрено и прохладно, а после дождей реки и ручьи становились «брюхатыми», направили нас в тот же Александровск провести двухнедельные командирские сборы с офицерами запаса при горвоенкомате. Дали старенький ГАЗ-69А, и мы поехали. Проехав Тымовское, я предупредил водителя, что спуск после перевала будет сложным, длинным, с множеством поворотов, а протяженность серпантина около 3 км, поэтому надо крепче держать руль и с началом спуска лучше всего перейти на третью передачу, а то и на вторую. Подъезжаем к перевалу, проезжаем его, водитель пытается перейти на третью передачу, но она не включается; он пытается тормозить – тормоза не работают. Машина покатила вниз с нарастающей скоростью – 60, 70, 80, 100, 120 километров в час...

Я спокойно говорю водителю: «Держи руль крепче, сбрось газ, но не выключай двигатель и начинай не сразу, а постепенно поднимать рычаг ручного тормоза». Мы уже не ехали, а летели, но постепенно скорость стала угасать. «Спокойно, дружок, только смотри вперед, и держи крепче руль и ручник – тоже!» У водителя не было другого выхода, кроме как рулить и удерживать машину от опрокидывания. Ехали так долго, пока не сумели включить низшую передачу. В районе Арково, наконец, остановились, хотя никакой надежды на спасение не было. Мы остались живы благодаря тому, что при спуске нам не попалась встречная машина.

Вот так иногда судьба играет жизнью людей на одном и том же месте. Спасибо моему ангелу-хранителю! Повезло уже в который раз...

В марте 1966 года неожиданно подполковника Самотурского перевели в город Уссурийск, в Приморье, на должность преподавателя автомобильного училища по тактике. Для всего полка это оказалось радостным событием. Он уехал незаметно, его никто

даже не провожал. На место Самотурского, к моей радости, был назначен командир 1-го батальона подполковник П.Ф. Шишкин, которого заменил начальник штаба первого батальона соседнего 157-го мотострелкового полка, а вместо него был назначен... ваш покорный слуга. Когда мне об этом позвонил начальник отделения кадров майор В.В. Алексейцев, я не поверил. Только уже после поздравления командиром полка и специально приехавшим в полк полковником Сильвестровичем с назначением свалилась с плеч тяжелейшая ноша ротного «весом» 6 лет и 10 месяцев.

Ротный – это одновременно командир и отец, прокурор и судья, защитник и советник, самый верный друг и товарищ солдата. Он отвечает за все, а сколько же перепадает ему от начальства! Когда сотни людей чередой проходят через твои мозги и руки, ты всегда думаешь лишь об одном: не навредить, сберечь, накормить, одеть, обуть, чтобы солдатам не было скучно и неудобно, чтобы они были довольны службой. Всякое бывает. Но главный результат: ни один мой подчиненный не погиб, не стал калекой, не попал в тюрьму или в дисбат. Само по себе назначение тоже было закономерно. За успехи в службе в последний год я получал грамоты от первого секретаря Поронайского горкома партии М.Сокольников, от комдива генерала Гижицкого и даже от директора целлюлозно-бумажного комбината города Поронайска П.Королева. Кроме того, из всех ротных я был самым опытным и единственный с высшим образованием. Это выдвижение было единственным в дивизии за пять лет.

Через три дня я стал начальником штаба – заместителем командира батальона, которым командовал подполковник Соловьев Н.П. Командиром полка был очень умный, выдержанный, «само спокойствие» подполковник Устинов, которого чуть позже заменит подполковник Чумак. Как говорят, на новом месте служба пошла «как по маслу». Через месяц состоялось развертывание полка, сборы с приписным составом. Жизнь проходила по распорядку. Леса благоухали, только сопки полыхали жутким, всепоглощающим огнем.

В середине июня наш батальон был поднят по тревоге, погружен на автомашины с ПХД (пункт хозяйственного довольствия) с запасом продуктов на две недели, с саперными лопатами, топорами и БМП (батальонный медицинский пункт). По приказу командира полка мы должны были совершить марш Леонидово – Гастелло – Макаров и поступить в распоряжение

председателя Макаровского райисполкома. Лесные пожары окружили город Макаров и приближались к угольной шахте. Нам была поставлена конкретная задача: не допустить возгорания шахты и примыкающих к лесу жилых домов. Пока старшины рот кормили личный состав обедом, мы с комбатом и командирами рот поехали на рекогносцировку вместе с начальником шахты. Основные усилия решили сосредоточить на локализации огня с западной стороны шахты (самое высокое место города). Разделили горящую дугу между ротами.

Через полтора-два часа приступили к ликвидации пожара. Огонь подходил уже к самой шахте, а с севера – к городу. Личного состава было около 400 человек, а производительность труда – никудышной: в одном месте закидали землей, в другом – загорается. И вдруг я увидел в одной из рот, как солдаты топором вырубали молодые, но весомые побеги лиственных деревьев – березы, осины, ивы, и этими ветками удавалось гасить огонь без особых усилий. Прошлись по всем подразделениям, приказали тушить огонь только ветками лиственных деревьев. Дело пошло. Правда, кое-где огонь вновь возгорался, но на потушенных местах оставляли пару патрулей, ликвидировавших огонь окончательно.

В течение первых суток практически без сна и респираторов (их просто не было, видимо, пожалел начхим, а противогазы против угарного газа бесполезны), используя для непрерывного тушения смену взводов в ротах (два взвода тушат, один отдыхает, затем он сменяет следующий взвод, и т.д.), нам удалось на основных направлениях огонь остановить. Затем установили двухсменную службу (по 4 часа в смену) и пошли в наступление, в глубину леса, пользуясь благоприятным восточным направлением ветра. Через неделю все очаги пожара были ликвидированы. Шахтеры добывали для страны уголь, не опасаясь.

21 июня 1966 года умытый, высветившийся, чистый, накормленный батальон, стоя в строю, принимал благодарственные слова и награды от председателя Макаровского райисполкома Ю. Андреева и секретаря райкома партии А.Гриня. Батальону подарили прекрасный баян-аккордеон; офицерам и отличившимся воинам вручили грамоты, а комбату и мне – Почетные грамоты «За умелую организацию работ по ликвидации крупного очага лесного пожара». Одно осталось непонятным: куда делся баян?..

С прибытием в лагерь приписной состав был отправлен по месту жительства. Мне оставалось ждать замены. Началась ру-

тинная, обычная служба; не было ни происшествий, ни выдающихся дел, просто работали на совесть. К концу года мне было присвоено очередное воинское звание «майор». К этому я шел 13 лет. Прошел еще год учений, занятий, службы в наряде, сборов и, конечно же, работа в школе.

5. Испытание на выживание

В середине июня 1967 года нас с П.Ивановым вызвали к начальнику штаба дивизии полковнику А.Д. Сильвестровичу. В приемной ожидали майор Е.Мартынюк, начальник разведки моего бывшего полка, и капитан З.Н. Жонтрик, офицер штаба артиллерии дивизии. В кабинете начштаба сообщил, что директивой свыше на нас возлагается проведение рекогносцировки Северного Сахалина с целью изучения местности на побережье и в глубине острова для организации обороны Сахалина в целом. (Конкретных целей, конечно, я указать не могу.) Итоговую работу предстояло оформить на крупномасштабной карте с пояснительной запиской. Мы должны были обследовать не только западное и восточное побережья, но и островную местность вдоль имеющихся дорог, тропинок, в районах геолого-разведывательных работ и вблизи нефтепромыслов. Нам отводилось неограниченное время, две легковые автомашины ГАЗ-69 с водителями, сухой паек на месяц. Старшим группы назначен майор Е.Мартынюк, а мы с П.Ивановым и водителем составили вторую подгруппу. На подготовку предоставили двое суток: необходимо было собрать наборы запчастей, шанцевый инструмент, посуду для приготовления пищи, теплые вещи, плащ-накидки и прочее. Удивительно, но нам не дали ни одной радиостанции. Наконец мы отправились; на первой машине ехал майор Е.Мартынюк, на второй – остальные трое. Капитан оказался очень словоохотливым парнем. Решив дать ему полностью высказаться, не возражая, мы с Петром, будучи хорошими приятелями, решили выяснить, что он за человек.

Капитан З.Н. Жонтрик ненавидел советскую власть и вообще нашу страну, наш народ. Главная вина советской власти, по Жонтрику, заключалась в том, что она отобрала из его дворянского наследия все движимое и недвижимое имущество и передала народу; не появилось возможности раскрыть гениальные «таланты» будущего военного полководца. При царской власти он

бы в его возрасте уже был генералиссимусом русской армии, или Наполеоном. Мы поддакивали: «А ты и есть выше Наполеона: он уже давно под землей, а ты все еще пока ходишь по земле». По его словам, Сталин, Жуков и Рокоссовский были трусами; после взятия Берлина, оказывается, надо было заодно разгромить американские, английские войска, захватить Францию, Испанию и Италию. Русский народ – «это тупая и пьяная орда», которая должна служить и обслуживать высшую расу – его, разумеется. Жонтрик так разошелся, что забыл с кем едет – с самыми натуральными представителями русского крестьянства. После Тымовского мы ему сказали: «Слушай, Наполеон, все, что ты сегодня полдня плел, говорит о том, что ты, парень, нездоров и тебе надо лечиться. Если бы мы посчитали тебя нормальным, спустили бы тебя вниз головой в эту пропасть и сказали, что ты сам бросился туда. Заткнись и больше не выступай!»

До Александровска добрались без особых проблем, останавливались лишь в районах долин, вблизи крупных поселков и сел. В Александровске попросили Е. Мартынюка взять Жонтрика в свой экипаж или отправить автобусом назад, иначе мы за себя не отвечаем – могут быть серьезные неприятности. К нашему удивлению, они подружились, зато у нас проблем с ним не было. После обеда мы с Ивановым осмотрели побережье в направлении Мгачи, а Мартынюк – в сторону Дуэ. Там же, в городе, состоялась первая ночевка. Я предложил зайти в горвоенкомат, где бывал ранее, и выслушать их мнение в отношении оценки побережья вблизи города и несколько дальше. Выводы офицеров военкомата по оценке местности совпали с нашими, и это вселяло уверенность, что мы на правильном пути.

После Тымовского наш марш развивался стремительно, вскоре достигли Адо-Дымово на реке Тымь, где когда-то стоял через реку огромный мост, и остановились в этой деревушке. Однако в соответствии с нашим планом мы должны были следовать до Ныша и далее – строго в северном направлении почти по центру острова. Однако дорога по правому берегу реки была из-за грязи непроходимой, и чтобы двигаться вперед, нам необходимо было преодолеть Тымь, ширина которой достигала 400-500 м. Следует добавить, что тропинка в виде пунктира на карте от Ныша на север, по свидетельству очевидцев и стариков, в свое время была неплохим грунтовым шоссе, построенным еще японскими военнопленными в 1945-46 годах. Но с тех пор никто, кроме связистов, по ней не ездил. От моста на Тыми торчали лишь отдельные

фермы. Мы остановились на ночлег у тракториста, который за пару бутылок водки обещал нас утром («если вы не побоитесь») переправить на тот берег. Вечером посидели с мужиками, выслушали много советов и хорошо выспались.

Утром подъехали к реке: там уже стоял обычный трелевочный трактор (назывался, кажется, «К-12»), используемый для трелевки и складирования спиленного строевого леса на лесоповале. По простоте душевной мы думали, что погрузимся на паром или хотя бы плот. Однако тракторист решил иначе: с помощью троса затащил на свою платформу одну нашу машину, затем другую (с навесом заднего моста за платформой) и зафиксировал. Чувствовалось, что он это делал не впервые. Забрались и мы на трактор – держались, кто за что схватился. «Шеф» предупредил: если попадем в яму и трактор заглохнет, нам нужно прыгать в воду и плыть к правому берегу, так как на левом никого не было. Это, конечно, нас «вдохновило»! (Та переправа будет сниться снова и снова, но в то время у нас не было даже тени сомнения или боязни идти на такой шаг. Был приказ – только вперед, а ход назад не предусматривался.)

Действительно, когда двинулись, вода закрывала не только гусеницы; течение могло запросто и нас снести – настолько было бурным. Вот уже и колеса машин в воде, наши сапоги тоже. Но могучий советский трактор, не оглядываясь и не обращая ни малейшего внимания на наши эмоции, полз только вперед.

Переправились. Поблагодарили. Выпили по рюмке, пожелав Ивану Степановичу (или Василию Степановичу, не помню) добра. Дождались, когда он достигнет своего берега, и тронулись дальше в путь. К середине дня доехали до Ныша. Это был, по-видимому, колхоз, ибо на противоположном берегу реки были видны заливные луга. В село заходить не стали, а зря: стал накрапывать дождь. И вот новая незадача: чтобы попасть на нужное продолжение нашего маршрута, необходимо было переправиться через довольно глубокую речку шириною 35-50 м с крутыми обрывистыми высокими берегами. Обследовав реку и не найдя автомобильного моста, мы увидели канатный висячий мост, сооруженный скорее всего для переправы колхозников на тот берег на сенокос, рыбалку, по грибы, на охоту. Произвели измерения, и оказалось, что ширина моста была на 10 сантиметров шире наших машин. Но выдержат ли поперечные доски толщиной 40 мм? Выгрузили все имущество до мелочей, до запасного колеса и перенесли вручную на тот берег. Затем решили

попробовать: старший машины идет в 15 метрах впереди и показывает водителю, куда повернуть руль – вправо или влево. Был ли риск? Конечно. Да еще какой! Мы же не знали, выдержит ли трос, выдержат ли доски, а вдруг колесо выйдет за линию уложенных досок? К нашему удовлетворению, мы сумели переправить обе машины.

Перекурив, двинулись дальше на север. Первые 15-20 верст ехали нормально по живописной местности, которая казалась обихоженной и хотелось остановиться и отдохнуть посреди очаровательной долины. Затем, как нам показалось, дорога пошла через болото. К тому же дождь начал усиливаться и перешел в ливень. Вскоре мы капитально засели. Стали вытаскивать, но сколько ни подкладывали жердей, веток, бурелома – все было бесполезно. За три часа продвинулись на 50 м и совершенно промокли. Было непонятно, почему этот участок дороги не засыпан песком. Решили просушиться, сменить белье и переночевать в машинах – время уже позднее.

Утром с Петром пошли по дороге в разведку узнать, какие нас ждут перспективы в движении вперед. Примерно через два километра дорога стала приличной – с твердым грунтом. На обратном пути мне удалось добыть ужин, застрелив из ружья зайца. Дождь прекратился. Прикинули, что на эти полторы версты придется потратить весь день, ибо другого выхода вроде бы и не было. Но любопытство – не порок, а всего лишь хорошее качество любого ученого. Прошел по болотам слева – почва хлюпала, как и на дороге. Тогда я решил, пока мои товарищи готовились к завтраку, осмотреть местность с правой стороны дороги. Здесь обнаружил, что вблизи нет багульника, и под ногами грунт не качается. Подтолкнули машину в сторону – и она свободно пошла на второй передаче, как будто наше «болото» специально создано для движения автотранспорта. Правда, в кабину садиться не стали, а пошли рядом до твердого участка дороги. Вскоре катили уже с нормальной скоростью, без тряски, пока к середине дня не доехали до безымянной речки шириною до тридцати и глубиной до двух метров. Срубили деревья и сухостой, наверх набросали хвои, и мост был готов.

Переехали мост, перекусили и решили отдохнуть: усталость сваливала с ног. С утра продолжили путешествие. К обеду доехали до большого дома с хозяйственными постройками и баней. Заглянув во двор, увидели хозяина и обомлели: он развешивал на веревке огромную шкуру медведя. У меня даже сохранились

фотографии. Выяснилось, что здесь жила семья смотрителя государственной линии связи, вдоль которой и пролегал наш маршрут, совпадавший с бывшей грунтовой дорогой, построенной японцами. Познакомились, пообедали, помылись в бане, побеседовали. Нам было интересно, каково им одним (с женой) живется в такой глуши, где медведь с утра приходит к крылечку на ароматный запах пирога. Хозяин и в самом деле застрелил косолапого прямо с крыльца, когда тот полез рыться в компостной куче. После ужина хозяин сожалел, что неделю назад отнес на продажу 50 шкурок соболей и ничего не может нам подарить. Жить можно, говорили они, вот только за продуктами приходится идти весь день в Погиби, а обратно – ночь или следующий день. А так-то хорошо...

Оказывается, такие дома стоят по всей трассе телефонной связи через каждые 50 километров, просто мы их не замечали; видимо, они стояли несколько в стороне от людского глаза. К середине следующего дня мы достигли берегов солидной реки Даби. Строительство моста через реку заняло почти весь день. На этот раз мы выбрали густо расположенные, но очень высокие ели и пихты, и пилили их так, чтобы они верхушкой падали на противоположный берег, а затем уже сводили их один к другому и связывали, ветками заполняли пустоты, пока не получалось подобие моста. Это была нелегкая работа для шести человек, при этом среди нас не было ни одного сапера. Но мы справились.

В полночь дорога привела нас в новый, благоустроенный поселок без названия; дома со стеклами на окнах, двери закрыты на внутренние замки, но ни одного человека в поселке не было. Было светло, как днем, поэтому определить, есть ли жильцы где-нибудь, мы так и не смогли. По нашей ориентации до Погиби оставалось проехать строго на запад 15-20 км, и мы решили покинуть безлюдный поселок, словно возникший из сказки. Через полчаса мы увидели небольшое поселение с шестью стандартными домами, и увидели, наконец, признаки жизни людей с планеты Земля: в одном доме слышались голоса и светился огонь. На шум машины вышли геологи, радостно приветствуя нас. Пригласили к себе. Небольшие деревянные дома оказались со всеми удобствами, электричеством, душем, газовым отоплением. Геологи пригласили нас остаться переночевать и попросили съездить в Погиби купить что-нибудь выпить. Мне не терпелось попасть туда, и я поехал с одним геологом, который знал, где

живет продавец. Погиби находилось в 7 км от поселения геологов. Между Погиби и Лазаревом, то есть между Сахалином и азиатской частью материка России, разделенных проливом Невельского, было самое узкое место – всего восемь километров. Действительно, когда подъехали и вышли на берег, сквозь слабые сумерки виднелись очертания берегов материковой части нашей Родины.

Стоя на берегу, я представил себе, как будущий адмирал Г.И. Невельской, находясь на военном транспорте «Байкал» и двигаясь из Татарского пролива в Амурский лиман (или наоборот?), с восходом солнца всего в двух милях увидел оба берега, приказал бросить якорь, спустить шлюпку. Затем высадился на пустынный приамурский берег, рассмотрел в подзорную трубу противоположный и, увидев нас, воскликнул: «Братцы, да Сахалин-то – остров! Не зря мы земли русские умножали. Вот здесь когда-то будет большой мост, который соединит материк с островом, а посреди острова проляжет широкая столбовая дорога, чтобы северяне и южане своими товарами могли бы обмениваться. И тогда на Северо-Сахалинскую равнину придут десятки тысяч людей, чтобы Сахалину быть основным форпостом земли русской, а боевое охранение отсель будет находиться на островах восточнее лежащих. Недра же земли сахалинской, живность его в лесах и реках неисчислимых так поменяют этот край, что тысячи и тысячи гостей будут ездить сюда и восхищаться природой, богатствами и гостеприимством старожилов! И еще будет здесь тепло...»

Тут подошел геолог с продавщицей, и мы пошли в магазин. К нашему удивлению, никаких напитков, кроме шампанского, не было. Загрузили ящик «дефицитного» напитка и вернулись на место ночевки. Через пару часов от ящика ничего не осталось. Побеседовав за чашкой чая с клоповником, нас уложили спать. Мы поинтересовались, почему село называется Погиби? Геологи пояснили: еще в царские времена ссыльные смельчаки пытались бежать с острова Сахалин на материк именно в этом месте, надеясь переплыть, но находили здесь гибель. И не потому что не умели плавать, а потому что вода слишком холодная, что вызывало судороги, заканчивающиеся одним и тем же исходом.

Незаселенный поселок – результат работы геологов. Как только они закончили исследования в этом районе, покинули поселок и переехали в другое место. После того как будет доставлено

оборудование для нефтедобычи, в этом поселке будут жить нефтяники.

После изучения побережья и окружающей равнины мы двинулись дальше, на Север. Становилось все холоднее, изменилась местность. Это была уже равнина со смешанным хвойным лесом: ели, пихты, сосны, кое-где березки; горы и сопки почти исчезли. Не было видно пожаров. По центру острова до самой Охи пролегали нормальные грунтовые дороги, через ручьи и речки построены мосты. Однако вдоль побережья было много заболоченных участков с редкими и невысокими, большей частью высохшими деревцами. Почти аналогия с долиной реки Поронай. Скорость передвижения набиралась, появились рокады, увеличились пространства, которые мы должны были исследовать. Все чаще стали встречаться пустые, брошенные геологами поселки. Думаю, что сейчас в них живут люди, и не только добывающие нефть.

Через несколько суток следующим промежуточным пунктом стал поселок Новые Лангры. Отсюда выехали к западному побережью в поселок Луполово, где мы вновь разделились: Е. Мартынюк поехал вдоль побережья на юг – в направлении Чингай, а мы с Петром двинулись по почти пляжному берегу в северном направлении – на Рыбновск, который был хорошо виден в бинокль. Договорились через сутки встретиться в Новых Ланграх. Начался прилив, но мы решили все-таки доехать – уж очень ровным и твердым казался пляж. Когда двинулись вперед, неожиданно пошел дождь. Проехав по пляжу километров шесть-семь, вдруг засели, машина буксовала, колеса все глубже стали уходить в песок. Ни тебе подручных материалов, ни лебедки; справа, в 20 шагах натуральное болото, слева – медленно надвигающееся море; промозглый ветер пронизывал до мозга костей. Что делать? Бросить машину – ее просто смоеет приливом, и нам, точнее, мне, как старшему, это зачтется преступлением. Вернуться в Луполово – пройдет не меньше двух часов, и все равно потеряем машину; пока дойдем до Рыбновска – тоже потеряем машину. Решили бороться до конца, стали рубить мелкий кустарник на болоте, вблизи его почти не было. С помощью домкрата поднимали задний мост, бросали под колеса все, что было вокруг – машина сдвигалась на 2-3 метра и снова зарывалась в песок. День клонился к ночи, хотя и было светло, а мы все пытались спасти машину. Когда силы были на исходе, а холод сковал тело, вдруг увидели вдали движущийся со стороны Рыб-

новска в нашем направлении трактор. «Господи, лишь бы он не остановился и не повернул назад! Быстрее, дорогой, быстрее!» И чем ближе подходил трактор, тем спокойнее становилось на душе.

Через полчаса спасение подошло к нам. Это был легкий гусеничный артиллерийский тягач – АТЛ, состоявший на вооружении не только артиллерийских подразделений, его закупали для народного хозяйства, особенно на Севере. Мы спросили водителя, кто ему дал команду ехать за нами. Спаситель ответил, что кто-то сказал. В этот вечер я впервые поверил, что существует телепатия. Пока выбрасывал песок из-под колес, я десятки раз призывал тех, у кого есть гусеничный вездеход, подойти к нам, помочь.

Водитель зацепил «газик» нашим тросом, легко вытащил из песка, и мы бодро покатали в Рыбновск, согреваясь теплом включенной печки. Городок стоял выше берега, но тоже на песке, и многочисленные сосны защищали поселок от северных ветров. Казалось, поселок уже спал; на самом деле почти все, в том числе и председатель сельсовета, находились на просмотре двухсерийного фильма «Освобождение». Вскоре и он подошел – весьма симпатичный, на вид не более 40 лет мужчина-крепыш. Мы предъявили документы особого отдела дивизии с просьбой ко всем советским и хозяйственным органам оказать содействие в выполнении нашей задачи. По крупномасштабной карте, висевшей в кабинете, председатель дал исчерпывающую характеристику побережья вплоть до залива Байкал. Как мы поняли, в Рыбновске существовал довольно крупный рыболовно-животноводческий совхоз. Здесь выращивали коров, свиней, кур и гусей для внутреннего потребления в пределах района, кроме того, была рыболовецкая бригада и цех переработки рыбы, видимо, тоже для рабочих, потому что крупных судов мы не заметили. Село было большое, ухоженное, утопало в зелени; люди прилично одеты, в их взглядах не было тоски и грусти.

После ответов на наши вопросы председатель повел к себе, отвел нам комнату с отдельным входом с тыльной стороны большого, покрашенного в зеленый цвет дома. Через 10 минут в нашу дверь постучали, и вошли два ангела, которые на подносах принесли горячий ужин и бутылку водки. Это были две дочери председателя, девушки 16-18 лет – самые красивые, каких я видел за пять лет пребывания на Сахалине. Мы были настолько поражены изумительной красотой, стройностью, необычными чертами лиц, голубыми глазами, манерой держаться, исходящей душевной теплотой, их нежным, музыкально-сказочным голосом,

что не смогли вымолвить ни слова. Пожелав приятного аппетита, девушки еще раз появились вместе с отцом, неся разные соленья и балык, а после окончания ужина убрали все со стола, попрощались и исчезли.

Мы проспали подряд часов десять. Хотели пойти позавтракать в столовую-кафе совхоза, но гостеприимный хозяин пригласил к себе, и мы покушали с ним. Его жена-учительница вместе с дочерьми были уже в школе. Поблагодарив за содействие и гостеприимство хозяина, мы отправились в обратный путь, на этот раз без остановок. Мартынюку не стали рассказывать, как мы едва не потеряли машину, но сам этот случай остался в памяти. (К сожалению, я не могу вспомнить фамилию председателя, а мои записи пропали в ходе семнадцати переходов с одного места службы на другое. И если вдруг эти строки о событиях 1967 года прочитают эти люди, знайте, через 40 лет посылаю вам огромное спасибо, пожелания счастья вашим детям, внукам и правнукам, нашу симпатию и безмерное уважение! И конечно – водителю АТЛ, который сердцем услышал наш зов, тоже еще раз спасибо. Он спас не только машину, но и наши жизни.)

До города Оха добирались несколько суток, останавливаясь лишь там, где местность вызывала интерес; обошлось без приключений. Оха – это современный город с хорошо развитой инфраструктурой. Мы остановились в добротной гостинице – места заказал городской военком. Городок встретил нас холодом и снегом, временами дождем, сыростью и ветрами, дующими с огромной силой со всех сторон. А ведь была середина лета! Скажу честно: мы до тех пор думали, что чертово место по погоде на Сахалине – это Леонидово, но в районе Охи оказалось не лучше, даже, пожалуй, намного хуже. Почти не было видно на улице людей. Как-то вечером зашли в промтоварный магазин – нас удивило, что в середине июля магазин завален меховыми шубами, причем такими красивыми, что ни до, ни после лучше нигде и никогда не видел. Огромные собольи шубы стоили от нескольких сотен до тысячи рублей. И горожане приходили и покупали. Важно помнить: нельзя завидовать людям, которые в поисках хорошего заработка вынуждены покидать насиженные места и переселяться на покинутый богом и властями остров. Вспомните землетрясение и трагедию Нефтегорска. Люди едут сюда не от хорошей жизни, но они достойны восхищения, потому что зарабатывают себе на хлеб честным, праведным трудом.

Даже в Охе мы задавались вопросом: зачем в сейсмически неблагоприятных районах строить многоэтажные дома? Чтобы позже одновременно похоронить сотни людей? Разве мало места на Сахалине, чтобы строить одно-двухэтажные, но прочные здания для жилья? А разве 40-50 процентов надбавки к зарплате (денежному окладу) оправдывают постоянную неимоверную борьбу со стихией за выживание, потерю здоровья, дороговизну продуктов, дорожные расходы на отпуск на юг страны хотя бы один раз в три года? Почему пребывание и рабочий стаж на Сахалине не добавляет ни копейки к пенсии?

Пожить бы какому-нибудь чиновнику в Охе или Леонидово хотя бы пару лет, а потом оценивать оплату труда рабочего, инженера, учителя, врача, солдата, офицера. А ведь государство, особенно наши олигархи, получают с Сахалина огромные прибыли, созданные трудом населения острова.

6. На материк!

Обратный путь домой пролегал по превратившейся в месиво грунтовой дороге в восточной части острова, параллельно железной дороге Оха – Ноглики. Несмотря на постоянно включенные отопители, машины, словно решето, продувало восточными ветрами. Первые 80-100 км проехали нормально; проблемы появились в долине реки Вал в районе залива Чайбо. После переезда через железнодорожное полотно дорога резко пошла вниз к селению, но разведка пешим показала, что как таковой дороги не существовало, она превратилась в жидкое глинообразное «желе» метровой глубины. Никаких видов транспорта больше не было видно; выбираться снизу наверх вообще посчитали невыполнимым занятием. Ничего другого не оставалось, как вернуться в Оху, погрузиться на дрезину и доехать до Ногликов. Но рельсы были ржавыми, и мы усомнились, действовала ли эта железная дорога вообще. Был еще один вариант – доехать через Оху до порта Москалево, связаться со штабом корпуса и запросить места на попутном судне или вызвать с юга какой-либо сухогруз. Третий вариант – вернуться по прежнему маршруту.

Но тогда был бы не выполнен приказ по обследованию восточного побережья Северного Сахалина. Альтернативой трем вариантам оставался участок бездорожья, который можно было преодолеть лишь по полотну железной дороги. Но железная до-

рога проложена по насыпи высотой не 2-3 метра, а все 30-50, при этом насыпь начиналась по обе стороны дороги сразу по торцам шпал. Таким образом, в случае малейшей ошибки водителя или появления резкого поворота руля при преодолении шпал машина с водителем могла перевернуться и провалиться в долину. Ходят ли здесь поезда? Пришлось пройти пешком по насыпи: больших оползней не видно. Примерили на переезде и поставили одну из машин на полотно. Получалось, что железная дорога была узкоколейной, так как рельсы оказались между колесами. И тогда мы решили: вперед, только вперед и ни шагу назад!

Чтобы предупредить машинистов тепловозов, если вдруг пойдут поезда, нацепили на палки по белой нательной рубашке и послали вперед Петра, а капитана – на один километр назад. При появлении поезда ребята могли подавать сигналы «Глуши!» (в смысле «Остановись!»), как принято в армии и ГИБДД для водителей. Итак, первым пошел наш экипаж. Водитель сумел легко поставить машину так, чтобы колеса оказались по наружным сторонам рельсов. Вот я выдвигаюсь на тридцать метров вперед и рукой подаю водителю сигнал на начало движения. Как только Саша подъезжает ко мне до двух метров, останавливаю его, а сам быстро прохожу еще 30-40 м и снова даю команду. Руль не слушался в тех местах, где шпалы возвышались над поверхностью. Тогда водителю было особенно трудно, так как надо было, не меняя направления руля, подняться на очередную шпалу, затем спуститься с нее, проехать полметра и снова подняться на шпалу, и так – более полутора километров. Все это на первой передаче. Чтобы не перегреть машину, глушили двигатель на 15-20 минут, и снова двигались вперед.

Когда это описываешь, вроде все так легко, но в тот день мы были «в мыле», нервы – на последнем пределе; чтобы не закружилась голова, нельзя было смотреть по сторонам или вниз. Только колеса машины, рельсы, шпалы – это единственное, что мы должны были видеть.

После того, как наша машина сошла с пути, тронулась и машина майора Мартынюка. Молодцы, и они справились хорошо. Затем подали длинный гудок, и вскоре подошли Петр и капитан Жонтрик. К середине следующих суток мы были в Ногликах. Мы прибыли в поселок городского типа, но улица, честно говоря, после дождя не смотрелась. Нас хорошо встретили в военкомате, вечером даже устроили в доме одного ветерана при-

ем с участием местного начальства. В этот вечер, когда мы хорошо выпили, наконец-то спало напряжение прошедших дней. Нам никак не верилось, что мы, пройдя все испытания, остались живыми и здоровыми. Непредвиденные случаи на грани фола случались почти каждый день; только мостов мы построили шесть штук. Иногда дождь лил сутками, и мы ждали в машинах, когда подсохнет дорога. Если всё рассказать начальству, нам бы не поверили. Поэтому решили молчать.

Вот простой, казалось бы, случай, произошедший в первые сутки: подъехали к одной речке возле Смирных, где смыло мост, и бурлящий поток при ширине реки в 20 метров казался непреодолимым препятствием. Можно было бы уже в первый день возвращаться, взять саперный взвод и попросить навести переправу, или попросить водоплавающий транспортер (ПТС), чтобы он перевез нас. Учитывая опыт движения по реке Поронай, я решил попробовать. Все документы и то, что могло намочнуть, мы завернули в плотный кожаный мешок и прицепили сверху. Затем сняли ремень вентилятора, проинструктировали водителя: «Двигаться только на первой передаче, не переключаться, газ держать на одном уровне и не останавливаться». Думали, вода где-то будет чуть выше колес; на всякий случай предупредил водителя, что если вдруг дно намыло и глубина будет больше, набрать воздуха в легкие и, пока машина движется, не дышать.

К середине реки нас вообще скрыло под водой: ощущение, что вот-вот нас перевернет, но непревзойденный «газик» спокойно поднялся на противоположный берег. Так поступил и второй экипаж. Правда, пришлось соорудить костер, подсушиться, принять по 100 грамм. Но – пронесло! За время рекогносцировки подобных случаев было немало.

В Ногликах еще один день ушел на осмотр побережья и окрестностей, уточнение наших оценок с офицерами из военкомата, и уже через сутки мы были в Леонидово. За время нашей работы на Северном Сахалине приехала замена: майор с женой и ребенком из города Казань. Мы же записывались на замену в Прикарпатский военный округ, но делопроизводитель вместо «ПриВо» записала «ПриВо», поэтому из-за чьей-то неграмотности мы попали в Приволжский военный округ, в город Казань, о чем нисколько позже не пожалели.

Для подготовки отчета в виде карты в «чистовике» и пояснительной записки нас, трех майоров, откомандировали на трое

суток в Южно-Сахалинск, где мы в штабе корпуса вкалывали с раннего утра и до поздней ночи. Все обошлось благополучно, никто ни о чем не спрашивал и не интересовался, как прошла столь длительная и трудная командировка, ведь по картам, расписанным в 1945-46 годах, все дороги были в отличном состоянии.

Вернувшись в Леонидово, на семейном совете решили продать мебель, пианино, бензопилу, другое тяжелое имущество за полцены. Остальной домашний скарб погрузили в контейнер. Устроили, как и положено по традиции, проводы.

19 июля 1967 года мы покинули Леонидово. Впереди – перелет на материк и три месяца отпуска. Неделю побыли в Новосибирске у двоюродной сестры жены Риты и ее мужа Николая, которые пять лет назад выручили нас провизией в пути. Прошлись по центру города, съездили посмотреть сказочный Академгородок Сибирского отделения АН СССР, которым особенно были довольны дети, скормившие за несколько часов живым белочкам и голубям целую булку хлеба; наслаждались дачным раем и гостеприимством Павловых. Затем полетели в Минводы, а оттуда на такси в станицу Старопавловская к моему родному дяде Николаю Ивановичу Поповцеву, бывшему фронтовику, кавалеру десяти орденов и медалей. Его жена тетя Нюся заботилась о нас и моих детях не меньше, чем о своих Леве, Саше и Оле; дети подружились между собой.

Поповцевы жили в большом доме, построенном собственными руками хозяина. К дому примыкал фруктовый сад: вишни, сливы, черешня, алыча, яблони, груши, виноград, орехи, клубника; огород в полгектара: огромные помидоры, огурцы, кабачки. Поедание натуральных фруктов в сочетании с трехразовым приемом парного домашнего молока в неограниченном количестве преобразило ребятишек. Не вылезая из реки Малка и большого колхозного пруда, через две недели дети превратились в коричневых негритят. За один месяц пребывания в Старопавловке мы получили больше солнечной энергии, загара, кислорода, витаминов, чем за все пять лет на Сахалине. Но впереди нас ждала Казань и хлопоты обустройства.

К середине августа мы прибыли в Татарстан: начиналась новая жизнь. Правда, пять лет на Сахалине оставили неизгладимое впечатление.

Спасибо тебе, Сахалин, что помог нам выжить; спасибо за то, что закалил характер и волю, воспитал смелость и самостоя-

тельность в моих детях, познакомил с преданными и добрыми друзьями!

Р.С. Вы, вероятно, знаете, что в 1890 году остров Сахалин посетил А.П. Чехов. С июля по ноябрь он собирал материалы и провел научно-публицистическое исследование, на основе которого написал книгу «Остров Сахалин (Из путевых заметок)». Несмотря на кратковременность пребывания на Сахалине, его выводы о внутренней политике царского самодержавия для российской общечеловечности были ошеломляющими: «...мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... Сахалин представляется мне целым адом». Вот такой у нас был царь-батюшка-святой.

Произведения Антона Чехова я читал на Сахалине. Но не так давно мне на глаза попала книга известного российского журналиста конца XIX века Власа Дорошевича «Гулаг Царской России» (изд. в 2001 г., видимо, переиздание его книги «Сахалин»). «Остров» А.Чехова по сравнению с «Гулагом» Дорошевича – лишь небольшой ознакомительный очерк, а «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – райское место. Беззаконие, произвол, пытки, побои, издевательства, убийства на Сахалине тех времен можно сравнить разве что со злодеяниями гитлеровского фашизма. И если до 1905 года, по Дорошевичу, но вопреки Чехову, на Сахалин ссылали в основном убийц и разбойников, то позднее – политических ссыльных, то есть «цвет нации». Их потомки как раз и начали строить после 1917 года новый Сахалин, которым мы гордились и который полюбили. Впрочем, мы, прибывавшие на остров по вынужденному желанию, чувствовали себя как в ссылке.

Очень хочется привести отдельные зарисовки А.П. Чехова и В.М. Дорошевича, выразившие наш общий, несмотря на разницу в столетия, взгляд на Сахалин.

А.П. Чехов: «Среднегодовая температура в Александровском округе равна ноль градусов, как на Соловецких островах».

В.М. Дорошевич: «Остров-тюрьма. Здесь суровая, лютая зима, здесь неделями продолжается пурга, крутит огромные снежные смерчи, по крышу заметает дома».

А.П. Чехов: «...на вершине мыса Жонкьер ярко светится маяк, а внизу, в воде, недалеко от берега стоят три остроконечных рифа – «Три брата» и все в дыму, как в аду».

Читатель, эти «Три брата» на самом деле необычайно красивы; прямо чудо, но их не следует путать с горой «Три брата» (отм. 623,0), что севернее Охи. Более того, кто не видел «Трех братьев» у Александровска, многое потерял. «Три брата», на мой взгляд, могут быть эмблемой Сахалина.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ В СЛУЖБЕ

1. Командировка на целину

По прибытии в Татарстан нас разместили в гостинице КЭЧ в центре Казани. Затем, после представления командиру дивизии генералу Шапошникову и командиру полка подполковнику Ханамиряну, решил осмотреть квартиру моего заменщика в Гагаринском районе. Кухня и комната в 16 квадратных метров нас еще устраивали. Одну комнату хозяева закрыли на ключ, чтобы мы, видимо, не воспользовались оставленными диваном и шифоньером. Соседи дали ключи, и мы переехали туда. И снова впятером стали жить в одной комнате, располагаясь на полу; хорошо, что вскоре прибыл контейнер. Через наших знакомых еще по Сахалину – Раю и Юру Котовых – мы познакомились с директором мебельного магазина, милой и хорошенькой татарочкой Софией, которая помогла нам быстро обзавестись необходимой мебелью: столом, диван-кроватью, чешскими стульями.

На дорогу до места службы уходило 30 минут, из них 20 минут – на трамвай. Штаб дивизии и полка размещался в казанском Кремле, от которого начинался проспект Ленина со знаменитым Казанским университетом. Перед входом в Кремль возвышался величественный памятник татарскому воину и поэту Мусе Джалилю, которому я каждое утро отдавал честь. С этой высоты хорошо видно раздолье великой русской реки Волга. Казань – очень красивый город. На реке Казанка, внизу у Кремля, – прелестные пляжи; купаться и загорать – одно удовольствие. Хорошо развита транспортная система, в центре города множество магазинов и кинотеатров, кафе, цирк.

Проживая на Сахалине, мы поверили Хрущеву, что к 1970 году в стране будет построен в основном коммунизм, а к 1980 году – он будет полным и окончательным. И когда в октябре 1964 года этого тирана и говоруна выгнали вон, затеплилась

надежда, что на материке будет лучше. Но за три года, несмотря на кардинальные меры нового руководства страны по улучшению положения в сельском хозяйстве, принятые на мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 года, коренных изменений не произошло. Самопроизвол и карьеризм Н.Хрущева отбросили народное хозяйство на десятки лет. Эпоха Хрущева прошла по стране как чума.

Так вот, надеясь на улучшение материального благосостояния, мы на Сахалине и не думали покупать совершенно недорогие золотые вещички, которыми изобиловали ювелирные магазины, не покупали посуду из японского фарфора. Прибыв в Казань, мы не могли купить даже чайный набор из шести чашечек и блюдец; пришлось чаевничать из граненых стаканов. Тогда-то мы и вспомнили нашего сахалинского вождя Д.С. Леонова, при котором «с нуля» развился новый, по-настоящему экономически развитый регион страны. Если на Сахалине не было проблем с питанием, то в Казани съестное для детей еще нужно было поискать. Правда, трески, пикши, горбуши, селедки в магазинах по низкой цене было достаточно, но мясо – в жутком дефиците: в магазине рядом с домом купить сосиски или сардельки можно было только «из-под полы». Мою жену часто принимали за татарку (на Сахалине – за кореянку), и ей почти каждый раз доставали из-под прилавка пакеты с этими продуктами. Колхозные рынки были закрыты. Это был результат целенаправленного развала Хрущевым колхозного строя. Даже во время войны И.В. Сталин поощрял развитие продуктовых рынков.

Моим непосредственным начальником – комбатом – стал подполковник Н.П. Серегин – образованный офицер, солидный по уму и по фигуре, честнейшей и добрейшей души человек, с которым мы быстро подружились. Хорошие отношения сложились с начальником штаба полка, очень эрудированным подполковником И.Ф. Посошковым, его заместителем Лисиным. Через неделю состоялись полковые командно-штабные учения (КШУ) на местности под руководством комдива. На этих учениях я действовал в роли начальника разведки полка. Несмотря на одну ошибку при ориентировании из-за незнания местности, оценка была хорошей, как и всех учений.

Почти вслед за КШУ однажды срочно вызывают в штаб дивизии майора Лисина и меня. Заходим в огромный кабинет, генерал сначала пригласил за стол майора Лисина и спрашивает его:

– Майор Лисин, мы хотим вас назначить командиром батальона. Как вы на это смотрите?

– Положительно, товарищ генерал.

– Хорошо. Вам надлежит завтра первым рейсом вылететь в Целиноград и принять 2006-й отдельный автобатальон под свое командование.

– Товарищ генерал, я на целину не смогу поехать.

– Почему?

– Боюсь, что с целинным батальоном не справлюсь: уже более десяти лет работаю в штабе.

– Вы свободны. (Генерал оказался совершенно не словоохотливым.)

– Товарищ Александров, подойдите ко мне, присаживайтесь.

– Благодарю. Слушаю вас.

– Как вы отнесётесь к моему предложению?

– Положительно, товарищ генерал.

– И целины не боитесь?

– Никак нет.

– Вы уверены, что справитесь?

– Так точно.

– Есть вопросы?

– Никак нет.

– Хорошо, приказ о вашем назначении будет завтра. За предписанием зайдете к начальнику отделения кадров к 11.00 с готовностью сразу вылететь в Целиноград. Билет на самолет получите с предписанием. Передайте комбату, что он назначен с повышением в Забайкальский военный округ (ЗабВО).

Он пожал крепко мою руку, и я вышел. Стою в коридоре, ничего пока не понимаю, жду, когда выйдет начальник отделения кадров.

– Георгий Александрович, что случилось, вы передумали?

– Нет, конечно. Это не шутка?

– Какая там шутка! Вы справитесь, если сумели ротой семь лет командовать. Да и аттестация на вас просто отличная.

– Я ее еще не видел.

– Езжайте домой, чтобы нормально собраться, а я командиру полка позвоню лично.

Приехал домой, спрашиваю жену: «Товарищ Александрова, как вы смотрите на то, что я завтра должен поехать на целину?»

– Очень даже отрицательно. Кто детей будет устраивать в школу?

– Ты, конечно. Но при условии, если я завтра буду назначен комбатом. Теперь как ты на это смотришь?

– Весьма положительно, товарищ майор.

Тут я рассказал о собеседовании с командиром дивизии и о том, что, возможно, завтра будет приказ командующего войсками округа. Жене было сразу трудно «освоить» эти новости... Я сходил в ближайшую школу, и музыкальную тоже, устроил там ребят за три часа. Жена несколько дней назад получила место в этой же школе.

Сборы были недолги: в одной руке чемоданчик, в другой – шинель, через плечо – полевая сумка и свернутая плащ-накидка. На другое утро, попрощавшись с семьей, в 9 часов утра я был уже в штабе полка. Через час меня вызвали в отделение кадров, начальник дал мне шифровку, чтобы ознакомиться и расписаться. Читаю: «Приказываю: начальника штаба батальона майора Александрова Г.А. назначить командиром мотострелкового батальона этого же полка. 26.8.1967 г. Н.Огарков». Одновременно мне вручили предписание на командировку и билет, по которому я вылетал в Целиноград после обеда.

Не скрою, я был рад назначению, хотя и понимал, что годы расцвета пройдены. Тем не менее, получение этой должности и четырехкомнатной квартиры в Казани было пределом моих мечтаний. Когда летел в самолете, у меня не было никаких сомнений, что справлюсь с новыми обязанностями. В аэропорту меня встречал начальник штаба капитан Ю.З. Темирбаев; его штатная должность в дивизии – начальник штаба отдельного разведбата.

После представления начальнику оперативной группы из ДВО поехали в штаб батальона, который размещался в одном из совхозов в окрестностях Целинограда. Передал подполковнику Н приказ комдива и предписание на прибытие в штаб дивизии. Он был скорее рад, чем огорчен, пригласил своих замов и устроили проводы прямо в привокзальном ресторане. Авиарейсов в Казань в этот день уже не было. Через полчаса мы посадили его на поезд, пожелали успехов и выехали под вечер в штаб батальона. С утра я ознакомился с командованием батальона и рот, начальниками служб, изучил организационную структуру батальона: 2006-й ОАБ был сформирован на базе соединений и частей, дислоцированных в ТАССР, в основном в Казани, и укомплектован военнообязанными запаса.

Батальон состоял из управления, пяти авторот, медпункта,

реммастерской, хозяйственного взвода с вещевыми, продовольственными и ГСМ-складами. Всего имелось 500 автомашин-самосвалов ГАЗ-93Б, полученных с Горьковского автозавода, и 50 специальных машин. Личный состав насчитывал 950 человек, в основном, татары и русские, из них только 50 человек – солдаты срочной службы. Кадровыми офицерами в батальоне было укомплектовано звено командиров рот и заместителей комбата. Начальники служб и командиры взводов были офицерами запаса. На 500 транспортных машин имелся полуторный комплект водителей.

Батальон работал в четырех районах Целиноградской области: Целиноградском (две роты), Тургайском, Вишневоковском и Шортандинском районах. На следующий день собрал командиров рот, командование батальона, выслушал положение дел в подчиненных им подразделениях и выявил имеющиеся трудности – они были связаны с обеспечением запчастями. Через неделю я выслал зампотеха непосредственно на завод с обоснованными заявками на восполнение необходимых запчастей. Проблема состояла еще и в том, что руководители районов и хозяйств требовали ежедневного выделения 100 процентов наличных автомашин, что было невозможно, так как необходимо было тщательно обслуживать каждую машину хотя бы раз в две недели. Этот вопрос я вскоре решил с местными руководителями: выпускалось ежедневно 90 процентов машин, а 10 процентов ставили на обслуживание. Тем самым мы увеличили рабочее время за счет использования резервного состава водителей ночью, поэтому резко возросла производительность работы батальона. В остальном я ничего не хотел менять в налаженной работе подразделений, в то же время с положением дел необходимо было ознакомиться на месте. Выработался определенный стиль: пять дней в неделю я работал в ротах, в субботу и воскресенье – в штабе батальона. Разумеется, была постоянной связь.

В течение первой недели я успел побывать во всех ротах, но не во всех взводах. На ходу принимал необходимые решения и проверял их выполнение подчиненными. Первое, что мне понравилось, – ни один взвод не размещался в палатках, хотя палатки имелись на всех. Местные власти очень хорошо позаботились о людях: было организовано дополнительное питание личного состава; кроме положенного довольствия большинство руководителей хозяйств выделяло личному составу молоко, яйца, сахар, иногда мясо, стоимость которых не входила во взаимо-

расчеты. Это было очень важно, потому что, с одной стороны, батальон полностью на хозрасчете, а с другой – люди вставали в 6.00 утра, выезжали в 7.00-7.30 и возвращались в 21.00-22.00 вечера (помимо тех, кто работал ночью). Налажена была и система заправки горючим.

При встрече с руководителями хозяйств и районов обязательно благодарил их за проявленную заботу о личном составе. Это не было дипломатическим трюком. Работая в подразделениях, в каждом новом месте их размещения я находил действительно что-то лучшее, и об этом упоминал в беседах. В вопросе использования техники мы сообща приходили к пониманию, что для повышения темпов вывоза зерна и, следовательно, лучшего содержания техники, необходима система технического обеспечения, о чем говорилось выше. В принципе, машины были совершенно новыми и, казалось, чего бы беспокоиться? Но каждый водитель отлично знает: машина – это всего лишь набор взаимосвязанных и скрепленных между собой болтиками и гайками железок, которые в любой момент – от тряски, от деформации – могут оторваться от крепления или просто сломаться. Новые машины особенно часто имеют поломки как раз в начале эксплуатации.

С целью не допустить снижения КТГ (коэффициент технической готовности), я отправил во все взводы радиограмму, согласно которой надлежало ежедневно, в соответствии с графиком, ставить на техническое обслуживание две машины, в то же время увеличить количество запасных водителей. Для увеличения количества вывозимого зерна были приняты меры, исключаящие проблему заправки техники бензином без очереди. Через две недели я увидел, что не успеваю за сутки побывать в каждом взводе роты, куда прибыл работать: терял время, передвигаясь по асфальтным дорогам. Впредь ездил по целине только напрямую по азимуту, используя компас, что в полтора раза увеличивало мое рабочее время для контроля и оказания помощи подчиненным подразделениям.

Кстати, я ни разу заранее не предупреждал подчиненных о предстоящем приезде. Это позволяло мне выявлять истинное положение дел в подразделениях.

Одним из серьезных решений, вопреки требованиям руководителей колхозов, стал переход к перевозке зерна на элеваторы только в составе колонн не менее 10 автомашин во главе с командиром взвода или его заместителем. Это исключало даже

редкие случаи продажи зерна «налево» водителями. В отдельных подразделениях было выявлено отсутствие должного уставного внутреннего порядка: по утрам не вытряхивались одеяла и простыни, в спальнях помещениях грязно; неприглядная антисанитария в местах приготовления пищи, посуда не кипятилась, не оборудованы туалеты с умывальниками, не везде имелась хлорка для дезинфекции; не налажены доставка, кипячение и хранение питьевой воды – все это могло привести к инфекционным заболеваниям желудочно-кишечного тракта военнослужащих. Мне приходилось в этих случаях принимать очень жесткие меры по наведению порядка, и, в первую очередь, наказывать таких командиров взводов рублем.

Недочеты имелись и в автопарке: зачастую вокруг стоянок не было ограждений, должной чистоты и порядка, не подготовлены средства пожаротушения – вода, песок, огнетушитель, ведра и другое ППО в достаточном количестве; слабо налажены учет выхода и возвращения машин, круглосуточная охрана внутренним нарядом. При выявлении подобных явлений хотя бы в одной из рот немедленно доводились по радио указания о принятии необходимых мер до всех командиров. В этих вопросах нужна была только повседневная требовательность и контроль со стороны должностных лиц, штаба батальона и командиров рот. «Железным» проводником по поддержанию уставных требований был заместитель по технической части майор П.П. Луковецкий.

Третья проблема была связана с пьянством, случаев было предостаточно. Приходилось лишать виновных премий от месяца до трех, отстранять от управления автомашиной на определенный срок, досрочно командировать к месту жительства. Но сначала надо было навести порядок среди офицерского состава. В первую неделю при посещении одной из рот ее командир майор N оказался в рабочее время не то чтобы нетрезвым, а просто в «дымину» пьяным. Редко, но такое бывает. На следующий день приказом по части он был предупрежден о неполном служебном соответствии, в личной беседе доведено, что если повторится подобное, то будет немедленно отстранен от командования ротой и откомандирован в свою часть для принятия более серьезных мер с соответствующей характеристикой. Совместно с заместителем командира по политической части майором Кузнецовым, секретарем партбюро капитаном Чернышовым были согласованы меры по повышению ответственности коммунистов,

прежде всего за личную примерность и состояние дел в подразделениях, где они состояли на учете.

Отдельных любителей спиртного из личного состава пришлось откомандировать в военкоматы по месту призыва с соответствующими сопроводительными письмами для передачи руководителям предприятий, откуда они были призваны. Эти приказы были доведены до всего личного состава. Работа командира и штаба «целинного батальона» помимо добросовестной организации труда с целью достижения высокой рентабельности и поддержания твердой воинской дисциплины, исключая гибель людей и совершения уголовных преступлений, требует огромного напряжения сил, самоотдачи, высокой требовательности. За период командования батальоном времени на отдых оставалось не более пяти часов в сутки; я приспособился засыпать в машине, когда заставала ночь, нередко в стог сена, соломы, в рощице – и вообще где угодно. Чаще оставался ночевать с солдатами в каком-нибудь взводе: проснешься, умоешься холодной водой, перекусишь с водителем Сашей чем бог послал – и снова вперед.

Оценивая работу командиров рот, следует иметь в виду, что их подчиненными, за небольшим исключением, были военнотрудовые запасники, или, как их называют в народе, «партизаны», поэтому поддерживать должную дисциплину было намного труднее. Для поддержания дисциплины в подобных подразделениях, их командиры должны обладать огромной волей, организованностью, верой в людей и самого себя. Вряд ли известно, что в командировки по уборке целинного урожая отправляли на должность командира батальона штатного первого заместителя командира полка, а с 70-х годов – и заместителей командиров дивизий; на должность командира роты назначали штатных замкомбатов, комбатов и даже заместителей командиров полка. Это давало возможность исключить многократные и массовые грубые нарушения дисциплины.

К началу октября с полей наших подшефных районов было все убрано, и я обратился с запросом к командованию округа, чтобы вернуть батальон в пункт формирования: если солдат ничем не занят и его энергия бьет ключом, появляется столько соблазнов, что все усилия по поддержанию должной воинской дисциплины будут сведены на нет. 1 октября командование батальона было приглашено на прием, устроенный в столовой директором совхоза. Звучали приятные речи и тосты, добрые пожелания и отличный ужин с национальным кулинарным изде-

лием – бишбармаком, который я пробовал в первый и последний раз в жизни. (Главное, чтобы баранина варилась весь день в печи, и затем практически «рассыпное» мясо подается с лапшой на огромной тарелке, при этом лапша тоже варится полдня. Плюс свои секретные специи. Берешь руками это мясо с лапшой и закусываешь осторожно, чтобы не скушать свои пальцы. Затем пальцы обмакиваешь в воде и протираешь полотенцем. Чудно, но вкусно, очень вкусно!)

В тот же день поступила директива штаба округа передислоцировать батальон в Пензенскую область с указанием станций разгрузки. Мы поступали в распоряжение начальника оперативной группы (ОГ) Приволжского ВО. На следующий день были отправлены первые два эшелона. Через день, вечером, первый секретарь Целиноградского райкома КП Казахстана А.Джұлмухамедов и председатель исполкома райсовета С.Грибовский пригласили командование батальона на прощальный вечер в один из совхозных ресторанов в 30 км юго-западнее города. Мне и моим заместителям, командирам рот, работавшим в районе, вручили медали «За освоение целинных и залежных земель». Все было бы хорошо, и мы могли бы еще работать, но в 1967 году был очень низкий урожай зерновых в области – всего 3-5 центнеров с гектара.

Даже сейчас, спустя почти полвека, находятся люди, называющие себя политологами и демократами и получающие деньги за очернительство советской власти, которые трубят, что строительство БАМа, освоение целинных земель было пустой тратой народных денег, что это фантазия, гигантомания советского руководства. Дело целины было делом не одного Хрущева, а всей партии и народа. Чтобы освоить десятки миллионов залежных и нетронутых земель, еще до Хрущева надо было изготовить и подготовить миллионы тракторов, комбайнов, автомашин, кубометров леса, кирпича, сотни миллионов тонн горючего, металла, построить базовые дороги, аэродромы, элеваторы, железнодорожные станции, тысячи домов для новоселов. И то, что Хрущев организовал целину, – это блеф чистой воды. Целина – очередной этап планового развития народного хозяйства, организация которого была заложена ленинским руководством страны. Постепенное освоение целинных земель имело две основные задачи: политическую и экономическую. Политическая задача заключалась в том, чтобы вселить веру и уверенность народам Казахстана и южных районов Сибири в лучшее будущее, в луч-

шую жизнь, ибо освоение новых земель означало переход целых народов из юрт в современные дома со всеми удобствами, переход к широкому использованию достижений цивилизации, что расширяло рамки возможностей развития советской национальной культуры. Вливание смелых, квалифицированных и трудолюбивых кадров из России в районы этих земель означало реальное укрепление дружбы народов.

Экономическая задача позволяла осуществить качественный прорыв в развитии производительных сил Казахстана, где до образования СССР в 1922 году преобладали феодальные производственные отношения, а кое-где – натуральное первобытнообщинное хозяйство. Такая же обстановка складывалась в других южно-азиатских республиках, краях и областях Южного Приволжья, Алтая, Сибири. В центрально-черноземных районах было вложено немало средств, но должного эффекта из-за климатических условий и низкой организации труда это не дало. Например, в 70 км южнее Москвы в селе Семеновское Ступинского района в свое время существовал мощный совхоз под руководством А.А. Еремина, на землях которого была построена современная система орошения. Говорили, орошение не было нужно, и поэтому система элементарно не обслуживалась. Кстати, в 2002 году из-за засухи в Московской области не было не только грибов и ягод, но и урожая сельскохозяйственных культур: поливать поля было нечем, а трубы лежали в земле мертвым грузом. Спустя три года земли колхоза заросли бурьяном. Вместо совхоза, насчитывавшего тысячи рабочих, в новоиспеченном ОАО осталось около сотни человек, остальные превратились в безработных или крестьян с натуральным хозяйством.

В середине 80-х годов в совхозе было свыше 1200 коров. В 1991 году Москва предпочла покупать сухое молоко из США, оплачивая валютой, а «демократы» получали от сделки 3-5 процентов «посреднических» – это миллионы долларов. Вот почему были прекращены поставки молока из Семеновского в Москву. Как результат: в 2002 году в Семеновском поголовье снизилось до 200 коров.

В ходе многочисленных встреч в конце 60-х годов с руководителями колхозов и совхозов, партийными и хозяйственными лидерами я уяснил одну важную деталь: на целине урожай зависит в основном от степени интенсивности и периодичности дождей, поскольку земля достаточно плодородна. Поэтому деньги нужны были прежде всего для строительства жилья в селах,

городах, инфраструктуры: дорог, электролиний, водопровода, теплосетей, Дворцов культуры, магазинов, школ, детских садов и яслей.

Хотя в 1967 году урожай был низким, он оправдал расходы на закупку семян, горючего, оплату труда, так как себестоимость производства зерна на новых землях была намного ниже, чем в центре или на севере страны. В начале 80-х годов мне выпал случай прилететь в Кокчетавскую область КССР с целью оказания помощи автобатальонам ДВО и побывать в одном совхозе, имеющем 100 тысяч гектаров пашни! Только один совхоз при среднем урожае 10 ц/га (довольно низкий уровень) собрал в тот год 1 млн. центнеров, или 100 тысяч тонн, – это 6 млн. 250 тысяч пудов зерна!

Что касается расходов на освоение целины, то они давно и многократно оправдались. Так что цели были благородные и достижимые, без особых потрясений, особенно социальных. Ошибкой брежневского Политбюро стала недооценка последствий хрущевского «урагана», разгромившего колхозную систему. С приходом к власти Н.С. Хрущева цены в течение десяти лет ежегодно повышались, тем самым подрывалась вера в достижение целей партии. Жизнь, как и сейчас, становилась все хуже и хуже, вот почему весь народ возненавидел его, разумеется, кроме окружения и так называемых «шестидесятников» – врагов социализма, поддерживавших Никиту. Символично, что второй сын Никиты Хрущева сейчас живет в США.

...Мы уезжали из Казахстана с хорошим настроением, остались довольны и местные жители, и временные воины батальона. Ни один из нас, солдат и офицеров, не забудет огромные пшеничные нивы и золотую россыпь зерна в самосвалах, очереди у элеваторов, казахстанское гостеприимство, трудолюбие и доброжелательность местных старожил.

Пенза. В кабинете начальника оперативной группы ПриВО, в здании облисполкома, нас приветливо встретил высокий, с греческими чертами лица стройный полковник Н.М. Пилютин, по штату – первый заместитель начальника штаба округа. Полковник проинформировал меня о том, что урожай в области выращен «средненький»: 10-12 ц/га. Вывоз зерна в районах, где будут работать подразделения батальона, не закончен, и предстояло вывезти с полей урожай картофеля, свеклы и других культур. Пилютин также сообщил, что в области из нашего округа работают еще три автобата, в которых из-за плохих дорог и дождей

выведено из строя много техники, и солдаты не справляются с уборкой урожая. Штаб батальона размещался в Лопатино, куда я и выехал.

2. В центре черноземной России

Районный центр Лопатино – спокойное, симпатичное, чистое, уютное село с очень доброжелательными людьми; женщины и девушки – красивые на все «сто». Село «притаилось» на обрамленных зелеными кустарниками и фруктовыми деревьями берегах речки Уза, в стороне от магистральных дорог. На трассу Пенза – Кузнецк – Самара выводит через Русский Камешкир лишь грунтовая дорога, поэтому во время дождей и непогоды мучительная перегрузка двигателей техники и нервотрепка сопутствовали нашим перевозкам. Мне казалось, что кто-то перепутал песчаный карьер с глиняным: потеряно столько миллионов кирпича! Кругом же – один чернозем, жирный, богатый солями и микроорганизмами. Удивляло, как это в центре России нет асфальтных дорог, соединяющих Пензу с райцентрами. На мой взгляд, экономисты просто никогда не подсчитывали огромного ущерба от бездорожья. В сухую погоду до Пензы легче было добраться по шоссе из Саратова, но только в сухую погоду. В самом Лопатино имелаась большая средняя школа, рядом с почтой – одноэтажный Дом культуры, больница, несколько магазинов. Правда, за время пребывания я так ни разу и не нашел времени, чтобы посетить хотя бы один магазинчик.

Батальон в соответствии с потребностями местных властей раскидали по одиннадцати районам области. Это уже было многовато с точки зрения управления. Поэтому там, где дела шли более или менее благополучно, для контроля я посылал одного из заместителей, сам же сосредоточил внимание на наиболее «трудных», с точки зрения дисциплины, подразделениях. Обустроились в течение двух-трех суток. Все взвода, как и в Казахстане, получили теплые помещения для жилья. Опираясь на предыдущий опыт, в короткие сроки наладили службу внутреннего наряда, парковую службу, техническое обслуживание имеющейся техники. В этих вопросах особенно много работал заместитель по технической части майор П.П. Луковецкий. Через неделю прилетел на вертолете начальник ОГ. Вместе побывали в нескольких ротах: порядок ему понравился. Еще через неделю с ним на автомашинах приехала большая группа офицеров из дру-

гих батальонов с целью знакомства и обмена опытом по организации службы и лучшей эксплуатации техники. При этом полковник Пилютин всегда появлялся у нас без предупреждения. Как-то он спросил меня, когда и где я закончил академию. Я ответил, что закончил лишь институт, а в академию дорога мне уже закрыта: будучи комбатом, мог бы поступить только на заочный факультет.

К концу октября мы закончили вывоз зерна во всех районах, и оставалось вывезти с полей большой урожай картофеля, свеклы, подсолнечника и других овощей. По итогам работы нашему батальону было вручено Переходящее Красное Знамя Пензенского ОК КПСС и облсовета депутатов трудящихся с вручением больших премий. К концу ноября вывезли все, что летом росло на полях. Нам во второй раз вручили Переходящее Красное Знамя области и значительную денежную сумму для премий, которые я вручал лучшим из лучших.

Большая «распыленность» подразделений, когда практически каждый взвод из имеющихся двадцати размещался отдельно, снижение накала и практическое завершение работ стали отрицательно сказываться на состоянии воинской дисциплины. В третьей роте один из водителей на машине выехал в самовольную отлучку и совершил наезд на частную легковую машину. Хорошо, что обошлось без жертв. В результате машина была повреждена, и нам пришлось по решению суда оплатить полную ее стоимость. Однажды поздно вечером получил радиogramму от командира второй автороты о том, что, возвращаясь с работы, водитель в одной из деревень в районе станции Славкино сбил мальчишку, получившего многочисленные ушибы. Я немедленно выехал в роту и к середине ночи был на месте. Сначала заглянул в больницу, затем в милицию, где солдат был задержан и помещен в КПЗ. Он был трезв, и это спасло от тюрьмы. Затем я побеседовал с начальником ГАИ и выяснилось, что солдат самовольно отстал от колонны взвода, чтобы зайти в магазин, и когда догонял своих, из-за деревьев выскочил мальчишка. Водитель тут же остановил машину и на руках отнес его в больницу. Гаишники по тормозному пути определили, что скорость движения в населенном пункте не была превышена, и это несчастный случай. Были и свидетели. Все эти факторы спасли водителя от тюрьмы, он отделался десятью сутками ареста, но сам случай оказался поучительным. Когда я прибыл в роту, приказал построить два взвода, размещавшихся вместе с управлением роты;

двенадцать человек, в том числе несколько коммунистов и сержантов, оказались пьяными. Пришлось утром разбираться с ними. Трое наиболее рьяных «алкашей» были в тот же день откомандированы по месту призыва, а остальные или оштрафованы лишением премий, или арестованы от пяти до десяти суток и посажены в ГПЗ местного отделения милиции. Досрочное откомандирование к месту жительства и работы было для призванных из запаса крайне тяжелым наказанием, так как помимо сохранения зарплаты по постоянному месту работы здесь начислялась дополнительная зарплата и командировочные. Кроме того, всем откомандированным по месту работы и в органы власти посланы соответствующие приложения-характеристики к предписанию, в которых указывалась причина откомандирования. Все это зачитали перед строем, погрузили их в машины и повезли на вокзал. Через неделю я посылая проверить положение дел в роте секретаря партбюро, который доложил, что в роте дисциплина наладилась. Всем командирам рот было предписано, что там, где это возможно, отдельно расположенные взвода переместить по месту дислокации роты. Кроме того, была создана мощная, но немногочисленная и очень эффективная группа военной автоинспекции (ВАИ), перекрывшая основные маршруты движения колонн, что тоже способствовало стабилизации воинской дисциплины.

Батальон следовало возвращать в Казань, но поступила команда: машины подготовить к продаже колхозам и совхозам по месту работы, а полученные деньги перечислить на соответствующий счет ЦАВТУ Министерства обороны. Провел совещание с командирами рот и командованием батальона, на котором поставил конкретные задачи по приведению техники в надлежащий вид, чтобы предложить местным хозяйствам продать машины по заводской цене. Однако безделье не только деморализующе действовало на людей – стала идти на убыль та прибыль, которую заработали в ходе предыдущей работы. В связи с этим командирам рот было предложено встретиться в дружеской обстановке с руководителями хозяйств, районов и поднять вопрос об отвратительном состоянии дорог и связанных с этим огромных убытков.

Поддержание дисциплины в пределах уставных норм требовало большого напряжения душевных и физических сил офицерского состава. Однажды в ноябре после совещания у начальника ОГ я возвращался в Лопатино по трассе Пенза – Кузнецк,

любовался просторами убранных полей, синевой солнечного неба, вдыхал прохладу несущегося навстречу озона по огромным волнам подъемов и спусков прямого, как стрела, шоссе. И вдруг в трех-четыре километрах впереди увидел мчавшийся навстречу на огромной скорости самосвал. Почуввав неладное, мы немедленно остановились, я встал посередине дороги, подавая сигналы остановиться. Машина мчалась, не снижая скорости, но и я стоял неподвижно с поднятым жезлом. Лишь в 50-60 м машина, взвизгнув тормозами, остановилась в полуметре от меня. Водитель был совершенно пьян и пытался что-то достать из-под ног, тогда я схватил его за руку и резким рывком вытащил из кабины. Он бросился на меня, но мой водитель Саша схватил его в охапку, и мне оставалось только связать брючным ремнем его руки. Откинув сиденье в кабине самосвала, я обнаружил одноствольное охотничье ружье 16-го калибра. Из ствола пахло свежим пороховым дымом, пришлось для страховки связать ему еще и ноги и аккуратно положить на заднее сиденье ГАЗ-69. Я сел за руль легковой, Саша – за руль самосвала, и мы поехали. В Лопатино сдали его в КПЗ, я попросил дежурного ОВД обзвонить близлежащие районы, чтобы выяснить, не было ли каких происшествий. Слава Богу, ничего особого не случилось.

На другой день, когда он протрезвел, выяснились обстоятельства: после окончания работы лихач возвращался в ППД и, проезжая через лес, увидел на полянке двух охотников, сидевших у костра. Вместе хорошо выпили; когда уставшие охотники прикорнули, наш «герой» взял ружье и решил поохотиться: увидев зайца, выстрелил, но промахнулся. Разбуженные охотники погнались за ним, а он, испугавшись, сел в свою машину и был таков, причем даже не знал, что это за трасса.

Водитель оказался бесконтрольным со стороны командования в своем путешествии: командир роты даже не знал о том, что не хватает машины и водителя, и потому не смог доложить о случившемся. Конечно, командир роты и взвода были наказаны, а водитель-охотник отправлен по месту призыва с соответствующей характеристикой, посланной по месту работы и в военкомат. После подобных случаев не было.

Однако это происшествие имело продолжение. Следующей весной я шел из казанского Кремля по Ленинскому проспекту, навстречу – компания молодых людей и среди них тот самый «охотник». Он остановился напротив меня, не давая прохода, остановилась и компания.

– Ну вот, майор, мы и встретились! Ты думал, мы больше не увидимся?

– Не майор, а товарищ майор. Не забывайте, что вы – военнообязанный запаса и к старшим положено обращаться по уставу и на «вы». Что дальше?

– Ты забыл, наверное, как на меня телегу на завод и в военкомат направил, а ты подумал о последствиях?

– Это что же, вы пугаете меня?

– А почему бы мне и не поквитаться с тобой?

– Во-первых, парень, прекрати тыкать и пугать меня. На трассе у Кузнецка, там где я остановил вас, обезумевшего и в «дымину» пьяного да еще и с ружьем, из которого стреляли, а затем привел в порядок, доставив на гауптвахту, вы должны были понять, что я не из трусливых. Во-вторых, я думал, что вы обрадуетесь нашей встрече и будете всю жизнь благодарить меня за то, что сейчас гуляете на свободе, а не сидите в тюрьме. Вы – неблагодарный мужик! Лучше честно расскажите друзьям, что приключилось на целине, иначе придется мне это сделать. Неприятно было встретиться с вами на целине, сейчас же – неприятно вдвойне. Тем более, я занят.

Слегка отодвинув его в сторону, я пошел не спеша и не оглядываясь. Не знаю, о чем он рассказал своим друзьям, но мне показалось, что они все поняли.

К 25 декабря мы продали все 500 самосвалов по той же стоимости, по которой ЦАВТУ МО покупало у Горьковского автозавода. Не знаю, почему эти машины ГАЗ-93Б вскоре перестали выпускать: они быстроходны, легко управляемы, с хорошей грузоподъемностью, правда, при условии наращивания бортов, что пришлось делать нам самим. Пятисуточное ожидание вагонов было сверхиспытанием всех командиров.

Однажды мне позвонил из Кольшлейского района командир первой роты капитан Н.П. Белоусов, которого я знал с хорошей стороны, и попросил меня срочно приехать в роту, так как «назревает бунт». Первая рота, кроме одного взвода, размещалась вблизи Пензы в большом двухэтажном доме. Люди проявляли недовольство и возмущение, что уже нет машин и работы, а их не отправляют домой к женам, детям. Они были правы, но вагонов не было. Кстати говоря, в других батальонах положение было не лучшим.

Собрал в ленкомнате офицеров и сержантов; проинформировав их о принимаемых мерах, сказал, что понимаю их психоло-

гическое состояние, но это не оправдывает бездействие в поддержке воинской дисциплины. В роте треть личного состава в состоянии алкогольного опьянения. В целях предотвращения случаев пьянства с завтрашнего дня будут приняты самые жесткие меры к отдельным офицерам и сержантам. Не справившиеся со своими обязанностями офицеры будут преданы суду чести, а коммунисты – к партийной ответственности, сержанты за самоустранение от командования будут снижены в воинском звании до рядового. Кроме того, будут приняты меры по удержанию премиальных денег. Уверил собравшихся, что к Новому году все будут дома. Я принял решение: если до 29 декабря не будут поданы вагоны, водители спецмашин (50 единиц) будут отправлены своим ходом в Казань за счет средств батальона. Остальной личный состав будет отправлен командами во главе с офицерами управлений батальона и рот в пассажирских поездах по воинским требованиям. В этом случае вся ответственность была бы на мне. Предложил командиру роты, его заместителям и командирам взводов договориться с руководителями хозяйств, сельских советов о любой работе: копать канавы вдоль дорог, колодцы, вычистить скотные дворы изнутри и вокруг, вывезти на тракторах весь навоз на поля или собрать в гурты, отремонтировать заборы, крыши складов, клубов, жилых домов. Важно сделать полезную, нужную крестьянам работу, которая не под силу бригадирам и председателям колхозов.

В тот же вечер на обратном пути в свой штаб я встретился с полковником Пилютиным и рассказал подробно об обстановке в ротах и принимаемых мерах, убедительно попросив выйти на командующего войсками ПриВО генерал-полковника Н.В. Огаркова, чтобы принять неотложные меры по подаче подвижного состава: один эшелон – под личный состав, второй – под спецмашины. С того вечера мы с полковником больше не встречались, но Пилютин остался в памяти как близкий и изумительный человек.

29 декабря вагоны поданы и загружены; 30 декабря техника была в районе войскового стрельбища полка, а личный состав напрямую из эшелона направился домой. Со многими из них, в основном с офицерами и сержантами, не раз приходилось встречаться и вспоминать встречи на целине. Абсолютное большинство военнообязанных запаса показали себя настоящими трудами, дисциплинированными воинами и очень порядочными людьми. Благодарю вас всех, мои дорогие целинники, за благо-

родный труд во имя процветания страны и высочайшую дисциплинированность при выполнении правительственного задания, как принято называть целину.

...31 декабря утром поехал домой на ГАЗ-69; кроме своих вещей вез подарок начпрода – ведро семечек подсолнуха. Не доехав полкилометра, внезапно заклинило двигатель, и я вынужден был добираться до дома на трамвае. Глупо и смешно: за всю целину не поломали ни одной машины, не потеряли ни одного человека, все вернулись здоровыми, и вдруг так подвела своя служебная машина. Разбираться не стал: то ли Саша забыл про уровень масла в двигателе, то ли машина выработала свои возможности, то ли другая причина.

Так завершилась неожиданная командировка, но необычное еще ожидало впереди.

3 января 1968 года вместе с начальником штаба и замполитом сдали все Знамена (их было более десятка), доложил командиру дивизии о сдаче дел и должности командира 2006 оатб. Это был первый мой опыт самостоятельного командования отдельным крупным подразделением, еще и в экстремальных условиях. Судя по оценке вышестоящих командиров, мне удалось справиться с новыми обязанностями. В дальнейшем этот опыт очень пригодился, но я тогда еще об этом не знал. Хочу подчеркнуть: было бы труднее справиться, если бы не самоотверженная, поистине героическая работа офицерского состава батальона и, прежде всего, управления батальона и командиров рот, не знавших ни покоя, ни отдыха. Все они были представлены к наградам. Было известно, что начальник Оперативной группы (ОГ) представил меня к ордену Красного Знамени, однако из-за низкого урожая по стране в 1967 году орденов не давали. Накануне 23 февраля нас в Казани пригласили в гарнизонный Дом офицеров, где большинство сослуживцев получили правительственные награды из рук командующего войсками округа генерал-полковника Н.В. Огаркова; мне вручили весомую и почетную медаль «За трудовую доблесть».

И сейчас войска привлекаются для перевозки зерна с полей на элеваторы. В таких командировках офицеров поджидают три серьезных соблазна: стремление к обогащению, увлечение алкоголем, злоупотребление служебным положением – этакая вседозволенность. Несколько примеров: поздней осенью мне иногда звонили директора спиртзаводов с просьбой дать им до десяти машин для перевозки мерзлого картофеля с полей, оставшегося

в гуртах. Взамен предлагали «золотые горы». Ответ был одним: техника распределяется с учетом потребностей хозяйств и только по согласованию с ОГ и облисполкомом, а в районах – райисполкомом. Более настойчивым я предоставлял не более трех машин на неделю, но с условием, что заработанные деньги будут переведены на текущий счет батальона. Конечно, они не знали наших возможностей и поэтому удивлялись, что три наших самосвала заменяли автороту. Однажды, после работы в подразделениях в одном из районов, по пути я решил заглянуть на один из спиртзаводов в Ульяновской области, благо это было рядом. Директор завода разместил нас с водителем переночевать в огромном, высоком одноэтажном доме, показал весь технологический процесс и целую гору мороженого картофеля рядом с основным цехом. Директор даже дал попробовать в мензурке еще теплый спирт прямо с краника, расположенного в самой нижней части конусообразного огромного сосуда, куда вытекал уже готовый перегнанный спирт. Я убедился, что мороженный картофель – отличное сырье для производства спирта. Сам завод размещался в стороне от столбовой дороги, посреди соснового леса, куда вела извилистая дорога с многочисленными ответвлениями. Меня поразило, что в этом небольшом поселке я не встретил ни одного выпившего. Утром, провожая меня, директор, по доброте и широте русской души, пытался подарить мне двадцатилитровую канистру со спиртом, но я решительно отказался, поблагодарив за гостеприимство.

3. Радищево – Лопатино

Выехав на трассу, водитель достал из-под сиденья обычную солдатскую фляжку, понюхал – спирт. Посмеялись. Говорит, что сил не хватило отказаться от такого подарка.

Стояла сухая погода, и я решил после посещения спиртзавода проехать по полевым дорогам в штаб через Радищево и Неверкино. Эти места – родина великого писателя и истинного радетеля русского народа. Ульяновская область породила немало величайших революционеров. Радищево – небольшое село, затерявшееся в глубине России. Дорога к селу весьма ухабистая, грунтовая, никаких указателей. У въезда в село слева размещался музей А.Н. Радищева, первого в России революционного писателя, выступившего за отмену крепостного права. Впервые

в музее я узнал о том, что Александр Николаевич после прибытия из Сибири, куда был сослан из-за «Путешествия из Петербурга в Москву», в условиях угрозы новых репрессий покончил жизнь самоубийством. После визита в музей медленно проехал по единственной улице. Мне почудилось, что я попал в эпоху XVIII века. Воздух был настолько чист, что казалось, сейчас зазвенит; темноватые и угрюмые дома с небольшими окнами сколочены из крепких толстенных бревен, вероятно, построены они еще при Радищеве. Перед каждым домом между деревьями на лавочках сидели старики и старушки, реже молодежь, одетые в широкие, расшитые сверху и снизу косоворотки или в белые льняные с узорами рубашки и серые, тоже из льняных тканей, брюки, а женщины – в широкие до пят юбки. На ногах – обычные лапти из лыка или чуни из самой настоящей бересты, у некоторых до колен натянуты онучи, завязанные шнурками.

В конце улицы размещался детдом, которое напоминало копию здания Усть-Вымского детского дома в Республике Коми, который, к сожалению, уже сгорел. Детдом построил сын А.Н. Радищева, который, став генералом, участвовал в Отечественной войне с Наполеоном. Вернувшись в родовое поместье, построил этот дом, ставший при советской власти родным для сотен детей-беспризорников, жертв последствий гражданской и Великой Отечественной. Мало кто знает, что потомок великого писателя – Кирилл Александрович Радищев – был участником сопротивления против фашизма во Франции, попал в руки гестапо и казнен в 1944 году немецкими фашистами в концлагере Зоненбург.

Покидая Радищево с тяжелыми впечатлениями и раздумьями о судьбе лучших сыновей России, мне не давал покоя вопрос: почему наши именитые писатели, выступавшие на словах за счастье народа, не заглядывали на родину Радищева – помогли бы людям, детям-сиротам, построили капитальную дорогу. Почему мы, россияне, так неблагодарны по отношению к великим предшественникам. Руководители Ульяновской области возвели в честь В.И. Ленина большой мемориальный комплекс в самом Ульяновске, но почему-то забыли про А.Н. Радищева, сделавшего первый шаг к освобождению русского народа от феодальной, точнее, рабовладельческой эксплуатации. Честно скажу: я не вижу разницы между Борисом Годуновым, узаконившим крепостное право, и другим Борисом, восстановившим его в России в 1993 году. Это мое личное мнение, не более. Но не дай бог

России третьего Бориса! Это уже будет гибель! России нужны Владимирцы!

...В Неверкино я встретился с первым секретарем РК КПСС С.Мишкиным, чтобы выяснить, нет ли претензий к нашим подразделениям, как он оценивает их работу. Беседа была весьма краткой. К окончанию разговора заходит хорошо одетый мужик в шляпе (оказалось, лысый) и с ходу представляется уполномоченным управления сельского хозяйства области, приехавший проверить состояние дел в районе с уборкой овощей. С.Мишкин отвечает:

– Если вы приехали проверять, то ошиблись адресом, так как райком партии может проверить только комитет партийного контроля. Я вас в наш район не приглашал. Если послали помочь, то вам следует быть в хозяйствах, проверяющих у нас хватает. Так что, любезный, не мешайте нам работать!

Спесь с уполномоченного сошла мгновенно, и он, извиняясь, быстренько выскочил за дверь. В тот день я впервые усвоил, кто является «царем» в государстве районного масштаба.

По пути в Лопатино остановились в небольшой деревушке, чтобы утолить жажду, перекусить и немного отдохнуть около красивого колодца. Это была мордовская деревня; зная коми язык, я начал понимать некоторые слова из разговоров жителей. Неожиданно выходит хозяин и приглашает нас зайти к нему домой: «Мы как раз собираемся обедать, не разделите ли, товарищ майор, с нами скромную трапезу». Мы не стали отказываться, и пошли с Сашей за хозяином. Поднялись по лестнице на крытое крыльцо, далее – прихожая и гостиная с печкой, дверь в горницу и дверь в третью комнату. (Совсем как у коми: чисто, полы покрашены, стены оклеены обоями.) Пока хозяйка накрывала ароматными яствами стол, внезапно из горницы вышла высокая, с золочеными косами до пояса, голубоглазая, круглолицая, с обаятельной улыбкой девушка-красавица-луна и... я замер от восхищения. Она сказала: «Здравствуйте, меня зовут Марина, я вас знаю, вы из Лопатино». Оказалось, что девушка работала фельдшером в деревне, в трех километрах восточнее Лопатино. Там я бывал с руководством района у фронтовика на встрече с детским писателем.

Хозяева оказались гостеприимными, как и все угрофинны. Мы с аппетитом пообедали, и к нашему с Сашей удовольствию услышали просьбу довести красавицу до места работы, поскольку нам было по пути. Марина оказалась жизнерадостной, общи-

тельной, с огромным чувством юмора, необыкновенно любознательной, жизнерадостной, доверчивой к людям, и было ей всего лишь 18 лет.

Позднее я пару раз видел ее в Лопатино и всегда желал счастья в жизни, большой любви, достойного парня. Про пензенских женщин говорят, что они – самые красивые в стране, но... толстопятые. Насчет пяток – не знаю, не приходилось измерять, но то что очень красивы, это факт. Девушка-мордочка Марина меня сразила необыкновенной красотой и добротой, веселым нравом, ее смех был похож на серебряное журчание ручья.

Иной раз мне кажется, что природная красота женщин Черноземья, Кубани и Ставрополя исходит от плодородия земли, которая питает своими соками нашу русскую, славянскую женщину, расцветающую как розы.

В длительных командировках у офицерского состава времени на личную жизнь не остается. Но в судьбе каждого человека есть моменты, когда после полученного стресса, физической и умственной усталости, пустоты в душе возникает желание как-то расслабиться: одни находят выход в алкоголе, другие – в гнев, третьи – в валерианке. Подобное опустошенное состояние случилось у меня после поединка с «охотником» на трассе Пенза – Кузнецк (Москва – Куйбышев – Самара). После прибытия в штаб обычно начинались переговоры по телефону с командирами рот, нередко – со штабом оперативной группы, в том числе и о неотложных делах. В тот день даже после прибытия в штаб все клокотало у меня в груди. Первую «взбучку», конечно, схлопотал командир роты нарушителя дисциплины, не знавший об угнанной машине. В других ротах вроде было все нормально. Закончив разговоры, постепенно успокоился, и вдруг звонок. Был субботний вечер, в трубке заговорили приятным, грудным женским голосом:

– Товарищ майор, досталось вам сегодня?

Это была телефонистка Нина Васильевна, которая всегда умела быстро соединить с нужным абонентом и которую я ни разу не видел в лицо. Отвечаю:

– Да, Нина Васильевна, досталось!

– Вам надо развеяться, отдохнуть.

– Где, с кем?

– Да хотя бы со мной и моей подругой. Что вы теряете? Ресторана в Лопатино нет, но лесной ресторанчик всегда открыт. Есть хорошее местечко – дубовая роща в двух-трех верстах от

вашего штаба. Да и мне захотелось с вами познакомиться. Или боитесь?

Вопрос был, конечно, провокационный.

– Когда?

– Через полчаса заканчивается моя смена, на сборы нужен час. Пришлите машину к почте, мы вас прихватим по пути у голубого дома на окраине, это рядом. Подходит?

Я подумал, что действительно ничто не грозит: их двое, я один. Водитель был моложе, но надежный товарищ. Такие «предметы», как «что выпить», «чем запить» и «чем закусить» всегда находились в машине в небольшом дипломате. Никакой слежки не было, врагов – тоже, рабочий день давно закончился. Я ответил: «Идет!»

В назначенное время я сел в машину, темнело, и потому лица пассажиров на заднем сиденье различить было трудно. Вскоре подъехали к лесу, в глубину вела узкая дорожка. Заехали и остановились на небольшой поляне, посередине которой развели костер, раскинули «скатерть-самобранку». Девушки оказались весьма предусмотрительными: привезли столько закуски, что наши припасы остались не тронутыми. При свете костра я вгляделся в лица новых знакомых. Старшая – лет двадцати пяти, синеглазая блондинка с совершенными чертами лица, стройным станом и очень общительным характером. Приняв ее за Нину Васильевну, я стал поддерживать непринужденный разговор, наблюдая, как деловито они накрывали «стол».

Вторая девушка – плотненькая, чернобровая, с глазами бирюзового омута, пухлыми губками, превосходным бюстом и отточенными «бутылочкой» ножками – совсем еще юная брюнетка. Ее великолепный, нарисованный самой природой лик чем-то напоминал «Девочку с персиками» Серова, только она была намного красивее. Я предложил им выпить сухого вина или «Арарата». Девушки выбрали коньяк. Ту и другую звали Ниной. Мы выпили за необыкновенную встречу, осень, природу, за лес и дружбу. Девушки были воспитаны, залпом не пили. «Вторая» Нина оказалась более сдержанной, пропускала «мимо ушей» комплименты и шутки. Изредка ее глаза так сверкали молнией, что становилось не по себе. Она все чаще замыкалась и, оставив нас, села в машину и включила приемник. Я спросил ее подружку, что с ней? Ответила, что ревнует. Я говорю:

– Ну и пусть, она еще ребенок. Но к кому и кого?

– Вас – ко мне: это вы с ней каждый день по телефону гово-

рите, а не со мной. Это она – Нина Васильевна, и ей, между прочим, очень нравится, что вы зовете ее по имени и отчеству. Мы с ней просто подруги. Так что, исправляйтесь!

Пошел исправляться. Открыв дверь кабины, я увидел, что она плачет, и слезы хрустальными стекляшками катятся из «омута».

– Что с вами, Нина Васильевна? Вам плохо?

– Да нет, дым в глаза попал.

– Что это вы уединились, или скучно?

– Нет. Мне просто было недосуг слушать вашу милую беседу с Ниной.

– Не сердитесь. Я просто принял ее за вас.

– Мне уже восемнадцать.

– Это, конечно, немало, но я просто старик по сравнению с вами.

– У вас Христов возраст. Это я уже знаю давно. Но это то, что мне подходит.

– Зачем вам нужен Христос?

– Понимаете в чем дело, мои ровесники еще не заработали и ста рублей, а уже пьют на все пятьсот. Хорошие ребята уходят либо в институт, либо в армию. Поговорить не с кем. Из армии в село уже не возвращаются, а общаться с алкашами и дебилами не хочу. А с вами – интересно.

– Со мной интересно? Мы же с вами знакомы лишь заочно. Пожалуй, вот здесь вы ошибаетесь.

– Я знаю про вас все, уже два месяца я ежедневно слушаю по телефону все ваши разговоры.

– Вот оно что. А это – нормально? В смысле подслушивания.

– Я же только вам говорю, какой вы непонятливый!

– Это уж точно. Но хочу ответить взаимностью: вы мне очень нравитесь и тоже интересны.

– Вот и хорошо. Тогда что, дружба?

– Да, пожалуй, дружба. Вот за это и надо выпить.

Пошли к костру, наше общение стало непринужденным и довольно оживленным. Речь «второй» Нины Васильевны отличалась трезвостью суждений, какой-то независимостью мышления что ли, скрытым юмором. Я поинтересовался:

– Пыталась ли ты поступить в институт?

– Нет, не пыталась. Я у мамы одна и чтобы учиться в институте, нужно иметь деньги на одежду и пропитание. Вот поработаю пару лет, заработаю сколько нужно и тогда пойду учиться.

Георгий Александрович, вы меня совсем не знаете, но наверняка думаете, что я так и останусь на всю жизнь телефонисткой. Вы ошибаетесь. Позвоните в Лопатино лет через десять, и убедитесь, что я права...

Честно говоря, меня поразила целеустремленность девушки, и я выполнил ее просьбу. Мать не могла обеспечить ей учебу, поэтому она пошла работать. Нина хотела учиться и добиться самоуважения и признания одноклассников, родственников, своих друзей и подруг. Это я уже проходил. Между нами было нечто общее, связывающее наши характеры: она росла без отца, я – без матери. Через много лет я позвонил в Лопатино на почту и узнал, что Нина Васильевна закончила экономический факультет Пензенского университета, вышла замуж за сокурсника, вырастила сына, но ей не повезло в жизни: муж погиб, после чего Нина вернулась в родное Лопатино и работает по специальности.

В тот теплый осенний вечер в дубовой роще на оранжевом фоне еще не опавших листьев мы вчетвером говорили о многом. У молодых людей жизнь только начиналась, моя подходила «к экватору». Тем не менее, в памяти осталось ощущение доверительной обстановки в этой приятной компании: никто не позволял ополнить атмосферу дружеского общения даже неосторожным словом. Далеко за полночь вернулись по домам.

С Ниной Васильевой мы встречались еще дважды: на дне рождения ее подруги Оли и на званом вечере совместно с учителями средней школы в деревне за селом. В кругу педагогов она вела себя деликатно и скромно. Мы танцевали, мило беседовали. Но так ни разу и не поговорили о том, что поистине нас волновало...

Уезжая из Лопатино, я позвонил Нине и искренне поблагодарил ее за те минуты внимания, которые она мне уделила. Необыкновенное обаяние девушки было симпатично. Я с грустью сказал «До свидания!», пожелал счастья, и больше ее не видел. Меня ждали в Казани жена и дети.

Вот и все мои романтические и амурные приключения на целине. Короткие мимолетные встречи... Но вспоминать о былом приятно каждому.

4. Еще один сюрприз

Вернемся в Казань. Начальник отделения кадров дивизии подполковник Иван Акимович Маркин попросил зайти к нему в кабинет, пригласил сесть, достал из сейфа стандартный лист бумаги и подал мне. Читаю и не верю глазам: это неподписанный рапорт майора Г.А. Александрова на имя командующего войсками ПриВО, но исполненный чужой рукой, с просьбой направить для сдачи конкурсных вступительных экзаменов в Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1968 году. Почерк полковника Н.М. Пилютина. Подумал, что это розыгрыш: рапорт написан не по команде и не подписан, в верхнем левом углу – резолюция: «Зачислить на основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. Генерал-полковник (подпись) Н.Огарков. 25.12.1967 г.»

– Этот рапорт прислали из Управления кадров округа. Тебе осталось подписать.

– Я не буду его подписывать.

– Почему?!

– Согласно приказу МО СССР, офицерам, закончившим гражданские вузы, разрешается учиться только на заочном отделении. С меня хватит заочной учебы.

– Георгий Александрович, на твоём рапорте четкая формулировка командующего: «Зачислить на основной факультет». И потом, поскольку командиров батальонов принимают в академию до 35 лет, у тебя есть последний шанс попытаться поступить. На подготовку у вас будет два отпуска и месяц сборов при академии.

На семейном совете решили: попытаемся. Взял программу вступительных экзаменов, очередной отпуск с выездом к родным на Север и стал готовиться. Оказалось, все-то я забыл, кроме арифметики и русского языка. Надо было сдавать приемные экзамены по общей тактике и тактике родов войск, знать иностранные армии, технику и вооружение своих и иностранных войск, написать сочинение по русскому языку, а также сдать физику и математику, подготовку к которым пришлось начинать с учебников и сборников задач для 5 класса. Я ложился спать в 4 утра, вставал в 7, и так – в течение полгода. Иной раз хотелось все бросить!..

Полгода никаких развлечений, кино и театров. Лишь один раз на 8 марта посетили с семьей цирк. Вернувшись на службу, занимались командирскими занятиями, что тоже было помощью

в овладении теорией тактики, знания иностранных армий. Хорошо, что будущим абитуриентам предоставлялось два вечера после обеда в неделю для подготовки к экзаменам, но ночные «университеты» продолжались непрерывно. С начала мая взял очередной отпуск и вновь засел за учебники. Радовался, как ребенок, когда быстро находил правильное решение задачи, и психовал, когда ничего не получалось. Медленно, но верно, согласно моему плану, я шел понемногу вперед. В июне к началу сборов абитуриентов я повторил программу по физике и математике за 8-10-е классы, кроме тригонометрии, которую раньше я вообще не изучал. Пришлось в лагерях под Наро-Фоминском преодолевать эту науку. Военных дисциплин я не боялся. Там же, на сборах, в первые дни был проведен контрольный диктант по русскому языку, и мне, в числе немногих, поставили «четверку».

На сборы абитуриентов собралось более пятисот офицеров, конкурс – три человека на место. Как старший по возрасту я был назначен старшиной сборов. Комбатов было шесть человек, остальные – ребята от 23 до 30 лет; это – командиры рот и начальники штабов батальонов. Старшине сборов вменялись обязанности соблюдать абитуриентами распорядок дня: от физзарядки до вечерней поверки, поддерживать внутренний порядок и дисциплину. Эти обязанности я выполнял, ни на кого не жалуюсь, но врагов все-таки нажил. Начальником сборов являлся полковник Г.А. Зубарев, кандидат наук, доцент, уравновешенный и опытный педагог и воспитатель. Большинство офицеров серьезно готовились к экзаменам, и я им по-доброму завидовал: молодость, «свежие» знания, полученные в городских школах и вузах; по крайней мере, каждый имел квалификацию инженера. Но было немало офицеров, которые приехали на сборы с целью гульнуть по питейным заведениям Наро-Фоминска и Москвы, покататься и посмотреть столицу. После первых экзаменов они, как правило, «отсеивались» из-за «неудов».

Все экзамены мне удалось сдать на «пятерки», кроме «четверки» по физике. Все, победа! Радовался – нет слов. И вот заседание мандатной комиссии: председатель генерал-майор П.М. Петрусь поздравляет меня с успешной сдачей конкурсных вступительных экзаменов и сообщает, что я зачислен слушателем первого курса... заочного факультета академии.

- Спасибо, но на заочном факультете я не собираюсь учиться.
- Почему, поясните, пожалуйста, это интересно.

– Потому что я заочно уже учился и закончил институт. Мне нужны военные знания, а не диплом.

– Вы же знаете, что офицеры с высшим гражданским образованием, согласно приказу министра обороны, могут учиться только заочно.

– На мой взгляд, приказ министра обороны по существу устарел. Все абитуриенты, поступающие с должности командиров рот, являются офицерами с высшим образованием. Выходит, я виноват в том, что раньше не было высших военных училищ? Кроме того, прошу вас посмотреть резолюцию командующего войсками ПриВО (ставшего к тому времени первым заместителем начальника Генерального Штаба) на моем рапорте и служебную характеристику.

– Хорошо, товарищ Александров, пожалуйста, выйдите в коридор, мы посоветуемся.

Думаю, что они связались по телефону с начальником академии генералом армии А.Т. Стученко. Минут черед десять вызвали вновь.

– Майор Александров, учитывая сдачу конкурсных вступительных экзаменов на «отлично», вы, в порядке исключения, зачислены начальником академии на первый курс основного факультета.

Генерал-майор П.М. Петрусь вышел из-за стола и тепло поздравил меня. Я был включен в число слушателей первого курса «Б», начальником которого был назначен полковник В.С. Чушаков, к которому я направился выяснить, будет ли мне предоставлена квартира. Надо было решать: сразу везти своих в Москву или при получении квартиры. Чушаков долго мялся, намекая на большие проблемы, из чего я понял, что пока мне ничего не светит. Позже я узнал, что надо было взять с собой две-три бутылки «Московской» – и вопрос был бы решен. Но в этот раз я ушел от него ни с чем. Выше обращаться, если честно, даже не подумал.

Приехав в Казань, принял поздравления от сослуживцев, посидели в своей компании. Подполковник Н.П. Серегин был уверен, что я стану генералом, и даже заключил пари на три бутылки коньяка. Для меня мечтать об этом было совершенно нереально, так как подводил возраст. С грустью попрощался с Казанью – с красивым городом, ставшим для меня неожиданно роковым в пользу добра.

Вернувшись из Казани в Москву, я увидел, что без квартир

остались два слушателя: я и капитан А.Стельмах, еврей по национальности. Нас поселили в одной комнате общежития на улице М.Порываевой. У Саши тоже было двое детей, оставшихся с женой на Украине. Начальник курса Чушаков, видимо, меня русским тоже не считал, так как в личном деле было написано, что я коми, ведь родился в Коми АССР. За что нас возненавидел В.С. Чушаков? То ли он был нацистом, то ли мы не дали ему взятки.

Жаловаться я не привык и не искал покровительства. Видимо, Чушаков не видел меня в должности старшины курса, но не так думал начальник факультета генерал П.М. Петрусь. 31 августа, после возвращения из Казани, на построении я был назначен старшиной первого курса «Б»; старшиной первого курса «А» (начальник курса – полковник А.Ф. Ларин) был назначен серьезный и порядочный майор Э.Гребенщиков.

И снова материальный фактор стал проявлять себя. Думаю, каждый трудяга понимает, каково военному жить на две семьи; хорошо, что жена работала. Начальник курса даже не нашел времени побеседовать со мной. Я вообще не знал, чем Чушаков занимался в академии: ни разу не видел хотя бы признаков трудовой деятельности. Совещания со старшинами курсов и учебных групп проводило командование факультета. Если только написать аттестации в конце обучения в академии? Ну да шут с ним.

Наша первая учебная группа, самая «старая», кстати, состояла из пятнадцати человек: хорошие ребята, но уже бывалые. Из поступивших только двое были старшими лейтенантами – пограничник А.Спасов и В.Т. Елисеев, в будущем – военный историк и ученый; двое были из МВД – капитан А.Т. Дорошенко и капитан Ю.А. Капля; хорошие друзья – капитаны А.М. Черевашенко, Т.В. Тихонов, Ю.М. Савенков и пограничник Б.Н. Алексеенко – в будущем станут генералами. Кстати, Б.Н. Алексеенко поработает со мной начальником кафедры академии, а с распадом СССР уедет в Киев и возглавит украинскую академию ПГВ. Наши пути с капитаном И.К. Бугаевским, с которым мы два года служили, и очень дружно в одной дивизии ГСВГ, разошлись. Со Славой Морозовым мы подружимся в будущем: он закончил службу заместителем военкома Литвы. Умницей и надежным приятелем был капитан П. Старков, отличались трудолюбием капитан А. Шепелев, Д. Харичкин и А. Мороз – ярый болельщик киевского «Динамо».

Тактическим руководителем нашей группы стал один из лучших методистов, старший преподаватель, в будущем – заместитель начальника кафедры тактики полковник М.А. Тихонов. На втором курсе нашим руководителем был Герой Советского Союза, полковник, позже генерал-майор В.Ф. Нестеров – настолько добрый, человечный! Казалось, добродетель, храбрость и скромность соединились вместе. Он восхищался любой удачной организацией взаимодействия или боя, никогда не высказывал слушателям чувство неудовлетворенности, хотя такие случаи бывали. Не знаю, изучал ли он педагогику, но действовал как педагог и воспитатель точно по «Поэме» А.С.Макаренко.

Лекции читали «великаны» военного дела: генералы В.Г. Резниченко, Р.П. Симонян, Т.Д. Лев, В.И. Кобзев, Б.В. Козлов, Т.Т. Тетдоев, Герои Советского Союза Г.А. Лобов и И.П. Лавейкин, П.А. Загуменный, полковники Д.М. Проэктор, И.Н. Воробьев (позже генерал-майор), М.В. Федулов, Г.А. Зубарев, А.Г. Сытов, В.В. Досекин. Это крупнейшие ученые, профессора и доктора военных наук, но главное – участники Великой Отечественной войны. Нередко читал лекции и был наставником нашей группы видный полководец, профессор, автор книги «Танковый удар», генерал-полковник А.И. Радзиевский (в будущем – генерал армии и Герой Советского Союза); он окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе еще в 1938 году и АГШ в 1941, был командующим в неполные 33 года 2 гв ТА во время войны; в 1969 году Радзиевский стал начальником академии. Он был, пожалуй, самым грамотным генералом в Советской Армии, изумительно обаятельным, высочайшей культуры человеком, умело сочетавшим в работе военный опыт, огромный багаж военных знаний и заботу о людях. Наибольшую славу и расцвет Военная академия имени М.В. Фрунзе (ВАФ) достигла именно в период командования в течение девяти лет генерала А.И. Радзиевского – гениального руководителя, которого любили и преподаватели, и слушатели. При его командовании снесли пятиэтажный «клоповник» (дом №2) и построили современное одиннадцатипятиэтажное общежитие, новое общежитие для иностранных слушателей («Шайба»). Началось строительство бассейна, но последователи Радзиевского превратили почти готовый плавательный бассейн в спортзал, а с приходом некоего генерал-полковника он был превращен в личный теннисный корт.

5. В Закарпатье

Началась учеба: на общую тактику отводилось около тысячи учебных часов, значительная часть занятий проходила в поле, где можно было качественно отрабатывать навыки организации боя, в том числе рекогносцировки на местности с целью уточнения принятого по карте решения, и особенно организации взаимодействия и всестороннего обеспечения в тактическом звене. Программа предусматривала изучение тактики общевойскового боя в масштабе батальона и полка – на первом курсе, дивизии – на втором курсе; вопросов подготовки ведения армейского и фронтовых операций и выполнение дипломной задачи – на третьем курсе. Следует подчеркнуть, что действия батальона в бою рассматривали весьма поверхностно, считалось, что они изучались в военном училище. Курс оперативного искусства носил только ознакомительный характер.

Нет необходимости останавливаться на самом процессе и программах обучения. Отмечу лишь, что общее количество часов в Военной академии превышало количество часов, выделяемых для подготовки специалистов в гражданских вузах. При этом подготовку к занятиям по общественным дисциплинам – истории партии, философии, политэкономии, партийно-политической работе, иностранному языку – слушатели осуществляли только дома. Кроме того, в субботу и воскресенье необходимо было законспектировать массу первоисточников по общественным дисциплинам, иначе слушатель к сдаче зачета (экзамена) не допускался. Военная академия – это путь к знаниям, но чтобы овладеть ими, нужен титанический труд, не сравнимый с трудом студентов других вузов, кроме медицинских.

В процессе учебы были очень хорошие эксперименты. Так, для лучшего овладения знаниями и навыками по организации овладения городом мы выезжали всем курсом в 1970 году на две недели в г.Калининград. Еще оставались развалины в центре города, следы траншей и окопов на окраинах, где и начинался штурм по овладению городом 11 ОА и другими объединениями. Не разрушенным в центре города остался Кафедральный Собор и рядом с ним могила Э.Канта. Я побывал там спустя восемь лет, но город стал совершенно неузнаваемым.

На мой взгляд, в академии недостаточно уделялось внимания изучению эксплуатации боевой техники и вооружения, иностранному языку и слишком много времени – общественным дисциплинам.

После окончания второго курса слушатели выехали на месячную стажировку в войска. Меня направили стажироваться в должности командира мотострелкового полка с вооружением БМП – одного из первых в Прикарпатском военном округе в городе Мукачево, входившего в дивизию, которой командовал генерал-майор Серых, в будущем – комендант г.Москвы; командиром полка являлся подполковник И.А. Мильситов. По его поручению я разработал документацию для подготовки и проведения всех батальонных тактических учений, которые были с первого раза утверждены командиром дивизии, участвовал в дивизионных двухступенных КШУ на местности, в организации стрельб на войсковом стрельбище, других занятиях, в том числе командирских с офицерами полка, выполнял ряд других поручений. Разумеется, изучил организацию повседневной деятельности полка, организацию караульной и внутренней службы, хранение техники и вооружения. Сравнивая со своим отделным автобатом, отметил, что обязанности командира части идентичны. Ничего плохого в состоянии полка я не нашел, но было чему поучиться. Понравилась исполнительность.

Кажется, во вторую субботу пребывания в Закарпатье я решил пройтись по городу. Мукачево – изумительно зеленый город, расположенный на горной речке Латырица, неглубокой, рыбной и неширокой. В юго-восточной части города за рекой размещался женский монастырь. Где-то около часа наблюдений промелькнуло немало симпатичных монашек – ведь я их видел впервые в жизни. Зашел в кафе, выпил бокал сухого белого вина, и только вышел – ба! – глазам не верю: навстречу мне не спеша шагал сахалинский приятель-рыбак подполковник И.М. Михеев, ставший к тому времени начальником штаба автосоединения резерва ЦАВТУ МО СССР. На следующий день пошел к нему в гости. Пока его жена накрывала на стол, Михеев попросил пройтись с ним в ближайший магазин, и берет с собой ведро. В магазине отдает «тару» продавщице и просит заполнить. На моих глазах продавщица открывала пробки 800-граммовых бутылок и выливала содержимое в ведро, пока оно полностью не заполнилось. За ведро натурального сухого красного вина Михеев заплатил 10 рублей. А сейчас...

Собралась небольшая компания друзей. Хозяйка наварила много вкусного, но меня удивило множество фруктов и винограда. С ведром вина мы, вспоминая Сахалин, службу в Леонидово, успешно справились. Замечательным было то, что ушел я от них

вполне трезвым. Вот что значит умело выбранное вино и отличная закуска.

Природа Закарпатья удивительно красива, особенно Карпаты, когда из окна вагона, начиная со станции Славское до перевала у г.Стой, на высоте 1500 метров обозреваешь горную, покрытую зеленым «бархатом», невероятно живописную местность. В следующее воскресенье я съездил в Ужгород полюбоваться виноградниками вдоль отличного шоссе. В киоске купил набор фотографий об этом городе. Был крайне удивлен, когда в одном из ресторанов на Латорице мне предложили половить рыбу прямо из реки, стоя на балкончике. Я что-то поймал грамм на 600-800, эту рыбу тут же зажарили и подали на стол со свежим картофелем. Мы пообедали (была и уха) вдвоем с водителем с удовольствием.

Мукачево – столица «русичей» со всей Украины. А как же хороши русички-русалочки и мадьярочки! Закарпатье меня очаровало, стажировка прошла с огромной пользой. За усердие в службе комдивом 128 мед я был награжден грамотой.

В это же время в Мукачево проводился чемпионат Советской Армии и ВМФ под руководством В.Боброва, главного тренера по футболу ВС СССР. Мы с ним в течение двух недель ежедневно завтракали и обедали в командирском зале офицерской столовой полка. Обычно он был одет в голубоватую форму полковника ВВС, вел себя довольно скромно и сдержанно, да и я не доводил его вопросами. Тем не менее каждый раз обменивались мнениями по самым разным вопросам: все-таки я был ярым болельщиком ЦСКА (до – ЦДКА) с 1945 года.

Победа ЦСКА в чемпионате России под руководством талантливейшего тренера (и игрока – тоже) В.Газзаева в 2003 году продлила мне жизнь минимум на два года, а их тройная победа в 2005 году вдохновила пожить еще. Конечно, «болею» за сборную до сих пор: после проигрыша сборной Албании у меня случился такой приступ аритмии, что пришлось вызывать «скорую». Меня всегда удивляет близорукость наших тренеров, которые всегда ищут причины поражения российских команд в несобранности и болезни игроков, их травмах, ошибках в тактике и судей. Но никто не видит основных причин: крайне низкая физическая подготовленность и совершенно низкий уровень технической оснащенности игроков. Вспомните игру со сборной Португалии: каждый пас их футболистов попадает точно в цель, на 100%, у наших игроков – лишь на 25-30%! В сборную надо брать умных, техничных, физически развитых трудяг. Наши

футболисты не умеют бегать с мячом, передавать и принимать пас, точно пробить по воротам – для этого нужно много тренироваться. В.М. Бобров все это умел сам и учил подопечных; говорил, что самое трудное для тренера – найти техничных, трудолюбивых и думающих игроков. Очень хорошо помню встречу в январе 1969 года слушателей и ППС академии и команды ЦСКА во главе с В.М.Бобровым: актовый зал переполнен. В 1968 году команда ЦСКА с 9-го места вышла на 4-е, играли такие мастера как Шестернев, Капличный, Истомин, Афонин, Пшеничников; на 1969 год были приглашены Копейкин, Абдураимов, Вшивцев. Ставилась задача выйти в призую тройку. По просьбе кафедры физподготовки я тогда написал большой отчет об этой встрече в академической газете «Фрунзевец» (№5 от 1.02.1969 г.). Почему сейчас пишу об этом? Мы, ветераны Советской Армии, помним вас, великих футбольных мастеров ЦСКА, и впредь вы должны высоко нести гордое знамя нашего родного клуба. (Это так, между прочим; не хлебом единым жив человек.)

...Вернемся в Москву. По-прежнему с Сашей Стельмахом ездили ежедневно на «бешке» (троллейбус «Б») по Садовому кольцу, иногда на метро до станции Кировская (ныне – Красные ворота). Напротив нынешнего здания Счетной палаты (бывший учебный корпус ВАФ) находился одноэтажный Дом культуры им. Максима Горького, в конце здания – пристройка с «Пельменной», где мы завтракали, обмакивая свежие и горячие пельмени в уксус или сливочное масло, запивали их кофе или чаем и шли дальше. Надо сказать, что после полгода подобных завтраков я лет десять не ел пельменей.

В академии после первой пары был двадцатиминутный перерыв, во время которого мы съедали по румяному пирожку с капустой, запивая ячменным кофе с молоком, уплатив 15 копеек. После третьей пары шли обедать в шикарную столовую академии на первом этаже, где обед обходился в один рубль, причем с неплохим выбором блюд. По крайней мере, в 10 раз лучше, вкуснее и дешевле, чем сейчас. Возвращаясь обычно поздно вечером, столовые в Москве были уже закрыты, поэтому мы заходили в небольшой ресторанчик напротив нашего общежития, где за полчаса успевали поужинать с бутылочкой пива.

Как-то я простудился и весь день пролежал в нашем «гнезде». Саша, приехав из академии, зашел сначала ко мне, приглашая на ужин. Я отказался и попросил его принести с собой что-нибудь перекусить. Прошло минут двадцать, мне показалось,

что сосед задерживается. Смотрю, выходит из ресторана человек, похожий на иностранца, за ним – Саша и «друг», который схватил его за плечо. Саша увернулся, аккуратно положил наполненный пакетик в угол крылечка, затем встал перед ними – и вдруг оба иностранца набросились на него с кулаками. Сначала – мгновенная защита, затем серия точных ударов по одному, по второму – и оба «агрессора» лежат на земле. Я и не знал, что Саша когда-то занимался боксом – «уложил» их здорово. Поднявшись ко мне, он рассказал, что когда зашел в ресторан, наша знакомая официантка сразу подошла к нему, чем обидела иностранцев, которые решили поквитаться, но получили отпор. Все бы ничего, но гости столицы были слушателями нашей академии, и Сашу волновало, что на другой день они пожалуются. Я его успокоил: если это случится, то пойду к начальству и расскажу, как все было. Вот такой у меня был приятель. Мы хорошо подружились, и позже нередко встречались семьями.

По мере проживания деньги таяли как лед весной. В январе я решил обратиться к начальнику факультета, минуя начальника курса. Петр Михайлович крайне удивился, что старшина курса остался без жилья. Тут же позвонил генералу Леонтьеву – заместителю начальника академии по материально-техническому обеспечению – и сразу же нашлись две комнаты по 14 «квадратов» в двухкомнатных квартирах. В тот же день я посмотрел выделенную мне на пятом этаже комнату: общими были туалет и умывальник, ванной комнаты или душа, как и лифта, не было. В комнате было много клопов, поэтому пришлось устроить дезинсекцию. Саше Стельмаху дали такую же комнату, но на третьем этаже. Общежитие было коридорного типа, в восточном крыле здания на один из трех коридоров приходилась одна кухня на 37 семей! Наступило время вызывать семью; в комнате едва разместились полуторная кровать, детская кроватка на двоих, небольшой столик, пианино и сундук из-под вещей, на котором спала теща. Вся одежда размещалась в сундуке, посуда – под столом. Больше у нас ничего не было. Чушаков так ни разу и не поинтересовался, как проживает его первый помощник. До сих пор я с омерзением вспоминаю о нем, настолько он был равнодушен к нуждам людей.

Как только приехала семья, заболел холециститом старший сын. После занятий в академии я бежал в больницу. Спасибо врачам, вытащили парня. Вылечив сына, жена поступила работать библиотекарем в секретную библиотеку академии.

После Сахалина и Казани дети были ослабевшими, надо было их закалять. Да и сам я весил 60 кг после года тяжелых, изматывающих работ на целине и в погоне за знаниями. Вспомнил, как вологодский профессор убедительно доказывал, что надежным аккумулятором здоровья подрастающего поколения является вода, которая лечит от всех болезней. Поэтому массовое строительство плавательных бассейнов в стране является первоочередной задачей, если мы хотим видеть нацию здоровой. Помня об этом, я устроил младшего сынишку Сашу, которому было 8,5 лет, в спортивную школу «Чайка», расположенную у метро «Парк культуры». Старшего взяли в спортшколу бассейна «Москва». Обе школы были бесплатные; кроме того, обоим сыновей устроил в музыкальную школу недалеко от нас – в районе Кропоткинской улицы; Игорь вечерами посещал каток. До сих пор хранится его медаль чемпиона школы по конькобежному спорту. Мне тоже надо было подтянуть здоровье, и я стал ездить с сыновьями каждое утро поплавать час в бассейне «Москва». Здесь не было строгих правил спортшколы, и они с удовольствием барахтались со мной, ныряли, баловались. Такая вот утренняя зарядка. Плата в бассейне «Москва» за троих составляла 10 рублей в месяц. В бассейне «Москва» поправляли свое здоровье сотни тысяч людей, он функционировал с 7.00 утра до 22.00 вечера. В начале 90-х годов из бассейна выпустили воду, и уникальнейшее гидротехническое спортивное сооружение мира стоимостью в десятки миллиардов рублей было разрушено.

График выглядел примерно так: вставали в 6.30, в 6.40 садились на троллейбус №5 на улице Б.Пироговская, в 6.50 были у бассейна, плавали, в 7.55 были у дома и в 8.30 разбегались по школам. И так два с половиной года! К середине 1971 года оба сына выполнили нормативы первого юношеского разряда, до 40 лет не болели, да и я выдержал еще лет 30! Вот так-то!

6. На пути к финишу

Учеба в академии проходила вполне успешно. Сынки больших начальников, для которых поступить в академию было «раз плюнуть», здесь, во «фрунзенке», видели нас, крестьян и рабочих по происхождению, своими подчиненными. Давайте заглянем на десять лет вперед: один из них попадает волею судьбы ко мне заместителем и начинает с первого дня упрашивать о дос-

рочном представлении к званию полковника. При этом единственным доводом было то, что мне не надо никого бояться, так как стоит только подписать представление и оно будет реализовано. Я ответил, что досрочно звания присваивают в армии за особые заслуги. Почему бы не получить было досрочно звание за успешное командование полком.

...Наконец-то появилась возможность чаще с семьей посещать Большой театр, театр оперетты, «Ромен», Вахтангова, размещавшийся по соседству; Дом культуры им. М.Горького, чтобы посмотреть новейшие фильмы. Удалось побывать на концерте Л.А. Руслановой. Ей было уже за 70 лет, и несмотря на возраст она зачаровывала зрителей не только мощным контральто, но и глубиной исполнения. Задушевные мелодии песен Руслановой захватывали воображение зрителей, казалось, что полноводные русские реки выходят из своих берегов и разливаются в половодье по всей нашей земле.

Нравилось семьей, часто с друзьями, посещать ВДНХ, музей Советской Армии, бывать на Бородинской панораме, посещать Третьяковскую галерею и Исторический музей, музей В.И. Ленина, Кремль, Дворец съездов, Красную площадь, Мавзолей. В то время проход на Красную площадь был свободным днем и ночью, увидеть милиционера было большой редкостью. Не было каких-то несурзных религиозных строений, загораживающих проходы со стороны метро, и огромной железной решетки, загородившей от народа любимую площадь. На Манежной площади ежедневно гуляли тысячи людей со всего мира, чтобы полюбоваться Кремлем, Александровским садом, Манежем, изумительно красивыми зданиями напротив, здесь же на площади хватало места для бесплатной парковки машин, не было лабиринтов между каменными Могильниками, построенными в 90-е годы прошлого столетия. Сейчас Манежная площадь – это огромный мемориал-«могильник». В «Охотном ряду» пахнет кладбищем...

...Наступило время разработки дипломной задачи. Выбрал я самую сложную задачу, которую никто не хотел брать: «Подготовка и проведение полкового тактического учения с боевой стрельбой по теме «Наступление мотострелкового (на БМП) полка на подготовленную оборону с выдвиганием из глубины. Развитие наступления вводом в бой второго эшелона. Отражение контратаки превосходящих сил противника». До академии мне не довелось в силу сложившихся обстоятельств провести ни полкового, ни батальонного, ни ротного тактического учения с бое-

вой стрельбой. Поэтому наравне с изучением тактики и оперативного искусства необходимо было заново не только изучить всю методику тактической подготовки войск, в частности, самый сложный раздел – учение с боевой стрельбой; если бы я не одолел этой части военной науки, мне было бы нечего делать в войсках выше должности комбата. Научным руководителем диплома был назначен известный методист и хороший практик – полковник А.Ф. Шрамченко. Был соблазн написать за месяц дипломную теоретическую работу, переписав содержание различных источников, но это слишком просто для меня. Я писал дипломную задачу целых полгода, на исполнение в «чистовике» ушло не меньше месяца. Пожалуй, это был период самой интенсивной работы не только над задачей, но и над собой.

7 мая 1971 года, накануне дня рождения, мне было сообщено о присвоении очередного воинского звания «подполковник». Я оказался единственным слушателем в академии, получившим звание подполковника во время учебы. Присвоение звания отметили по традиции всей группой в небольшом кафе в Парке культуры и отдыха имени Горького, на другой день – в кругу семьи и лучших друзей дома, а заодно и свои тридцать семь лет.

На защиту дипломной задачи совершенно неожиданно прибыл генерал Радзиевский. Просидел молча все пятьдесят минут, пока я защищался, и задал всего один вопрос:

– Подполковник Александров, если бы вам через неделю поручили проведение этого полкового учения с боевой стрельбой, вы бы справились?

– Справился бы, товарищ генерал-полковник, при условии, что сам бы готовил это учение.

– И я так думаю. Поздравляю вас с успешной защитой, желаю удачи в войсках!

В жизни мне придется провести десятки полковых учений с боевой стрельбой. Были сложности, нюансы, но дипломная задача стала фундаментом, который в будущем помог мне заново не изобретать велосипед.

Я окончил академию с отличием и золотой медалью; думаю, что это обстоятельство явилось одной из причин аттестации на должность командира мотострелкового полка. Приказом министра обороны СССР я был назначен командиром 204-го гвардейского мотострелкового полка 94-й гвардейской мотострелковой дивизии ГСВГ. Перед назначением состоялась беседа с начальником Главного управления кадров МО, Героем Советского Со-

юза, генерал-полковником А.Т. Алтуниным. От нашей академии командирами полков были назначены пять человек, от академии БТ и МВ – двое, все бывшие комбаты; в последующем они достойно справились со своими обязанностями. Так, полк под командованием Романа Галиева был лучшим в 20А, правда, все пять лет он прослужил в одной должности, но это уже были игры кадровиков. Закончил Галиев службу в должности военкома Перовского района столицы. Отличный был командир!

Начальник ГУК беседовал откровенно; мы знали, что звание Героя он получил еще в Великую Отечественную войну, будучи командиром батальона в 23 года. После окончания АГШ служил комдивом, в Генштабе, командармом и командующим войсками СибВО. Еще через два года Алтунин стал заместителем министра обороны СССР по гражданской обороне. Он посоветовал нам послужить Отчизне на совесть, не претендовать на более высокие должности – мы уже «перестарки», в 37 лет его поколение занимало должности командующих армиями. В определенной степени было справедливо. Его слова полностью оправдались: мы не стали выдающимися военачальниками, тем не менее, были окрылены новым назначением. Первое возникшее чувство – это груз огромной ответственности. Романтики...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СИЗИФОВ ТРУД КОМАНДИРА ПОЛКА

1. Неприятие и первые проблемы

В начале августа мы с семьей уже были в Фюрстенберге, где нас разместили в гостинице Военного Совета. (Интересно, что свою последнюю ночь в ГСВГ я провел там же.) С утра меня принял командующий армией, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант И.И. Камищев, присутствовал член ВС – начальник политотдела. Моё личное дело было у командующего на столе, рядом – служебная карточка; послужной список был не велик: на батальоне прослужил всего 2,5 года, из них комбатом один год и командиром роты 6 лет и 10 месяцев. Сейчас я понимаю его реакцию, но в то время, конечно, не понял... Реакция командующего была совершенно неожиданной для меня и даже оскорбительной:

– Слушай, подполковник, откуда ты взялся и как попал на должность командира полка, не пройдя должности заместителя командира?

– Товарищ командующий, я на эту должность не запрашивался.

– Ты же служил в кадрированной дивизии и даже людей не видел. (Я понял, что кадровики служебную характеристику полковника Пилютина из личного дела изъяли).

– Приходилось видеть, товарищ командующий.

– Да... Вот уж подарок нам Главное управление кадров преподнесло.

Я решил пошутить:

– Товарищ командующий, хотелось обратить ваше внимание на то, что я не подарок, а подполковник Советской Армии.

– Ты еще и болтун, подполковник. Ты хотя бы представляешь, что такое полк на БМП.

– Так точно. Организацию полка на БМП мы изучали в академии, кроме того, я стажировался в таком же полку.

– Ну ладно, подполковник, продержись до декабря. Там мы тебя проверим, затем снимем с должности и найдем непыльную должность.

– Товарищ командующий, прошу меня не пугать: снять с должности меня может только министр обороны. Кроме того, в связи с перевооружением полка с БТР на БМП, согласно приказу МО, полк может быть подвергнут проверке только через год.

– Мы, подполковник, как-нибудь со всем этим разберемся без тебя. До встречи в декабре. Вы свободны. (Я понял эти слова так: «Закрой рот, салага»).

Фюрстенберг (Германия) построен буквально на костях сотен тысяч женщин, в основном русских, сожженных в крематориях Равенсбрюкского концлагеря, на месте которого, повыше штаба армии, при нас размещался 60 мсп 16 тд. Это был заново отстроенный военный городок: отличные казармы с размещением солдат повзводно; в казармах все удобства, включая душевые установки. На территории городка построены прекрасный Дом культуры, спортгородок, цветники, магазины, склады. Огромный плац, все дороги и дорожки заасфальтированы. Кошунство в том, что штаб 2-й танковой армии размещался рядом с созданным немцами музеем, в котором были оставлены в безукоризненном состоянии фашистская двухэтажная казарма для военнопленных и крематорий с четырьмя печами (запах сожженных женщин до сих пор напоминал о зверствах гитлеровских палачей).

Когда я подошел к гостинице, там меня ждал заместитель командира полка, майор Г.И. Следь, с которым мы поехали в Шверин. По обе стороны дороги посажены лиственные деревья, кроны которых закрывают плотно шоссе, чтобы авиация во время войны не могла обнаружить выдвигающиеся колонны войск. Это не относится к автострадам. Дороги построены в основном людьми, вывезенными с оккупированной Европы и западной части СССР. Вдоль дорог симпатичные, аккуратные кирпичные одноэтажные просторные дома; двух- и трехэтажные дома характерны для небольших старинных городков – Нойштерлиц, Миров, Каров, Кривиц, Пархим, Перлеберг; новые многоэтажные дома в этих городах и поселках городского типа построены уже после войны. Многочисленные реки и каналы обильно снабжают водой плодородную землю. Поля не огорожены, так как скот пасется на пастбищах, обнесенных по периметру и разделенных на квадраты забором из проволоки в 2-3 ряда. После того, как съедена трава в одном квадрате, скот пропускают

в следующий квадрат; нет необходимости держать пастухов и чабанов.

В многочисленных озерах и каналах столько рыбы, что большинству немцев лень ловить ее: им больше нравится посидеть с семьей или приятелями за кружкой пива в гаштете. В лесах столько дичи, что охотоведы вынуждены принуждать к охоте по заданным квотам охотколлективы в каждом населенном пункте, будь то поселок или хутор, иначе звери и птицы (в основном, кабаны и гуси) могут уничтожить весь урожай на полях. Если охотники не отстреляли свою квоту, к примеру 500 гусей, их штрафовали. В лесах грибов – бери, не хочу, на лугах – тысячи и тысячи шампиньонов. В каждом селении, деревушке, на хуторе даже с тремя домами есть обязательно гаштет, по-нашему – небольшой ресторанчик или кафе. В каждом гаштете имелось свежее холодное бочковое пиво. Кружка стоила буквально пфенинги, менее марки (один рубль равнялся трем маркам). В гаштете можно было за «прозит» (здоровье) выпить дупель (рюмка в 40 граммов) водки или немецкого коньяка «Вайнбрант». Лучшие сорта этого напитка стоили по 14-18 марок за бутылку. При желании можно было заказать и закуску – боквурст, это немецкие сосиски из свинины с говядиной, без крахмала, разумеется. Для аппетита на каждом столике всегда стояла емкость с немецкой горчицей, отличающейся мягкостью вкуса.

Каждая семья в ГДР имела машину – или свои «Трабанты» и «Варбурги», или наши «Жигули», «Москвичи» и «Волги». Рабочий день начинался в 8.00 и заканчивался в 15.00, после чего почти все население выезжало на природу, в приозерные и приречные рестораны, кафе и гаштеты, просто отдохнуть в лесу или на пляже или в лодке.

За годы службы я общался с немцами, со многими из них мы подружились. Немцы – тактичный, вежливый, доброжелательный, гостеприимный народ, но любят счет. Они никогда не оскорбляют друг друга, не кричат, не идут на оппонента с кулаками – очень выдержаны и любезны. Пьют не меньше, чем мы, пива даже больше, но пьяного на улицах можно встретить редко, так как полиция быстро подбирает горемычного, и если он помнит свой адрес, довозит до дома. Отношение абсолютного большинства немцев к советским людям, в том числе к военнослужащим, более чем дружественное. По правде, обижаться им было не за что: мы никогда не вмешивались в их внутренние дела, не жгли в концлагерях, не убивали пленных. В Германии

прекрасные музеи: Сан Суси близ Потсдама, Дрезденская галерея, Шверинский замок и краеведческий музей, в котором директором, надеюсь, до сих пор, работает мой друг Манфред Крик, или небольшой музей музыкальных инструментов на юге, чуть севернее курорта Бадельстер.

Природа Германии изумительна. В жизни мне пришлось побывать в ряде стран Европы, Ближнего Востока, Южной Азии, за Атлантическим океаном, но симпатичнее и разнообразнее природы Германии и Литвы не видел, разумеется, кроме Республики Коми и Тверской области, Кубинских озер Вологодчины, Бай-Чая в СРВ.

Чего же не хватало немцам? Почему они пошли завоевывать соседей и за два года покорили европейские государства, кроме Великобритании? Зачем они полезли на Восток, ведь Наполеон уже был в Москве? Общаясь с немцами ежедневно, я не нашел никаких признаков их расового превосходства. Значит, дело в их национальной самооценке. Не то ли происходит с народами США?

Добрались до Шверина. Зашли, чтобы оставить вещи в подготовленной четырехкомнатной квартире командира полка. Это жилье показалась нам дворцом. Мои ребята ходили по комнатам и все спрашивали: «Это все нам? Кто-нибудь еще будет жить с нами?» Им не верилось, что впервые в жизни мы будем жить в отдельной огромной квартире. Обедать отправились в офицерскую столовую полка. Затем я переоделся в парадно-выходную форму и поехал представляться командиру дивизии генерал-майору П.С. Куприенко. Это был уже седой, сравнительно пожилой командир, весьма резкий в суждениях. Представился, как и положено по Уставу. После первых вопросов – как доехал, где семья, как устроились – последовал следующий:

– Как вы собираетесь командовать, товарищ подполковник: вы знаете, что в полку более 2000 человек?

– Понимаю, товарищ генерал. Вы зря беспокоитесь, товарищ генерал, все будет в порядке.

– Вы о себе беспокоитесь! – закричал в порыве гнева генерал.

– Как видите, я совершенно спокоен. Кроме того, я слышу нормально, товарищ генерал.

Про себя начал считать: «Раз, два, три...», и так до десяти, затем повторил, так как чувствовал, что могу «взорваться», как бомба. Выдержал. Командующий армией уже поставил командиру дивизии задачу: найти любые предлоги, чтобы побыстрее

отстранить меня от незанятой пока должности. Но сам был уверен: никому не удастся меня ни запугать, ни отстранить от командования полком. Сравнивая прошлое, могу сказать, что командование отдельным автобатом на целине было нелегким делом, этот опыт очень пригодился в новой должности.

На другой день комдив представил меня личному составу полка и, не сказав на прощание ни слова, сел в вишневую «Волгу» и уехал. Я остался стоять перед своими подчиненными. Дал команду «Вольно! Разойтись!», вызвал своих заместителей, начальников родов войск и служб (НРВиС), командиров батальонов и объявил, что сегодня и завтра буду знакомиться со всеми подразделениями и объектами полка, а затем буду заслушивать по графику всех непосредственных подчиненных о положении дел в подчиненных подразделениях и службах. На третий день назначил строевой смотр. Заметил, что в строю нет начальника штаба полка, подполковника Шишкина, который якобы заболел. После осмотра казарм, парков, складов, объектов учебно-материальной базы и тыла, заслушивания докладов командиров, а также жалоб и предложений (их практически не было) выявилась, прямо скажу, безрадостная, унылая картина.

Бывшего командира полка – полковника Канюку – еще в мае откомандировали преподавателем тактики в Ленинградскую академию тыла и транспорта. Временно обязанности командира исполнял первый заместитель майор Г.И. Следь. Начальник штаба не являлся на службу сутки, двое, трое... Я попросил принести его рапорт и справку врача об освобождении. В штабе ничего не оказалось. Узнав, что начальника штаба зовут Петр Федорович, сразу пришла догадка: четыре года тому назад Петр Федорович был моим комбатом на Сахалине, а позже – начальником штаба того же полка. Я сразу все понял: узнав, что командиром полка был назначен его бывший подчиненный, комбат был ошарашен этим известием. Я попросил Г.И. Следя передать ему большой привет и скорейшего выздоровления. На другой день Петр Федорович прибыл на службу, мы обнялись, и я выразил надежду, что нам, сахалинцам, вместе легче будет выполнять возложенные на нас задачи. Он действительно, в силу своих способностей и опыта, добросовестно выполнял свои обязанности; стоило напомнить о необходимости поправить что-либо, и можно было не сомневаться, что будет исполнено. Командир дивизии, наоборот, был невысокого мнения о Шишкине, и мне приходилось не раз доказывать, что Петр Федорович – опытный

и трудолюбивый начальник штаба. Через три-четыре месяца начальник оперативного отделения полковник И.А. Мачегора был назначен начальником штаба дивизии. Мне удалось уговорить комдива о назначении П.Ф. Шишкина вместо него. Сделал я это вполне искренне и из добрых побуждений. О моих беседах с комдивом Шишкин, конечно, не знал. Вскоре он был назначен на эту должность и получил звание полковника. В армии есть традиция «обмывать» новую должность или новое звание в кругу друзей и приятелей. П.Ф. Шишкин не приглашал меня ни на первое, ни на второе. Я был удивлен, но в обиде не был; наоборот, был искренне рад за него.

Строевой смотр показал совершенно неудовлетворительный внешний вид и низкую строевую обученность. Жалоб не было, и это было странно. Часть солдат одета в рваное обмундирование, грязное белье и порванную обувь. Лишь одна рота связи капитана Митина получила вполне удовлетворительную оценку, а за исполнение песни – даже хорошую. Остальные роты не дотягивали до положительной отметки, поэтому пришлось оценивать в относительных числах: минус один, минус два, минус три и даже минус двадцать. Обидно, хотя еще Г.К. Жуков считал строевую подготовку в армии одним из основных предметов обучения: если полк получал отличные оценки, а по строевой подготовке – удовлетворительно, полк в целом оценивался посредственно. В данной ситуации чувствовалось, что строевой подготовкой в полку давно не занимались.

Для обывателя, не служившего в армии, строевая подготовка покажется никому не нужной шагистикой. На самом деле цель строевой подготовки не только дисциплинировать и сплотить подразделения, но и научить наиболее рациональным приемам и движению с оружием и без, перестроениям, перебежкам и переползаниям, необходимым в бою, действиям в развернутых и походных строях отделения, взвода, роты, батальона в пешем порядке и на машинах, порядку проведения строевых смотров, ритуалу встречи со Знаменем части. Навыки, приобретенные в ходе строевой подготовки, сокращают время каждого солдата, подразделения на изготровку к стрельбе и ее ведению, чтобы, в конечном счете, повысить «живучесть» личного состава в общевойсковом бою. Кроме того, основными предметами обучения являлись тактическая, огневая, техническая подготовка, вождение боевых машин, защита от оружия массового поражения, состояние техники и вооружения. Для подразделений артилле-

рии, ПВО, разведывательных, инженерных, химических, медицинских и тыловых войск основным предметом обучения являлись еще и специальная и тактико-специальная подготовка. Неосновные предметы – физическая, топографическая, военно-инженерная, военно-медицинская подготовка и Уставы Советской Армии.

Поскольку программой обучения на строевую подготовку выделялось недостаточно времени, я порекомендовал для лучшей выучки использовать передвижение в столовую, в клуб, в парк боевых машин и обратно, а также утренние строевые тренировки вместо стрелковых, которые и так проводились в достаточном количестве на учебном центре. Военному дирижеру было приказано закрепить за каждой ротой (батареей) определенного музыканта, который бы учил строевой песне в часы культурно-массовой работы. Музыканту необходимо выявить и распределить по голосам солдат и сержантов, имеющих хороший музыкальный слух (а их – большинство), и обучить каждое подразделение исполнять на вполне приемлемом уровне две-три песни. Объявили конкурс на лучшее исполнение строевой песни в составе подразделения с присуждением победителям призов и грамот. В будущем такие конкурсы проводились нередко, обычно в воскресные или праздничные дни, а строевые смотры – строго по плану.

В целом, повышение строевой подтянутости оказалось самой простой по сложности исполнения и самой нетрудоемкой проблемой.

Первой же серьезной проблемой явилось решение технических вопросов. Все дело в том, что в мае на вооружение были получены совершенно новые боевые машины пехоты БМП-1. Это было первое поколение боевых машин пехоты. Эта машина весом 13,6 т и мощностью 300 л.с. управлялась экипажем из командира, наводчика-оператора, механика-водителя и вмещала восемь человек десанта. 73-миллиметровая гладкоствольная пушка в определенных условиях могла поражать танки, бронеполки и пехоту на дальность до 1300 метров, а противотанковый управляемый по проводам снаряд (ПТУРС) мог уничтожать танки на расстоянии до 3000 м. Кроме того, спаренные с пушкой и курсовой у механика-водителя пулеметы могли вести огонь по живой силе противника до 1000-1500 м. Заряжение пушки – автоматическое. Машина могла двигаться по любой местности со средней скоростью 45-60 км/час. Броня – противопульная, не более.

Недостатками, на мой взгляд, являлись неудобные малоразмерные десантные отделения и низкие маневренные возможности на плаву – семь км/час. Но самое главное: поражение цели из пушки, как и ПТУРСами, при малейшем дуновении ветра достигалось сложной и долгой предварительной подготовкой экипажей. Так, при скорости ветра 10 м/сек справа на дистанцию 800 м снаряд пушки сносило от точки прицеливания вправо на 9,1 м, при ветре слева – влево. Это означало, что командир с оператором-наводчиком обязаны уметь мгновенно определять реальное направление и скорость ветра и запомнить величины сноса снаряда на любое расстояние с шагом в 100 м при разных скоростях ветра, или уметь в уме вычислить. Знать было мало; необходимо тренировать не только умственные, но и физические навыки с целью определения упреждения на любое расстояние при любой силе ветра. Это, к сожалению, не все понимали. Для обучения поражению танков ПТУРСом, в соответствии с наставлением и приказом Главкома ГСВГ, командиру и оператору-наводчику БМП необходимо было совершить не менее 1200 пусков в год (25 пусков в неделю по 50% днем и ночью) на электронном тренажере. Но учения с боевыми пусками ракет ПТУРС показали, что с такой нормой вероятность попадания в цель достигала всего 0,3-0,5 (30-50%). Поэтому мною был введен строжайший учет и поставлена задача производить каждому наводчику и командиру не менее 2500 пусков в год. Но это еще впереди.

...С одной стороны, проблема заключалась в том, что БМП не были поставлены на хранение. Это очень трудоемкая работа, требующая не менее десяти суток на одну машину; об этом честно мне рассказал заместитель по технической части майор В.А. Гуреев, талантливый и трудолюбивый инженер. Вторая сторона «технической медали» состояла в том, что имевшиеся ранее на вооружении полка сто бронетранспортеров БТР-60ПБ не отправлены по месту назначения. Причина банальна: неукomплектованность положенным оборудованием и запчастями. Поэтому БМП были загнаны в хранилища (в основном, бывшие конюшни еще кайзеровской Германии, но переделанные и дооборудованные нашими). Вся территория парка боевых машин была заставлена бронетранспортерами, при этом машины с каждым днем все больше разукомплектовывались: как на БТР, так и на многих БМП выкручены габаритные фонари; в запущенном состоянии оказались аккумуляторное хозяйство и воздушные баллоны. При проверке десятки новых БМП не заводились. Коэффици-

циент технической готовности боевых машин составлял 1,0! Каким образом? Можно ли считать боеготовыми БМП, если не заряжен АКБ или нет давления в воздушном баллоне? Нельзя. После долгих и серьезных разговоров с технарями было объявлено, что если начальник БТС и командир реммастерской в течение трех дней не восстановят работу аккумуляторной и не изготовят для каждой роты соответствующую тележку, на которых бы колеса крутились на основе встроенных подшипников, то они будут представлены к понижению в должности. Через неделю в соответствии с графиком все АКБ были заряжены, под руководством замкомбатов по техчасти давление в воздушных баллонах доведено до нормы.

Теперь нужно было решить вопрос постановки на хранение, провести проводку и подключить АКБ на постоянную подзарядку малыми токами. Посоветовавшись с майором Гуреевым и начальниками БТС и АТС, решили перевод всей техники на зимнюю эксплуатацию и постановку на хранение начать в конце сентября – начале октября. Однако силами экипажей в паркохозяйственные дни решили выполнить подготовительные работы, очистить от грязи и пыли, проверить исправность оборудования, заправку, укомплектованность, разработать планы в каждом подразделении и технологические карты для каждой боевой машины.

Главное, надо было поскорее решить проблему укомплектования БТР и их отправки, найти какое-то решение. Я не верил, что навесное оборудование, как и съемное с БТР, было разворовано и распродано немцам. До такого не могли додуматься защитники и патриоты своей Родины. Осматривая детально наши трехэтажные казармы (в каждой размещался батальон, дивизион), я обнаружил немало необычного и массу недостатков. Например, туалеты загажены и неисправны; в умывальниках не было зеркал, мыла, краники выкручены или неисправны; в бытовых комнатах не исправны утюги, нет досок для глажения обмундирования; в казармах валялись десятки поломанных и неокрашенных табуреток и тумбочек. Было ясно, что начальник КЭС полка деньги получал за безделье. В первые дни я ни разу не заглянул в подвальные и чердачные помещения. Входы в них в каждом из подъездов, а наверху люки над железными лесенками были закрыты на замки и опечатаны. И все говорили, что там ничего нет.

2. Созидание и возведение материальной основы боеготовности полка

Основная цель моих усилий – сделать полк настолько боеготовым, чтобы он мог в случае внезапной агрессии дать решительный отпор с минимально допустимыми потерями. Это сейчас легко говорить, что якобы никакой угрозы для нашей страны не было. Как сказать и с какой стороны посмотреть!

Однажды утром собрал комбатов и командиров рот у своих, но открытых чердачных помещений. Взял с собой зампотеха, начальника тыла и командира разведроты с монтировкой, и все прошлись по чердакам. Я лично вскрывал, ломая замки, ящики с запчастями и инструментами, шкафы и коробки с вещевым имуществом и даже пакеты с продовольствием «НЗ», которым место в боевых машинах. Вскрывались «заначки» старшин и командиров рот. Мы нашли там горы запчастей для БТР и даже для БМП. Мало того: горы чистого белья для солдат и сержантов, простыни и наволочки, сотни новых комплектов повседневного и парадного обмундирования, новых сапог, перчаток и даже пилоток, шапок и фуражек. Старшины рот оказались настоящими плюшкиными.

После всесокрушающего «шмона» собрал на плацу от ротных и выше командиров и приказал: завтра в течение дня повесить все навесное оборудование на БТРы, обеспечив их, кроме того, необходимым комплектом инструментов, а также все БМП. Заместителю по технической части приказано сдать и отправить по назначению в течение пяти суток все БТР-60пб. Командир роты, чей БТР-60 не окажется укомплектован по описи, будет представлен на снижение в должности, а старшина роты будет уволен в запас в течение трех суток.

Дальше разбирались с обмундированием: личному составу положенное по срокам белье, повседневное обмундирование и парадную форму приказал в течение трех суток выдать на руки; не годное к носке списать и использовать в качестве ветоши для обслуживания техники; не рваное обмундирование отстирать в прачечной, выгладить и использовать в качестве рабочей формы на работах, учениях и стрельбах. В общем, через неделю в полку не осталось ни одного разобранного БТР-60пб, а личный состав, помывшись в бане и получив чистое белье, после отбоя ложился спать на белоснежные простыни и под новые одеяла.

Таким ураганом за трое суток удалось решить копившиеся

годами проблемы солдатского быта, вопросы укомплектованности техники и оборудовать новые технические кладовые для каждой роты (батареи) с одновременным проведением противопожарных мероприятий. Заодно очистились от всякой грязи и лишнего хлама.

Американцы чувствовали себя на территории ФРГ как у себя дома; быстрыми темпами наращивалась боевая мощь как армии США, так и армии ФРГ. Они открыто на весь мир хвастались новейшими танками типа «Леопард», «Абрамс», БМП «Мардер» и «Бредли», новыми пусковыми установками с ядерным оружием «Першинг» и «Онест Джон», 203,2 и 155-миллиметровыми гаубицами оперативного и тактического назначения. Западные соседи не скрывали, что каждая полнокровная дивизия в течение трех суток сможет развернуться в армейский корпус, каждый солдат бундесвера после увольнения в запас хранил свое обмундирование и снаряжение дома, а личное оружие, как и охотничье, – в специальных помещениях по месту жительства.

Как сейчас утверждают американские стратеги, главной целью США было заставить СССР наращивать темпы вооружения, поднимать уровень военного бюджета и тем самым перекачивать деньги, предназначенные для улучшения благосостояния трудящихся масс, на нужды обороны. С этим утверждением отчасти можно согласиться. Но где гарантия, что военная мощь НАТО, в том числе ядерная, не могла быть в один день брошена против СССР и стран народной демократии. Ныне нет уже Варшавского договора, нет СССР, нет мощных Вооруженных Сил России (кроме ядерного оружия, являющегося сдерживающим фактором, пока оно совсем не состарилось), абсолютно не существует даже теоретической угрозы безопасности США, а их военный бюджет в последние 20 лет не только не сократился, но и значительно возрос. Для чего? Ясно одно: США чувствуют себя мировым «жандармом», делают что хотят и где хотят, и готовы сломить любое государство, экономика которого пока не подчинена экономике США.

Наш полк в случае агрессии обязан был прикрывать госграницу на участке чуть более 30 километров, обеспечить выдвижение, развертывание и занятие полосы обороны главными силами всей дивизии. Для этого полк должен был иметь полностью исправную технику, уметь двигаться и стрелять быстрее и лучше всех, быть сплоченным как единый организм, а личный состав – сыт, обут и одет.

Вот почему помимо приведения в боеготовность техники, вооружения и боеприпасов, изучения и улучшения маршрутов выдвижения и обороны, принимаемых мер по укрытию войск и управлению ими, создания надежной системы ПВО, важнейшей задачей перед полком явилось строительство совершенно новой учебно-материальной базы, связанной с перевооружением полка на БМП и другую новую технику. Речь шла о строительстве крупных объектов и завершении работ на ряде более мелких объектов учебной базы. Так, вместо здания огневого городка рядом с танковым существовал лишь бетонный остов, мишенной обстановки в поле как таковой не было. Когда разобрались, оказалось, что силовые и управленческие кабели в поле танкового огневого городка (ТОГ), проложенные двадцать лет назад, оказались поврежденными пулями в десятках мест, а основная часть оплетки проводов сгнила. Большинство подъемников были неисправны, силовой и управленческий кабели лежали рядом, связанные изоляцией.

Пришлось отрывать две траншеи глубиной от полутора метров и глубже и длиною до двух километров, чтобы сделать управляемым каждый подъемник. Для каждого из них соорудили бетонные гнезда для их крепления, чтобы нижние кромки мишеней совпадали с поверхностью земли. Стреляющий по условиям курса стрельб не должен был знать, и тем более видеть, размещение мишеней в поле, и только при их появлении обязан был поражать. Итак, мишенное поле огневого городка представляло собой пространство в 400 м по фронту и до 2000 м в глубину, где размещалось более 60 мишеней различного типа, в том числе на двух фланговых железных дорогах (длиной по 250 м каждая) и трех фронтальных дорогах (каждая по 300 м длиной с бронецелями – танками). При этом все мишени управлялись с пульта управления оператора для показа и движения целей на различные расстояния, указанные руководителем стрельбы. Мишени оснащались приспособлениями для получения объективной обратной информации о поражении днем или ночью.

Само здание крытого огневого городка строилось нами с таким расчетом, чтобы из девяти качалок шесть использовались для обучения стрельбе экипажей БМП по появляющимся и движущимся целям на различные расстояния из орудия, спаренного и курсового (у механика) пулеметов, а три качалки – для обучения стрельбе десанта через бойницы левого или правого бортов. Эти качалки приводились в движение электродвигате-

лями для их вертикальной качки и горизонтального поворота, чтобы создавалось реальное ощущение движения машины по неровной местности. Кроме того, в этом же здании находилось три электронных тренажера для обучения наводчиков-операторов и командиров машин стрельбе по реальным целям противотанковыми ракетами БМП.

Строительством огневого городка и мишенного поля занимались инженерно-саперная и разведывательная роты под руководством полкового инженера Петра Андреевича Аникина. Он был умницей и талантливым организатором, хорошо знал немецкий язык. Командование дивизии ни разу не заглядывало на эту важнейшую стройку, считая, что раз стены стоят, значит там все в порядке. Кстати говоря, через стенку издавна функционировал дивизионный танковый огневой городок, тоже из девяти качалок, но с примитивной мишенной обстановкой из 20-25 целей. Поэтому в будущем наши танковые роты, проводя по графику танкострелковые тренировки (ТСТ), всегда пользовались мишенной обстановкой огневого городка БМП.

Следующим крупным объектом, который начали строить, была директриса БМП – место для выполнения огневых задач в ходе стрелковых тренировок (СТ), упражнений учебных стрельб из боевых машин в движении, отпущенным согласно курсу стрельб количеством снарядов (гранат) и патронов. Вообще стрелковой (танкострелковой) тренировкой называлось выполнение (решение) огневых задач по поражению различных целей по определению руководителя занятия ограниченным расходом боеприпасов или имитационных средств, без расхода или с ограниченным расходом моторесурсов. Таким образом, СТ, ТСТ проводились как на огневых городках без расхода моторесурсов, так и на директрисе БМП (танковой директрисе) и войсковом стрельбище.

Выполнение учебных и боевых стрельб штатным снарядом, а также в составе отделений или взводов как в обороне, так и в наступлении, проводилось строго согласно курсу стрельб под контролем старшего начальника с использованием как стационарных (в основном), так и передвижных мишенных комплектов. На директрисе БМП необходимо было создать такое же управляемое поле, как и на огневом городке, отрывать такие же траншеи, построить те же железные дороги и иметь не менее 60 бетонных гнезд-укрытий для подъемников мишеней. Все это пришлось делать «с нуля». При проверке старого войскового

стрельбища выяснилось, что целесообразнее вышедшие из строя кабели, заложенные 20-25 лет назад, не ремонтировать, а создавать новое мишенное поле на фронте примерно 1000 м с проведением всего комплекса инженерно-строительных, электротехнических и монтажных работ, с размещением силовых установок на первом и подвальном этажах центральной и участков вышек на каждом направлении войскового стрельбища. На самом войсковом стрельбище помимо мишенного поля, рассчитанного на 2-3 варианта показа целей по каждому упражнению из автоматов, пулеметов и гранатометов, необходимо было оборудовать учебные места для метания учебных и боевых ручных противопехотных и противотанковых гранат, для выполнения стрельб из автомата и пистолетов, спортивных упражнений, создать глущину электрифицированного мишенного поля до 2,5 км для выполнения боевых стрельб в составе отделения и взвода. В тылу стрельбища были капитально оборудованы учебные места для обучения стрельбе по воздушным целям из зенитно-ракетных комплексов «Стрела-2».

Почему я подробно пишу об этом? Во всех других полках, вооруженных не БМП, а бронетранспортерами, подобная, но несравнимо меньшая по объему и технической оснащенности мишенная обстановка создавалась годами. Нам же эту задачу пришлось решать в течение 1,5-2 месяцев. Даже за кабелем, подъемниками, тележками, электродвижками и другим электрооборудованием приходилось посылать офицеров непосредственно на склады Управления боевой подготовки ГСВГ, где нас понимали и везли напрямую, минуя армейский учебный центр.

В течение августа-сентября на войсковое стрельбище, директрису БМП и огневой городок ни разу не заглянул ни один офицер управления дивизии, и тем более управления армии. Да им это и не нужно было. Задача заключалась в том, чтобы создать все условия для быстрейшего снятия меня с должности как бездельника. Наверху даже не знали, чем мы занимаемся. Между тем по требованию мы регулярно представляли копии расписания занятий. 1-й мотострелковый батальон во главе с подполковником В.М. Отрощенко жил в палатках в тылу стрельбища, а офицеры – в классах центральной вышки войскового стрельбища. Питание было организовано силами взвода снабжения батальона с походных кухонь. Батальон работал весь день: с 6 часов утра до 20.00 вечера на строительстве директрисы БМП и войскового стрельбища.

В аналогичных условиях работал и 2-й батальон во главе с майором В.М. Бибеном. Кстати, все четыре комбата были выпускниками академий, поэтому не было необходимости особенно агитировать. Батальон Василия Михайловича строил бронедром (тот же танкодром, без изменений), где открывалась возможность учить вождению механиков-водителей любых боевых гусеничных машин всего полка. Это был единственный учебный объект, за строительством которого один раз в неделю следил лично комдив. К моему приезду на бронедrome уже была выбрана трасса протяженностью около семи километров, построена стандартная центральная вышка безо всякого оснащения и электроснабжения, начато строительство колейного моста и противотанкового рва. Выбраны места для брода с водой и для так называемой горки, где отрабатывались остановка на подъеме и повороты на спуске. Не было и дороги руководства. Эти объекты, хотя и требовали немалых трудозатрат, были завершены в течение трех недель.

В трехстах метрах от центральной вышки по согласованию с немецкими властями, в том числе с природоведами, было определено место для участка заграждений и разрушений шириною 200 м и глубиною 300 м. На этом месте стоял густой дубовый лес. На выбранном участке необходимо было решить три задачи: спилить лес с последующей передачей немецкому лесхозу для вывозки; выкорчевать корни и сжечь их; построить систему заграждений и разрушений в точном соответствии с размерами и количеством препятствий на определенных интервалах и дистанциях, указанных в курсе вождения боевых машин (КВБМ). Буквально на третий день моего прибытия в полк генерал П.С. Куприенко привел меня к этому лесу и сказал:

– Вот трасса танкодрома. Все объекты намечены. Вам предстоит их построить в течение месяца. Особое внимание уделите строительству участка заграждений и разрушений. Приказываю: через неделю лес спилить, через две выкорчевать, через три – все вывезти с участка и складировать. К 5 сентября танкодром сдать в эксплуатацию!

– Товарищ генерал, в такие сроки уложиться невозможно.

– Остальные препятствия на стадии завершения. Об этом мне доложили заместители.

– Товарищ генерал, я всю трассу знаю, и там лишь начато строительство препятствий. Вы ставите невыполнимую задачу. Танкодром будет готов не менее, чем через 2-2,5 месяца. Деньги

на строительство выделены Главкомом еще в январе, за семь с лишним месяцев освоено всего 10 процентов, а вы требуете за месяц освоить оставшиеся деньги. Мне непонятно, почему из-за безделья ответственных офицеров дивизии и полка за положение дел должен отвечать я? Меня можно наказывать каждый день, но от этого сроки строительства объектов не сократятся.

– Вы много болтаете, подполковник. Больше дела – меньше слов! Выполняйте и каждую неделю докладывайте.

– Есть!

Что еще я мог сказать? Возможно, он и сам понимал, что задача невыполнима, но отдавал приказы, заранее зная, что они не будут выполнены.

Взались мы пилить. Через четыре дня все бензопилы «Дружба» из инженерно-саперной роты вышли из строя. Попросил комдива дать мне еще с десяток бензопил, но получил достойный отпор с угрозой, что за снятие бензопил с «НЗ» мне придется платить из своего кармана. До этого не дошло: нашлись запчасти, бензопилы восстановили и поставили вновь на хранение. На лесоповал пришлось ставить целую роту мотострелков, учить их пользоваться штатными (на каждом БМП) обычными ручными пилами с двумя ручками.

Дуб свалить – простое» дело: с одной (с подветренной) стороны сделать топором зарубку; с противоположной – часа полтора, а то и дольше, пилить – и дерево упало! Затем надо спилить или срубить многочисленные сучья, собрать их в одном месте на поляне и вечером, в безветренную погоду, сжечь. Каждый дубок вывозился на учебных танках (на БМП запрещал, боялся за их «здоровье») для складирования. Следующий шаг – выкорчевать корни, для чего использовались БАТы и учебные танки. Кроме этого надо было провести взрывные работы, чтобы создать не менее 20 «воронок» от крупных артснарядов, соорудить три линии бетонных и деревянных надолб, поставить на свои места около 60 пней (высотой не менее 50 см и в диаметре 40-50 см), поставить между воронками бревна диаметром тоже не менее 50 см, изготовить десятки «ежей», провести ряд других работ.

Несмотря на стахановскую работу, реальные сроки выполнения отодвигались, а надо было еще построить параллельно трассе дорогу для руководства и электрифицировать весь бронедром для ночного вождения. Неудивительно, что через неделю за халатное отношение к строительству учебно-материальной базы (УМБ) я получил от командира дивизии выговор. Через две не-

дели – строгий выговор, через три – предупреждение о неполном служебном соответствии.

После этого взыскания я попросил к следующей субботе приехать прямо на бронедром помощника военного прокурора с целью ускорить возбуждение уголовного дела за невыполнение приказов. И тут с комдивом случилась истерика: он стал кричать по телефону, стучать по столу, орать на меня, оскорблять всеми русскими и украинскими некрасивыми словами. Я положил трубку на телефон; в кабинете никого не было, закурил одну, вторую, третью сигарету.

Вновь звонок: комдив!

– Вот что, подполковник, когда начальник что-то приказывает или говорит что-либо подчиненному, надо отвечать: «Так точно!» Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ генерал.

– И когда начальник указывает на какие-либо недостатки, подчиненный должен отвечать: «Так точно, вас понял» и при этом не бросать трубку, она может сломаться. Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ генерал, она может сломаться, но я не ломаюсь.

– Ну и хорошо, твердолобый, до свидания!

– До свидания, товарищ генерал.

Далее не буду писать, как и за что, но за три месяца я получил двенадцать взысканий, а затем еще и еще, и потому перестал на них обращать внимания. Мне надо было работать, а не разбираться с каждым случаем применения начальником дисциплинарной практики. Иногда я думал, что, возможно, комдив был прав в своей требовательности. Может быть, и на его месте я бы действовал также. Кто знает? Но меня смущали два фактора: первый – он ничего, кроме танкодрома, не смотрел, не посещал и совершенно не знал, чем живет и дышит полк, который вкалывал с раннего утра до поздней ночи и строил то, что должно было быть давно сдано по ранее утвержденным планам. Со своей стороны я не пошел по пути раздачи взысканий направо и налево, по поводу и без. Наоборот, я активно поощрял солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров. Для усиления питания использовал весь резерв денег и даже использовал аванс.

Между тем, вероятно, слухи о «бестолковом и неопытном командире полка» дошли до главнокомандующего ГСВГ. И вот в полк приезжает пожилой, опытный генерал, прошедший в ходе

своей службы должности командира полка и дивизии, заместитель (кажется, первый) начальника штаба ГСВГ генерал-майор Смирнов (простите, не помню его имени и отчества). Он пробыл в полку всего два или три дня, обошел и проверил всю технику, в ходе осмотра которой в течение трех часов просил в каждом подразделении (роте, батарее) завести одну или две машины. Тридцать единиц завелось моментально, чистоту машин я уже проверял носовым платком. Генерал-майор побыл во всех ротам (батареях), где еще шел ремонт или уже был сделан. Проверять караульную службу, остался доволен светлым и просторным караульным помещением, строительство которого закончилось неделю назад. Посетил сданное в эксплуатацию общежитие офицеров-холостяков, солдатскую чайную, офицерскую столовую и... не сделал ни единого замечания!

Затем поехали на строящийся бронедром. Подъезжая к любому препятствию, он деликатно (вроде бы сам не знает!) спрашивал: каковы размеры препятствий, воронки, высота бревна, ширина и длина прохода в минном поле, размеры колея моста. Здесь я показал полное незнание параметров и размеров строящихся препятствий, считая, что командиру полка это знать необязательно, поскольку есть специалисты – заместитель по технической части и начальник БТС. Генерал-майор Смирнов популярно объяснил, что боевая подготовка – это дело, прежде всего, командира, а у технарей главная забота – железки. Боевая подготовка проводится на учебно-материальной базе, объекты которой должны обеспечивать приобретение умений и навыков ведения боевых действий. Например, в Европе множество рек шириною 10-20 метров. Для прохождения колонны полка через установленный на реке мостоукладчик МТУ-20 ширина колеи моста должна быть не уже ширины гусеницы танка. Поэтому ширина колея моста на танкодроме должна соответствовать ширине колеи МТУ-20, а ширина между ними – 80 сантиметрам. Курс вождения боевых машин (КВБМ) предусматривает выполнение упражнений по преодолению препятствий и заграждений, максимально приближенных к условиям войны.

В тот вечер я сидел за курсом вождения до двух часов ночи и подробно изучил размеры препятствий на всю жизнь. Будущее показало полную правоту генерала Смирнова. Во всех солидных проверках от армии до министерства обороны инспекторы сначала проверяли соответствие размеров препятствий КВБМ. На другой день на огневом городке, директрисе БМП и войсковом

стрельбище генералу понравилось качество построенных уже укрытий для подъемников, железных дорог, электромонтажных работ, наладка программ решения огневых задач и показа мишеней при выполнении учебных стрельб по 2-3 вариантам. В общем, здесь мне уже не было стыдно.

И последнее, чему научил меня генерал Смирнов, – планированию боевой подготовки и выполнению других задач полка на месяц и неделю: на развернутом листе бумаги в левой графе расписаны все 25 подразделений (24 роты и управление полка), справа в плане на месяц расчерчена обычная сетка на 30-31 день с выделением под красный цвет субботы и воскресенья (паркохозяйственный день – ПХД и выходной), а на неделю – 7 дней. Важна была последовательность заполнения полученной таблицы. В первую очередь заполнялось время несения суточного наряда подразделениями (внутренний и гарнизонный караулы, дежурство по парку, КПП), затем – время плановых войсковых и специальных учений. Вслед за учениями разносилось время проведения стрелковых, танкострелковых и артстрелковых тренировок (включая управление огнем) для мотострелковых, танковых и артиллерийских (в т.ч. минометных) подразделений, а также время проведения контрольных учебных и боевых стрельб. После этого – планирование вождения боевых машин всеми подразделениями, в том числе и для водителей автороты, минометных и артиллерийских батарей, вместе с ними – хозяйственных взводов батальонов на автодроме. Затем планировали для каждого подразделения по два двухчасовых занятия по политической подготовке. Когда все основные учебные объекты расписаны по подразделениям, планировались тактико-строевые занятия (ТСЗ) и проверка слаженности подразделений от отделения до батальона включительно перед проведением боевых стрельб в составе отделений, взводов, ротных и батальонных учений. Остальное планировалось комбатами и командирами рот. Генерал-майор Смирнов от души хотел мне помочь, и это ему удалось. Любой его совет я впитывал как губка и каждый проверял на практике. Расстались мы дружелюбно. За трое суток он увидел весь объем выполненных личным составом полка работ. Перед отъездом он побыл у комдива. С тех пор еженедельные взыскания резко сократились, меньше стало крика и ненужного шума. Взаимное общение приняло более или менее ровный характер.

К 20 сентября были закончены все работы на огневом городке, директрисе БМП и войсковом стрельбище, а к 1 октября

сдан в эксплуатацию и бронедом, на котором мы уже полмесяца на готовых препятствиях проводили тренировки по вождению. Это были первые наши победы. С середины сентября я взялся за планирование боевой подготовки на первые полтора месяца, при этом в третьей декаде октября наметил контрольные занятия для подведения итогов к годовщине Великого Октября. С тех пор восемь лет подряд я пользовался «скелетом» и механизмом планирования, предложенными генералом Смирновым, а позже учил этому других.

Я бесконечно благодарен ему за науку. Правда, отмечу, что не всё было так просто спланировать: приказы главкомов СВ и ГСВГ требовали с каждой ротой проводить не менее 3-4 СТ (ТСТ) в неделю по 3-4 часа каждая, в том числе 40 процентов занятий – ночью, но мы планировали по 50. Без артминбатарей у нас было 9 мотострелковых, 1 – разведывательная и 3 танковые роты. Значит, чтобы выполнять приказ Главкома, мы должны были в неделю провести 30-40 СТ и 9-12 ТСТ, т.е. по максимуму 40 и 12. Рабочих дней для проведения СТ (ТСТ) всего пять (в субботу – ПХД). Значит, на неделю требовалось $(40 \times 4 \text{ часа}) = 160 \text{ часов}$, то есть в учебных сутках должно быть $(160 \text{ часов} : 5 \text{ дней}) = 32 \text{ часа}$.

Для обслуживания учебно-боевой техники, подъемников, железных дорог, замены или заклейки мишеней требуется не менее 4 часов днем и 4 часов – после ночных СТ. Нехватка суточного времени составляла уже 16 часов. Таким образом, на СТ в сутки мы имеем всего $(32 \text{ часа} - 16 \text{ часов}) 16 \text{ часов}$. Если учесть, что продолжительность каждой СТ должна быть не менее 4 часов, то в сутки мы оптимально могли пропускать всего 4 роты $(16 \text{ ч} : 4 \text{ ч})$, а в неделю 20 СТ $(4 \text{ раза} \times 5 \text{ дн.})$, вместо требуемых 40 тренировок. Вывод: необходимо проводить СТ одновременно не менее чем с двумя ротами (батальоном без роты); кроме того, привлекать для тренировок на спортупражнениях, в метании гранат, а также в выполнении упражнений учебных стрельб (1 уус) еще одну специальную или арт(мин) батарею. Тогда каждая из них один раз в неделю днем и ночью получит практику владения личным оружием.

Вот так мы и планировали: с 8.00 до 12.00 рота проводила СТ на стрельбище, а другая в это время – на огневом городке. С 12.00 до 16.00 роты менялись местами. Ночью – две роты другого батальона с 20.00 до 24.00, и с 0.00 до 4.00 утра – аналогично дневным СТ. Таким образом, за один выход каждая рота прово-

дила по две СТ (ТСТ). Время обслуживания техники и мишенного поля – с 16.00 до 20.00 и с 4.00 до 8.00; кроме того – в субботу с 9.00 до 14.00. Вождение боевых машин мы проводили побатальонно (все офицеры, механики-водители и командиры БМП и танков). Заметьте, мы во всех экипажах БМП, танков, в артиллерии добивались полной взаимозаменяемости. Каждому батальону выделяли день – с 8.00 до 14.00 или ночь с 20.00 до 2.00, так чтобы каждый в неделю отводил очередное учебное упражнение один раз днем и один раз ночью. Один день и одну ночь отводили спец(арт) подразделениям, имевшим гусеничную технику, – артдивизиону, зенитно-ракетной батарее, разведроте и инженерно-саперной роте.

С первых же СТ стало ясно, что необходимо еще раз напомнить офицерам и провести с ними практические занятия по порядку выверки прицелов и приведения штатного оружия к нормальному бою, чтобы научить этому делу своих подчиненных. Провели показательные занятия, дело пошло лучше. Первыми всегда стреляли командир полка, один из его замов, если находился на учебном объекте, командир батальона, роты, взвода и т.д. Точно так же пошло и вождение боевых машин. Надо было готовиться к обещанной командармом декабрьской проверке. В 8.00 утра и в 20.00 я всегда уже был на войсковом стрельбище или на танковой директрисе, установленное оборудование работало как часы.

Если кратко выразить порядок пользования учебными объектами на СТ, то он выглядел так: одна рота экипажами выполняла упражнения учебных стрельб из БМП на директрисе; десанты в это время выполняли упражнения или решали огневые задачи (проводили тренировку) на войсковом стрельбище повзводно и тренировались в стрельбе с борта движущегося вдоль фронта БМП, в метании учебных или боевых гранат. В это же время одна спецрота (минбатр) выполняла свое упражнение из автомата Калашникова и спортивные упражнения, тренировалась в выполнении нормативов по изготовке в стрельбе стоя, с колен, лежа.

Вторая мотострелковая рота (мср) проводила стрелковую тренировку на огневом городке и рядом с ним. Экипажи двух взводов решали огневые задачи с «качающихся» БМП; экипаж третьего взвода решал теоретические огневые задачи и учебные пуски на трех электронных тренажерах; десант одного взвода тренировался в ведении огня с борта «качающегося» БМП, десант второ-

го взвода выполнял спортивные упражнения рядом с огневым городком, десант третьего взвода отрабатывал упражнения по выполнению нормативов в изготовке к стрельбе стоя, с колена, лежа и стрелял поочередно из пистолета. Здесь же механики-водители одного взвода стреляли из пистолета Макарова.

Через четыре часа роты менялись местами. Каждая рота имела три учебных места, в которых обучаемые менялись каждые 1 час. 20 мин. В каждом учебном месте – три учебные точки со сменой через 40 минут. Перекур объявлялся в конце занятия на учебном месте в последние десять минут.

Кстати, я всегда завидовал танкистам: в танковой роте всего четыре (или три) специальности: командир, наводчик, заряжающий (которых нет на новых типах танков), механик-водитель. В мотострелковой – десять специальностей: командир, наводчик-оператор, механик-водитель, пулеметчик, гранатометчик РПГ, автоматчик, снайпер (в каждом взводе), стрелок-зенитчик, гранатометчик АГС-17, санинструктор. Таким образом, если в танковом полку всего 12-15 общевойсковых специальностей, то в мотострелковом на БМП их 25-30, и всех надо научить своему делу. Как члены экипажа они должны уметь стрелять и водить машины, как и все мотострелки должны владеть всеми видами оружия, в том числе желательно и оружием вероятного противника. Причем учить надо поражать любого противника из любого положения и из любого оружия с опережением противника в первом выстреле на доли секунды. Иначе мы подготовим не настоящих защитников Родины, а просто пушечное мясо, так как приобретенные навыки в многочисленных тренировках позволяют воину, опережая противника в правильном выстреле на доли секунды, одержать победу.

В последние годы идет широкая дискуссия о том, какой должна быть армия. Ответ очень прост: во-первых, армия должна быть вооружена лучшими, чем у вероятного противника, оружием и техникой, во-вторых, люди должны быть обучены, в-третьих, необходимо иметь многочисленные подготовленные резервы на случай войны. «Правые» главным лозунгом на каждые выборы в Госдуму ставят «Даешь профессиональную армию!» И эта армия, по их мнению, решит все задачи защиты Отечества. При этом они ссылаются на великого авторитета – одного их бывших заместителей главкома Сухопутных войск – того самого генерала, отказавшегося ехать в «горячую точку» командовать частями и соединениями. Первый случай в истории российской

армии, когда генерал отказался от предложения принять командование и сразу стал героем по меркам «правых». У генерала были очень серьезные основания: несмотря на то, что он закончил военные академии, дальнейшая судьба его службы была связана с учебными подразделениями и частями: учебный батальон, учебный полк, учебная дивизия. На практике это означает, что он не провел ни одного ротного, батальонного, полкового или дивизионного учения с боевой стрельбой и пусками ракет, с применением ракетных войск, фронтовой и армейской авиации, зенитно-ракетных войск, артиллерии и минометов, штатного оружия. Значит, он не имел практики организации боя, в том числе организации взаимодействия, боевого, технического и тылового обеспечения.

В Чечне нашим войскам здорово повезло, что сборной корпусной группировкой командовал умный, смелый, истинный патриот своей Родины, талантливый полководец и народный герой, хорошо знавший военное дело, генерал-лейтенант Лев Рохлин, отказавшийся от звания Героя России. Это он, не дрогнув, в письме к офицерам Российской армии раскрыл негативную роль главы государства в развале армии. Российские офицеры питают к нему величайшее уважение, и память о нем останется навеки. Каждый из нас знает, кто заказал его убийство и кто его убил (только не надо подозревать Тамару – это глупо). Пекло ада уже давно ждет как заказчика, так и его помощников и исполнителей.

Что касается выступления «учебного генерала» – «эксперта» по военным делам, то оно выглядит нескромно и необъективно. Суть его заявления по телевидению в следующем: генерал служил в учебных частях, где за 6 месяцев готовят прекрасных специалистов. Действительно, возразить-то ему уже некому, так как те, кто служил в Советской Армии, уже давно уволены, а Российская армия и флот, за исключением остатков РВСН, с начала 90-х годов поспешно и весьма успешно силами так называемого «Демократического выбора» были развалены. Вот уже 10 лет лучшие в мире БМП-3 нового поколения гниют на заводе в составе одного взвода (4 единицы); не поступали на вооружение новые (лучшие в мире!) боевые вертолеты, истребители, штурмовики, бомбардировщики. Дай Бог, чтобы исполнилось пожелание Президента вооружить нашу армию современным оружием и боевой техникой.

Переход на контрактную, то бишь профессиональную, ар-

мию в наших условиях означает в экономическом отношении значительное разорение государства. Расчеты показывают, что на содержание только одной полнокровной дивизии и на строительство жилья для неё потребуется денежных средств в несколько раз больше. Переход на контрактную основу – это продолжение разоружения России по тому же плану А. Даллеса (или по новому), теми же испытанными методами финансирования «пятой колонны». В военном отношении переход на контрактную систему означает полную ликвидацию подготовленных мобилизационных ресурсов в стране и, следовательно, основы пополнения армии на случай угрозы войны. Вот и вся истина.

Выпускники шестимесячных «учебок» приобретали там лишь слабые азы знаний по своей специальности. Немного теории, умение заряжать оружие, заводить и останавливать БМП, танк, знать их общее устройство. Но они совершенно не имели навыков обращения с оружием, техникой, вождения боевых машин, не могли устранить неисправности. Начиная первые «прокатки» выпускников «учебок», сравнивали их со школами ДОСААФ. Каждый офицер знает, что призывники с правами водителя на самом деле, кроме практики вождения 8-10 часов в школе ДОСААФ, ничего не умели. Вот мы и собирали их на шестимесячные сборы в полку, чтобы дать достаточную практику вождения, обеспечивающую безаварийность. Лишь через шесть месяцев мы их допускали к управлению автомобилями по любой трассе и в любой город ГДР, но вождение все оставшиеся два с половиной года было основным предметом обучения. Так мы готовили профессионалов-водителей и для народного хозяйства.

Точно так же в ходе интенсивной боевой подготовки только через полгода мы доводили выпускников учебных частей до «тройки», и лишь через год – до «четверки». Это известно каждому офицеру, служившему в боевых соединениях армии, а не в учебных или ДОСААФ. В учебных частях был введен такой порядок: экзамены (испытания) принимали сами учителя без привлечения офицеров действующей армии, поэтому эти части всегда считались передовыми, поскольку объективности ждать было неоткуда.

В этих же «учебках» и родилась так называемая «дедовщина», потому что сержантский состав подбирался из своих же выпускников, в основном здоровяков, эдаких мордovorотов, у кого в голове пусто, а мяса густо. За свою службу мне пришлось беседовать с десятками сержантов – выпускников учебных час-

тей, и выяснилось, что только редкие (боксеры, борцы, каратисты) из них не подвергались издевательствам во время учебы. Прибыв в войска, такие сержанты, оскорбленные и униженные в прошлом, пытались за счет насилия забыть свою «неполноценность» и, пользуясь властью, доказать молодым солдатам, что они «крутые» и так же «круто» наводят порядок в своем отделении и взводе, теряя человеческое достоинство и честь.

Мы много раз предлагали вышестоящему командованию ликвидировать учебные части и соединения для сухопутных войск, вернуться к полковым школам подготовки сержантов в каждой развернутой дивизии, куда бы направлялись после трех месяцев прохождения «курса молодого бойца» в полку наиболее добросовестные, способные, дисциплинированные молодые солдаты с соответствующим образованием, интеллектуальным и физическим развитием, но уже изученные командирами взводов, рот. Ветераны могут подтвердить, что во времена деятельности полковых школ «дедовщины» не было и в помине. Но никто войсковых командиров не слушал. Конечно, нам нужны профессионалы – это офицерский состав и прапорщики-специалисты. Возможно, следует увеличить число прапорщиков: например, в зенитно-ракетных войсках соединений и частей ими можно было комплектовать должности командиров пусковых установок. Были же во время войны офицеры командирами танков. При этом при успешном выполнении прапорщиками своих обязанностей можно присваивать и офицерские звания.

Я давно пришел к выводу, что армия – это всенародная академия, обучающая защите своей Отчизны и воспитывающая здоровых, сильных и закаленных телом и душой защитников, строителей истинного демократического государства. Армия должна состоять из постоянного и переменного состава. Постоянный состав – это преподаватели в лице профессионалов – генералов, офицеров и прапорщиков. Переменный состав – это солдаты и сержанты, призванные на полтора года, независимо от происхождения, вероисповедания и национальности. В армии должно служить 100 процентов молодежи с 18 лет без предоставления льгот и отсрочек, за исключением инвалидов, имеющих детей и нетрудоспособных родителей. В армии не должны служить наркоманы и судимые за особо опасные преступления, больные, дистрофики (пусть их в течение года откормит губернатор). По окончании школы юноши должны идти в армию, а после окончания службы могут быть приняты в любой вуз без экзаменов,

разумеется, на основе армейской характеристики, одобренной общим собранием роты (батальона) на основе тайного голосования, чтобы исключить случаи коррупции. Можно освободить от службы в армии юношей, окончивших школу с золотой или серебряной медалью. Это нужно для развития науки. Наконец, надо освободить от службы юношей по желанию их родителей-олигархов и капиталистов, если за них будет заплачен выкуп в бюджет Министерства обороны в размере не менее 1 млн. у.е. В случае войны эти дети все равно сбегут за границу, так как для них дорога не Родина, а капитал и блага. Желающие пусть служат.

На каком уровне должна быть подготовлена армия, должно решить Федеральное Собрание. Многолетний опыт показывает, что солдаты при сроке службы в один год будут подготовлены удовлетворительно, в 1,5 года – хорошо, за два года – отлично при условии, что будет выполняться программа боевой подготовки.

Составной частью боевой мощи сторон является степень боевой выучки войск. Так, если уровень боевой выучки войск принять в пределах численных показателей между 1,0 и 0,1, то при оценке по пятибалльной системе коэффициенты боевой выучки будут соответствовать: «отлично» – 1,0; «хорошо» – 0,75; «удовлетворительно» – 0,5; «посредственно» – 0,25; «неудовлетворительно» – от 0,25 до 0,1. Исследования с конкретными расчетами показывают, что для выполнения одной и той же боевой задачи (например – овладение городом или прорыв подготовленной обороны на определенном участке), потребное количество одинаково укомплектованных дивизий с уровнем боевой выучки: «отлично» – составит 1 дивизию; «хорошо» – от 1,15 до 1,25 дивизий; «удовлетворительно» – 1,4-1,5 дивизии; «посредственно» – 2,0 дивизии; «неудовлетворительно» – 3,3 дивизии. Уровень боевой выучки оценивать несложно, и зависит это от результатов учебных и боевых стрельб в составе подразделений, частей и соединений, оценки вождения боевых машин, ротных, батальонных, полковых, дивизионных тактических и командно-штабных учений в звене полк-дивизия, тактико-специальных учений с боевой стрельбой и пусками ракет артиллерии, ракетных и зенитно-ракетных войск, а также коэффициента технической готовности вооружения и техники (КТГ), степень обеспечения боеприпасами всех типов, горючим, продовольствием, средствами защиты. Академик М.А. Гареев пишет: «Отношение к боевой

подготовке всегда было главным показателем того, насколько та или иная армия серьезно готовится к выполнению возложенных на нее задач». Здорово сказано!

Наконец, необходимо помнить, что высокий уровень боевой выучки предполагает высокую степень интенсивности боевой подготовки и её качества. Эти условия являются важнейшими в поддержании твердой воинской дисциплины и исключают такие антиморальные явления как самоволка, дезертирство, дедовщина, пьянство.

3. Первое учение с боевой стрельбой и атака на единоначалие

Согласно утвержденному плану боевой подготовки, в середине сентября было спланировано проведение батальонного тактического учения с боевой стрельбой со вторым мотострелковым батальоном. После утверждения комдивом плана проведения учения я собрал своих заместителей, начальников родов войск и служб и поставил задачу по выполнению ряда мероприятий: проверка боевой готовности батальона и подъем по учебной тревоге в ППД, порядок выдвижения батальона на станцию погрузки, подготовка приказа по полку и проведение строевого смотра с батальоном, подготовка и подача заявок на летный ресурс боевых вертолетов и изготовление мишеней, выделение боеприпасов, вывод на учения полкового медпункта и порядок его развертывания, задачи по организации всестороннего обеспечения, в том числе организации комендантской службы. Затем в течение дня провел с ними же рекогносцировку маршрутов, исходных районов и районов учения. Заслушал доклад комбата о готовности батальона к учениям.

Майор В.М. Бибен доложил, что батальон подготовлен, программа боевой подготовки полностью выполнена. Я заменил батальон на строительстве бронедрома третьим батальоном капитана Т.А. Спитченко и дал ему время на подготовку к учениям. Через неделю поднятый по учебной тревоге 2-й мотострелковый батальон со 2-й танковой ротой, батареей 122-мм гаубиц, взводом «Шилка» зенитно-ракетной батареи и саперным взводом за один час были погружены в железнодорожный эшелон (кроме техники на колесах) и через несколько часов выгружены на одной из станций южнее Витштокского армейского учебного цент-

ра. К вечеру привлекаемые войска были сосредоточены в исходном районе для наступления в 10-15 км от переднего края, где батальон ушел в землю и замаскировался.

На следующий день в 8 часов утра в расположение батальона неожиданно прибыла группа офицеров отдела боевой подготовки (ОБП) армии, как оказалось, для «контроля и оказания помощи» по приказу командующего армией. В 9.00 был проведен строевой смотр батальона под руководством первого заместителя командующего армией генерал-майора И.С. Якимовича. Мне объяснили, что в армии заведена традиция – перед учениями с боевой стрельбой силами штаба армии проводить строевой смотр и контрольные занятия по проверке выполнения нормативов по тактической подготовке с целью определения готовности подразделений к проведению учений с боевой стрельбой с составлением акта.

Интересно узнать, что ни до, ни после проведения этих учений никаких смотров и контрольных занятий не проводилось, хотя сама идея хороша. Понятно почему. После строевого смотра и контрольных занятий офицеры ОБП оставили нас в покое, и я со своими помощниками, командованием батальона и рот, выехал для организации боя на местности. К этому я был подготовлен неплохо, благодаря моим педагогам в академии. Закончил работу до обеда, а после – дал возможность в моем присутствии поработать с подчиненными комбату, а затем и командирам рот, взводов и отделений.

Этап учений с боевой стрельбой начался рано утром следующего дня и прошел в высоком темпе. Батальон показал неплохую выучку и хорошую управляемость, умение взаимодействовать с артиллерией и авиацией, чуть похуже – с танками. После перехода батальона к обороне проверка мишеней показала хорошую, вроде бы, огневую выучку. Генерал И.С. Якимович наблюдал за ходом учения и, не высказав никаких замечаний, выехал в штаб учебного центра. Вскоре я объявил частный отбой, приказал построить батальон в линию взводных колонн. Проверив в спешном строю наличие личного состава и осмотрев оружие, командиры подразделений доложили комбату о готовности к движению. Поставив задачу комбату на марш вдоль леса по восточной границе учебного поля и прибытие в исходный район, я выехал на центральную вышку полигона понаблюдать за ходом марша.

По прибытии на место я увидел в бинокль, что колонна бата-

льона остановилась на опушке леса в 3-4 км от вышки. По радио связи не было. Я быстро спустился, сел в машину и помчался к батальону. Оказалось, что из-за пыли в центре колонны столкнулись два БМП. Один из офицеров, сидевший на люке, потеряв из-за пыли зрительную связь с впереди идущей машиной, дал команду механику-водителю затормозить, в результате в эту БМП врезалась сзади шедшая машина. Пострадало от внезапного удара несколько человек из задней машины, в том числе лейтенант Б., получивший серьезные травмы (скорее всего, сотрясение мозга, поскольку держался руками за голову). Немедленно приказал лейтенанта посадить на заднее сиденье моей машины, за старшего посадил командира роты и отправил их в госпиталь в город Витшток. Сам сел в командирскую машину комбата и привел батальон в исходный район. После этого приказал людей накормить, а сам поехал в штаб учебного центра. Позвонил в госпиталь, там сказали, что лейтенант в состоянии средней тяжести из-за многочисленных ушибов и сотрясения мозга и понадобится две-три недели для выздоровления.

Позже я долго разбирался: почему это случилось? Меня удивило, что оба лейтенанта допустили ошибки: первый решил затормозить, второй почему-то ехал в пыли, ничего не видя. Почему? Ведь могли погибнуть люди! По этому вопросу я беседовал со многими офицерами, но все они искали виновных. «Открыли» глаза механики-водителя. Как ни странно, причина оказалась банальной: когда колонна двинулась с места, ветер дул с запада, а поскольку пыль относилось к лесу, на восток, то видимость была превосходной, и водители вели свои машины на удалении 30-40 метров одна от другой. Но буквально через 3-4 километра ветер резко усилился и подул с юга, так что весь батальон оказался в облаке пыли, в котором ни зги не было видно, не то что машины. Как результат – столкновение.

Резкая перемена ветра в ходе маршей – не такое уж редкое явление, но когда это происходит внезапно, наподобие вихря или торнадо, люди могут быть захвачены врасплох. В целом же батальон все сделал правильно: выключили передачи, чтобы резко снизить скорость, кроме двух «неудачных» машин. Был еще один выход: одним сигналом командира «поворот влево – 90» можно одновременно повернуть движение каждой машины на 90 градусов – и никто бы не пострадал. Но этому – действиям по сигналу – они были еще не научены...

После разговора с начальником приемного отделения я по-

шел к генералу И.С. Якимовичу доложить о происшествии. Генерал, прохаживаясь по комнате в гостинице, очень внимательно выслушал и спокойным тоном высказал:

— Вам надо сделать из этого случая серьезные выводы: при движении по грунтовым дорогам и на полигонах в ГДР в приказе на марш не следует указывать на дистанции между машинами. Дистанции должны обеспечивать зрительную связь между машинами. В сухую погоду пыль здесь — обычное явление, и поэтому механики-водители должны двигаться на удалении, обеспечивающем безопасность движения всей колонны. Пусть для вас это будет хорошим уроком.

Никакого крика, шума, все четко и ясно. Как я узнал позже, он даже командующему не стал докладывать. Но урок был назидательный, поучительный не только для меня, но и для всех офицеров полка.

Пообедав в офицерской столовой учебного центра, я выехал в батальон. Проезжая мимо полкового медпункта, я увидел у палатки очередь в 12-15 человек: они ждали перевязки. Сначала я подумал, что случилось еще одно столкновение, но все оказалось иначе. С помощью начальника ПМП старшего лейтенанта В.Н. Колмогорова удалось установить, что в ходе атаки переднего края при метании боевых гранат в батальоне было ранено около 20 человек. При подходе к переднему краю «противника» на 50-60 м, как было принято в батальоне, командиром роты подавалась команда «Приготовить гранаты!» Это означало, что необходимо достать гранату из гранатной сумки, зажать спусковой рычаг запала, сжать «усы» предохранительной чеки и по команде «Гранатами огонь!», выдернув кольцо предохранительной чеки, на ходу метнуть гранату в цель или траншею. С достижением гранатой цели (дальность разлета осколков наступательной гранаты — до 25 метров), следовало наклонить голову вниз, чтобы каской защитить и голову, и сердце, а прикладом автомата промежность и низ живота, и после взрыва рывком ворваться на передний край — огнем, если надо — штыком и прикладом, добить оставшегося «противника» и продолжить атаку. Так были обучены солдаты в батальоне; хотя наилучший вариант — метнув гранату с расстояния 35-45 м, продолжать вести огонь из автомата (пулемета) и бегом ворваться на передний край.

Если солдаты научены и натренированы метанию гранат не менее чем с 35-45 м, никакого замедления темпа атаки не нужно. Не зря нас еще в годы войны и после, в школе, учили этому

мужскому делу; учить надо и сейчас, чтобы в будущем бою не поражать себя осколками своей же гранаты. Это нелегкое дело. В нашем случае вместо вышеуказанных действий часть необученного личного состава, бросив недалеко гранату (из-за отсутствия натренированности), поворачивалась спиной и лишь после взрыва продолжала атаку. В результате около 20-25 человек, в основном молодые солдаты и сержанты, выпускники учебных подразделений, получили незначительные ранения... в попу. Смешно и грустно.

По прибытии в пункт постоянной дислокации (ППД) я потребовал от начальника артвооружения ведомость расхода всех видов боеприпасов за год. Открылась любопытная картина: оказалось, за 9 месяцев года израсходовано лишь 10 процентов лимита наступательных боевых гранат и 0 процентов – оборонительных. Причина – боязнь происшествий. Но чтобы не было происшествий, людей надо учить, и учить добросовестно, в том числе и метанию боевых гранат! И еще одна тактическая аксиома: невозможно в бою держать «ровную линию» цепи. Это глупость. Один взвод прошел проход в минном поле раньше, другой – позже, так как проходы нельзя «выравнивать», ибо противник минные поля ставит перед передним краем сознательно неровно, не в линию. Поэтому и атакующие подразделения на дистанции метания гранат будут подходить в разное время. Отсюда вывод: команду на метание боевых гранат должны подавать не комбаты и не командиры рот, а командиры взводов, а иногда и командиры отделений.

На этих же учениях я заметил неважную стрельбу танкистов. Оказалось, что боевые стрельбы из танков штатным (боевым) снарядом не проводились. Расход танковых снарядов составлял всего 15 процентов; не было запущено ни одной ПТУР, ни зенитной ракеты С-1, С-2. Ясно, что откомандирование командира полка в мае сыграло отрицательную роль в подготовке подразделений.

На первом же совещании было приказано на всех СТ организовывать дополнительные учебные места по стрельбе по воздушным целям, метанию учебных и боевых наступательных, оборонительных и противотанковых гранат. Лично проверил весь танковый батальон (ТБ) по стрельбе из 23-миллиметрового вкладного ствола, а еще через две недели провел стрельбы штатным снарядом на Витштокском учебном центре. Теперь я знал, что наш ТБ подготовлен к боевым действиям. Кстати, на учебном поле провел и ТСЗ (тактико-строевое занятие) со всем батальоном.

Со временем на основе обобщения опыта боевой учебы у нас сложилась полностью оправдавшая себя цельная система тактической подготовки войск, которая сводилась к следующему:

- одиночная подготовка (курс молодого бойца);
- подготовка отделений – ТСЗ согласно программе, боевые стрельбы в составе отделений в наступлении и обороне согласно курсу стрельб;

- подготовка взводов – ТСЗ с каждым взводом и боевые стрельбы взводов (50 процентов в наступлении и 50 – в обороне) днем и ночью (тоже по 50 процентов);

- подготовка рот – ТСЗ с каждой ротой в пешеходных строях и боевых порядках и на штатной технике днем и ночью; проверка слаженности штабом батальона; РТУ без боевой стрельбы в одном периоде обучения и РТУ с боевой стрельбой в другом периоде (по 50 процентов – в наступлении и обороне днем и ночью);

- подготовка батальонов – ТСЗ (пешим по машинному) средствами связи днем и ночью, ТСЗ на технике днем и ночью; проверка слаженности комиссией командира полка; БТУ без боевой стрельбы в периоде, в котором проводятся РТУ с боевой стрельбой и БТУ с боевой стрельбой в периоде, в котором проводятся РТУ без боевой стрельбы, все учения проводятся по 50 процентов в наступлении и обороне днем и ночью;

- подготовка полка: двухступенное КШУ на местности в одном периоде и ПТУ с боевой стрельбой в другом периоде один раз в году, если проводится ДТУ без боевой стрельбы; перед ПТУ с боевой стрельбой проводится двухступенное КШУ на картах. ПТУ без боевой стрельбы – в периоде, когда в другом проводится ДТУ с боевой стрельбой;

- подготовка дивизии (в один год) – ДТУ без боевой стрельбы, ДТУ с боевой стрельбой – в другой; перед дивизионными учениями с боевой стрельбой проводятся двух-трехступенные КШУ на местности, перед ДТУ без боевой стрельбы – двух-трехступенное КШУ на картах.

Кроме того, со специальными войсками аналогично проводились тактико-специальные учения, начиная с рот, а в артиллерии и войсках ПВО – тактические учения по управлению огнем полка и дивизии. Неплохо было бы сейчас вернуться к той системе. Я не могу раскрывать глубину учений, их продолжительность, тематику, выделяемые лимиты по расходу моторесурсов, ракет и боеприпасов, так как они установлены закрытыми нормативными актами.

В 1972-73 годах наш полк полностью, до мелочей, выполнил программу тактической подготовки. Хочу еще раз подчеркнуть: уровень тактической выучки подразделений, частей и соединений немислим без высокой огневой выучки, умелого вождения боевых машин, навыков по инженерной подготовке и защите от оружия массового поражения. В один из дней управление полка, в соответствии с планом командирской подготовки, должно было быть на выполнении учебных стрельб на войсковом стрельбище. После осмотра хода работ в парке боевых машин зашел в штаб, прошелся по кабинетам и заглянул заодно в тактический класс, рядом с кабинетом начальника штаба. Там сидели все политработники полка, а за столом – незнакомый, чернявый, обросший майор-толстяк.

Зашел, офицеры встали, но майор остался сидеть. Спрашиваю:

– Вы кто такой?

– Я заместитель начальника политотдела дивизии, а вам положено мне представляться, так как исполняю обязанности начальника политотдела и сейчас провожу проверку офицеров политработников по марксистско-ленинской подготовке (МЛП).

– Товарищ майор, вы не назвали свою фамилию.

– Майор Негодаев.

– Товарищ майор, в соответствии с утвержденным мною планом боевой и политической подготовки на сентябрь, офицеры управления полка должны быть сегодня на огневой подготовке, на войсковом стрельбище, и никакой проверки по плану дивизии у нас быть не может. Приказа о назначении вас и.о. начальника политотдела в полку нет. В то же время командир полка подчиняется только комдиву и никак не вам. Потому вам следовало с прибытием в полк представиться мне. Вы нарушили Устав. До свидания! И вышел. Такое наглое поведение заместителя НачПо наверняка было подкреплено указаниями свыше по сбору компромата на командира по вопросу игнорирования им партийно-политической работы.

До этого случая, еще до окончания работ на УМБ, произошел ряд недоразумений неприятного характера. Как-то провожу служебное совещание с комбатами и начальниками родов войск и служб (НРВиС). Внезапно заходит в кабинет старший лейтенант и уверенным шагом подходит ко мне:

– Товарищ подполковник, мне с вами срочно надо решить один вопрос!

– Товарищ старший лейтенант, пожалуйста, выйдите из кабинета, подумайте и без стука впредь не входите.

Он вышел, постучал в дверь и на ответ «Да» – зашел:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

– Не разрешаю, зайдете после совещания. Можете идти.

Оказалось, это был секретарь комсомольской организации полка, которого я увидел впервые.

Еще через несколько дней – также без стука – в кабинет заходит капитан и подходит ко мне, кладет руки на стол и начинает запросто вести беседу, как будто мы с ним сидели еще в школе за одной партой. Я вынужден был объяснить капитану уставные требования элементарной этики между военнослужащими: попросил выйти, постучать, зайти, представиться и обратиться по интересующему вопросу. Капитан обиделся, вышел и больше не зашел. Он оказался заместителем командира третьего батальона по политчасти и одновременно заместителем секретаря парткома полка.

Вскоре после визита майора Негодаева в полк произошел и вовсе неприятный случай. В дивизии имел место ряд автопроисшествий, и комдив установил строгий порядок выхода учебных и транспортных машин за пределы военного городка. В частности, в соответствии с указанным порядком, на каждую транспортную машину, помимо штатного водителя, назначался старший машины, обычно один из офицеров или прапорщиков подразделения, давшего заявку. На основе заявок командиров подразделений и начальников родов войск и служб заместитель командира полка по технической части накануне следующего рабочего дня составлял наряд на выход автомашин (БМП, БТР и т.д.) из парка, который рассматривался и утверждался командиром полка.

И вот в одно утро майор В.Гуреев прибегает ко мне и докладывает, что дежурная машина на войсковое стрельбище до сих пор не убыла, так как замполит полка запретил замполиту одной из рот лейтенанту Леваде быть старшим машины. Это означало, что начало стрельб второго батальона на войсковом стрельбище и директрисе БМП сорвано. Оказывается, замполит запретил вообще ставить политработников старшими машин.

Это сообщение не то что взбесило меня, а взорвало!

Пошли в парк. Метрах в двадцати от контрольно-технического пункта (КТП) под дубом стояли секретарь парткома полка подполковник Пелетнев и его нештатный заместитель. Они, держа руки в карманах и посмеиваясь, наблюдали за нашим дви-

жением к КП. Когда я прошел мимо в двух шагах, они оставались в той же позе, откровенно выказывая неприязнь к командиру полка и считая, что отдавать ему честь – слишком большая честь. Тогда я вернулся и подошел к ним, приказал капитану идти в парк («Товарищ капитан, ваше место, как замкомандира батальона по политчасти – в парке!») и обратился к подполковнику Пелетневу:

– Товарищ подполковник, вы подаете дурной пример подчиненным. В соответствии с Уставом подчиненные обязаны отдавать честь своему начальнику. За неотдание чести объявляю вам выговор! Повторите!

Ему ничего не оставалось, как повторить: «Есть выговор!» Когда мы с Гуреевым зашли в парк, начальник автослужбы майор Гаврилов, оживленно жестикулируя, объяснял что-то лейтенанту Леваде. Дежурная машина была до сих пор в боксе. Тогда я спрашиваю лейтенанта, понимает ли он, что уклонение от выполнения обязанностей старшего машины фактически является невыполнением приказа командира полка:

– Вы видели, что наряд на выход машин мною утвержден?

– Так точно, но мне запретил ехать старшим машины ваш заместитель по политической части майор Чепулис.

Подходит Чепулис:

– Георгий Александрович, это действительно так. Я дал указание запретить назначать старшими машин политработников, чтобы возможные происшествия не дискредитировали их служебную деятельность.

– Витаутас Йозович, позвольте узнать, кому вы запретили? Мне? Вы, случайно, не запретили выдавать политработникам деньги за службу?

– Я дал указание вашему заместителю по технической части майору Гурееву.

– Он что, вам подчинен?

– Мне по линии членства партии все коммунисты подчинены.

– Вы это можете мне показать в Уставе партии или в партийно-политической инструкции, в директиве Главпура, ВС ГСВГ?

– Это и так ясно. Мне работать с людьми.

– Выходит, мне работать с машинами? И вообще: хватит заниматься самодеятельностью на поле требований воинских Уставов. Что это за совещание политработников во время учебных занятий вне утвержденного плана? Или вы хотите взять командование полком на себя? Не выйдет!

Обращаюсь к лейтенанту:

– Лейтенант Левада, выбирайте: или вы подчиняетесь командиру полка и сейчас же поедете старшим машины – за срыв начала стрельбы все равно будете наказаны, или я вас арестовываю и возбуждаю уголовное дело. Вы меня поняли?

– Так точно. Буду выполнять ваш приказ.

– Выполняйте.

Я сел в свою машину и поехал на войсковое стрельбище; через пять минут прибыла дежурная машина с Левадой и начались стрельбы. Пошел стрелять из БМП, как всегда, первым. Первым выстрелом поразил «танк». За ним появился «бронетранспортер»: прицелившись в движущуюся цель, нажал на спусковую «гашетку» пулемета и выпустил всю норму патронов, так что третья цель осталась необстрелянной. Выслушал разбор руководителя стрельбы, одного из самых грамотных командиров рот старшего лейтенанта Рябоволова и получил от него замечание, что при поражении целей мною неверно были рассчитаны боеприпасы и потому оценка снижается на балл.

Сразу поехал к Я.Г. Погодину на танковую директрису. Как наводчик танка с первого выстрела пушки и первых очередей пулемета поразил все цели. Затем на «газике» поехал на бронедром, сел в очередной БМП за рычаги и промчался по семикилометровой трассе менее чем за 15 минут и перекрыл мастерский норматив. Выплеснув таким образом энергию, вернулся в полк, отобедал в офицерской столовой и засел до самой ночи в своем кабинете, чтобы успокоить нервы и не наделать глупостей. Обдумав все, нашел, что мои действия были верными. Видимо, майор Негодаев успел настроить политработников настолько, что те посчитали меня уже временным управляющим, но не командиром полка. Благо было чем заняться: лично спланировать боевую подготовку на октябрь. Вернулся домой поздно ночью. Чувствовал, что наступает гроза, и в любое время в мою сторону может быть запущена шаровая молния.

Ночью приснилось огромное поле с единственной огромной елью посередине, которая защитила нас с братом от внезапного ливня во время грозы, когда мы с ним в 1944 году работали конюхами в колхозе, искали потерявшуюся лошадь и мчались галопом через сосновый лес по утопанной дороге. На полном скаку, не успев увернуться от толстого сука сосны, я слетел с лошади, как пробка, получив нокаутирующий удар в скулу. Остановившись, брат привел меня в чувство, майкой перевязал

голову и лицо, брызжащее кровью. Взяв лошадей под уздцы, не спеша вышли на поле и дошли до одинокого дерева, где нас и застала гроза. Молния и раскаты грома рвали небо на части. Дождем смыло кровь с лица, не осталось никаких следов от падения, кроме ямки на подбородке. Наверное, наш ангел-хранитель приберег нас, потому что на следующий день шаровая молния убила молодую женщину из села Серёгово, стоявшую под той самой елью. Не зря этот сон, из былого – в явь, ох, не зря...

В конце сентября после учений со вторым батальоном состоялось партийное собрание коммунистов полка, с докладом выступил секретарь парткома. Не обмолвившись ни словом о наших проблемах и задачах, секретарь направил доклад на «вскрытие» имеющихся недостатков в полку, единственным виновником которых оказывается командир полка. Коммунисты, выступавшие после доклада, не допустили никаких обвинений, как будто и не было доклада, думаю: они лучше понимали, в чем дело. В своем выступлении я не стал оправдываться и отвечать на выпады Пелетнева. Добавил лишь, что сейчас, когда техника поставлена на хранение, а УМБ готова к работе, необходимо обратить внимание на повышение качества занятий и резко поднять ответственность командиров всех степеней за состояние воинской дисциплины. Залог тому – точное выполнение плана боевой подготовки, распорядка дня и лучшая организация службы войск. Эти тезисы, разумеется, были подкреплены убедительными примерами из жизни полка.

Настроение после партсобрания было неважным. Мне давно не приходилось слышать атаку политработников против командира, подобную выступлению майора М.И. Куркулева против полковника Ф.П. Чабурина еще в Череповце. И все-таки с началом занятий на созданной нами же УМБ стало веселее. И к тому были основания, подкрепленные конкретными делами: наши молодые лейтенанты (весь комплект командиров взводов) были выпускниками Омского высшего общевойскового училища, которое отличалось превосходной подготовкой. Это помогло тому, что после проведения показательных занятий по огневой, тактической подготовке и вождению машин, ситуация в короткие сроки в полку наладилась. Засверкала чистотой вся техника, хотя в парке боевых машин между хранилищами и дорогами, уложенных бутом, повсюду были грязные лужи; вокруг строевого плаца и казарм – голые плечи, без травы, мелькали словно лысины. Но это было поправимо.

Однажды на совещании комдив объявляет, что наш и танковый полк, артиллерийский и зенитно-артиллерийский полки, ряд отдельных батальонов с 18 по 23 октября подвергаются осенней итоговой проверке комиссией управления дивизии во главе с комдивом. Ну ладно, думаю, против ветра не попрешь. Собрал командиров, объявил о предстоящей проверке и определил проведение строевого смотра, на котором вручил личному составу значки «гвардия» и спортивные (ВСК и разрядные), их удалось вытащить с вещевого склада дивизии. С самого начала я был удивлен, что полк гвардейский, а ни одного значка у людей нет. В этот же день провели генеральную уборку в казармах и на всей территории. Комбаты с лучшими операторами-наводчиками и автоматчиками (2-3 человека) после строевого смотра проверили бой оружия и, если необходимо, оружие учебных БМП, стрелкового оружия к нормальному бою.

В субботу все силы сосредоточили на приведение в идеальное состояние боевой и учебно-боевой техники, на подготовку и проверку мишенного поля на полигоне и препятствий на бронедrome. В воскресенье – отдых. С понедельника началась проверка, проверялись первые две роты каждого батальона, отдельные роты (батареи) и управление полка.

В этот же день совершенно неожиданно в полк приехала группа офицеров отдела боевой подготовки армии. Когда я поинтересовался, прибыли ли офицеры управления армии в другие части дивизии, они ответили, что «нет, мы прибыли в полк для оказания помощи в связи с тем, что полк осваивает новую технику».

Вели себя проверяющие не то, чтобы нескромно, а просто развязно, как будто перед ними не командир полка, а куль песака. Сначала попросили помочь приобрести кое-что в военторге; я им ответил, что с этим у нас проблем нет, в полку есть хороший магазин и можно заказать все, что понадобится. У нас была хорошая офицерская столовая, где за несколько марок можно хорошо покушать.

Но, видимо, что-то не понравилось в моих ответах, и они перешли на другую тематику вопросов: работает ли информация на мишенном поле, выделяются ли показываемые цели над полем, соответствуют ли скорости движения движущихся целей требованиям курса стрельб, а размеры препятствий на бронедrome – курсу вождения, поставлена ли новая техника на хранение. Я отвечал: «Да, работает. Не выделяются. Соответствуют. Поставлена». Затем мне предложили поехать на полигон и прове-

рить все это. Я сказал, что у меня много дел, а поехать можно с майором Следем, хотя у него, как и у всего полка, сегодня выходной. Офицеры стали намекать (особенно старался подполковник Лебедеenko), что от них зависит чуть ли не вся моя дальнейшая служба.

Я спросил: «И вы тоже приехали меня пугать? В таком случае, до свидания, у меня дома – обед». Представляете, как выглядели в этот момент их физиономии! Ничего хорошего о своем будущем я уже не думал, но в душе была уверенность, что эту проверку выдержим – назло всем врагам нашего полка, и НАТО тоже.

Прошел первый день проверки. На строевом смотре, который проводил комдив, мне не было стыдно за внешний вид солдат. Почти без замечаний: бойцы и офицеры в новых рубашках, с новыми галстуками, ремнями, в новом обмундировании. Все это было вытащено из «тайников» старшин рот на чердаках и подвалах «плюс» выдали то, что было положено весной и осенью.

После строевого смотра состоялся смотр боевой и учебно-боевой техники. В парке нашими боевыми машинами можно было восхищаться – на машинах ни пылинки. Проверяли на выбор в каждой роте одну-две машины на боеготовность, машины заводились как часы. Зампотех дивизии доложил комдиву, что техническое состояние и содержание техники оценивается на «хорошо». Я набрался нахальства и спросил, а почему – не на «отлично»? Комдив посмотрел на меня такими глазами, что я замолчал. Хотя так и не понял: почему? Так что, первый день прошел нормально.

На второй день меня вызвали на итоговое занятие по марксистско-ленинской подготовке в штаб дивизии. В группу №1 входили заместители командира дивизии, начальники родов войск и служб (НРВиС), командиры частей с заместителями по политчасти. Проверяющим оказался член Военного Совета, первый заместитель начальника политуправления ГСВГ генерал-майор А.Д. Лизичев. Собеседование он проводил методом выявления знаний: вначале общий вопрос из плана семинара, затем следовало: «Достаточно, этот вопрос вы знаете, а скажите, пожалуйста...» Следовал град вопросов, который позволял объективно оценить не только знания, но и кругозор офицера, его общее развитие и умение выделить главное, и многое другое. Мое выступление было тоже кратким, но на десяток дополнительных вопросов ответы были исчерпывающими.

В перерыве генерал позвал меня и спросил:

– Как дела у самого молодого командира полка?

Мне было 37 лет, и я был единственным подполковником среди командиров полков. Я понял, что генерала хорошо «просветили», и ответил:

– Плохо, очень плохо.

– В чем дело?

– Товарищ генерал, я не привык за спиной своих офицеров жаловаться на кого-либо, но если вы найдете время посетить полк, в присутствии своих подчиненных все покажу и расскажу. Вам тогда решать: кто прав, кто виноват, как говорят.

– Хорошо. Завтра буду у вас в 11 часов.

На другой день в назначенное время я встречал недалеко от входных ворот генерала, прибывшего в сопровождении первого заместителя НачПО армии полковника Пимбурского. Рядом со мной был мой заместитель майор В.И. Чепулис. В течение часа мы показали казармы, клуб, парк боевых машин, столовые, караульные помещения, теплицу. Затем прошли в кабинет командира полка, я попросил Чепулиса пригласить в кабинет секретаря парткома подполковника Н.А. Пелетнева. Когда тот прибыл, генерал попросил меня доложить обстановку в полку. Доложил, с какими проблемами столкнулся с прибытием в полк: брошенная, неукомплектованная старая техника, десятки разукомплектованных по мелочам новых учебно-боевых БМП, разряженные АКБ и пустые воздушные баллоны, совершенно неудовлетворительное питание солдат, отсутствие прикухонной базы, незавершенные объекты внутри городка и хранилища боеприпасов и ГСМ, запущенные казармы, огнедышащие подвалы и чердаки, нулевая фаза строительства объектов УМБ. Рассказал о принятых мною чрезвычайных мерах организационного характера и изменении прежнего распорядка дня, в том числе увеличении рабочего дня с восьми до 12-14 часов; о жизни батальонов в палатках на строительстве объектов, о восстановлении и сдаче техники, о завершении работ и переходе на нормальную плановую боевую подготовку. В то же время, несмотря на принимаемые конкретные, но жесткие меры, в ходе строительства УМБ я получил от комдива более 12 дисциплинарных взысканий за то, что не укладывался в указанные им сроки возведения объектов, хотя до моего прибытия было израсходовано всего 15 процентов отпущенных средств. Сейчас денег по статье 32 (боевая подготовка) не осталось.

При всем этом партполитаппарат полка с нарастающим упорством противостоял моим усилиям, продолжая громогласно обвинять меня в нарушении Конституции СССР, распорядка дня, забывая при этом, что он устанавливается командиром полка и никем более, и даже в антипартийном поведении. Рассказал и о первых встречах с секретарем комсомольской организации и замполитом третьего батальона, об отмене замполитом моего приказа о назначении старшим машины замполита роты, о наказании за неотдание чести подполковника Пелетнева.

Когда дошел в своем докладе до этого места, полковник Пимбурский (не помню имени-отчества, он дослужился до генерала), прервал меня и обронил:

– Подполковник, с вас следует снять штаны и выпороть!

На что я ответил:

– Товарищ полковник, не вы на меня штаны надевали, не вам и снимать, а выпороть силенок не хватит, хотя я и не знаю, кто вы такой!

(Я действительно в то время не знал его.)

– Товарищ генерал, разрешите продолжить?

– Продолжайте.

– И последнее: к началу октября личным составом полка все задачи по сдаче старой техники и постановке новой техники на хранение, работы по ремонту казарм, по строительству учебных объектов и объектов тыла (перечислил все объекты) были завершены полностью, и полк приступил к плановой боевой подготовке. Времени на подготовку к итоговой проверке было менее месяца, поэтому я не могу предсказать результаты, но уверен, что будут не ниже, чем на «удовлетворительно». Главное, созданы все условия для плановой боевой подготовки и нормального быта личного состава в дальнейшем. И даже в этих условиях, словно по заказу сверху, секретарь парткома, которого всячески поддерживает заместитель по политической части, продолжает настраивать офицерский состав против командира полка: пугают коммунистов тем, что скоро я разгоню партком.

Выложил все как есть. Настроение генерала, как никогда, было пасмурным, и трудно что-либо предугадать.

– Товарищ подполковник Пелетнев, что вы можете добавить к словам командира полка?

– Товарищ генерал, мне добавить нечего. Командир полка сам себя выпорол очень хорошо.

– Товарищ Чепулис, что бы вы хотели добавить к докладу командира полка?

– Товарищ генерал, командир полка рассказал все, как было, и мне добавить нечего.

– Витаутас Йозович, вы же заканчивали университет и хорошо знаете один из ленинских заветов об укреплении единоначалия как основы поддержания пролетарской дисциплины и строительства регулярной армии. Вместо того чтобы своим авторитетом, должностью поддерживать усилия командира полка в выполнении поставленных перед полком самой жизнью сложных задач, вы стали вставлять палки в колеса. Это недопустимо, поэтому вам с командиром полка придется разъехаться. Поскольку командир полка назначен министром обороны, вам придется выбирать место дальнейшей службы. Вы меня поняли?

– Так точно!

– Подполковник Пелетнев, какой стаж вашей службы в армии?

– 25 лет.

– Я думаю, что вы отстали от современных требований партии к нашей армии и командным кадрам, потому пора уходить в запас. Вам необходимо лечь в госпиталь, пройти обследование и уволиться в запас не позднее Нового года.

Далее генерал обратился к заместителю НачПО армии:

– Полковник Пимбурский, до первого декабря проинформируйте, пожалуйста, меня об откомандировании подполковника в Союз с одновременным представлением в запас.

Тут вмешался в разговор майор В.И. Чепулис.

– Товарищ генерал, пока командир полка докладывал вам обстановку, я понял, что был во многом не прав, и прошу оставить меня служить в полку. Это моя единственная просьба.

Любого человека, как индивидуальность, нелегко понять. Не знаю, какими соображениями руководствовался в тот момент Витаутас Йозович, но я понял его искреннее раскаяние. Чепулис остался в полку, и могу сказать определенно: в должности заместителя командира полка по политчасти он работал нормально, во всем меня поддерживал, и мы даже подружились семьями.

Через шесть лет в ПрибВО, узнав, что Чепулис служит в Таллинне по-прежнему замполитом полка, встретившись, я предложил ему перейти в нашу 107-ю дивизию заместителем НачПО. Сказал, что лично буду об этом ходатайствовать перед Членом ВС – Начальником ПУ округа. Он отказался. А зря, вернулся бы на родину, в Литву...

После окончания собеседования генерал-майор А.Д. Лизичев пожелал успехов на проверке полку и мне тоже, после чего выехал в штаб дивизии, а я, не скрывая нахлынувшие эмоции, поехал на полигон. Стояла солнечная, совершенно безветренная теплая погода. Воздух был прозрачным, как горный хрусталь. Мне показалось, что не только погода, но и природа приглашает весь полк испытать силы и умения, насладиться результатами совместного труда, что способствует проявить себя в предстоящих испытаниях.

Прибыв на стрельбище, армейцы (офицеры ОБП) тут же известили меня, что командир полка должен отстрелять из штатного оружия БМП, то есть выполнить 3-е упражнение учебных стрельб; на танковой директрисе – из танкового оружия; на бронедrome я должен был наравне с другими офицерами выполнить 6 «а» – упражнение по вождению танка или БМП. Проверяющие ожидали, что я ни разу не стрелял, не водил, сошлюсь на дела и занятость и откажусь от испытаний. Но ошиблись. Я с удовольствием надевал шлемофон, получал боеприпасы и становился в строй в очередной смене. Отстреляв из БМП, танков, прокатившись на танке, получил отличные оценки. Иначе и быть не могло.

Первый батальон стрелял почти без «троек», а по вождению во втором батальоне ниже «хорошо» не было ни одной оценки. Конечно, при ветре средней силы оценки были бы ниже на балл. Но погода нам помогала! Ничего, в будущем мы научимся стрелять при любом ветре, в любую погоду и только на «отлично». А пока, в итоге недельной проверки, из четырнадцати проверенных рот (батарей) и управления полка четыре роты – 7-я мср лейтенанта К.В. Кулекина, 2-я тр капитана А.П. Кондратьева, рота связи капитана Б.С. Митина и батр ПТУР капитана Герасименко стали отличными, остальные – 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 8-я мср, 1-я тр, разведрота, рота химзащиты, авторота и управление полка получили хорошие отметки, и ни одной удовлетворительной! На «хорошо» были оценены не только основные предметы обучения, но и состояние техники и вооружения, другие предметы, а состояние тыла – «удовлетворительное». В общем, полк стал лучшим в дивизии.

Не было ни приказа, ни подведения итогов, даже разбора. Вскоре вместо подполковника Пелетнева секретарем парткома был избран майор И.В. Малахов, трудяга, всегда спокойный, умевший подойти к любому человеку. (Кстати, членом парткома был единогласно избран и командир полка.) Подполковника

Пелетнева до декабря перевели в разведбат дивизии и.о. замкомбата по политчасти; с этой должности он был уволен в запас. Рассказывали, что в ходе беседы с генералом А.Д. Лизичевым комдив дал нелестную оценку майору Негодаеву, который буквально через неделю был отправлен из дивизии куда-то инспектором, затем из-за пьянок уволен в запас. Комдив перестал объявлять мне каждую неделю взыскания, а те взыскания, которые объявлял по телефону, оказались даже не записанными в служебную карточку. Можно сказать, что после этой проверки у нас установились нормальные, уважительные взаимоотношения. Полк хорошими темпами набирал силу. Но, тем не менее, дел было невпроворот, и главное нас ждало впереди.

Это была последняя встреча с генералом А.Д. Лизичевым. Выпускник Череповецкого военного училища, в силу своего природного ума, трудолюбия, обаяния и ораторских способностей, после выпуска он был оставлен помощником начальника политотдела училища по комсомолу. Легко заочно закончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. После расформирования училища послужил замкомбатом на Севере, затем был назначен помощником начальника политуправления Северного, а затем Ленинградского военного округа. Был помощником начальника Главного Политуправления СА и ВМФ по комсомолу. После – член ВС ГСВГ и член ВС – начальник ПУ Забайкальского ВО, дослужился до начальника Главного ПУ СА и ВМФ, генерала армии.

А.Д. Лизичев – один из немногих генералов, у кого родители не занимали высокие посты в верхах и армии. Он открыто выразил свое несогласие с предательской политикой М.С. Горбачева и без шума оставил третью должность в ВС; он заслужил искреннее уважение всех, кто с ним работал; был эрудирован и скромен, уважал людей и умел с ними работать. Я всегда удивляюсь: почему нет А.Д. Лизичева в руководстве КИРФ? Если первым должен быть Г.А. Зюганов, вторым мог бы быть А.Д. Лизичев. Как политик, дипломат, бывший политический руководитель в ВС, прекрасный организатор он мог бы возглавить и компартию, и государство. Спасибо, Алексей Дмитриевич, что в самое тяжелое время вы защитили меня не только от самодурства начальников, но и произвола распустившихся после Хрущева политработников, возомнивших себя вершителями судеб командиров! Хотя я отлично понимаю, что один в поле не воин. Но вы не оглядывались в то время назад. И это было здорово!

4. Невыполнимое – выполнимо

Сразу же после окончания проверки, обсудив положение дел с заместителем по техчасти майором В.Гуреевым, я решил использовать появившийся разрыв в боевой подготовке до нового учебного года (с первого декабря) для перевода всей боевой техники на зимнюю эксплуатацию. Владимир Алексеевич требовал выделить не менее десяти «чистых» суток, то есть без учета несения службы ротами в наряде, выходных и предвыходных дней. Для этой работы решили привлечь всех командиров взводов (все – инженеры по окончании училища), зампотехов рот и батальонов, экипажи БМП, танков, ЗСУ, С-1, водителей колесных машин и, конечно, комбатов. Остальной личный состав работал по отдельному плану на УМБ и по благоустройству территории.

Был разработан развернутый четкий план-график работ. На каждый день были намечены конкретные работы, которые необходимо выполнить лично под руководством командиров взводов под контролем зампотехов рот и батальонов. Для каждой боевой (учебно-боевой, транспортной) машины разработаны технологические карты, на которых выполнение каждой операции отмечалось после личной проверки замкомандира роты по технической части. Приказом по части была создана полковая комиссия во главе с майором Гуреевым, которая должна была тщательно проверить качество перевода техники всеми подразделениями с представлением акта. Все заправочные емкости для горючего, масел и охлаждающей жидкости после дозаправки опломбировывались зампотехами батальонов.

Следует сказать, что боекомплекты на боевой технике хранились непосредственно на машинах в готовности к применению, но их надо было тоже обслужить с выкладкой из машин на «грунт». В ГСВГ даже выходы на учения любого масштаба проводились с полным боекомплектом. Мало того, на учения вывозилась и значительная часть подвижных запасов боеприпасов и горючего батальонов и полков, но чаще – полностью. Так было в ГСВГ все пять с лишним лет, пока я служил там. Вот почему США и НАТО не смели вопреки их желанию напасть на СССР и страны Варшавского договора. Вот почему 50 лет наш народ жил в мире и строил свое будущее.

В ходе обслуживания, естественно, боеприпасы по графику выгружались, смазывались и затем проходили «процедуры» боеукладки и пломбирования службой артвооружения. На всю

работу по переводу ушло две недели. На празднование 67-й годовщины Октября мы пригласили руководство города и округа во главе с первым секретарем окружкома и членом ЦК СЕПГ товарищем Кантом, непоколебимым борцом с фашизмом, узником концлагерей. Через некоторое время (кажется, через год) он ушел на пенсию, вместо него был избран честный, трудолюбивый истинный патриот своей страны и настоящий интернационалист Х.Цигнер. Тогда же мы познакомились с председателем Совета Гадебушского района Эрвином Хоффманом, восемь лет просидевшим в фашистских застенках. Эрвин – истинный друг Советского Союза и отличный руководитель района. Нас связывали общие интересы защиты границы. Э.Хоффман, как командир народной дружины (сил самообороны) района, прикрывал тылы нашего полка в случае его развертывания для прикрытия госграницы. Кроме того, я познакомился с командиром дивизии ННА ГДР генерал-майором Малевским и командиром отдельного полка полиции постоянной готовности подполковником М.Криком, штаб и один батальон которого являлись соседями нашего полка. С этими командирами установились прекрасные взаимоотношения и дружба.

Решением командира полка большое количество личного состава и офицеров было поощрено. В полку «витала» приятная, приподнятая обстановка. Приятно сознавать, что невыполнимые на первый взгляд задачи были выполнены не только в короткие сроки, но и качественно. Я бы даже сказал, красиво. Свыше 60 солдат и сержантов были поощрены краткосрочными отпусками на родину, десятки получили очередные воинские звания, ценные подарки, грамоты. Однако наши первоначальные успехи были пока частичными, поэтому мне иногда казалось, что они призрачны. Достаточно было заглянуть в состояние дел более объективно, глубже, чтобы убедиться, что мы лишь в начале большого пути к совершенствованию боевой готовности и уровня боевой выучки. Об этом говорили и результаты проверки своими силами подразделений, не проверенных комиссией дивизий: они были лишь удовлетворительными. Поэтому я призывал командиров подразделений настойчиво изучать оружие, особенно теорию и правила стрельбы, доводить до автоматизма выполняемые нормативы по огневой и тактической подготовке.

После перевода техники на зимнюю эксплуатацию назрела необходимость всерьез заняться вопросами поддержания боеготовности полка. При проверке было выявлено, что в запасных

районах не все подразделения имели замаскированные укрытия для боевой техники и щели для личного состава, где бы можно было укрыться от возможных ударов авиации вероятного противника. В этих районах не было капитальных пунктов управления полка и батальонов. Командиры рот, взводов не знали основные и запасные маршруты выхода в свой район обороны и места размещения боевой техники, не было и необходимой огневой документации.

На многих маршрутах выдвижения через некоторые глубокие речки и каналы не было мостов, а возможности саперной роты ограничены. Поэтому провели рекогносцировку с командирами батальонов и рот, а те – в последующие дни – с командирами взводов. Каждому батальону, отдельной роте (по графику) было выделено время для дооборудования районов сосредоточения и строительства заглубленных защищенных пунктов управления с фильтро-вентиляционной установкой и электрооборудованием в готовности подключения к ее автономному источнику питания. В ходе дооборудования районов ни одно дерево не было срублено.

В интересах успешного прикрытия госграницы провели серию рекогносцировок с целью уточнения боевых задач подразделениям, артиллерии, средствам ПВО, вторым эшелонам (резервам), а также огневых позиций вплоть до каждого танка, БМП, основных и запасных маршрутов выдвижения в составе батальонов и даже рот на случай неблагоприятной обстановки. Выяснилось, что на маршрутах выдвижения необходимо было построить более десятка мостов, так как имевшиеся сгнили или их снесло водой, некоторые не могли выдержать вес танка. В этом вопросе (строительстве мостов) мы пошли методом от обратного.

Какой-нибудь командир знакомился с председателем местного кооператива (почти колхоза) и, разговаривая о возможности охоты или рыбалки, как бы мимоходом касался вопроса об отсутствии в определенном месте через речку или канал так нужного для этого поселения моста. У нас тоже проблемы – негде учить саперную роту строительству мостов, а работы в части нет. Дескать, могли бы и вам помочь, но у нас нет леса. В итоге председатель предлагал обеспечить поставку леса, мало того – оплатить строительство, но наши от оплаты категорически отказывались, так как это было лишь элементом боевой подготовки саперов. В результате через пару месяцев были готовы все мосты на наших маршрутах для прохода любой бронетанковой техники.

В течение второй половины ноября были построены все пункты управления полка и батальонов, дооборудованы основные районы сосредоточения, все маршруты обозначены только для нас понятными знаками, определены боевые задачи и районы обороны, основные и запасные опорные пункты, намечены места размещения боевой техники и вооружения на местности. Были согласованы и отработаны действия подразделений в случае упреждения противником в захвате намеченных рубежей и районов, и много других вопросов взаимодействия и всестороннего обеспечения. Разумеется, это не были просто действия по наитию, а строго спланированные в деталях занятия, которые затем проводились каждые полгода.

Примерно в конце ноября в дивизию приехал Главком ГСВГ генерал-полковник С.К. Куркоткин. Шли дожди, была сырая, неприятная, холодная погода, и это в значительной степени отразилось на его настроении. После ознакомления с танковым полком, который находился по соседству за забором, он заехал вместе с комдивом к нам. Сначала зашел в казарму первого батальона, затем в парк: все двери хранилищ были открыты, нам не было стыдно за состояние техники. Промежутки между хранилищами с техникой генерал-полковник преодолевал напрямую, в ботинках, которые сразу же покрылись желто-коричневыми комьями глинистой почвы. Я понимал, что этого не было бы в сухую погоду, но он специально шел по голым плешам, не делая ни единого замечания, давая тем самым понять, что все видит, и в парке должно быть как в парке.

Очень ему понравилось, что вся автомобильная техника загружена подвижными запасами боеприпасов, горючего, инженерным и вещевым имуществом, продовольствием, и все находилось уже в ухоженных, чистых охраняемых бетонных хранилищах. Понравились ему новое овощехранилище, теплица, баня, порядок в солдатской столовой и солдатской чайной. Курьезный случай произошел, когда главком решил посмотреть и казарму второго батальона. Когда стали подниматься на второй этаж, на межэтажной площадке обнаружили, что на подоконнике лежал толстый слой... снега. Снег выпадал уже пару раз, но на территории его не было. Откуда он взялся, до сих пор гадаю. Думаю, что это было специально кем-то подстроено. Я чуть не умер от стыда и позора! Так и хотелось влить комбату пощечину. Главком промолчал. Ну хотя бы посмеялся; вот уж стальная выдержка была! Это что-то!

Испробовав в «квашпункте» разносолы: соленые огурцы, помидоры, моченые яблоки и арбузы с холодным солдатским квасом, мы уже шли к штабу, и Главком вдруг обратил внимание на наш забор. Это был обычный деревянный забор, построенный еще войсками Вильгельма; большинство досок сгнило, было много дыр, столбы валялись от легкого прикосновения руки. Я, естественно, думал его заменить, но постепенно, в течение зимы. Так и ответил на замечание. Командарм бросил реплику: «Сделаем раньше, товарищ главнокомандующий!» И тут он подошел ко мне и на полном серьезе прошептал: «Слушай, подполковник, чтобы через трое суток тут стоял новый забор. Новый, это приказ, ты понял?» Хотелось возразить: «Где же вы, великие полководцы, раньше были?»

Была пятница, и я отлично понимал, что такая задача невыполнима, тем более что у меня для этого не было ни леса, ни бетона, ни денег. Правда, цемент остался после завершения строек на полигоне, но больше – ничего! Мне оставалось ответить: «Есть!», но все-таки я произнес: «С условием, что в эти трое суток войдут понедельник, вторник и среда следующей недели». Начальники промолчали, и я принял молчание за согласие, подумав про себя: «Ну вот, будет еще один повод для отстранения от должности или взыскания. Поставить полтора километра забора за трое суток, согласитесь, все-таки нереально!»

Проводив «высокое» начальство, я пригласил к себе начальника тыла и инженера полка: что и как будем делать, очень важно было уложиться в срок. Решили сделать забор деревянным, и старый не разрушать, пока не будет построен новый; инженерно-саперная рота будет готовить на пилораме столбы из расчета один через каждые три метра забора и продольные брусья.

Столбы, чтобы не сгнили, решили поставить в бетонные «гнезда». Разметкой и устройством бетонных гнезд под каждый столб должен заниматься лично командир инженерно-саперной роты. Лес для столбов надо взять из вырубленного под бронедром. Доски для забора предстоит выбить командиру полка у немецких хозяйственников. Определили, что каждый командир батальона создаст команду плотников в составе 10-12 человек во главе с офицером, они же на своих участках роют ямки для «гнезд», разгружают пока несуществующие доски, брусья и сооружают забор высотой два метра. В случае, если не будет досок, построим забор из колючей проволоки: он будет новый, а старому забору сделаем ремонт и покрасим. Приказ будет выполнен.

Про овраги мы не забыли, поэтому сразу поехали на бронедром, где наше настроение упало до «нуля». Оказалось, что мы не наберем и сотни столбов: лес по диаметру слишком крупный, чтобы его распиливать (от 30 до 60 сантиметров и более). Вернулись назад. Обзвонили части дивизии: леса не было ни у кого, бетонных столбов – тоже. Позвонил Начальнику КЭЧ района, и он вдруг отвечает: «Леса и досок у меня очень мало. Но если вы найдете все материалы на забор, мы их оплатим. Отвечаю головой». Вот уж спасибо, Владимир Ильич! (В будущем мы будем очень дружны.)

Решили с утра выехать к немецким товарищам и попробовать договориться с ними. Если ничего не выйдет, то оставалось написать рапорт с просьбой отложить срок строительства забора на 2-3 месяца из-за отсутствия денежных средств в полку (это было объективно) и строительных материалов. В этом случае следовало выписать у лесников участок с подходящим строевым лесом, свалить его, вывезти и распилить на пилораме, затем в течение недели можно было и забор построить. Но все-таки дал команду завтра с утра приступить к рытью ям и изготовлению части столбов на пилораме.

Рано утром, пригласив жену, которая работала учителем немецкого языка в русской средней школе, в качестве переводчика и полкового инженера майора П.А. Аникина, выехали в город Гадебуш. Однако председателя Э.Хоффмана дома не оказалось: он выехал на охоту в приграничную зону. Его жена сказала, что если это важно, то сын поедет с нами, и мы его найдем. Приехав к названному местечку, мы поднялись на машине на небольшую высоту и стали наблюдать, где охотники. И действительно, внизу у опушки выскочила «Волга», и к ней стали собираться охотники – после очередной облавы на кабана.

Мы немедленно спустились к ним и сразу встретились с Хоффманом, поздоровались. Председатель спросил, не его ли мы ищем. Я ответил:

– Да, и мы бы хотели знать, когда председатель вернется в Гадебуш, есть важный разговор.

– Наверное, не зря вы сюда приехали. Хорошо, охотники продолжают охоту с сыном, а я поеду с вами.

Накануне и ночью, пока ехали, я много раз продумывал варианты начала разговора, в конце концов, решил, что легче всего сказать правду.

– Можем начинать?

– Да, конечно. Вчера был у нас Главком, и ему очень не понравился наш забор. Вот командарм и приказал мне построить новый забор в течение трех суток, не считая выходных. Конечно, ввиду того, что у нас кроме цемента и краски других стройматериалов нет, можно было бы ограничиться косметическим ремонтом, покрасить и доложить о выполнении. Но в этом случае приказ не будет выполнен, а командир полка будет хорошо наказан. Такая перспектива меня совершенно не радует. Посоветовавшись, мы решили обратиться к вам.

– Геноссе Александров, мы действительно раньше иногда помогали вашему полку, когда дело касалось боеготовности. Но скажите, какое отношение к боеготовности имеет забор?

– Товарищ председатель, забор действительно не имеет никакого отношения к боевой готовности. Но стремление выполнить любой приказ, пусть даже не совсем продуманный, имеет прямое отношение к способности командира выполнить свой долг. Наш Устав гласит: «Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок!» Это закон, и он является основой воинской дисциплины, без чего не может быть и речи о боеготовности. Приказ, полученный мной, все равно будет выполнен: забор будет построен в срок то ли из массы зеленых ветвей, то ли из колючей проволоки. Но в этом случае качество будет на порядок ниже, и постепенно придется строить новый.

– Есть ли какие-либо стройматериалы и деньги?

– Стройматериалов, кроме колючей проволоки, у нас нет; для столбов цемента не хватит, поэтому завтра я поеду к лесникам выписывать лес: будем сами валить, пилить на столбы и ставить их в бетонные «гнезда». Взамен летом мы поможем людям в очистке леса от валежника и засоренности, или заплатим.

– Значит, вы можете рассчитаться и взаимной помощью, и деньгами?

– Именно так. Любая работа, к примеру, в лесничестве, может быть оценена в марках. И на такую же сумму мы смогли бы отработать, исходя из почасовой оплаты труда (в ГДР существовала норма: минимальная оплата одного часа работы одним человеком оценивалась в 2 рубля, то есть 6 марок). Вы уж простите за то, что оторвал вас от охоты, но у меня не было другого выхода: «попытка – не пытка», как мы говорим по-русски. С вашего позволения, мы поедем.

Мне показалось, что у нас ничего не выйдет. Мы встали.

– Подождите, пожалуйста, не торопитесь. Я поговорю и посоветуюсь с товарищами.

Хоффман стал звонить; через 20 минут собрались еще пять человек. Как мы поняли, это были его референт, директор деревообрабатывающего комбината, ЖБК, представители лесничества и еще кто-то.

Пока он разговаривал, мы перешли в другую комнату, где его жена накрывала стол для приглашенных. Меня спросили лишь о параметрах забора, высоте и сможем ли мы построить сами при наличии стройматериалов. Через полчаса хозяин пригласил нас и сообщил следующее: они берутся изготовить и вывезти в полк с понедельника по вторник бетонные столбы в количестве 500 штук, поперечные брусья и доски длиной 200 см и шириной 15 см. Расчет – деньгами в течение месяца или оказанием помощи осенью в уборке урожая. В этом случае Совет перечисляет ЖБК и ДОКу деньги из своего бюджета, если нас такие варианты устраивают. Разумеется, завтра – выходной, и мы будем платить рабочим зарплату в двойном размере, и только желающим поработать.

После плодотворных переговоров все вместе хорошо пообедали, не скрою, выпили. Пора возвращаться.

В воскресенье утром я убедился, что разметка проведена, ямы для столбов готовы, песок подвезен, емкости для замеса цементного раствора для каждой бригады готовы и заливать ямы будут по мере поступления столбов. В понедельник с утра стали прибывать машины со столбами и пиломатериалами, и дело пошло. Во вторник пришли последние машины, а в среду к вечеру забор был готов. И хотя покраска шла параллельно с устройством секций забора, последние покрасочные работы закончились лишь ночью. Забор стоял красивый, светло-зеленый, высотой два метра, как вкопанный. В течение ночи убрали на пилораму остатки старого забора, выгребли весь мусор, и, очевидно, поэтому создавалось впечатление, что это создание рук солдатских стояло давным-давно.

В 8 часов утра, в четверг, я докладываю комдиву, что в полку за прошедшие сутки происшествий нет, приказ командующего армией о постройке нового забора вокруг военного городка (у нас общий забор был только с танковым полком) выполнен. Комдиву такая «наглость» не понравилась.

– Слушайте, вы (комдив всегда ко мне обращался на «вы»), подполковник, мне не до шуток, сумеете построить забор к приезду нового главкома, будет нормально.

– Но мне было приказано построить в течение трех суток в вашем присутствии, вот я и докладываю.

– Начальству виднее, какие им приказы отдавать.

– Товарищ генерал, вы сами доложите командующему или мне доложить?

– Сколько вы с утра выпили? Вам что, делать нечего, кроме чем дурака валять?

– Да мне не до юмора. Я докладываю о выполнении приказа, а вы мне говорите, что я дурака валяю. Так что, теперь мне ждать командировки в психиатрическое отделение госпиталя?

– Нет, вам необходимо подождать меня.

На всякий случай вышел на «пяточок», где я обычно встречал начальство. Еще через 5-7 минут подал команду «Смирно!» и доложил комдиву по Уставу.

– Показывайте ваш забор, – сказал он, протягивая руку.

– Пожалуйста, поворачивайтесь на 180 градусов, вот он!

Молча прошлись вдоль периметра. Вернувшись на прежнее место, генерал улыбнулся, крепко пожал мне руку и уехал. Я был доволен, позвонил Хоффману и попросил приехать на ужин. Хоффман не замедлил приехать, осмотрел забор, я от души поблагодарил его, затем поехали ко мне домой, где пообщались за накрытым женой столом. Между делом я спросил его: как так быстро удалось изготовить бетонные столбы? Он улыбнулся и ответил, что у них в запасе лежало 600 столбов, приготовленных для строительства весной дополнительных загонов для скота на лугах.

С тех пор мы с председателем Хоффманом подружились навсегда.

...В первые дни пребывания в полку ко мне обратились женщины с просьбой выделить автобус для перевозки детей в школу, которая находилась в центре города. Я вызвал начальника автослужбы майора Гаврилова и попросил встретиться с начальником автослужбы дивизии, а если надо будет, поехать в армию и даже в штаб ГСВГ, но во что бы то ни стало выбить автобус, так как дети в любой день могут попасть под машину или просто заблудиться в городе.

Гаврилов отвечал, что вообще-то автобус в полку есть, но он неисправен и требует ремонта. Пошли к машине: автобус, брошенный технарями, стоял в углу парка. Недостатки, конечно, имелись: кое-где корпус помят, краска облупилась, двигатель не заводился из-за отсутствия аккумулятора, не переключались передачи. Двигатель представлял кусок металла с ржавчиной, обивка кабины и особенно сиденья были порваны, а протектор

молил о замене. Примечая каждый недостаток, я спрашивал у Гаврилова, можно ли заменить, разобрать, устранить своими силами; сколько времени необходимо для восстановления автобуса, чтобы комиссия во главе с зампотехом не выявила ни одного недостатка в техсостоянии и во внешнем виде. Начальник автослужбы ответил, что необходимо двое суток. Я дал ему трое суток, немедленно приказал эвакуировать автобус в реммастерскую и приступить к восстановлению силами ремроты. Через трое суток автобус был как новый. Вопрос перевозки детей в школу и обратно был решен.

13 января в полку произошло кое-что совершенно непредвиденное. После возвращения со службы домой позвонил дежурный по полку и доложил, что в парке что-то горит.

– Срочно поднимите по тревоге ремроту (она являлась штатной пожарной командой) и пришлите машину.

– Машина уже выслана.

Через несколько минут я был в парке. С возгоранием справился наряд по парку. Когда я заехал в парк, от транспортной машины ГАЗ-51, стоявшей на эстакаде для помывки машин, шел только пар. Вскоре прибыли начальник автослужбы и зампотех. Начали выявлять причину возгорания. Ничего, кроме короткого замыкания электроцепи, не нашли. Водитель заехал в парк последним, вымыл машину и оставил на эстакаде, поскольку с утра рано надо было выезжать. Такое с водителями бывало и ранее. Непорядок, конечно. Надо было что-то предпринять, иначе назавтра по всей дивизии и армии будет известно, что в нашем полку был пожар, естественно, из-за «отсутствия должного внутреннего порядка и неудовлетворительной службы войск».

Установили, что двигатель, коробка передач, сцепление, тормоза остались в рабочем состоянии. Посоветовавшись, решили: в течение вечера и ночи машину разобрать, вычистить, собрать заново, заменив по ходу неисправные и подгоревшие детали, электропроводку; проверить техническую исправность машины и заново покрасить. Все должно быть закончено к 7.00 утра. В ответе за выполнение – лично начальник АТС. Помощник начальника АТС капитан Н.С. Нестеров занимался обеспечением всем необходимым. Убедившись в слаженности работы ремонтников, уехал отдохнуть домой.

К 7 часам утра снова был в парке. Машина стояла на эстакаде, но совершенно новая. Завели, прокатили, вновь поставили

на место, обкатали водой, протерли ветошью, убрали вокруг. Кстати, и эстакаду вокруг машины за ночь не только привели в порядок, но и покрасили гудроновым лаком. Я поблагодарил ремонтников, особенно майора Гаврилова, объявил три дня отдыха и отправил их позавтракать.

В 8.00 докладываю комдиву, что в полку происшествий нет, все идет согласно распорядку дня.

– Подполковник, вы это всерьез?

– Так точно, товарищ генерал.

– А вы в парке были?

– Так точно. Вчера там на одной машине было короткое замыкание, была небольшая вспышка, на этом все и закончилось. Проводку исправили.

– Это вам так доложили. У вас полностью сгорела машина, весь полк тушил пожар, а вы об этом даже не знаете.

– Товарищ генерал, позвольте вам доложить, что вы не совсем правы. Боюсь, что ваши доносчики преувеличивают это недоразумение.

– Через пять минут я вам покажу, что у вас творится в парке.

Встретил генерала у КПП. Доложил. Пошли в парк. На фоне голубого неба с ярчайшей звездой, называемой народом солнышком, и звуков строевых песен подразделений, возвращавшихся из столовой, ничего не предвещало грозы. Подошли к эстакаде. Никаких следов возгорания, естественно, не было. На эстакаде стояла совершенно новая транспортная машина. Генерал потребовал техпаспорт. Сверил номер двигателя с номером в техпаспорте. Приказал завести. Майор Гаврилов сел в кабину и с первого нажатия на стартер завел машину. Заглушили. Подошел ко мне, с лукавой улыбкой посмотрел мне в глаза и, не сказав ни слова, крепко пожал мне руку. Затем сел в свою вишневую «Волгу» и уехал. Я тут же объявил нашим офицерам, что с сегодняшнего дня руки не мою, так как за четыре месяца генерал уже в третий раз пожал мне руку.

В то же время штаб дивизии во главе с Мачегорой не дремал. Через неделю получил приказ командира дивизии №013 (!) от 14.01.72 г., в котором «за запущенность воспитательной работы с водителями и низкую работоспособность и отсутствие контроля за эксплуатацией автотракторной техники» мне был объявлен выговор, который был снят аж 19.11.1972 г. Как позже выяснилось, этот приказ с такой нелепой формулировкой сочинили зампотех дивизии и начальник штаба дивизии, даже не

побывав в парке, а комдив такой приказ и не подписывал. Приказ остался в силе, не подписанный, и начальник секретной части переслал в полк выписку из этого «приказа», подписанную начальником штаба. «Что хочу, то и делаю» – таков был принцип работы этого горе-офицера. Так, для сведения.

В то утро, проводив комдива, я из парка не ушел. За прошедшую половину суток через мои мозги прошло множество проблем, связанных с возгоранием машины. И среди них – главная: что необходимо сделать, чтобы не только быстро потушить очаги возгорания где-либо, но и вообще исключить возникновение пожара? Вспомнил, как главком генерал С.К. Куркоткин преодолевал в ботинках глинистые «болота» между хранилищами, невозможность общаться с командирами из-за отсутствия селекторной связи, неустроенность парка боевых машин. После разговора с нашими технарями пришли к трем серьезным выводам.

Первое. Необходимо построить технологическую линию, начиная с контроля за выпуском машин и кончая проверкой их после возвращения в парк, обслуживания и проведения текущего ремонта. Первоначально решили, что основная часть этой линии должна проходить в тылу парка, между линией хранилищ и забором. Однако при реализации плана буквально через несколько дней мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами: при рытье экскаватором котлована в земле обнаружили огромный склад боеприпасов с противотанковыми «фауст-патронами» (ракетами). Как только доложили об этом, я немедленно отправился на место и увидел десятки этих снарядов. Приказал одну команду отправить на войсковое стрельбище с экскаватором, чтобы отрыть в глубине яму для уничтожения снарядов. Посоветовавшись с майором П.А. Аникиным, решили насыпать песок на «Урал», и силами саперов, соблюдая осторожность, под нашим наблюдением погрузить боеприпасы на машину. Затем вывезли на полигон и там взорвали. Взрывы были, как говорят, будьте здоровы! Вернувшись, все отрытое засыпали землей и больше там, кроме тыльного маршрута эвакуации (выхода по тревоге), ничего не строили. Конечно, ничего «наверх» не стали докладывать. Иначе наше рабочее время было бы расстрачено на выяснения, разборы, эвакуацию личного состава и техники полка, а не на кардинальное решение вопросов, то есть на мелкую суету. Знал наш контрразведчик, а значит и комдив, но поскольку никаких звонков не было, значит, мои действия были правильными.

Пришлось находить другие пути решения устройства технологической линии. В результате получили две автономные линии. Первая – для колесных машин, вторая – для гусеничных. В итоге ни одна машина в хранилища не ставилась не обслуженной и не проверенной на техническую исправность, включая учет расхода моторесурсов, горючего, состояние аккумуляторов и воздушных баллонов.

Второе. На случай возникновения пожара необходимо было проверить на БМ и автомашинах, а также в хранилищах, наличие и исправность всего противопожарного оборудования (ППО): как штатного, так и группового. Освободить боксы с запчастями и всю территорию от разного хлама, проверить электрооборудование, включая проводку, выключатели и розетки, предохранители и т.п. При входе в парк даже весь личный состав выворачивал карманы на случай, чтобы у них не оказалось спичек. С этой задачей мы справились довольно в короткие сроки. В это же время была создана внутри парка селекторная и телефонная связь.

Третье. Необходимо было, на случай возможного пожара, определить четкую организацию эвакуации всей техники из парка с исключением встречных потоков не только колонн подразделений, но и одиночных машин. При этом схема эвакуации техники и вооружения должна была полностью совпадать с планом выхода полка по тревоге из военного городка, включая организацию ПВО. Схема эвакуации была разработана лично мною на крупномасштабной схеме военного городка, доведена до офицерского состава и был отработан порядок выхода всей техники, при котором как гусеничная техника, так и колесная, двигаясь по часовой стрелке, выходила по двум маршрутам, что вдвое сокращало время. ТСЗ сначала неоднократно провели «пешим по машинному» с офицерским составом, затем со всем личным составом, и отдельно с командирами подразделений – с въездом и выездом командирских машин в различных условиях обстановки, пока не добились полной слаженности действий и четкости управления.

Тыловые и специальные подразделения, размещенные вне парка, имели свои выходы на маршруты, пролегавшие по дорогам с твердым покрытием. Следует сказать, что подразделения и части на гусеничной тяге во всей ГСВГ, за редким исключением, никогда не выходили на автострады и асфальтированное шоссе, то есть все учения обходились для населения практически без ущерба. Для проведения учений выходы на практические

стрельбы и вождение боевых машин (так называемые «танковые маршруты», проходившие по лесным и полевым дорогам) были согласованы с местными властями.

Для того чтобы эвакуация техники (выход из парка по тревоге) проходила организованно, необходимо было ею управлять. Тренировки показали, что управлять надо было с места, откуда виден весь парк БМ. Представьте ситуацию: например, две первых роты, которым следовало первыми покинуть парк, находятся в наряде (в караулах), или когда рота или батальон находятся на учениях, или механики-водители одного из батальонов находятся на бронедrome на вождении БМ. Таким образом, в каждый данный момент времени для эвакуации, как и для выхода по учебной или боевой тревоге, необходимо твердое управление этими процессами, которое бы учитывало любую ситуацию.

Поэтому было решено построить посередине парка командный пункт (КП) полка. С его первого этажа можно было управлять эвакуацией техники при пожаре или другого стихийного бедствия, а также при выходе на учения. С подземного этажа было возможно управление действиями подразделений при вводе различных степеней боевой готовности, в том числе и в ППД в условиях возможных авиационных ударов противника. Само собой, на КП была подведена селекторная связь с командирами подразделений, прибывшими в свои хранилища, а также телефонная и радиосвязь.

И четвертое. Необходимо было обустроить территорию всего парка боевых машин, как, впрочем, и территорию полка, чтобы по прибытии подразделений для обслуживания техники обстановка в парке радовала глаз солдата, и он работал бы на своей машине с удовольствием, а не из-под палки. Что касается территории, мы, конечно, поддерживали ее в чистоте, но не было шарма, гармонии, симметричности, привлекательности. Поэтому вскоре была составлена крупномасштабная схема всего городка, на которую нанесли наиболее существенные элементы оформления и благоустройства.

В полку не было ни дизайнеров, ни специалистов-озеленителей, ни архитекторов. Поэтому единственным дизайнером было суждено стать командиру полка. Пришлось опираться не на знания, а прежде всего на практический опыт службы в шести военных городках. Все лучшее и оригинальное в благоустройстве уже увиденных городков было привнесено в дизайн своего род-

ного полка. Ушло несколько дней, чтобы на месте решить, что и как сделать, записать детали оформления каждого уголка парка и территории городка с определением конкретных задач командирам подразделений. Еще один день ушел, чтобы поставить им на месте конкретные задачи и меры по обеспечению необходимыми материалами, саженцами, краской и т.д. Неделя понадобилась для обеспечения всем необходимым и еще три дня для воплощения в реальность задуманного. Парк боевых машин и военный городок в целом стали неузнаваемыми!

Итак, прежде всего в парке были «огорожены» все свободные участки земли. Ограждение представляло собой серию столбиков из двухдюймовых труб высотой 40 сантиметров через каждые 3 м и покрашенные через 10 см в парке – в черный в сочетании с белым, а в жилой зоне – в сочетании красного цвета с белым. Столбики соединялись между собой обычными легкими цепями, наподобие тех, которые используются для «обувки» автомашин «ВАЗ» для повышения проходимости в распутицу или гололед в сельской местности. Цепи мы нашли в одном из «загашников» в парке. Их оказалось много, и мы посчитали, что они были заготовлены для «обувки» колесной техники для движения по танковым маршрутам, но с поступлением вездеходов надобность отпала. После того, как цепи навесили на приваренные к столбикам крючки, их покрасили серебрянкой. Получилась символическая ограда.

Огороженные участки засыпали перегноем и засеяли газонной травой: вскоре мы увидели шелковистые изумрудные ковры, и ни одна нога солдата больше не ступала на газон. В парке боевых машин вдоль дорог между двумя рядами хранилищ, внутри ограждения посадили через каждые пять метров голубые ели высотой 1,5-2 м, строго соблюдая направленность ветвей по сторонам света. Ёлочки очень быстро принялись. Образовался симпатичный сквер посреди парка: сочетание деревьев, цветочных клумб разной формы и цветочных рядов по периметру ограждения. За пять с половиной лет моей службы в ГСВГ даже во время тревог ни одна машина не нарушила границ этого скверика.

Спустя 17 лет по приглашению немецких друзей мы с женой побывали в ГДР накануне ее ликвидации; я улучил минутку, чтобы посетить свой полк. Прибыв туда, у меня вдруг появилось ощущение безысходности, стыда и позора. Какие там цветы! Территория полка «плакала», настолько была запущенной. Когда же я заглянул в парк, мне стало плохо, я даже подумал, что

вот-вот откажет сердце. Вместо сквера на земле раскиданы куски металлолома, в том числе десятка полтора брошенных гусениц. Никаких цветов и клумб, мало того, ни одной голубой ели!

Спрашиваю командира полка:

– Здесь же был сквер, посажены и росли сорок голубых елей. Куда они делись?

Командир отвечает:

– Их приказал выкорчевать и выбросить командующий армией. Он сказал, что не место в парке цветам и деревьям.

– Кто сейчас командармом? – спросил я.

Оказалось, генерал Лушенков, учившийся со мной одновременно в академии Генштаба. Кто этого «эколога» поставил командармом и за что, не ведаю. Едва ли бог простит ему это преступление. (Если он есть, конечно.)

Я обвел взглядом парк: то в одном, то в другом углу торчали брошенные грязные БМП, автомашины – непрошенные слезы потекли ручьем. Сел в машину и побыстрее уехал с места, где когда-то был лучший полк в Советской Армии. Я не плакал со времени смерти отца. Наши солдаты никогда не оскверняли все красивое, и особенно то, что доставляло духовное наслаждение и восхищение, тем более, если это делалось их же руками.

...Голубые ели мы посадили и перед строевым плацем, и за ним. Плац покрыли заново асфальтом и расчертили согласно методическим рекомендациям УВП ГСВГ. В озеленении принял активное участие и женсовет части. Так появились цветники и клумбы перед казармами, штабом, солдатским клубом и строевым плацем. При этом жены офицеров каждого батальона стремились к тому, чтобы их клумбы и цветники выглядели лучше, чем у других. Они же приняли активное участие в оформлении ленкомнат, особенно в подборе занавесок и гардин.

Наш солдатский клуб представлял собой одноэтажное здание удлиненной формы, переделанное когда-то из конюшни и оснащенное разломанными кресло-скамейками, одной занавесью неопределенного цвета на сцене и потемневшим экраном. Мы пригласили дизайнеров из Шверинской мэрии в порядке шефских связей. Для ремонта мебели, дверей, окон собрали десять человек, имевших профессии столяр-краснодеревщик и маляр. Через месяц наш клуб превратился в добротный концертный зал: блестящие, лакированные спинки кресел гармонично сочетались с оттенком гардин на окнах, штор и занавесок в глубине сцены; оригинальные бра на светлых стенах перекликались с

сияющей цветами золота и хрусталя люстрой посреди белоснежного потолка; гармонировали даже ковролин на полу и оркестровая яма. Если раньше после сеанса кино из зала выносилась куча мусора, то после ремонта каждый солдат старался блюсти чистоту. Да и нам не стыдно стало приглашать гостей на концерты участников художественной самодеятельности, в котором кроме солистов и танцоров блистал хор офицерских жен, по музыкальным способностям подобранных дирижером полка. Как-то товарищ Питч, мэр города Шверина, после празднования дня Советской Армии и ВМФ спросил меня: «Товарищ Александров, откуда вы набрали в свой хор столько молодых и красивых женщин?» Я ответил: «В СССР у нас все такие». Действительно, жены наших офицеров и в самом деле были самыми молодыми и самыми красивыми во всем городе потому, прежде всего, что офицерский состав нашего полка был моложе остальных офицеров дивизии на десять лет.

Кардинально обновили офицерскую столовую, и особенно солдатскую чайную, буфетчицей в которой работала Татьяна Иванова, жена командира третьей минометной батареи. Она умела подобрать в военторге такой набор продуктов и напитков, что зал чайной с горячим самоваром на каждом столе всегда был полон. Солдат притягивало не только разнообразие бутербродов, десертных изделий, вкус кофе, различных сортов чая, но и чисто русская красота, радушие, доброта и забота хозяйки чайной.

Как-то, узнав о наших сложных взаимоотношениях с партполитаппаратом в прошлом, полк посетил вновь назначенный начальник политотдела – член ВС армии генерал-майор Б.П. Уткин. Убедившись после короткой беседы со мной, замполитом и новым секретарем парткома П.Малаховым в том, что более проблемы по этому вопросу не существуют, Борис Павлович попросил показать ему полк. И вот после показа техники, проходя мимо сквера и голубых елей, он спросил меня:

– Вы, наверное, товарищ Александров, очень гордитесь вашей первоклассной, безусловно, лучшей в дивизии, техникой?

– Да, конечно. Я каждый рабочий день начинаю с осмотра всего парка и все горжусь, горжусь и горжусь. Сколь тружусь, столь и горжусь. Каждый день.

– Оказывается, командир полка еще и с юмором. Мне рассказывали, что с тех пор, как вы прибыли в полк, ни разу не улыбнулись?

– Пока улыбаться не на что, товарищ генерал-майор. Но я

надеюсь, что со временем будет улыбаться весь полк, если только не будем впустую тратить отпущенное нам время. Тем не менее, намек ваш я понял, и должен всерьез подумать над ним.

Вечером, после рабочего дня, задумался: почему я так изменился? Ведь в свое время я был заводилой и тамадой в любой компании, мы никогда не скучали с товарищами как на службе, так и вне. Несмотря на зигзаги судьбы и связанные с ними радости и неприятности, я слыл общительным и веселым человеком. Видимо, борьба за самоутверждение, естественное стремление выжить и показать свои организаторские и командирские способности при тенденциозном отношении ко мне со стороны старших начальников с целью убрать с должности, унижительное обращение сделали свое дело: я стал, как мне думалось, черствым, грубым, замкнутым и недовольным всем. Перестал замечать удивительное вокруг, как следует поощрять личный состав за хорошие деяния.

В эту ночь я не спал. Зато принял твердое решение стать вновь самим собой, несмотря ни на что, ибо мое подавленное или хмурое настроение переходит к подчиненным, а они ни в чем не виноваты. Решил свою правоту перед начальством доказывать не словами, а делами, на хамство не отвечать тем же, а «закрывать на замок» и язык, и душу – в общем, «обуздать» темперамент. Утром пошел на службу совершенно другим человеком: в хорошем настроении, с желанием работать еще лучше и уже первого встречного, а им был дежурный по полку капитан Алавердов, я похвалил за порядок и отличный внешний вид. Жизнь пошла веселее. Вот что значит для человека одно доброе слово или пожелание старшего товарища. Спасибо Борису Павловичу, его совет мне очень помог. Кстати, хороший был член Военного Совета, один из немногих.

Посоветовавшись со своими заместителями, комбатами и начальниками родов войск и служб (НРВиС), решили Новый год встретить вместе с семьями офицеров в офицерской столовой полка. Все офицеры поддержали это предложение. Не попали на вечер только те, кто, согласно графику, должны были заступить в наряд и ответственными по полку и батальонам. Офицеров заранее предупредили, что те, кто выпьет лишнего, будут доставлены домой на ГАЗ-69. Для этого была создана группа из трех совершенно непьющих офицеров во главе с командиром разведроты.

Ровно в 22 часа (24.00 – по московскому времени) все офице-

ры полка поздравили личный состав, вручили праздничные сувениры. К этому времени уже были накрыты столы в ленкомнатах: с чаем, сладкими напитками, фруктами, конфетами, печеньем. После поздравления чай продолжался и начинался концерт художественной самодеятельности роты (батальона), затем артисты шли в соседнюю роту; и так – до отбоя, то есть до 24.00 по местному времени. Офицеры собрались за праздничным столом в 23.00 и отметили Новый год по местному времени. Вечер прошел весело, дружно: много пели, танцевали, плясали, слушали сольные выступления наших лучших певиц и танцовщиц.

Так же вместе мы встречали Дни Победы в 1972-1973 годах. При этом ни одного мало-мальски значимого недоразумения во время этих праздников не происходило, зато такие встречи способствовали сплочению офицеров, и не только. Эти вечера сближали начальников с подчиненными, способствовали взаимопониманию между ними, создавали благодатный климат доверия и взаимной ответственности за положение в деле повышения боевой готовности полка.

За годы службы в армии я наблюдал, как с начала шестидесятых годов шел процесс отрыва интересов и устремлений старшего офицерского состава от младшего, от генералитета, руководителей предприятий и совхозов, районного и областного начальства от рабочих, крестьян и интеллигенции; руководства партии и страны от нужд и потребностей народных масс. В армии особенно старались в этом деле политработники, а в стране – партийные функционеры, читавшие каждые полгода лекции, проводившие семинары и конференции о необходимости возрастания руководящей роли партии. Особенно старались в этом деле генералы Епишев и Волкогонов, в масштабе страны – А.Яковлев, один из виднейших предателей социализма. В этом процессе высший начальник, высшая инстанция переставали быть организующей силой, а становились контролерами за соблюдением ими же «спущенных» приказов и директив. На гражданке власть все больше и больше захватывала торгово-«дерьмократическая» плутократия, точнее, торговая мафия, обогащавшаяся за счет спецраспределителей и спецмагазинов, искусственного создания дефицита ходовых промышленных и продовольственных товаров. Вспомните Александра Невзорова, который показывал по ТВ горы свежей колбасы, вывозимой машинами на свалки мафией ради того, чтобы вызвать недовольство существовавшим строем.

Высшая цель партии – «все во имя человека, все для блага человека» – подменялась демагогией, реальные дела показывали так называемый застой. Нам, служившим в ГДР, было обидно видеть, как побежденная нация жила по всем параметрам на порядок лучше, чем мы. Полному расцвету социализма в ГДР мешала, конечно же, не Берлинская стена, а стена ненависти империалистических стран во главе с США. Для свержения существующей власти эти страны использовали все: драконовские ограничения в торговле, внедрение «пятой колонны», клевету, истощение ресурсов соцстран постепенно навязываемой гонкой вооружений.

Вот когда нужны были руководители нового типа. Но среди руководимых Хрущевым людей таковых не нашлось: Леонид Брежнев начал хорошо, но подхалимское окружение, завесив орденами всю его грудь, превратило в живую куклу, а он, потеряв классовое чутье, поверил в демагогию Хрущева, что мы и впрямь идем к коммунизму. Прошли 70-е годы, наступили 80-е, а нужного руководителя все не было. Так терялась вера в партию и руководство страны. Хотя, ради объективности следует сказать, что медленно, но неуклонно жизненный уровень населения страны повышался. Пришедший на смену Константину Черненко новый лидер Михаил Горбачев оказался таким некомпетентным, неграмотным в партийном и хозяйственном отношении, таким безвольным пустомелей и никудышным организатором, что помог этими «достоинствами» ЦРУ в несколько лет осуществить контрреволюционный переворот. Скажем так: изменника такого масштаба идеям цельной научной системы, партии и государства «краше» Горбачева история человечества еще не знала. Не зря на выборах Президента России он получил менее одного процента голосов. Добавлю, что и новое руководство страны привело к полному краху не только СССР, но и всей российской империи, созданной по кирпичикам правителями государства, начиная с Ивана III; к гибели миллионов людей от голода и безысходности, к разложению морали общества, к нищете и разорению страны.

Не завидую нынешнему Президенту: он поднимает Россию со дна. Но сумел же Сталин восстановить после войны народное хозяйство за несколько лет, отменить карточную систему и снизить цены в десятки раз! Бог в помощь!

5. Нас бьют, а мы крепнем

Новый учебный год начинался с 1 декабря. И в декабре, даже в такой благодатной стране как Германия, подули ветра с Балтики, погода стала неуютной, изменчивой, похолодало. Проведенные стрельбы показали – успехи были временными и неустойчивыми. Когда на пультах управления участковы вышек стали изменять программы порядка показа целей, и оператор-наводчик (пулеметчик, гранатометчик) не мог заранее знать расстояния до цели, а скорость ветра менялась в день от 5-10 до 15-20 м/сек., результаты стрельб оказались на уровне «тройки», а в плохую погоду – и вовсе неудовлетворительными.

Было выявлено, что прибывшие осенью командиры отделений и операторы-наводчики из учебных подразделений имели весьма смутное, а точнее – нулевое представление о правилах стрельбы, особенно по движущимся целям, по определению поправок на ветер, угол движения цели. Другими словами, наставление по основам и правилам стрельб из БМП просто не изучали. Учили же выпускников учебных частей методом «натаскивания», – более частого выполнения учебных стрельб, особенно перед экзаменами. Мне, как командиру полка, пришлось сидеть в то время ночами, чтобы разработать такую организацию проведения СТ и ТСТ, занятий по выполнению учебных стрельб для обеспечения высокой эффективности применения оружия и в то же время возможности обучения подчиненных своими командирами. Были проведены специальные занятия по наиболее важным вопросам основ и правил стрельбы. Особое внимание было уделено обучению стрельбе операторов-наводчиков из пушки «Гром» и гранатометчиков. Дело в том, что как и 73-миллиметровый выстрел из пушки, так и граната РПГ-7 имеют свойство при выстреле менять траекторию и отклоняться от цели в сторону против направления ветра («пули-наоборот»).

При стрельбе из гранатомета стреляющий из-за резкого и громкого звука выстрела обычно вздрагивает, что приводит к изменению точки прицеливания: в результате граната летит мимо цели. Следует иметь в виду, что если цель (танк, БТР) не поражена первым выстрелом, то в настоящем бою второго выстрела уже не будет – стрелок погибнет от огня обнаружившего его противника. Поэтому важно обучать гранатометчиков поражению цели с первого выстрела. Чтобы привыкнуть к звуку выстрела, нужны навыки и большая практика. Если учесть, что вы-

стрел имитационной гранаты стоит несколько тысяч рублей, то получалось накладно и приводило к перерасходу отпущенного лимита на боеприпасы. В связи с этим мною была поставлена задача начальнику артвооружения полка капитану Б.В. Третьякову придумать приспособление, имитирующее на тренировках истинный звук выстрела из гранатомета. И Третьяков блестяще справился с задачей, для этого он использовал подходящий ствол, дешевый взрывпакет патронного типа и обычный 7,62-миллиметровый холостой патрон. Результаты испытаний на последующих тренировках превзошли все ожидания. Кроме того, для закрепления навыков обучения стрельбе боевой гранатой в глубине стрельбища на удалении 300 метров мы поставили снятую с танка Т-34-85 натуральную башню, которую периодически смещали на 350-500 метров. С тех пор наши гранатометчики стреляли только на «отлично».

Нелегкой задачей являлось обучение личного состава стрельбе ночью, по вспышкам выстрелов «противника». Третьяков и в этом вопросе технически обеспечил безусловное решение проблемы. Помимо удобных заводского изготовления планок для прицела и мушки с нанесенными на них фосфорными отметками, он придумал приспособление – электропакет, обеспечивавший быстрое обучение стрельбе ночью из автоматов и пулеметов без использования боеприпасов. На станок Волкова закреплялась обычная плоская батарейка, к которой припаивались два провода, по 5 метров каждый, соединявшиеся с лампочками в 2,5 вольта, установленными на уменьшенных мишенях, пропорционально сокращенных расстоянию до них. Создавалась электрическая цепь с использованием небольшого реле; при ее включении лампочка начинала «мигать» 3-5 секунд с интервалом в 10-15 секунд. При правильном прицеливании в цель и плавном спуске курка (без дергания – что очень важно при стрельбе) цепь замыкалась и лампочка выключалась. Все просто. Таких приспособлений было изготовлено по 2 штуки на каждую роту. Их устанавливали в период личного времени прямо в ленкомнатах, и каждому солдату хотелось побаловаться и показать, какой он меткий. В конечном итоге, наши пулеметчики и автоматчики упражнения учебных стрельб в ночное время стали выполнять лучше, чем днем.

Кстати, оба приспособления мы посылали на выставку изобретательской и рационализаторской работы в армии и ГСВГ, но никто не поинтересовался и не спросил чертежей и результатов

испытаний. Между тем, созданная нами система тренировок, использование в полной мере электронных тренажеров и всего комплекса объектов учебно-материальной базы, а также учебных приборов и рационализаторских приспособлений, принесли совершенно уникальные и неожиданные плоды. На всех последующих с весны 1972 года проверках полк получал, впрочем, как и по вождению боевых машин, только отличные оценки – легко, без напряжения, несмотря на все капризы проверяющих офицеров-боевиков. Мало того, личный состав перекрывал существовавшие нормативы по действиям при оружии на 15-20 процентов.

Могу уверенно, не хвастаясь, утверждать, что каждый офицер, сержант, солдат стрелял только отлично; «четверки» были исключением, «тройки» – недоразумением. Это был итог огромной организованной и продуманной работы всего офицерского состава по обучению подчиненных. Было проведено немало показательных занятий, в ходе которых отработывали их организацию с точки зрения эффективности, наиболее удачные приемы и методы обучения личного состава. Одно из таких занятий по огневой подготовке мы провели накануне Нового года: оно оказалось очень полезным. Естественно, высокая интенсивность боевой подготовки отнимала много сил, но придавала дополнительные заряды энергии. Я уходил со службы в 22-23 часа, если не был на ночных занятиях или стрельбах (тренировках), вставал в 6.00, в 7 утра был уже в полку. Прошло еще 2-3 месяца, когда «заработал» строго продуманный рабочий ритм, даже с выходными и праздничными днями.

Начальству важен был результат. Должен отметить, что комдив работал тоже в полную силу. Иногда и его отвлекали от работы. Был такой случай – и смех, и грех. Утром 2 января позвонил комдив и сообщил, что завтра приезжает один из заместителей Главкома ГСВГ генерал-лейтенант Н.З. Мясоедов и надо организовать для него охоту на кабана в ближайшее воскресенье. Я ответил, что для этого мне надо срочно выехать в Гадебуш. Он разрешил, хотя я до сих пор удивляюсь, почему это дело поручил мне, а не коменданту гарнизона. Приехали с женой в Гадебуш к Э.Хоффману, он встретил нас как родных. Мы сказали, что приехали поздравить их с Новым годом, пожелать доброго здоровья, счастья и благополучия. Вручил сувениры, посидели пару часов, и уже перед выездом в Шверин спросил Эрвина, можно ли организовать в ближайшее воскресенье охоту

на кабана в ближайшем от Шверина охотхозяйстве их района. Хоффман спросил, с кем я буду. Ответил, что меня не будет, но когда спрашивал разрешения у комдива выехать к вам, он попросил поинтересоваться по этому вопросу, что я и делаю.

– Так что, ваш комдив приедет?

– Возможно. Он говорил, что к нему едет в гости какой-то генерал-лейтенант.

После этого Хоффман позвонил одному из председателей кооперативов (председатели были одновременно руководителями охотколлективов), о чем-то переговорил и сказал, что я могу передать комдиву: охота будет организована в местечке N, там их встретят в 9 часов утра.

Кроме того, не для передачи комдиву, он сообщил, что кабаны для генерал-лейтенанта обязательно будут, и все зависит от того, умеет ли тот стрелять. Охота состоялась; встретили Мясоедова и сопровождающих его лиц строем охотников с ритуальными для начала охоты приветствиями и трубными звуками охотничьих рожков. После чего следовали инструктаж и развод по номерам. Мясоедов и егерь разместились рядышком (30-50 м) на опушке дубовой рощи, от которой через поле находился большой лес. Вскоре загонщики выгнали из рощи пару кабанов, но те были далеко для прицельной стрельбы. Вдруг в 20-30 метрах от Мясоедова выскочил и побежал через поле небольшой кабан – 80-100 килограммов весом. Точным выстрелом высокий гость сразил кабана наповал. На этом стрельба закончилась. Затем было чествование победителя в охотничьем домике, и к вечеру охота завершилась. Хоффман рассказал мне, что у них сложилась интересная традиция: чтобы стать настоящим охотником, надо побыть в роли ученика три года, а быть учеником – это значит быть на охоте загонщиком, которым разрешалось иметь оружие, но не разрешалось стрелять. И если ученик в лесу смог поймать своими руками даже небольшого кабанчика и скрутить его, он становился охотником. В ту охоту как раз один из учеников накануне поймал кабана, которого и выпустили для Мясоедова. Ученик – холостой парень 20-22 лет ростом под два метра и весом 120 килограммов с руками-лапами, мог бы меня, к примеру, посадить на свою ладонь. Богатырь, одним словом.

3 января (это до охоты) я поехал, как обычно, к 8 часам утра на полигон. Занятия начались своевременно, проходили тихомирно, как мы и отрабатывали на показательных занятиях перед Новым годом. Каждый офицер, сержант, солдат делал свое дело:

тренировался или стрелял. Около 11 часов дня подъезжает прямо к центральной вышке войскового стрельбища вишневая «Волга» комдива и из машины выходят генерал-лейтенант Мясоедов с комдивом и майором – офицером оперативного отделения. Генерал поздоровался со мной и подошел к очередной смене стреляющих у участковой вышки директрисы БМП. Комбат доложил по Уставу, что очередная смена готова к стрельбе.

– Пожалуйста, вот вы, рядовой Сидоров, покажите, сколько у вас винтпатронов.

– Восемнадцать, товарищ генерал.

– Сколько положено по курсу стрельб на упражнение?

– По Зуус положено 35 патронов, товарищ генерал.

– Тогда в чем дело?

Отвечает комбат Бибен:

– Товарищ генерал, у нас идет не выполнение упражнений по курсу стрельб, а стрелковая тренировка.

– Какая разница?

– Разница в том, что на стрелковых тренировках мы учим солдат решению огневых задач с ограниченным количеством боеприпасов.

– Командир полка, у вас что, боеприпасов не хватает?

– Так точно. Лимит прошлого года мы выполнили на 115 процентов, и то за счет других частей дивизии.

– Значит, надо поднять качество проводимых занятий.

– Стараемся, товарищ генерал.

– А почему у командира полка, комбата, ротного нет противогазов? Положено их иметь по курсу стрельб?

– Так точно, положено, как во время проведения учебных стрельб, так и на СТ у всех обучаемых. Мы же трое – обучающие, берем противогазы во время проведения командирских занятий, когда сами становимся обучаемыми или тренируемыми.

– Говорун вы, однако, подполковник!

– Виноват, товарищ генерал, но мы курс стрельб не нарушаем; весь личный состав имеет свои противогазы.

– Виноватых бьют, товарищ подполковник. А где пистолеты у офицеров? Снова нарушение курса стрельб?

– Товарищ генерал-лейтенант, у всех обучаемых, кому положено по штату иметь пистолеты, они имеются, а именно у механиков-водителей, гранатометчиков, операторов-наводчиков и на огневом городке имеется учебная точка по стрельбе из пистолета.

Не мог же я доложить, что в целях исключения потерь оружия комдивом был отдан приказ: пистолеты офицерам брать только на зачетные стрельбы. Генерал продолжил, обращаясь к комдиву:

– Петр Степанович, вам не кажется, что на стрельбище тишина: кроме очередей не слышно ни команд, ни сигналов. Товарищ подполковник (уже обращаясь ко мне), ваш батальон к занятиям совершенно не готов. Я вам приказываю к завтрашнему утру подготовить и провести показательные занятия для всех офицеров полка по выполнению учебных стрельб, а мы посмотрим, можете ли вы вообще что-то толково организовать.

Мне оставалось только ответить: «Есть!» Я подумал еще: «Брякнул генерал, показывая свою власть, а не подумал, что же будут делать около двух тысяч солдат и сержантов, если все офицеры будут на показательных занятиях». Любое показательное занятие проводится лишь для определенной категории офицерского состава. Собственно говоря, подготовка и проведение показательного занятия – очень сложное и трудоемкое дело. На подготовку, например, показательного занятия по огневой подготовке необходимо не меньше недели; тактического учения без боевых стрельб – не меньше двух недель, а с боевой стрельбой – около месяца. У нас такого времени, кроме отпущенных 16-18 часов (включая ночь), не было. Поэтому я собрал офицеров батальона и довел до них требование генерала, добавив, что занятие проводим по плану, документам, по той же методике и точно так же, как они были проведены накануне нового учебного года. Дополнительно нужно иметь полную экипировку: личное оружие, включая автоматы и пистолеты, противогазы для всех офицеров; боеприпасы, согласно упражнениям курса стрельб, на всех учебных точках; вместо учебных гранат иметь боевые, для гранатометов иметь инертные гранаты и боевые – на учебной точке по обучению по реальной цели; все команды офицерам и сержантам подавать так громко, чтобы было слышно на километр; все перемещения – только строевым шагом; 25 процентов винтпатронов к стрелковому оружию иметь с трассирующими пулями; побольше флагов и флажков; всем надеть повседневное обмундирование; рабочее, которое обычно брали на СТ и ТСТ, оставить в казармах; экипажам танков и БМП – обмундирование (комбинезоны), положенное по штату; всему личному составу выписать хороший допшаек; сигналы по селекторной громкоговорящей связи дублировать сигнаlistsу с трубой. Я попросил закончить занятия,

убыть в полк и подготовить личный состав и все необходимое для показательных занятий. В качестве слушателей привлечь командиров взводов, замкомандиров рот по политической и технической части, комбатов, офицеров-общевойсковиков из управления полка. Командиры рот остаются в ППД и проводят занятия с личным составом в соответствии с расписанием занятий.

На другой день все стреляло, грохало, гремело; команды подавались через мегафоны и без; внешний вид был безупречен, личный состав щеголял строевой выправкой на всех участках, повсюду мелькали совершенно новые кумачовые красные и желтые флажки. Во время перерыва через громкоговорители звучали на весь полигон песни Советской Армии времен Великой Отечественной войны. Короче, генералам нужна была показуха, и мы ее выдали. Но хотел бы выделить главное: на показательное занятие комдив привез все оперативное отделение и поставил на всех участках контролеров с целью выдать объективную оценку при выполнении стрельб. «Двоек» не было! «Троек» – минимум, остальные – «четыре» и «пять». Не дождавшись окончания занятий, не сказав ни слова ни о плохом, ни о хорошем, генералы в хорошем настроении уехали к себе. Им надо было ехать готовиться к охоте. Надо уметь за одну командировку выполнить три задачи: вскрыть недостатки, провести показательное занятие и хорошо поохотиться. Думаю, что генерал Мясоедов о последнем действии Главкому не докладывал. Самое интересное я узнал, прибыв в штаб полка.

Секретчик принес приказ комдива №03 от 4.01.1972 г. о том, что «за проявленную безответственность, приведшую к плохой подготовке и проведению занятий, к несвоевременному их началу и даже срыву» мне был объявлен выговор. Каков стиль! Позже выяснил, что майор, присутствовавший на занятиях, по прибытии в штаб доложил взахлеб от радости начальнику штаба подполковнику Мачегоре и тот тут же приказал сочинить приказ, который уже 4 января в 9.00 был в полку. Вот такой был тогда в его глазах неуважительный, недисциплинированный командир полка.

Позвонил комдиву:

– Товарищ генерал, я получил ваш приказ о моем наказании. Можно ли узнать, он – за сегодняшнее показательное занятие или вчерашнюю стрелковую тренировку, которая проводилась под руководством комбата, и по моей оценке – очень удачную?

– Какой еще приказ? (Слышу, по селекторной связи вызывает начальника штаба.)

– Приказ №03 от четвертого января привезли в штаб утром.

– Разберусь, я не подписывал никакого приказа, но если он подписан, значит – за дело, за вчерашнее занятие.

– Но оно началось своевременно, в 8.00 утра; вы же приехали около 12 часов, то есть в конце СТ, и тем сорвали занятия вместе с генералом Мясоедовым.

Крик в трубку:

– Ты – наглец, молчать!

– А вы не тыкайте, я вам не тыкало.

И положил трубку.

Это взыскание, не подписанное или подписанное комдивом после разговора по телефону, было снято лишь 4.10.1972 года. Надо признать, что если подготовка мотострелковых и танковых подразделений, разведроты и подразделений ПВО во главе с начальником ПВО подполковником С.П. Ромасом наладилась и шла вполне успешно, то обстановка с подготовкой артиллерийских подразделений проходила не так, как хотелось бы; можно сказать, их лихорадило. Прибывший на повышение из артполка дивизии новый начальник артиллерии полка Н.Ф. Щука пребывал в какой-то болезненной эйфории. Бывший в артполку заместителем начальника штаба, он ежедневно заходил ко мне с докладами, какую большую работу проделал, чаще – с жалобами на командиров мотострелковых батальонов, которые, якобы, не дают времени минометным батареям заниматься боевой подготовкой, мешают их командирам работать.

Вначале я принял его «заботу» за искреннее стремление проявить себя в деле подготовки артиллеристов и даже вскоре представил на звание подполковника. Затем он потребовал от меня, ссылаясь на известное изречение «артиллерия – бог войны», освободить артподразделения от караульной службы и закатил шумный скандал. Но когда я спросил: «Скажите, Щука, кто несет караульную службу в артполку?», он ответил, что, к сожалению, личный состав полка.

– Вы что же, хотите, чтобы у нас в полку за артиллеристов службу несли танкисты, или зенитные ракетчики, или мотострелки, у которых техника посложнее и ее побольше, чем в артиллерии? А вот научить их стрелять зависит от вашего искусства!

Щука замолк и молча ушел, он так и не понял, что и танкисты, и зенитчики, и мотострелки, и артиллеристы, и саперы, и

разведчики должны в равной степени овладевать искусством военного дела. На всякий случай я решил проверить ход боевой подготовки в полковых и батальонных артподразделениях: вначале проехал по артвинтполигонам артполка дивизии и соседних мотострелковых полков, оказалось, наш артвинтполигон по оснащенности, по сравнению с другими, был просто убогим и не отвечал никаким требованиям их содержания. Артстрелковые тренировки гаубичников и минометчиков, судя по журналам учета, проводились от случая к случаю (вместо двух-трех раз в неделю), ночью не проводились вовсе, а в батарее ПТУРС даже не было их учета. АСТ проводилась якобы в классах под личным руководством Щуки. Но и это оказалось мифом, тренировки в управлении огнем вообще не проводились.

После всего этого с подполковником Щукой была проведена серьезная беседа, и я прямо указал, что он не справляется со своими обязанностями. С этого дня он затаил на меня такую обиду, что заболел ею.

Тихо и мирно шла подготовка танкистов под командованием подполковника Я.Г. Погодина. В целом готовить танкистов, конечно, намного легче чем мотострелков, поэтому я поставил задачу Погодину научить танкистов стрелять только на «отлично». При личных проверках огневой подготовки выявил, что отдельные командиры придерживаются штампованных одно-двух вариантов показа мишеней, а в ночное время — еще хуже.

Наиболее слабым местом было ведение огня по движущимся целям, что неудивительно: почти никто не знал правил стрельбы по ним. Чтобы разобраться во всем, командиру полка пришлось досконально изучить правила выверки прицелов для танковой пушки и пристрелки спаренных пулеметов, научиться и иметь твердые навыки действий в качестве заряжающего, наводчика, командира танка и, как уже ранее писал, в роли механика-водителя. Овладев всем этим, с прибытием на танковую директрису (директриса — это по-простому «направление») командир полка обычно в качестве наводчика выполнял очередное упражнение учебных стрельб, а затем брал на себя руководство данной ТСТ или стрельбой с участковой вышки. При этом, как и мотострелкам, старался максимально усложнить упражнения (решение огневых задач), меняя каждому стреляющему программу показа цели. Провел имитацию стрельбы штатным снарядами, используя для стрельбы из пушки холостые (без снаряда) выстрелы. Все это позволило лично руководить стрельбами из

танков штатным снарядом в Витштокском учебном центре, которые контролировали офицеры ОБП армии. Батальон получил отличную оценку. В дальнейшем батальон «ниже» не стрелял.

Важное значение придавалось технической подготовке всех категорий, связанных с техникой, – как одному из основных предметов обучения. Под контролем штаба занятия в технических классах учебного корпуса шли точно по графику. Знания материальной части вооружения и техники – это лишь полдела в технической подготовке; надо было научить солдат и сержантов быстро выявлять и устранять неисправность: при необходимости заменить запчасть, масло, восстановить трак гусеницы, уметь их натягивать. Экипажи учились в короткие сроки проводить техосмотр, подготавливать БМП (БТР) к преодолению водной преграды, а танки – к переправе по дну реки. Эти и другие необходимые навыки закреплялись при выполнении технических нормативов. Чтобы придать этому процессу системный характер, было решено кроме плановых занятий каждый парковый день начинать с часового занятия по выполнению технических нормативов согласно графику. Эти меры привели к тому, что на всех проверках в будущем ниже «четверки» по техподготовке полк не получал. Каждый парковый день у нас превращался в мини-праздник. Кроме десанта мотострелковых отделений все работали в парке: оркестр все шесть часов с необходимыми перерывами исполнял любимые мелодии солдат, было организовано соревнование между экипажами в ротах, особое внимание уделялось в ходе работ соблюдению мер безопасности.

За два года – ни одной травмы! Учитывая характер современной войны и огромные потери противоборствующих сторон, мы уделяли большое внимание обучению взаимозаменяемости специалистов. Так, всех командиров танков и мотострелковых отделений учили и давали большую практику вождения танков и БМП, многие из них имели классность: заряжающие могли заменять наводчиков танков, механиков-водителей БМП учили быть наводчиками-операторами. Каждый автоматчик должен был уметь стрелять из гранатомета, снайперской винтовки, пулемета; старший стрелок – из ПТРК и по воздушным целям из ЗРК «Стрела-2». Аналогично учили в артиллерийских и зенитно-ракетных батареях. Эта задача добиться взаимозаменяемости диктовалась тогда не прихотью командиров, а обостренным чувством ответственности за выполнение боевых задач в возможных боях

в условиях постоянных угроз в адрес СССР со стороны НАТО. И это не красивые слова. Вот так от солдата до командира полка, не спеша, мы овладевали искусством владения оружием, искусством воевать, набирались опыта.

Конечно же, очень важна была налаженная служба войск, особенно организация караульной и внутренней службы, чем занимался штаб полка во главе с подполковником П.Ф. Шишкиным. Его усилия приносили стабильность и уверенность в действиях командиров и штабов батальонов. Еще в декабре в разговоре с комдивом я предложил поставить его начальником оперативного отделения дивизии вместо ставшего начальником штаба подполковника Матэвкоюгора. Уж не знаю, за что ценил комдив последнего, но начальником штаба он был никудышным, слабее и ленивее в будущем я такого не встречал. За два года он умудрился ни разу не побывать, например, в нашем полку. Такого типа начальников штабов, которые со своего стула из своего кабинета выходили только справиться естественные надобности, за время службы в армии я встречал не одного.

Вместо подполковника П.Ф. Шишкина начальником штаба полка был назначен старший помощник начальника оперативного отделения дивизии майор Алкобижа, который не то что бы стал моим заместителем и помощником, наоборот, мне приходилось за ним присматривать. С самого начала он повел себя заносчиво, считая себя военным гением, из кабинета выходил только на построение полка. Каждое мое неосторожное слово становилось известным комдиву, но я этого не боялся. При его сверхтребовательности, любви воспитывать подчиненных только взысканиями, к комдиву все же я испытывал искреннее уважение и даже восхищение его огромным трудолюбием и неслепым повиновением тогдашнему командарму, его опытом и знаниями.

Естественно, с Алкобижей за одним столом я ни разу не был. В будущем в Советской Армии он дослужится, кажется, до командира укрепрайона (полковничья должность), после ликвидации СССР стал бригадным генералом Молдовы и успешно проиграл войну в Приднестровье невоенному Смирнову, у которого, кстати, министром обороны был тоже мой бывший подчиненный, умница и трудяга, ныне генерал-лейтенант Хажеев.

Тем не менее, под контролем командира, имея очень опытного и добросовестного заместителя майора И.А. Кудрявцева, штаб со своими задачами справлялся.

6. Первые серьезные испытания

В начале февраля стало известно, что в ГСВГ скоро прибудет министр обороны СССР маршал А.А. Гречко с целью проверить боеготовность войск ГСВГ. В ожидании приезда министра мы в полку еще раз проверили состояние техники, связь в запасных районах на случай объявления тревоги, провели ТСЗ «пешим по-машинному» по выходу полка из военного городка. Спустя несколько дней стало известно, что в штаб дивизии прибыла группа офицеров во главе с генералом. Около полуночи дежурный по части сообщил, что поступил сигнал на вскрытие одного из хранящихся у него секретных пакетов. В нем находилось боевое распоряжение за подписью командира дивизии, в котором было приказано поднять полк по боевой тревоге и привести его в боевую готовность – «полную» в ППД в готовности к дальнейшим действиям. Объявив тревогу через дежурного по части и облачившись в полевую форму, через несколько минут я прибыл в полк, взял пистолет, получил карту и через десять минут был уже на подземном КП в парке боевых машин. Вскоре по селектору принял доклады комбатов и командиров отдельных рот о готовности к выполнению боевых задач.

Через 30 минут после объявления тревоги доложил комдиву о приведении полка в полную боевую готовность. В это же время прибыл полковник с группой офицеров из Министерства обороны и вручил мне предварительное боевое распоряжение за подписью командира дивизии, из которого вытекало, что полку в качестве передового отряда дивизии предстояло совершить 500-километровый марш по двум назначенным маршрутам, к 4.00 следующих суток захватить рубеж по высотам в северной части Магдебургского учебного центра ГСВГ, обеспечив выдвижение, развертывание и вступление в бой главных сил дивизии. Заметим, что боевым Уставом в то время предусматривались марши с суточным переходом на глубину не более 300 километров. Впереди полка действовал только разведывательный отряд дивизии в составе отдельного разведбата. Решение на марш необходимо было доложить комдиву через 30 минут по засекреченной связи (ЗАС).

Принятое решение сводилось к следующему: по маршруту грунтовых дорог, пролежавших через леса и поля, следовала колонна техники на гусеничном ходу (БМП, танки, тягачи, «Шилки»), имея впереди разведку и авангард в составе мотострелко-

вого батальона, усиленного артиллерией, взводом «Шилок», инженерно-саперной ротой (бесколесная техника), взводом радиационной и химической разведки. Между ГПЗ (головной походной заставой) и главными силами авангарда двигался ООД (отряд обеспечения движения) в составе саперного взвода, путе-прокладчика БАТ, МТУ-20 (танкового мостоукладчика длиной 20 м) и ТММ (тяжелого механизированного сборно-разборного моста) для преодоления небольших рек и каналов. Вопреки рекомендациям Боевого Устава в состав авангарда не были включены танки, а сам танковый батальон (на танках Т-55м) следовал вслед за мотострелковыми батальонами. Расчеты показывали, что наш авангард без танков мог отразить огнем с места атаку мотопехотной (механизированной) бригады вероятного «противника»; кроме того, такое построение походного порядка придавало высокую скорость передвижения.

На случай встречи с крупными силами «противника» авангард развертывался на одном из намеченных выгодных рубежей с переходом к обороне, обеспечивая развертывание и вступление в бой главных сил полка, в том числе и танкового батальона. В ООД была включена 9-я мотострелковая рота ст. лейтенанта Минина, подготовленная и экипированная для регулирования движения войск. После прохождения колонны полка (глубина от 10 до 15 км, в зависимости от видимости и интервалов между машинами) рота Минина с постов регулирования (по 2 человека) и комендантских постов (3 человека) свертывалась в колонну и становилась резервом. Командный пункт (КП) полка, также вопреки Уставу, размещался в голове колонны авангарда. Такое место КП позволяло на ходу, в считанные секунды, принимать наиболее целесообразные решения по докладам разведки, ГПЗ и ООД при прохождении не отмеченных на карте преград: лесных завалов, разбитых мостов, новых каналов, непроходимых участков дорог через болота и т.д. Колонну полка на гусеничном ходу возглавлял командир полка; колесных машин (штаб, спецподразделения, тылы батальонов и полка) по дорогам с твердым покрытием – начальник штаба.

После утверждения решения командиром дивизии, были поставлены задачи подразделениям и даны указания по организации взаимодействия, по боевому, техническому и тыловому обеспечению марша. После этого прибывший полковник более часа со знанием дела «пытал» меня по самым различным вопросам. Я отвечал на все вопросы без раздумий. Должен сказать, что

назначенный маршрут выдвижения полка мне и большинству офицерского состава был совершенно неведом.

Вскоре по ЗАСу было получено время прохождения исходного рубежа – 4.00. Обычно время прохождения исходного рубежа назначается для главных сил, но в данном случае к нему едва успевал с небольшим запасом лишь авангард полка. Из штаба дивизии не поступило ни приказа, ни боевого распоряжения, никаких других указаний по всестороннему обеспечению. Чувствовалось, что штаб дивизии не имел опыта планирования марша дивизии. Поэтому мы так и не узнали ни о составе вероятно противника, ни о рубежах регулирования, ни о времени их прохождения, ни о том, что делается старшими начальниками в интересах успешного совершения марша.

С получением времени прохождения исходного рубежа мною были немедленно высланы разведка, ГПЗ и ООД. В короткие сроки были произведены расчеты времени прохождения исходного рубежа и назначенного мною рубежа регулирования подразделениями и доведены до исполнителей. Порядок выхода из военного городка был определен в соответствии с определенным решением походным порядком полка. Так начался этот марш. Находясь на своем БТР-60 ПА, я приказал механику-водителю двигаться на максимальной скорости, но с таким расчетом, чтобы дистанция до следующей за нами второй машины управления БТР-50 ПУ с начальниками родов войск и служб не превышала 30-40 м. Получалось, что скорость движения по спидометру составляла в среднем 50 км/час. Через полчаса после выхода из военного городка, когда КП полка с авангардом достигли исходного рубежа, заместитель по технической части майор В.А. Гуреев, возглавлявший техзамыкание, сигналом сообщил, что техзамыкание вслед за колонной колесных машин вышло из военного городка, в парке остались лишь три БМП (один взвод для охраны военного городка), школьный автобус и одна автомашина, находившаяся в РМ на среднем ремонте и отправленная в ремонтно-восстановительный батальон дивизии. Это был несомненный успех. КТГ техники практически не выходил из единицы.

Так началась в ГСВГ серия командно-штабных учений с привлечением войск под названием «Зима-72». О том, что наша дивизия будет поднята по тревоге и примет участие в этих учениях, мы, конечно, не знали. Первым серьезным препятствием на маршруте выдвижения стал... разведотряд дивизии в составе

отдельного разведбата, который начал выдвижение раньше, но его темпы были значительно ниже, чем наши. Скорость плавающих танков ПТ-76 и боевых разведывательных машин по бездорожью составляла в среднем всего 25-30 км/час. В связи с этим было принято решение обойти его и двигаться далее, опираясь на данные своей разведки и походного охранения. Попросил комбата уступить дорогу, для чего принять вправо, остановиться и пропустить колонну полка. После некоторого обмена «любезностями» он был вынужден уступить.

Следующим препятствием была река Эльде, впадающая в Эльбу. Но к подходу авангарда наши саперы из состава ООД успели поставить ТММ длиной 40 метров, и мы ее преодолели на скорости 25-30 км/час. Подобные препятствия, конечно, значительно снижали скорость марша. Пройдя рубеж регулирования №2 – это где-то за Витштокским учебным центром, ближе к Эльбе, сделали привал, на котором дал команду дозаправить машины из батальонных подвижных запасов горючего. Исходя из того, что дорожные условия были крайне неблагоприятны (кто служил в армии, тот знает, что такое танковые маршруты) и был риск, что горючего не хватит для выполнения поставленной задачи, дозаправка топливом, предусмотренная решением на марш, прибавила уверенности командирам всех степеней. Во время привала выслушал доклады комбатов через связных о ходе марша и уточнил, чтобы максимальные дистанции между машинами держали не соответственно скорости движения (в среднем 50-60 м), а не более 30 м, что значительно сокращало глубину колонны полка; дистанции между батальонами держать не 3 км, а не более одного. Пылевых завихрений не было. Дистанции резко увеличивались в случае получения сигнала об угрозе применения ОМП.

Серьезным препятствием на нашем маршруте являлась река Эльба. Но, к нашей радости, переправа через реку прошла на максимальной скорости по наведенному понтонному мосту армейским понтонно-мостовым полком в течение не более получаса. Следующим препятствием за Эльбой стали колонна КП дивизии, которая оказалась на нашем маршруте совершенно неведомым образом. Изучив карту, мы нашли обходной маршрут и через пару часов оказались уже впереди командного пункта дивизии.

Судя по полученным сигналам, вполне нормально, без поломок машин, шла и колесная техника. В районе Гарделегена на

один из рубежей регулирования она вышла раньше, чем колонна гусеничных машин, поэтому ей была дана команда на привал и дозаправку техники. Там же техзамыкание на колесах на удобном участке маршрута гусеничной техники развернуло сборный пункт поврежденных машин (СППМ). Но работы на нем не было. За весь марш только слетели три гусеницы с БМП и одна гусеница с танка, так что эти неисправности были устранены силами экипажей с помощью техзамыкания батальонов.

В целом выдвижение полка в назначенный район прошло на предельных скоростях и без особых осложнений. О неожиданных препятствиях или лесных завалах, разрушенных мостах нас своевременно информировали разведка и походное охранение, и потому не составляло особого труда принимать решение на обход таких участков или устранять препятствия силами ООД. Несколько отставал танковый батальон, но он нагонял нас, преодолевая различные препятствия и назначенные рубежи.

В 3.30 следующих с начала марша суток колонны достигли намеченного района КП, к 4.00 батальоны развернулись на назначенных рубежах и приступили к организации обороны на северных скатах Магдебургского полигона. Проверяющая группа офицеров Министерства обороны зафиксировала все показатели приборов. Вслед за танковым батальоном подошла и колонна колесных машин. Так, возможно, впервые в ВС мотострелковый полк совершил в течение одних суток пятисоткилометровый марш, не потеряв ни одной единицы техники. Средняя скорость движения, без учета времени привалов, составила около 35 км/час. Из очередного предварительного боевого распоряжения выходило, что наш полк обеспечил выдвижение и развертывание главных сил дивизии, которые заняли «рубеж» впереди нас в 4-6 км. Так полк оказался во втором эшелоне дивизии.

День ушел на изучение возможного состава вероятного «противника», его рубежей развертывания, уточнение на местности районов опорных пунктов рот и районов обороны батальонов, огневых рубежей второго эшелона и тб, противотанкового резерва (ПТрез), районов огневых позиций (ОП) артиллерии и средств ПВО – всего того, что включает в себя рекогносцировка с целью уточнения решения. Войска незаметно вгрызались в землю.

Вечером я был вызван на командный пункт дивизии, где понял, что дневная работа пошла насмарку. Обидно, что люди не отдохнули. В соответствии с выводами комдива из оценки обстановки выходило, что дивизия упредила перешедшего «гос-

границу» противостоящего «противника» в захвате выгодного рубежа и заставила его поспешно перейти к обороне. В связи с этим дивизии совместно с танковой дивизией была поставлена задача, участвуя в контрударе армии, решительным переходом в наступление разгромить прорвавшуюся группировку «противника» и заставить его отступить за пределы «госграницы» ГДР.

Нашему полку – второму эшелону дивизии – предстояло вводом в бой с одного из назначенных рубежей развить наступление полков первого эшелона и овладеть южными скатами высоты «Кружка»; в дальнейшем наступать в направлении на Кёнерт. Там же, на КП дивизии, после постановки задач командирам частей было вручено по одному экземпляру боевого приказа. Это было очень хорошо, так как приказ являлся основой для принятия решения и постановки задач. После этого было организовано взаимодействие на ящике с песком. Для меня и большинства офицеров полка местность, как и маршруты, были совершенно незнакомы, поэтому я с утра ждал вызова на рекогносцировку, но так и не дождался. Возможно, забыли пригласить или ее вообще не было. Тем не менее, я вызвал комбатов на свое НП и на всякий случай вместе разобрались с местностью и возможными рубежами развертывания и ввода в бой. Было тепло, грело солнышко, ветра – никакого, но и пыли в поле не было – накануне прошел небольшой дождик. Было уже около одиннадцати часов, но из штаба дивизии не поступало никаких сигналов. На свой страх и риск дал команду людям посадить в машины и батальон свернуть в колонны в определенных мною районах и доложить сигналом. Через час принял доклады и попросил начальника связи соединить с КП дивизии. Оперативный дежурный ответил, что комдив в составе передового командного пункта (ПКП) находится на НП, в районе высоты N. Отыскал на карте НП и в бинокль увидел его размещение в полутора километрах юго-западнее нашего. И только тут я понял, что на эти учения были привлечены только штаб дивизии, разведбат и наш полк.

И хорошо сделал, потому что через несколько минут по радио был вызван комдивом на ПКП дивизии. Поставил свой командирский БТР-60 ПА в одно из укрытий и по траншее подошел к комдиву, которого окружала группа офицеров управления во главе с начальником оперативного отделения полковником П.Ф. Шишкиным. Правее его находилась еще одна большая группа генералов и офицеров, но я никого не мог различить, кроме

командарма, да и некогда было. Возможно, там же находились и министр обороны СССР, и Главком ГСВГ.

Успокоившись после бега, я собрался и весь обратился во внимание, чтобы точнее уяснить задачу полка, которую начал ставить комдив. Уяснил же, в сущности, вот что: части первого эшелона дивизии в 9 часов утра после огневой подготовки перешли в атаку, продвинулись до 1,5-2 км, но на правом фланге были остановлены упорным сопротивлением «противника» с мощных опорных пунктов на высотах «Овальная», «Грибная», «Сосновая». Нашему полку предстояло атакой с ходу с выдвиганием из глубины уничтожить до батальона противостоящего «противника» и овладеть рубежом ближайшей задачи, в дальнейшем наступать в южном направлении. В интересах ввода полка в бой авиацией и артиллерией проводился 20-минутный огневой налет. Затем комдив спросил, сколько полку необходимо времени для вступления в бой. Ответил, что до полутора часов. Комдив вскипел: «Вы что, отдыхать собираетесь?», и время атаки было назначено через полчаса. Это означало, что не будет выявлено ни одной цели, артиллерия и авиация будут наносить удары по пустым площадям, не будет организации боя на местности с командирами батальонов, артиллерией, авиацией, а у комбатов – с командирами рот и взводов. Как вывод: в настоящем бою полк потерпит неминуемое поражение. Но почему-то все торопились: видимо, боялись, что министр опоздает к обеду.

– Что вам неясно?

– Я прошу еще раз уточнить передний край, какие опорные пункты будут подавлены артиллерией дивизии, придается ли артиллерия полку, какие цели будут уничтожены авиацией, кто будет обеспечивать ввод полка на рубеже ввода в бой от возможного встречного удара «противника»?

Как только комдив еще раз уточнил время «Ч» и приказал: «Выполняйте!», я быстро побежал к своему БТР, дал команду начальнику артиллерии на выдвигание и развертывание на рубеже ввода в бой противотанкового резерва (ПТрез); начальнику инженерной службы – быть в готовности развернуть подвижной отряд заграждений (ПОЗ) для прикрытия левого фланга и приказал комбатам прибыть на НП полка. На НП выяснилось, что нет связи с первым батальоном. Довел до подчиненных задачу, провел расчеты прохождения рубежей и пришел к выводу, что если спешиться на указанном комдивом рубеже перехода в атаку, то мы опоздаем с выходом на него как минимум на 8-10 минут.

Поэтому было принято решение, согласно которому 2-й и 3-й батальоны (вместо первого), усиленные танковым, выдвигаются на максимальной скорости и, последовательно развертываясь в ротные, взводные колонны и в боевую линию, без спешивания, используя удары авиации и артиллерии, огнем танков, БМП и стрелкового оружия наносят поражение «противнику» и ровно в «Ч» врываются на передний край, продолжая атаку до выполнения ближайшей задачи. Определил ориентиры для поддержания направления наступления, разгранлинии между батальонами, рубежи развертывания, перехода в атаку каждому из них и их ближайшие задачи. Первый батальон оставался в резерве. Скорость выдвигания была определена в 45 км, атаки – 30 км в час. Отпустив комбатов, сам на предельной скорости выехал в первый батальон. Подъехав, увидел спящую в полном смысле этого слова колонну батальона, растянувшуюся вместе с минометной батареей и взводом снабжения примерно до 1,5 километров. Я был взбешен, и чтобы разбудить батальон, пришлось бросать взрывпакет. И.о. командира батальона капитан Гречишников никак не мог понять, чего от него хотят. Дал ему флягу с водой и приказал полить лицо. Понять его, конечно, можно, ведь за двое с лишним суток никто не сомкнул глаз. Куда торопилось начальство? Зачем было спешить? Довел ему задачу: привести батальон в боевое состояние и после атаки батальонов первого эшелона выдвигаться от укрытия к укрытию на левом фланге полка в готовности к вводу в бой на одном из угрожаемых флангов в качестве общевойскового резерва.

Затем выдвинулся на новое место НП, в двухстах метрах от дивизионного, и стал наблюдать за выдвиганием батальонов и рот. В «Ч»-0.15 началось развертывание в ротные колонны, а в «Ч»-0.08 – во взводные колонны. Но именно в это время комдив вышел на связь и стал спрашивать, почему полк не вышел на рубеж перехода в атаку. «Трибунала захотел?!» – он так начал ругаться, что я не мог ответить ни одним словом. Думаю, МО не слышал его ругани. Наконец, я вставил одну фразу: «Не кричите, я не понимаю ни одного вашего слова», отдал трубку начальнику связи и сказал, чтобы до «Ч» меня не беспокоил. Комбатам же передал сигналами: с выходом на рубеж перехода в атаку открыть огонь из всех видов оружия (разумеется, холостыми снарядами и патронами), в том числе из бойниц БМП, и ровно в «Ч» вместо выстрелов с БМП выбросить взрывпакеты. Должен сказать, что согласно моему приказу радиостанции всех БМП

каждого батальона были на одной волне и только на приеме. Пятнадцать минут прошли как мгновение, и чудесные звуки трелей пулеметных и автоматных очередей и приятнейшие звуки танковых «выстрелов» и разорвавшихся взрывпакетов оповестили о том, что войска первого эшелона минута в минуту вышли на рубеж перехода в атаку и атаковали «противника» ровно в «Ч».

Полковник, посредник при командире полка, исключительно выдержанный, ни разу не высказавший какого-либо отношения к действиям командования и всего полка, подошел ко мне и сказал, что за боевую готовность и 500-километровый марш он ставит полку «отлично», но не мог и предположить, что я сумею выйти сухим из воды из того положения, в которое был поставлен обстоятельствами и вышестоящим командованием. Вскоре посредниками правофланговый батальон был остановлен, и для развития наступления моим решением был введен в «бой» общевойсковой резерв полка. После овладения второй позицией «противника» полку было приказано закрепиться на достигнутом рубеже и где-то через час-полтора был объявлен частный отбой. Посредники были вызваны к министру обороны, и я уже подумал, что учения закончены. В течение 10-15 минут батальоны были свернуты в колонны и с интервалами в 25-30 м они встали напротив КШМ командира полка на высоте «Кружка». Сюда же стала подтягиваться в колоннах артиллерия, специальные, тыловые и технические подразделения.

Дал команду командирам подразделений дозаправить машины за счет полковых запасов, проверить техсостояние машин, накормить личный состав и дать возможность до начала марша отдохнуть, выставить непосредственное охранение. И в это время, когда командиры стояли около меня – вызов комдива по радио: «Приказываю вашему полку в составе разведроты, трех мотострелковых батальонов без танкового батальона, артиллерии и подразделений на колесных машинах в качестве передового отряда совершить марш по маршруту протяженностью примерно 50 км, с ходу форсировать реку Эльба на участке шириной около 3-4 км в районе Кёнерт, захватить выгодный рубеж на юго-восточном берегу реки (примерно в 5-6 км) и переходом к обороне не допустить подхода резервов «противника» с юга. Исходный пункт пройти через 20 минут».

На время выполнения задачи выделялось 2 часа 30 минут. Комдив ставил задачу так громко, что более половины слов я не

понял. И когда он закончил постановку задачи словами «примем», я тихо ответил: «001, я ничего не понял, прошу повторить задачу тише и не спеша». Может быть, министру его командирский голос и imponировал, но полевая радиосвязь – это не связь по «ВЧ». Здесь громкость вредит, в переговорах должны преобладать выдержка и спокойствие. Комдив, конечно, повторил задачу, и я все понял. Не подумайте, что осуждаю его; сам допускал еще большие ошибки, выходявшие мне «боком», если точнее, хирургическим ножом, но об этом позже. Мы все учились военному делу не в классе, а в поле, и каждый наш шаг, каждое слово шли в бесценную копилку опыта умения управлять войсками.

Устно поставил задачи разведке и комбатам. Выслав разведроту вперед, колонну возглавил сам. Маршрут был для нас совершенно неведом, основательно изрыт и испорчен, но мы, казалось, мчались на наших ласточках словно по барханам лесной дороги. Никакие ямы, кюветы, поваленные деревья, изрытая колея для нас не существовали. Я бы назвал это чувство привыкания к возможностям БМП одним выражением: «Мы оседлали эту строптивую лошадку». Мы не передвигались, а летели к Эльбе как на крыльях! Нас ничто не задерживало, с нами не было танков. При постановке задач указал держать дистанцию между машинами настолько минимальной, чтобы обеспечить безопасность личного состава и исключить столкновение одной машины с другой. Это было необходимо, чтобы в короткие сроки проскочить охраняемый переезд через железную дорогу в 8-10 км от Эльбы. Когда подошли к железной дороге, я доложил комдиву, что мы задерживаемся у закрытого переезда.

Успевшая проскочить через полотно разведка доложила, что вышла к опушке леса, дозор проверяет подходы к реке и характер берега. Дал сигнал действовать по плану. Это значило, что командир роты ждет меня у выхода из леса, а две разведгруппы по имеющимся полевым дорогам выходят к реке, переправляются на противоположный берег и продвигаются в юго-восточном направлении с задачей обнаружить противника и предупредить о выдвигении резервов.

Через несколько минут прошел товарняк, и спустя еще 8-10 минут мы уже вышли на опушку леса. Слева, в 300-500 м от нас грациозно и бесшумно несла свои древние воды на северо-запад могучая красавица Эльба. По обе стороны реки шириною 500-700 м раскинулись окаймленные с запада дубовым лесом огром-

ные продолговатые ковры светло-зеленых лугов, простираясь на 2-3 км влево и вправо от нас. На противоположном берегу, за лугами, виднелись отдельные строения и поля. Первой мыслью, пришедшей в голову, было то, что условия местности и крутой берег не позволяли последовательно развертываться в батальонные, ротные и взводные колонны, а затем и в линию, чтобы одновременно начать форсирование по всему фронту. Подав сигнал на подготовку БМП к форсированию реки, вызвал комбатав к себе, выслушал доклад командира разведроты. Из него следовало, что «противник» непосредственно у воды на противоположном берегу не обнаружен, но замечено, как указал посредник, выдвижение его передовых подразделений в 10-15 км восточнее Кёнерта. Наш западный берег был очень крутой, и потому спуск БМП представлялся довольно опасным, могут быть и травмы. Противоположный берег был пологим, и проблем с подъемом не должно быть. Впереди, на нашем берегу, на расстоянии 1 км виднелось большое деревянное сооружение, похожее на вышку, видимо, построенное для высокого начальства в целях наблюдения за действиями войск при форсировании.

В это время вышел на связь комдив и спросил, где мы находимся и в какое время назначить «Ч» (время «Ч» при форсировании водных преград означает начало отвала войск на десантно-переправочных средствах (ДПС), в нашем случае на БМП, от уреза воды у своего берега). Ответил, что принимаю решение и ответ сообщу через несколько минут. Выбор решения вытекал из двух вариантов. Первый вариант: под прикрытием «огня» артиллерии, ударов авиации, «дымов» выдвинуть батальоны вперед вдоль опушки леса за 3 км, и одновременным поворотом всех машин на 90 градусов влево принять боевой порядок, на большой скорости преодолеть расстояние до реки 300-400 м, то есть практически прыгнуть с крутого берега в воду и переправиться своим ходом на противоположный берег.

Это было бы красиво, эффектно, выигрышно в смысле показа министру. Но у этого варианта были два серьезных изъяна. Во-первых, при спуске с крутого берега в воду личный состав мог получить многочисленные травмы. Во-вторых, выдвижение и развертывание было бы совершено на виду, по крайней мере, у разведки «противника» с противоположного берега. Принятое решение было таковым: с началом пятнадцатиминутного огневого налета по выявленным целям на противоположном берегу и в глубине батальоны первого эшелона спускаются в колоннах

под прикрытием дымов по кратчайшему маршруту к реке, и, двигаясь вдоль уреза воды на юг до изгиба реки (до 3 км) и частью сил на север, имея дистанции между машинами 50 м, ровно в «Ч» одновременным поворотом машин на 90 градусов влево принимают боевой порядок, форсируют реку, уничтожают «противника» на противоположном берегу и при отсутствии организованного сопротивления развивают наступление в восточном направлении. Выполнив ближайшую задачу, закрепляются на достигнутом рубеже в готовности к отражению ударов выдвигающихся резервов «синих». Боевой порядок – в два эшелона. Прикрытие от воздушного «противника» осуществляют зенитно-ракетная батарея и отделения стрелков-зенитчиков рот.

Ввиду того, что день заканчивался и солнце все больше склонялось к западу, вся прибрежная полоса у уреза воды, по которой должны были выдвинуться главные силы, оказалась в тени, что также благоприятствовало выполнению задачи. Вновь радиовывоз комдива. Докладываю, что «Ч» состоится через 20 минут. – «Ну, смотрите!»

– Прошу поддержать огнем артиллерии и авиации от «Ч»-12 минут, до «Ч»+ 3 минуты.

– Выполняйте.

После постановки задач комбатам кратко рассказал их порядок действий, при этом обратил внимание, что как только второй батальон, следуя за первым, подойдет головой колонны к НП комдива (реально-наблюдательная вышка МО) до 150 м, дает мне сигнал «222», после чего всем ждать моего сигнала «курс-90» и серию зеленых ракет для принятия боевого порядка в «Ч». В ходе переправы боевые машины строго придерживаются курса 45 градусов влево от направления движения на берег, чтобы машины не снесло течением от направления наступления. Для обеспечения скрытности начала выдвижения к реке и в ходе движения вдоль уреза воды главных сил полка одна рота, включив термодымовую аппаратуру (ТДА), совершает ложное выдвижение вдоль леса по полевой дороге и через 3 км принимает боевой порядок в сторону реки, на большой скорости преодолевает прибрежный лог и ровно в «Ч» начинает форсирование реки.

Когда первая рота, включив ТДА, двинулась вдоль леса, в бинокль было видно, как начальство на наблюдательной вышке повернулось спиной к реке, а лицом к лесу. Однако дым был такой плотный, что не только с НП дивизии, но и нам не видно было, сколько же войск не спеша выдвигается вдоль опушки.

Еще через две минуты двинулись к реке главные силы первого батальона, вслед за ним группа управления КП полка, а затем второй батальон.

В «Ч» – 3 минуты – запрос комдива: «Вы будете форсировать?», отвечаю: «Да, ровно в «Ч». Еще через минуту первая рота в двух верстах помчалась к реке и ровно в «Ч» оба батальона одновременным поворотом всех БМП, открыв из всех видов оружия огонь, начали переправу. Это была первая переправа в жизни солдат и офицеров нашего полка на своих машинах через реальную мощную водную преграду. Мы, офицеры группы управления, словно замороженные, наблюдали, как одновременно свыше 70 БМП и «Стрел-1» плюхнулись в Эльбу. Показалось, что механики-водители всю жизнь только и ходили по воде; каждая из машин пошла поперек реки под углом в 45 градусов. Сколько себя помнил, точно так же и я в юности переправлялся через родную Вынь на лодке, управляя двухлопастным веслом. Да и река наша была под стать Эльбе.

И вдруг я увидел справа, что один БМП маневрирует вдоль берега, находясь в воде по гусеницы. Оказалось, это командир третьей роты капитан Захаров решил переждать, пока не переправятся все БМП его роты. Я поднял резиновый жезл и рявкнул на него: «А вы, капитан, не хотите попробовать вот это на своей спине? Вперед!» Механик-водитель, услышав мои слова, немедленно двинул машину вперед.

Когда переправился на противоположный берег, батальоны уже двигались в 1,5 км впереди в линии взводных колонн. Тут же дал сигнал «Ветер» (то есть «Вперед!») третьему батальону капитана Т.А. Спитченко. Было хорошо видно, как батальон стремительно пошел вдоль опушки леса, в несколько секунд развернулся в линию боевых машин и на такой же скорости помчался к реке. Еще 7-8 минут, и батальон, закончив переправу, прошел мимо нашего НП. Еще через 15 минут я доложил комдиву, что задача выполнена.

Спустя почти год, вспоминая эти учения, комдив сказал мне, что выдвижение главных сил вдоль уреза воды и ввод второго эшелона для них оказалось полной неожиданностью. Все думали, что полк форсировал реку в одноэшелонном построении боевого порядка.

И вот поступает новая вводная. По данным разведки, «противник» готовит высадку воздушного десанта в тылу наших войск. Полку в боевом порядке приказано повернуть на 180 гра-

дусов, переправиться на северо-западный берег Эльбы, совершить марш и к 20.00 сосредоточиться в районе высоты «Кружка» Магдебургского учебного центра. Мне оставалось только дать два сигнала: «Юла-180» и «Ветер». И вновь полк на виду у министра обороны в течение 6-10 минут переправился через реку, свернул боевые порядки в предбоевые, а затем в походный, и скрылся из виду. Ни одна машина не застряла, не заглохла и не осталась ни на том берегу, ни на маршруте.

Чуть позже я понял, что наш полк одним из первых в ГСВГ был перевооружен на БМП-1. Министру обороны было важно воочию убедиться не только в боевых возможностях, но и в целесообразности массового применения БМП при форсировании водных преград.

Убежден, что это был первый опыт в ГСВГ в форсировании таких крупных водных преград как Эльба. Важно было и то, что весь офицерский состав поверил не только в маршевые возможности своих машин, то есть в то, что для БМП, как и для БТР-60, нет непроходимых дорог, но и в их абсолютную непотопляемость. Подготовка БМП к переправе занимает менее 15-20 минут. Конечно, скорость движения на воде 7 км/час, прямо скажем, по сравнению с БТР – низковата. Это уже позже мы поняли, что баллистические данные выстрелов 73-миллиметровой пушки, сложности наведения ПТУРСов «Малютка» по проводам, низкая защищенность личного состава (защита – только от пуль), крайне неудобное размещение личного состава в десантном отделении (через 2-3 часа движения солдат так укачивало, что они, шатаясь, едва передвигались на привале) не отвечали требованиям времени, однако ввод на вооружение мотопехоты БМП-1 был, конечно, революционным шагом вперед в развитии сухопутных войск.

Считаю, что в современных условиях нашим парламентариям, Министерству обороны, Генштабу надо как можно быстрее вооружить мотострелковые соединения и части боевой машиной нового поколения на порядок выше по качеству – БМП-3! Для этого достаточно всего лишь 2-3 года прожить с бюджетом без профицита, и вопрос будет решен. Конечно, крайне реакционные силы внутри страны поведут ожесточенную борьбу против этого, но если дорога независимость России, их сопротивление можно сломить, как это было на последних выборах в Госдуму.

Как только прибыли на «Кружку», к нам подъехали командарм генерал-лейтенант И.И. Камищев и генерал-майор Б.П.

Уткин. Командующий сообщил, что учениям дан отбой, о чем я тут же по радио сообщил комбатам и приказал построить батальоны в линию ротных колонн, проверить наличие личного состава, вооружения и техники. Танковый батальон и подразделения на колесной тяге находились в нескольких километрах севернее. Начал вызывать их по радио, но командующий сказал, что этого делать не надо, пригласил меня в свою машину, и мы поехали в район сосредоточения полка, чтобы я мог отдать все распоряжения остальным подразделениям на подготовку к маршу. Командующий сообщил, что наш полк совершает марш по тому же маршруту, указал исходные пункты для гусеничной и колесной техники, время их прохождения – в 2.00. Потом он замолчал, и в разговор включился Борис Павлович:

– Полк действовал превосходно, особенно удачными и неожиданными были не только марш, но и ввод полка в бой и форсирование. Жаль, что погиб солдат.

Меня как будто обдало холодным душем.

– Какой солдат?

– В танковом батальоне во время чистки личного оружия командир танка по неосторожности застрелил своего друга механика-водителя, который по дороге в госпиталь скончался.

– Как это могло случиться?

– Обычное баловство. Механик-водитель вылез из танка и стоял на земле, в это время командир, сидя на башне танка, вытащил пистолет и крикнул: «Руки вверх, сдавайся! Или я в тебя стреляю!» Механик расстегнул китель, подставил грудь и крикнул: «Русские не сдаются!» В это время прозвучал выстрел. Пуля попала прямо в сердце. Командир думал, что в пистолете патронов нет, он даже не передернул затвор, но патрон оказался в патроннике. Сержант вытащил пистолет, чтобы почистить его, и этот шаг оказался роковым. Вы не давали команду на чистку оружия?

– Нет. Мною была дана команда дозаправить технику, подготовить ее к маршу, накормить личный состав и дать ему время отдохнуть.

– Да... Это был совершенно нелепый несчастный случай.

У меня все оборвалось внутри. Это был первый случай за 19 лет службы в армии, когда погиб подчиненный. И самое обидное, что человек погиб из-за нелепого случая, из-за обычного баловства.

В армии заведен такой порядок: перед любым учением, занятием, стрельбой, тренировкой, заступлением в наряд, перед чи-

сткой оружия командирам подразделений положено проводить осмотр оружия с открытым затвором, чтобы был виден патронник, а магазин с приемником вверх должен придерживаться рукой рядом с ним. Как мог оказаться патрон в патроннике? Только в двух случаях: или остался после стрельбы из пистолета, или кто-то вставил патрон с определенной целью.

Мог ли командир дивизии, полка, батальона проследить за каждым солдатом в каждой роте? Конечно, нет. Но по существовавшим и, как видно из прессы, по существующим порядкам вина за подобные происшествия ложится всегда на вышестоящего командира. Хотя перед чисткой оружия его должны были осматривать лично тот же командир танка, но обязательно командир взвода или роты лично. Это неписаный закон, это – основное правило по соблюдению мер безопасности, записанных в любом наставлении по действиям с любым оружием. И командир полка, дивизии в каждом таком случае испытывает не только глубокое нервное потрясение, не только огромную душевную травму, но и моральную и служебную ответственность.

После отъезда командующего я поговорил с командиром танкового батальона подполковником Я.Г. Погодиным, пытаюсь выяснить подробности и причины происшествия. Но он был настолько шокирован, что толком ничего не смог объяснить. Тогда я собрал комбатов, офицеров штаба и НРВиС, отдал все предварительные распоряжения на марш. Колесную технику вновь возглавлял начальник штаба, я – гусеничную и колесную бронетехнику. Обратил внимание на соблюдение мер безопасности: пока личный состав не посажен на технику, машины не заводятся; посадка и высадка – только по командам командиров батальонов. Трогание с места и остановка – только одновременно всеми машинами батальона (отдельной роты). Вынужденная остановка – принять машину вправо и включить габаритные огни, на машине – красный флажок. В условиях запыленности и тумана дистанции между машинами увеличиваются до безопасного удаления. Построение походного порядка – как на марше, на учениях. Все командиры – в люках, сидя на броне. Все радиостанции каждого батальона – на одной частоте, работают только на прием. Другие указания – по получении задачи от командира дивизии. К сожалению, ни от комдива, ни от штаба дивизии так и не получил никаких распоряжений. Мало того, не было связи.

До сих пор удивляюсь, почему так произошло. Конечно, предположения есть, но домыслы не хочу высказывать.

Для нас было в какой-то мере приемлемо то, что командующий армией дал добро на марш и указал время прохождения исходного рубежа. И хотя этого было явно недостаточно, мы спланировали марш, исходя из тех указаний, которые получили от командарма, и того, как нам казалось, факта, что учения закончены. Это уже позже я понял, что любое учение заканчивается тогда, когда техника и материальные запасы поставлены в хранилища и сданы под охрану, а каждый солдат уснул в своей казарме.

Марш проходил по тому же маршруту, но в более быстром темпе, без малых и больших привалов, и только где-то в середине дня после переправы по понтонному мосту через Эльбу и ближе к Витштокскому учебному центру остановились у развернутого тылом армии полевого заправочного пункта (ПЗП). ПЗП заправлял топливом одновременно до двадцати единиц техники за считанные минуты, и через час все машины были дозаправлены. Комбаты обратились ко мне с просьбой дать отдохнуть людям, учитывая, что более трех суток почти никто не спал, кроме личного состава на колесной технике и танкового батальона, я объявил привал на четыре часа. Комендантская служба была возложена на этот раз на комендантскую роту дивизии, подчиненную начальнику штаба. Впервые, помимо воли, я крепко уснул (сидя, конечно) в своем бронетранспортере. Разбудил меня начальник ПВО дивизии полковник И.В. Козьяков, которого на «газике» послал ко мне комдив с целью выяснить, почему нет связи? Свели рабочие частоты, все сходилось. Вскоре появилась и связь. Замечу, что в последующем я больше никогда начальника связи полка не пускал в свою машину, а брал командира роты связи капитана Н.С. Миронова.

Когда колонна подошла к стыку дорог на Редлинском учебном центре (это в 60 км от Шверина), где мы должны пересечь шоссе с дальнейшим направлением движения под углом 30-45 градусов на юго-запад, регулировщики направили нас прямо, утверждая, что здесь дороги лучше и скоро будет другой поворот на наш маршрут. Я спросил, куда поехал полковник Козьяков, на что они ответили, что прямо, как и начальник разведки. Я поверил. Вечерело...

Прошло более тридцати лет, а я все гадаю, кто же подставил командира полка и весь полк? Но больше всех, конечно, виноват был сам. Считая, что механик-водитель слышал наш разговор, я же дал ему команду: «На следующем стыке дорог повер-

нуть налево». Успокоившись и потеряв всякую бдительность, я слез с брони и опустился на командирское сиденье, где, как я понял позже, немедленно задремал. За время учений мне не удалось ни разу сомкнуть глаз, кроме часа-полтора на последнем большом привале после заправки техники, а внутри БТР было так тепло и уютно. Кроме меня, радиста и механика-водителя в КШМ находились лишь начальник связи и инженерной службы, замначштаба.

Очнулся я от прикосновения радиста. Комдив интересовался, где мы находимся. Не раздумывая, ответил, что прошли Редлинский учебный центр. Я думал, что это так.

– Увеличить скорость! Вы опаздываете!

Я не понял, почему мы опаздываем, так как время прибытия в ППД никто не указывал, но ответил: «Вас понял». Вылез из люка, сел на броню и, оглядевшись, увидел чарующее, незабываемое зрелище: под ночным звездным, совершенно безоблачным небом на большой скорости двигалась огромная бронированная лавина с включенными, но закрытыми светомаскирующими створками фар, излучающих узкую полосу света. И эта армада была видна в открытом поле на 10-12 км. Казалось, батальоны плыли по темно-зеленым волнам необъятной пустыни, освещая только свой маршрут до впереди идущей машины. Это видение можно было сравнить лишь с огненной змеей, стремительно извивающейся по дугообразной линии, совпадающей с широкой полевой дорогой, давно знакомой не только с колесами, но и с гусеницами. Мне показалось, что в этих местах я уже бывал. Вспомнил, что еще в декабре выезжал с сослуживцами поохотиться на гусей, тысячами особей прилетавших с близлежащих болот и озер и усаживавшихся на громадные поля озимой пшеницы, чтобы за день уничтожить долю урожая. Но это было к северо-востоку от Шверина, в 30-50 км в сторону Гюстрова.

Когда я взглянул на небо, увидел что мы двигались почти точно в направлении Полярной звезды, словно посмеивающейся надо мной мерцанием: «Очнись, безумный, куда ты прешь?!» Наконец до меня дошло, что наш маршрут пролегает не по лесу, как должно быть от Редлина до Шверина, а точно на север. Однако световая дуга фар показывала, что последний десяток километров, опять же вопреки здравому смыслу, мы следовали на северо-запад. Это означало, что наш полк стремительно шел на захват Висмара, но только не в направлении родного Шверина.

И от признания совершённой ошибки по собственной глупости, поверив сказкам регулировщиков, от физического бессилия, погрузившего меня в объятия Морфея, достойного сына бога Гипноса, поледенело на сердце и затошнило в душе.

С осознанием происшедшего решение пришло моментально: вернуться на свой маршрут. Однако тут же, на месте, повернуть назад было невозможно: колонной, глубина которой не меньше 15 км, мы могли нанести непоправимый ущерб посевам озимых культур. Поэтому я решил продолжать движение на север до очередного поворота на юг или юго-запад. Через 10-15 минут движения я увидел одиноко взметнувшийся ввысь высокий курган (думаю, что это была совершенно круглая по периметру высота 144,0), а у его подножия разместилось довольно крупное селение по обеим сторонам дороги. Я тут же решил проехать через селение, объехать высоту по окружности справа и вдоль южной окраины, где была проложена полевая дорога, выйти без «пробок» на тот же, но уже пройденный маршрут, то есть повернуть на 180 градусов на юго-восток. Это удалось сделать довольно быстро. Новая задача: не было видно танкового батальона. Связался по радио. Оказалось, что подполковник Погодин, протстав от батальонов на БМП, на Редлине не встретил никаких регулировщиков и, хорошо зная маршрут, пошел своим батальоном не прямо, как мы, а свернул налево, как и было положено, и уже подходил к парку боевых машин в ППД. И когда через 20-30 минут впереди я увидел пересекающее направление нашего движения шоссе с твердым покрытием (асфальт), не раздумывая над последствиями и зная, что удельное давление БМП значительно ниже, чем у танков, повернул по шоссе на юг. Это шоссе соединяло Штернберг с шоссе Пархим-Шверин и огибало озеро Шверин-зее. Увеличилась скорость движения, не было более необходимости соизмерять ее с движением танков. (Следует сказать, что ночью в ГДР никто никогда никуда не ездил, все отдыхали, и потому никаких помех на дороге не было.) Скоро дошли до главной дороги западнее Кривица, откуда направил 1 мсб на запад для захода в парк БМ через проход между нашим полком и граничащим с нами батальоном полиции постоянной готовности. С остальными двумя батальонами продолжил движение прямо на юг с целью их вывода через войсковое стрельбище и лес (всего 3 км) по танковому маршруту сразу к парку. Сам же с одиннадцатью колесными БТР, в основном КШМ группы управления, поехал к воротам КПП полка по шоссе Лудвигсуст-

Шверин. Было уже за полночь. У штаба полка меня подждал первый заместитель командующего генерал-майор И.С. Якимович:

– Подполковник, где ваш полк? – рявкнул генерал.

– В парке боевых машин, товарищ генерал.

– Вы что ахинею несете?

Я спрыгнул с КШМ и приказал начальнику связи лично поставить машину в свой бокс и опечатать.

– Пойдемте, подполковник, показывайте, что у вас в парке?

Пошли. Вся техника была уже закрыта, закрывались боксы с КШМ.

– Почему вы опоздали с прибытием в ППД? – спросил генерал.

– Я никуда не опоздал, поскольку никто никаких сроков прибытия не назначал. После окончания учений только командующий армией указал маршрут и время прохождения исходного рубежа.

– Вы подлец, подполковник, потому что пытаетесь свою вину переложить на своего непосредственного начальника.

– Вы можете оскорблять меня, сколько вам заблагорассудится, мне «до лампочки», но я не знаю, в чем моя вина? Вы хотя бы знаете, что за время учений от штаба дивизии не поступило ни одного боевого распоряжения, в том числе на последний марш, за исключением одного боевого приказа в начале учений? Никаких указаний по боевому, техническому и тыловому обеспечению. Кто в ответе за то, что большую часть времени не было связи? А за связь в ответе по Уставам – старший начальник. И почему вы считаете, что мы опоздали? По спидометру мы за сутки прошли более 550 км вместо 250-300 км, положенных по боевому Уставу. При этом ни одна машина не отстала. Это что, плохо?

– Вам не место на должности командира полка!

– Об этом мне еженедельно или ежемесячно напоминают уже полгода. Я привык к угрозам, и не надо меня пугать!

Видимо, уж очень хотелось генералам доложить министру обороны о завершении второго пятисоткилометрового марша за 20-21 час!

Наконец, генерал уехал. Он еще не знал, что уже через полгода направит своего сына, выпускника военного училища, именно в руки этого «командира-подлеца». Через полгода генерал И.С. Якимович будет назначен командующим армией в ДВО и,

считаю, вполне заслуженно. Он знал свое дело и вызывал заслуженное уважение офицерского состава нашей армии. Погорячился в конце тех учений – с кем не бывает! Он еще не знал, что обруганному им командиру предстоит научить его сына полюбить военную службу, уладить возникшие семейные проблемы, а он, генерал, будет присылать мне поздравительные открытки, за что я и сейчас благодарен ему.

В ту ночь я дерзил, конечно, не из-за невоспитанности, а из-за осознания своих собственных ошибок в ходе учений, хотя они явились следствием проявления не только моей физической невыдержанности, но и результатом накладки ошибок штаба дивизии. И еще: очень хотелось кому-то в штабе дивизии «насолить» мне, тем самым ускорив процесс отстранения от должности. Времени оставалось каких-то 3-4 месяца, и мне кажется, об этом знали все офицеры дивизии. Я был зол на себя еще и потому, что пошел на поводу незнакомых регулировщиков, расслабился и, провалившись в сон, потерял рассудок и чувство ответственности. Если бы не было потеряно двух-трех часов из-за нашего «блуда», независимо от того что срок прибытия не был установлен, полк получил бы от командующего отличную оценку, какую поставил министр обороны. Единственным нюансом оправдания являлось отсутствие опыта в командовании полком с моей стороны и нерасторопность и неслаженность работы штаба дивизии, который, на мой взгляд, на учениях со своими задачами не справился вообще.

Где-то через год, когда между мною и командиром дивизии установились прекрасные деловые и личные отношения, вспоминая эти учения, я рассказал ему все как было. Комдив добавил:

– Вина была не только твоя, но и моя, а прежде всего, штаба дивизии. Но дело вовсе не в этом. Мы все тогда получили солидную порцию опыта вождения войск, управления ими. И хотя тебя «побили», вышестоящие начальники к 9 мая, благодаря действиям полка, получили высокие правительственные награды, ордена. Запомни: «За одного битого двух небитых дают!»

...Собрал командиров батальонов, НРВиС и дал команду, чтобы не входить в парк на следующий день, выспаться и отдохнуть личному составу, после обеда помыть его в бане, а вечером прокрутить фильмы. Всем своим непосредственным подчиненным – собраться у меня в 16.00, чтобы уточнить задачи; техническому составу в течение дня разработать план постановки техники на

хранение и подготовить для этого необходимое количество ветоши, горючего, масел и другие материалы; в течение второго дня планы разработать в батальонах и ротах.

Немного отдохнув, в 8.00 был уже в служебном кабинете, предварительно вызвав к этому времени подполковника Погодина, чтобы в спокойной обстановке услышать обстоятельства гибели рядового Н. Надо было определить время похорон и ритуал согласно Уставу; телеграммы родителям и в военкомат были отправлены накануне. Затем отослал начальника инженерной службы майора П.А. Аникина на рекогносцировку участков шоссе, по которым прошла гусеничная колонна. Вернувшись, он доложил, что никаких следов на асфальте не осталось.

Стало чуть легче, правда, лишь на несколько минут, так как меня поджидал еще один психологический удар: внезапно приехал начальник тыла дивизии полковник А.Д. Пчелинцев и сообщил, что в тот день, когда трагически погиб наш солдат в результате несчастного случая, почти одновременно погиб начальник оперативного отделения полковник П.Ф. Шишкин, мой комбат на Сахалине и бывший начальник штаба нашего полка.

Проконтролировав по указанию комдива прохождения колесной колонны нашего полка, он решил сократить путь на КП дивизии, выехав на один из участков берлинской автострады (автобана). Перед выездом остановился так, что передние колеса ГАЗ-69 оказались на краю автобана. Проезжавший по автостраде немецкий грузовик не стал объезжать наш «газик», а наоборот, водитель сознательно принял вправо и тараном убрал «помеху» со своего пути. Мало того, что немецкий шофер убил нашего полковника, он еще и потребовал от нас оплатить материальный ущерб за вмятину на бампере и компенсацию «за испуг», якобы все это произошло по вине нашего водителя. Мы просили прокуратуру подсказать адрес «испуганного», но, к сожалению, не получили. Это был преднамеренный наезд, и преступник должен быть наказан, однако дело замяли.

П.Ф. Шишкин был не только исключительно трудолюбивым, грамотным офицером, но и человеком общительным, выдержанным, честным, порядочным. Он мог бы стать олимпийским чемпионом по стрельбе из спортивного пистолета, но выбрал службу Родине. Он был прекрасным командиром и добрым товарищем. Его слабостью и лучшим хобби была рыбалка, что сближало нас. Я и сейчас склоняю голову перед светлой памятью этого душевного человека. И помню о нем всегда. Судьба...

Впервые за годы службы в армии для меня наступили «черные» дни. А.Д. Пчелинцев передал мне просьбу комдива организовать похороны одновременно и П.Ф. Шишкина, и солдата в нашем полку. Печальный ритуал похорон в соответствии с Уставом. Тела погибших отправили на Родину. П.Ф. Шишкин после Сахалина попал по замене в Одессу и там получил трехкомнатную квартиру. Там же его жена Лида организовала прощание друзей и родственников с погибшим мужем. После того, как его уже похоронили на кладбище и вернулись домой, квартира оказалась совершенно пустой: какие-то отморозки, словно гиены, проникли в квартиру и вывезли все, что было накоплено за 25 лет службы в армии. Новое горе и новые беды для жены и его сына. Нужно начинать жизнь сызнова. Узнал об этом я лишь через полгода.

В конечном счете, каждое происшествие оставляет след в сердце, в мыслях, в психике. Вот почему военные пенсионеры, несмотря на огромную физическую закалку, тернистый путь преодоления трудностей и тягот военной службы, умирают так рано. Есть, конечно, исключения, но их очень мало.

Я никого в полку не стал наказывать за этот случай: чувствовал, что объявить взыскание равносильно тому, что по раненому в сердце и душу офицеру пустить еще одну пулю. С сержантом, который заставил чистить оружие, разумеется, работала прокуратура. Закон есть закон. Финал – дисбат.

Вскоре нас вызвали в Дом офицеров на разбор учений. Проводил его командующий. После преамбулы о замысле учения он отметил высокое искусство вождения и управления войсками командиром дивизии и его штабом, а также то, что впервые в войсках ГСВГ были достигнуты такие результаты, как суточный переход полка на глубину 500 км (разумеется, без противодействия «противника»), установлены высокие темпы наступления и показано умелое форсирование широкой водной преграды с ходу. Командиром дивизии впервые был продемонстрирован ввод в бой для развития наступления мотострелкового полка на БМП без спешивания. Получалось, что полк успешно справился с задачами благодаря комдиву и его штабу, а в конце разбора стало ясно, что комполка настолько плохо управлял полком, что на заключительном этапе был вынужден брать Шверин с юга, востока и севера. (Уж так было утверждено планом боевой готовности и моим решением, но никто им не поинтересовался). В итоге командующий даже не объявил оценки. В присутствии

подчиненных я сидел как оплеванный. Член ВС генерал Б.П. Уткин спросил командующего:

– Иван Иванович, а все-таки какую оценку вы ставите полку? Они хотели бы знать.

– Оценка – только «хорошо»!

Тут заулыбался даже комдив. В целом командующим в присутствии подчиненных я был «облит грязью» в сочетании с массой оскорблений. Но... остался доволен, что полк оценили на «хорошо». В армии это очень высокая оценка. Это действительно хорошо.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ПОЛК НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ

1. Случай в казарме

Весна 1972 года выдалась ранняя: в начале апреля было уже так тепло, как будто наступило настоящее российское лето. Поэтому постановку техники на хранение мы решили совместить с ее переводом на летнюю эксплуатацию, при этом выигрывали время на дальнейшее благоустройство парка, жилого фонда, военного городка, на совершенствование учебно-материальной базы. Для этого мы использовали состав десанта, которым в каждом отделении командовал старший стрелок, во взводе – замкомвзвода, в роте – командир роты. На технике работали экипажи, командиры взводов, заместители командиров рот и батальонов по технической части.

Завершили переоборудование подвалов и казарм (их было четыре) под ателье бытового обслуживания: устроили по несколько душевых, прачечные с одной-двумя стиральными машинами, сушилки, парикмахерские. Отвечал за работу (только в личное время) каждого ателье один из старшин рот (батареи). Завершили и переоборудование чердачных помещений в уютные и чистые ротные (батареи) кладовые личных вещей и имущества, которое не вмещалось в кладовые на этажах (чехлы на танки, БМП, БМ зенитно-ракетной батареи, артбатареи, ветошь из старого белья и нужная для обслуживания техники, «дембельские» чемоданы и другое имущество по усмотрению командиров подразделений). С тех пор каждый солдат мог постричься, сдать в стирку обмундирование вечером и получить сухим и выглаженным утром, помыться в душе когда угодно, не ожидая бани.

С помощью начальника КЭЧ района подполковника В.И. Моисеева, ставшего позже одним из лучших друзей, в ту весну мы завершили оборудование общежития для офицеров и прапорщиков-холостяков, которых разместили по одному-два чело-

века в комнате. К их услугам устроили удобные бытовые комнаты и душевые, отремонтировали солдатскую и офицерскую столовые, кардинально изменили внутреннее содержание и внешний вид солдатских чайной и магазина. В солдатскую столовую закупили красивую и удобную посуду, в основном пластмассовую, установили новые посудомоечные машины, что позволило сократить число наряда по столовой; обеденный зал украсили цветами, художественными эстампами и копиями картин известных мастеров, на столах появились симпатичные наборы для специй, всегда имелся свежий квас. К весне был построен свинарник, в котором содержалось более 150 поросят; теплица круглый год, помимо положенного довольствия, обеспечивала свежей зеленью. На стол в качестве холодного блюда ежедневно выдавались соленые огурчики или помидоры, по субботам, воскресеньям и праздникам – обязательно моченые яблоки и арбузы, печенье, конфеты. На занятиях в поле, на учениях и стрельбах обязательно выдавался кусок хлеба с салом-шпиг, причем своим, доморощенным.

На танковой директрисе капитально переоборудовали наш четвертый участок, и больше проблем с показом мишеней и обратной информацией при их поражении не было. На постановку техники и остальные хозяйственные дела ушло две недели. И вновь началась планомерная боевая подготовка.

Состояние дисциплины в полку, казалось, тревоги не вызывало. Да вроде и оснований не было. Однако за три недели работ на технике, на учебных и тыловых объектах личный состав немного расслабился, а командиры подразделений потеряли бдительность.

В один из воскресных вечеров, задержавшись над разработкой одного из показательных занятий по тактической подготовке, решил около полуночи пройтись по казармам и проверить службу суточного наряда, а затем и караула. Такие проверки я делал не реже одного-двух раз в неделю, но всегда начинал с проверки караула, и в полку уже знали, что после караула командир будет обязательно в одной из казарм. На этот раз я решил пройтись вначале по всем казармам. В подразделениях люди отдыхали, и было все спокойно. Когда же добрался до третьего этажа третьего мотострелкового батальона, почувствовал что-то неладное. В казарме – тихо, дежурный и дневальный по роте – на месте, но в их глазах я увидел тревогу и растерянность. Выслушав доклад, заглянул в ленкомнату. Три сержанта наводили

порядок, на полу лежали останки стульев, два стола перевернуты, на одном из сержантов порван китель, все они были без ремней, расстегнуты, на их лицах красные пятна и синяки. Первое впечатление: между ними завязалась бытовая драка. На вопрос, что случилось, сержанты, понутив головы, не смогли выдать ни слова и молчали как караси в пруду. Приказав оставаться на месте, решил пройтись по другим помещениям. Зайдя в умывальник, увидел умывающегося солдата, армянина по национальности, в сапогах, шароварах и в майке. Раковина была забрызгана кровью, а на его лице были видны ссадины и незначительные, но слабо кровоточащие ранки. Когда он вытерся полотенцем, я попросил его рассказать о происшедшем.

Дело было так. После отбоя сержанты этого взвода пригласили пройти в ленкомнату подчиненного рядового, Армена Кочеряна (назовем его так) и приказали вычистить сапоги сержантов, потому что он не выполнил приказание замкомвзвода сходить и принести из магазина три пачки сигарет, разумеется, не дав ему денег. Кочерян категорически отказался выполнить их требования, ответив, что в обязанностях солдата нет пункта о том, чтобы после отбоя чистить сапоги сержантов:

– Служить бы рад, прислуживаться – тошно, особенно вам, недоумкам.

– Ах так, ты не хочешь подчиняться?

И пошло-поехало. Замкомвзвода и его «горе-отец-командир» отделения набросились с кулаками и стали бить его по лицу и животу в надежде, что тот попросит пощады. Третий сержант не принимал участия в этом избиении, но и словом не обмолвился в защиту солдата. Кочерян, хотя и не был боксером, принял защитную стойку и не упускал ни малейшей возможности ответить ударом на удар. Когда по приказу замкомвзвода включился и третий сержант, Кочерян был вынужден в качестве оружия защиты использовать стулья, после чего сержанты остановились.

– Я три стула поломал, по одному на сержанта, и заплачу за них.

Пришлось смазать ранки Кочеряна йодом из аптечки, сказал ему, что он «молодец, если все это правда», и отправил спать. После этого в той же ленкомнате побеседовал с каждым сержантом в отдельности. Не вдаваясь в подробности скажу лишь, что беседа подтвердила правдивость рассказа Кочеряна.

– Вы понимаете, что ваши действия не соответствуют Уставу, а ваши издевательства над солдатом является преступлением?

- Нет, не понимали, но начинаем понимать.
- Зачем же вы так поступаете?
- Так нас воспитывали в учебке.

Прибыв в свой кабинет, набросал проект приказа по полку; рано утром вызвал помощника начальника штаба по строевой части и попросил отпечатать и зарегистрировать его, до построения дать на подпись начштаба и мне. Затем позвонил начальнику вещевого службы и приказал подготовить ножницы и две пары погон младшего сержанта. Был понедельник, в 8.30 полк построен на развод и строевую подготовку в течение первого часа. Это было традицией. После приветствия и проверки готовности офицеров к проведению занятий вызвал провинившихся сержантов к себе. Повернул их лицом к строю и по микрофону рассказал, как они накануне, грубо нарушив советские законы и воинские уставы, пытались поглумиться над своим подчиненным солдатом, но, встретив отпор, попытались силой, кулаками совершить самосуд. Однако рядовой Кочерян мужественно вступил в борьбу с хулиганами и дал достойный отпор. Такие сержанты позорят не только свое воинское звание, но и компрометируют весь командный состав, всю Советскую Армию, нарушают законы нашей страны. Затем, чтоб их знал весь личный состав в лицо, они прошли строевым шагом перед строем всего полка. Начальник штаба прочитал приказ по полку, которым все три сержанта были разжалованы в рядовые, а рядовому Кочеряну присвоено звание младшего сержанта, он был назначен командиром отделения, а все бывшие сержанты переданы в его подчинение. Разумеется, в беседе со мной Кочерян поклялся, что издеваться над ними не будет, а будет воспитывать согласно Уставам. После этого случая, пока я служил командиром полка, подобных происшествий не было.

Дисциплина в учебных частях держалась на страхе курсантов перед силой и жестокостью сержантов. Сержанты-громилы были как бы «крышей» офицерскому безделью. В Прибалтийском ВО был случай, когда замкомдива учебной дивизии решили выдвинуть командиром дивизии. В ходе беседы в ЦК выяснилось, что этот полководец в жизни не читал и не читает газет, не говоря уже о полном незнании боевых Уставов.

Вывод таков: «дедовщину» в армии начали насаждать не бывшие заключенные (в чем я убедился еще будучи командиром разведвзвода), а офицеры учебных частей и соединений, созданных в конце 60-х – начале 70-х годов; помогали им в этом проф-

техучилища. Третий источник «дедовщины» – состояние самого общества и моральные устои в семье. Обстановка в армии, как сказал Президент В.В. Путин, – это слепок общества. Когда в обществе, в семье господствует насилие, оно автоматически передается в армию.

Учебные подразделения нужны для подготовки специалистов узкого профиля – радистов, механиков-водителей, наводчиков орудий артиллерии, БМП, танков, специалистов зенитно-ракетных и ракетных комплексов, ВМФ, авиации. Что касается подготовки и обучения сержантов, то есть младшего командного состава, они должны готовиться в полковых школах соединений, направленных туда командирами рот и батальонов (дивизионов) из числа изученных, проверенных, наиболее интеллектуальных, грамотных, физически подготовленных, любящих военное дело солдат, прослуживших не менее 3-6 месяцев в подразделениях полка (отдельного батальона).

Опыт подготовки сержантов в полковых школах сухопутных войск был накоплен как в годы войны, так и в послевоенное время. Волонтеризм Хрущева стал заменой научного подхода к развитию общества и учета накопленного опыта. Дурной пример зарзателен: так волонтеризм перешел в систему руководства Вооруженными Силами сверху донизу. Итог печален.

С воцарением М.Горбачева армия стала сокращаться невиданными темпами. Расцвела «дедовщина». Пропорционально росту инфляции снижалось фактическое наполнение денежного содержания офицерского и личного состава. Нищета заставила офицеров и прапорщиков искать дополнительные заработки, работая в качестве грузчиков, водителей такси, охранных с тем, чтобы прокормить семьи. Сотни тысяч офицеров стали покидать армию, не дождавшись пенсии. При Ельцине армия держалась, в основном, на офицерах, надеявшихся получить квартиру. Я знаю полковника, преподавателя АГШ, доктора военных наук, не пожелавшего получить даже звания «генерал-майор», который в 40 лет с небольшим уволился, чтобы заняться коммерческой деятельностью. Долго еще будут разгребать армейские «авгиевы конюшни» нынешние Президент и министр обороны. Пусть им поможет господь!

...После того случая я подготовил обобщающий доклад на основе приказов министра обороны, в которых вскрывались наиболее безобразные случаи издевательств над молодыми солдатами и типичные правонарушения, приводившие к тяжелым по-

следствиям, а виновников – к осуждению военным трибуналом. Собрал в клубе весь личный состав и довел до него этот доклад с конкретными примерами, дал оценку случившемуся в полку. Я прямо заявил, что те сержанты или старослужащие, которые якобы в целях воспитания или укрепления дисциплины применяют силу или недозволенные приемы, не предусмотренные Уставами, объективно являются преступниками. Объяснение таково: Уставы имеют силу закона, поскольку утверждены законодателями. Во-вторых, такие случаи нарушают все моральные принципы товарищества, взаимовыручки и взаимопомощи, коллективизма и солдатской дружбы. В-третьих, не надо забывать простую жизненную аксиому: обиженный обязательно когда-нибудь, в лучшем случае в рамках закона, попытается отомстить обидчику. Если он сам этого не сделает, то за него отомстит сама жизнь или, как мы называем, судьба. Я – крещеный, но верю, что всё в развитии природы и общественной жизни людей взаимосвязано и взаимообусловлено, всё рождается в борьбе противоположностей. И все-таки, в природе и в жизни общества есть факты и события, которые не поддаются никакому научному объяснению. Причиненное людям зло всегда отражается злом, а добро возвращается к сотворившему сторицей. И я попросил солдат и сержантов подумать и вспомнить случаи из своей, пока недлинной жизни, рассказал им несколько эпизодов из своей жизни. Вот один из них:

– Наверное, не все знают, что во время Великой Отечественной войны в селе все школьники с 9-10 лет все свободное время работали в колхозе. Как-то зимой 1944 года мачеха послала меня на конюшню забрать лошадь, запрячь ее и привести к дому, чтобы поехать за хлебом в Серёгово. Я уже вывел из конюшни нашу Малку, подвел ее к саням, как крупная девица по имени Клавдия, назначенная новым конюхом, молча взяла меня левой рукой, а правой сняла уздечку с лошади и стала хлестать меня по голове и лицу, приговаривая: «Не будешь больше без моего разрешения брать лошадей, не будешь!» Попадало мне в основном металлической частью узды, и она убила бы меня, если бы, сопротивляясь, я не сумел вырваться из ее щупальцев. До этого дня и после никто никогда не спрашивал никакого разрешения; каждый брал для любой работы обычно ту лошадь, которая принадлежала этой семье до коллективизации. Это правило относилось и к потомкам лошадей. Девице было лет девятнадцать, она жила на Горе и, возможно, не знала этих правил. Так вот, весь

окровавленный, в синяках и подтеках, я приплелся домой. Мачеха смыла кровь, смазала йодом раны, чем-то залепила кровоподтеки и тут же вызвала председателя колхоза, который решил, что за такое злодеяние надо судить, и сейчас же пошлет за фельдшером и участковым в село. Однако мачеха добавила, что ее-то засудят, а кто будет работать в колхозе? Бог ее и так накажет за то, что руку подняла на незащитного сироту». Председатель согласился, Клавдию убрал с конюшни, а конюхами назначил моего двоюродного брата Бориса и меня; Борис работал до обеда, а я – после школы. Правда, летом Бориса назначили бригадиром, а пасли лошадей я и мой друг Коля Старцев. Постепенно раны зажили, хотя следы остались до сих пор; я же искал способ, как отомстить и принял уже конкретное решение. В моих руках от отца с его призывом на фронт остались ружье 28-го калибра и малокалиберная винтовка. Каждый вечер тайком я поднимался на Гору и следил, когда же изуверка останется одна в доме, а ее мать – Настасья – уйдет к соседям. Тайные отлучки заметила моя бабушка, которая, видимо, последила за мной и однажды никуда не пустила. Она лишь сказала: «Только дикари лишают жизни людей во имя мести, забывая о Боге. Бог все видит, все слышит и лучше тебя накажет ее, не волнуйся и забудь». Я послушался. Прошло время. Гораздо позднее я узнал следующее: Клавдия вышла замуж лишь после тридцати лет, родился у них сын, который, по пьяни, застрелил своего отца, за что и был осужден «на полную катушку», а сама Клавдия спилась, совсем спилась. Вот такая история.

Я попросил молодых солдат в случае неуставных взаимоотношений давать немедленно решительный отпор, если надо – с применением любых подручных средств, а другим не стоять в стороне, а прийти на помощь. Сержанты обязаны во всех случаях защищать молодых солдат как отцы, ни один из которых не пожалеет жизни, чтобы защитить своего сына. В случае применения к молодым солдатам истязаний и рукоприкладства, виновные будут преданы суду военного трибунала. Объявил, что о любом факте неуставных взаимоотношений необходимо немедленно докладывать любому командиру, кому доверяете. Ко мне в кабинет каждый может прийти по этому вопросу в любое время дня и ночи, минуя субординацию. Кроме того, любой солдат, сержант, офицер может написать безымянную записку с уведомлением о происшедшем случае, положить в конверт с адресом на имя командира части, опустить в почтовый ящик, и за-

писка обязательно дойдет до адресата. Через сутки я собрал всех солдат, сержантов и офицеров, которые были накануне в наряде, и повторил ранее сказанное. В целях соблюдения мер безопасности все занятия, построения личного состава на стрельбы, учения, работы в парке, на складах и УМБ начинались с осмотра оружия и инструктажа по мерам безопасности. Беречь людей – стало главной заботой командиров всех степеней.

Впоследствии в полку не было ни одного случая неуставных взаимоотношений, и этот факт могут подтвердить все девять тысяч военнослужащих, которые прослужили в полку в период моего командования. Позже, к сожалению, после службы в ГСВГ приходилось с такими случаями встречаться, но никогда я не пытался их скрывать, а принимал соответствующие меры воздействия к виновным.

2. Проблемы, дилеммы, радости и неприятности

Пока ставили боевую технику на хранение, подтянули и техническую подготовку механиков-водителей, командиров танков и БМП, офицеров-командиров взводов. На это время был разработан новый распорядок дня: рабочий день начинался с часового занятия по выполнению технических нормативов. На уровень состояния боевой группы довели и учебно-боевую технику, и транспортные машины.

В целом перевод техники на летнюю эксплуатацию и постановка ее на хранение прошли на более качественном уровне и в более короткие сроки. В ходе постановки техники на хранение выявилось, что начала разрушаться (буквально на куски) резина бандажа катков на всех БМП, кроме одного взвода, который оставался в ходе учений в военном городке. Зампотех дивизии пытался обвинить нас в том, что, дескать, солдаты для красоты протирали резину соляжкой или маслом. Это было очень серьезным обвинением в адрес офицерского состава и командования полка. Приехала группа следователей Главной военной прокуратуры с экспертами и определила, что это результат технологического брака. Надо признать, в последующем разрушенные катки нам вскоре заменили почти на 100 процентов, и они продержались без деформации, по крайней мере, еще четыре года. Так что и эта неприятная проблема была решена в пользу полка.

После завершения работы на технике сразу приступили к

боевой подготовке. На различных тренировках (СТ, ТСТ, ЗРТ, АСТ) восстановили необходимые навыки, успели отстрелять и отводить положенные учебные упражнения по огневой подготовке и вождению. С танкистами отстреляли упражнения штатным снарядом. И не зря. После первомайских праздников приехала большая комиссия из управления армии для проверки итогов боевой и политической подготовки за зимний период обучения. Мы еще их называли контрольной проверкой. Комиссия была очень взыскательной, особенно по огневой подготовке, вождению, проверке техники и вооружения. Главами подкомиссий по предметам обучения были начальники родов войск и служб армии.

Во время проверки я, естественно, находился большей частью на стрельбах или вождении, но не вмешивался ни в работу комиссии, ни в дела руководителей стрельб и вождения. Это были комбаты или ротные – мастера своего дела. И как ни старались проверяющие выкаблучиваться перед нами, однако ниже «четверки» ни по одному предмету наш полк не получил, по вождению, политической и технической подготовке получили отличные оценки. В результате по итогам проверки полк оказался на первом месте в дивизии и на втором – в армии.

Летний период обучения начали строго согласно разработанному нами плану боевой подготовки. Особое внимание мы уделяли тактическому слаживанию подразделений от отделения и взвода до батальона, качественному проведению всех плановых ротных и батальонных тактических учений. Надо было готовиться и научиться воевать с сильнейшим противником в случае его агрессии.

Если с расходом боеприпасов вопросов не стало, то из-за внеплановых полковых учений возникли проблемы с расходом моторесурсов. Хотя чуть позже израсходованный годовой лимит нам вернули, пришлось создавать новую систему экономии моторесурсов. Так, резко увеличили нагрузку для экипажей БМП и танков при проведении СТ и ТСТ на огневых городках и электронных тренажерах. В поле тактические приемы и действия сначала тренировали методом «пешим по-машинному» с применением переносных радиостанций Р-123, 105М, Р-107 и подачей зрительных сигналов с помощью флажков (красного и желтого) и рук, а уж затем на технике. Все ротные и батальонные учения проводили в границах Витштокского учебного центра. На железнодорожной ветке рядом с городом отрабатывали на технике учебно-боевой группы вопросы их погрузки и выгрузки. С нача-

лом занятий крепление машин на платформах и полная погрузка или выгрузка занимала не менее часа. Была поставлена задача реммастерской усовершенствовать крепежные элементы. Под руководством майора В.А. Гуреева были созданы принципиально новые крепления, что позволило сократить время погрузки эшелона в два раза, а выгрузки – в три раза. Помню, второй мотострелковый батальон, имея в эшелоне более 50 единиц своей и приданной бронетехники, выгрузился на станции недалеко от армейского учебного центра (АУЦ) за 15 минут. Погрузка при возвращении в ППД заняла 18 минут! Наладились хорошие связи с железнодорожниками, поэтому передислокацию любого батальона на АУЦ мы осуществляли в течение 3-4 часов. Колесную технику мы никогда не грузили, она начинала выдвигаться в район сосредоточения сразу после погрузки эшелона.

Размещались в выжидательных районах. Выкапывали вдоль дорог окопы для танков, БМП артиллерии, средств ПВО; сбоку – удобные щели, под деревьями развешивали палатки для отдыха, используя чехлы для техники. Всю технику накрывали маскировочными сетями, которые снимались и складывались в течение 20-30 секунд. Затем в стороне от тактического поля проводили тактико-строевые занятия сначала с ротами, а позже – с батальонами до тех пор (бывало – до недели), пока не достигали желаемых результатов. Опыт показал, что те, кто пренебрегали ТСЗ, во время учений имели потери и даже жертвы. Особенно учили командиров рот и батальонов самостоятельному проведению расчетов по выдвигению и своевременному выходу подразделений на рубежи развертывания и рубеж перехода в атаку, строгого соблюдения времени «Ч». Одновременно тренировались и подразделения усиления и поддержки: артиллерия, средства ПВО, боевые вертолеты, истребители-бомбардировщики.

Поэтому организация боя и особенно взаимодействия на местности, а также боевому (разведке, маскировке, ЗМП, РЭБ, инженерному, химическому, связи), техническому и тыловому (в том числе медицинскому) обеспечению придавалось первостепенное значение. Когда каждый элемент боевого порядка и всестороннего обеспечения знает свое место в наступлении и обороне, а также порядок перемещения и действий в бою и его обеспечения по цели, месту и времени, можно сказать, цели организации боя будут достигнуты.

Опыт локальных войн показывал возрастающую роль радиоэлектронной борьбы (РЭБ) в тактическом масштабе. Это требо-

вало изыскания новых подходов к поддержанию твердого управления подразделениями и частями в ходе боя. Даже в ходе учений во время проверки подразделения РЭБ армии буквально забили своими помехами наши каналы УКВ радиосвязи. Кроме постановки радиопомех они на основе полуавтоматического поиска радиобмена начали давать такую лжеинформацию, что иногда подчиненные командиры действовали ровно наоборот истинным командам старшего начальника. Мы сами, как руководители учения, вынуждены были вкладывать простейшие элементы для создания помех управлению в звене батальон-рота-взвод, чтобы вынудить их командиров быстро переходить на запасную частоту. В то же время в полку не было средств разведки о местоположении средств связи и РЭБ, чтобы, обнаружив, немедленно подавлять огнем артиллерии и авиации. Поэтому мы пришли к выводу перейти к новым приемам и методам поддержания связи с подчиненными и почти исключить радиопереговоры. С этой целью мы и предприняли целый ряд практических шагов.

Так, на марше, при выдвижении к рубежу атаки и в ходе развития радиостанции на БМП работали только на прием. Это было обусловлено тем, что УКВ-радиостанции работали в симплексном режиме, и при включении радиостанции на передачу кем-либо из экипажа, командир роты был уже не в состоянии поставить боевую задачу. Право на передачу имели только комбаты и командиры рот. Командиры взводов могли включить станцию только в случаях, не терпящих отлагательств, в аварийных ситуациях и при вызове медпомощи. Далее мы разработали таблицы сигналов (около 100) на оптимальное количество возможных действий, команд по возможным вариантам обстановки. Эти сигналы, составленные из одного слова и одной цифры (возможно было применение или без цифры, или без слова) знали все от комбата до рядового. Если, к примеру, поступал сигнал «Погода-15», то подразделение должно было немедленно изменить направление наступления на 15 градусов вправо по ходу движения, если «Погода-45», значит влево на те же 15 градусов. Кроме радиосигналов отработаны десятки зрительных (желтым и красным флажком, руками, головным убором), световых (осветительными патронами, фонарем, фарой) и звуковых сигналов. Так мы постепенно перешли от интенсивных радиопереговоров к управлению подразделениями путем подачи коротких сигналов; путем подачи определенного сигнала без слов и цифр мы в случае помех немедленно переходили на запасную частоту.

Командиры мотострелковых батальонов долго не могли поддерживать непрерывное взаимодействие с танковым батальоном. Выход нашли: стали взаимодействующим (приданным) танковым подразделениям выделять радиостанции Р-107, и проблем не стало.

Сложной задачей явилось выполнение подразделениями полка боевых действий ночью. Помню, когда в середине зимы проводили первое батальонное учение с этапом боевой стрельбы в ночное время, неожиданно обнаружил, что левофланговая рота, заблудившись, наступает в сторону тыла, ведя интенсивный реальный огонь по светильникам на огневом рубеже, совпадавшим с рубежом перехода в атаку, а также по своим БМП, отставшим от цепи на 300-400 м, и по нашему БТР-60-ПУ – рота изменила направление наступления на 180 градусов! Немедленно дали сигнал – серию красных ракет и по радио – «Всем стой!» («стопор» на прекращение огня и движения всему батальону). Хорошо, что обошлось без жертв. Когда же начал проверять причину происшествия, выявил, что в этой роте и у ряда офицеров другой роты вообще не было компаса. Это означало, что ранее в полку учения с боевой стрельбой ночью не проводились. Причина – боязнь ответственности за происшествия. В армии за любое чрезвычайное происшествие несут ответственность не непосредственные виновники, а их прямые начальники; в полку – это комбат и командир полка. За то, что немецкий летчик-хулиган приземлился на Красной площади, был снят с должности министр обороны – маршал С.Л. Соколов, хотя за режим и службу ПВО отвечал его заместитель, Главком войск ПВО страны. Вот почему немало командиров батальонов и полков боялись проводить учения с боевой стрельбой, особенно ночью, стрельбы из танков штатным снарядом и стрельбы артиллерии, пуски ракет, в том числе зенитных и противотанковых, бомбометание авиации.

Эти горе-командиры хорошо вели учет, записывая в журналы непроведенные учения. Как бы чего не вышло! Вот они и ждали-пережидали, когда же их выдвинут на вышестоящую должность, или отправят учиться в академию, или переведут преподавателем, или – в вышестоящий штаб.

Мы пытались – и безуспешно – найти способы борьбы с воздушным противником и, в первую очередь, с боевыми вертолетами, так как их количество в армейских корпусах и дивизиях США, дислоцированных в ФРГ, нарастало как ком. Только в одной механизированной дивизии насчитывалось 146 единиц, в

том числе боевых – 70. В интересах обучения операторов ЗРК «Стрела-1», «Стрела-2» мы использовали пуск ракет реактивных установок БМ-13 («Катюша»). Для борьбы с вертолетами применяли огонь из ЗСУ «Шилка» (по ближним целям) и бризантные артснаряды с дистанционными взрывателями. Применение последних – не простое дело, но если заранее подготовить исходные данные для стрельбы по определенным ориентирам, то бороться можно, особенно в обороне. Думаю, что нынешние БМП-2 и БМП-3 могут сыграть не последнюю роль в борьбе с вертолетами, но лишь в зоне досягаемости их огня. И, конечно, их надо производить, ими надо оснащать наши сухопутные дивизии.

Кроме учений с боевой стрельбой с мотострелковыми и танковыми батальонами (в год – РТУ-12, БТУ-4, ПТУ или ДТУ-1, столько же без боевой стрельбы), с каждым разведывательным, инженерно-саперным спецподразделением, роты химзащиты, тыла (авторотой, реммастерской) проводились отдельные тактико-специальные учения на местности. Само собой, с каждой батареей (дивизионом позже) артиллерии проводились помимо боевых стрельб на общевоинских учениях, как и со всей артиллерией полка – управление огнем с применением реальных боеприпасов в каждом периоде обучения. С зенитно-ракетной батареей проводились, помимо их участия в учениях, боевые стрельбы на Гюстровском полигоне. Так что интенсивность боевой подготовки была очень высокой, для чего требовались громадные усилия офицерского состава. Единственными «окнами» для нормальной жизнедеятельности, в том числе работ на технике, УМБ и даже для охоты было время между периодами обучения от одного до полутора месяцев. Лично я (кроме этих «окон») не знал ни выходных, ни праздников. Например, в каждое воскресенье я ехал вместе с ЗКТЧ или НВТС на полигон и проверял готовность учебной боевой техники (до каждой машины), огневого городка и полигонного оборудования к занятиям на следующую неделю. Зато был спокоен, что на следующей неделе будет все в порядке. Мой заместитель в это время проводил спортивные мероприятия или смотры строевых песен в течение 2-3 часов.

Следует сказать и то, что после зимнего периода обучения, когда мы получили хорошую оценку, все остальные офицеры по воскресеньям имели выходной день. Если офицер назначался ответственным по батальону или полку, дежурным по части или начальником караула, он автоматически, без разрешения, имел

выходной день в понедельник. Для личного состава полка высокая интенсивность боевой подготовки была благом, ибо давно доказано, что чем выше интенсивность и качество боевой подготовки, тем крепче дисциплина. Самоволки, пьянки, мордобои, воровство и другие дисциплинарные проступки и правонарушения возможны лишь в условиях безделья личного состава, создаваемые неорганизованностью, низкой требовательностью, ленью и даже трусостью отдельных командиров и начальников. Слава богу, ни один наш солдат не был осужден.

Произошли изменения в командном составе армии и группы войск. Убыл на вышестоящую должность командующего одной из групп войск генерал И.И. Камищев. Он, безусловно, оставил о себе в моей памяти особый след. С одной стороны, участник войны, Герой Советского Союза, весьма требовательный командующий, возможно, хорошо знавший свое дело. С другой стороны – генерал, совершенно не уважавший подчиненных и очень любивший себя. Помню, зашел ко мне замполит и сказал, что все командиры частей и командование дивизии готовят подарки ко дню рождения Ивана Ивановича, и они через несколько дней лично поедут в Фюрстенберг поздравлять его. При этом он сказал, что на складе военторга можно выбрать любой подарок. Я поинтересовался, на какие деньги будем покупать подарок?

– Ну, за счет вида 1 или сброситься нам, командованию или офицерам.

– Нет, Витаутас Йозович, за счет солдат (вид 1 создавался в армии за счет прикухонного хозяйства, и деньги расходовались по личному усмотрению командира полка на дополнительное питание и мероприятия по улучшению быта и экипировки солдат и сержантов) я не собираюсь покупать подарок, а собирать деньги с офицеров – не моя функция. Я как раз обязан заботиться о полном денежном довольствии личного состава, в том числе и офицеров, но не принимать меры по оскудению их кармана. Если пойти этим путем, то деньги мы должны собирать ко дню рождения всем начальникам от ротного до министра обороны. На что же жить офицерам и их семьям?

– Что будем делать?

– А вот что: подготовьте текст поздравительного адреса за подписью командира полка и его заместителей, а я дам команду начальнику артвооружения изготовить макет БМП из гильзы снаряда с надписью «От личного состава в/части 47147». Так все и сделали. Сувенир солдаты изготовили изящный, симпа-

тичный: это была точная уменьшенная копия БМП. Вручить его командующему поехал первый заместитель командира полка майор Г.И. Следь. Вернулся же Геннадий Иванович понурый в отличие от обычного оптимистического настроения, и рассказал, что командующий принял наш сувенир и поблагодарил. Надо было видеть, какие подарки привезли и вручали командиры соединений и частей с утра и до обеда!

– Ну и хорошо, Геннадий Иванович, у каждого командира своя дорога. Вы же знаете, наша – это дорога чести, достоинства, совести и порядочности. Быть подкаблучником, подхалимом и камелеоном – не моя стезя.

Через несколько лет генерал-полковник И.И. Камищев за злоупотребление своим служебным положением будет снят с должности и получит по партийной линии строгий выговор с занесением в учетную карточку. Я этому не хотел верить. Но когда подробно обо всем мне рассказывал позже в Вильнюсе член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, генерал, то поверил. Свое имущество, в том числе несколько машин, генерал Камищев вывез из одной страны на трех самолетах ВТА. И спасся он от исключения из КПСС только благодаря званию Героя. Вот бы и в России иметь подобный комитет! Взгляните на это шире: разве его обогащение шло скрытно? Где был член Военного Совета, начальник управления особых отделов группы, секретарь парткомиссии? Разве они не знали? Но молчали до поры – до времени, ибо наверняка и сами были повязаны. И тем не менее, это были лишь первые проявления роста масштабов коррупции в армии.

Вместо Камищева на должность командующего нашей армией прибыл симпатичный, плотный, всегда уравновешенный, знающий себе цену, прошедший всю войну, весьма мудрый и интеллигентный генерал-лейтенант М.И. Сорокин. В будущем он станет командующим войсками Ленинградского военного округа и закончит службу заместителем министра обороны – Главным инспектором СА и ВМФ.

Произошли и другие изменения. Вместо генерала Якимовича, получившего повышение (стал командующим армией в ДВО), прибыл генерал-майор А.Ф. Шишагин. Вместо генерала армии С.К. Куркоткина, ставшего заместителем министра обороны – начальником тыла Вооруженных Сил, главнокомандующим ГСВГ стал генерал армии Е.Ф. Ивановский, до этого командовавший войсками МВО. Безусловно, Ивановский – один из лучших, че-

стных, высокоинтеллектуальных представителей высшей советской военной элиты. Думаю, что никто другой не внес большего вклада в укрепление боеготовности и боеспособности войск ГСВГ, чем он. Генерал Ивановский командовал ГСВГ восемь лет, но чем-то не угодил (известно – чем) руководству страны и Советской Армии. Ни один офицер, генерал, служивший в ГСВГ, не мог бы сказать об этом человеке ни одного плохого слова; его честность и благородство, доступность, преданность Родине и народу были примером для подражания. В 1980 году Е.Ф. Ивановский был перемещен с понижением в должности – командующим войсками Белорусского военного округа.

...Казалось, в полку наведен порядок, все строго по плану. Лишь начальник артиллерии подполковник Щука мои требования и взыскательность воспринимал как личную неприязнь к нему, и, как мне сообщили, пожаловался на меня Начальнику ракетных войск и артиллерии армии генералу Н.И. Серede. Однажды ночью в третьей декаде июля докладывает мне дежурный по части о том, что получен сигнал на вскрытие соответствующего пакета, в котором было боевое распоряжение за подписью командарма «поднять артиллерию полка по тревоге и к шести часам утра совершить марш на Витштокский учебный центр с занятием огневых позиций (в соответствующем районе) в готовности выполнять задачи, поставленные НРВиА армии. Колонну возглавить лично командиру полка».

Марш и занятие огневых позиций мы совершили своевременно. Оказалось, что здесь уже неделю находилась артиллерия 60-го мотострелкового полка танковой дивизии, с которой мы и должны были потягаться по замыслу генерала Середы. Однако задуманного состязания не получилось, скорее это было истязанием для нервов командира полка. Если внеплановые (а они все были только таковыми) цели, указанные генералом, артиллеристами 60-го мсп поражались почти на 100 процентов, то наши батареи стреляли мимо. Мне даже показалось, что исходные данные и команды на исполнение подполковник Щука подавал батареям заведомо неверные, ложные. Дело в том, что ошибки батарей в ведении огня по назначенным целям и по дальности, и по боковому было поразительно разными. Сначала я глазам не верил, так как на весенней проверке в мае наши минометные батареи теми же офицерами из штаба артиллерии армии были оценены на «хорошо», а 3-я минометная старшего лейтенанта Иванова – на «отлично». Когда очередь дошла до этой батареи,

получившей тоже «неуд», я успокоился и понял, что это специально поставленный спектакль с целью «поставить» командира полка на место. Дело в том, что чуть ранее на состязаниях артиллеристов в ГСВГ Г.И. Иванов занял первое место среди командиров батарей всей группы войск, но об этом ни Середа, ни Щука, недавно прибывшие к нам, вероятно, не знали. Понял я и другое: Щука, много лет прослуживший заместителем начальника штаба полка, потерял свои профессиональные качества и был просто неспособен управлять огнем артиллерии полка. Вот эту последнюю задачу генерал Середа почему-то возложил не на командира полка, а на начальника артиллерии. В последующем я никогда более этому «начальнику» не доверял управление огнем, и боевые задачи на всех учениях минометным батареям ставили комбаты, а батареям (позже дивизиону) полка ставил лично.

Но в тот день я весь этот «позор» выдержал молча, кивал головой в знак согласия на издевательские замечания генерала и грелся на солнышке до самого обеда, когда был дан отбой стрельбам. Радости у Щуки и генерала не было предела. Но я был не лыком шит, и никаких дополнительных мер, кроме контроля за выполнением плана боевой подготовки, не стал принимать.

Приказом командарма №095 от 26.07.72 г. «за низкую специальную подготовку минометных батарей и неудовлетворительную слаженность всей артиллерии части при управлении огнем» мне был объявлен выговор. Но штабу дивизии этого показалось мало. И хотя за один проступок по Уставу не положено дважды наказывать, приказом комдива №0132 от 28.07.1972 г. (через двое суток) «за самоустранение от руководства боевой подготовки (именно так и записано) артиллерии полка, неудовлетворительную подготовку минометных батарей и не принятых мер (так и записано) по устранению имеющихся недостатков» мне был объявлен уже строгий выговор. Откуда появились такие познания у НШ и Начальника артиллерии дивизии (не помню его, так как за два года ни разу не видел), что недостатки можно устранить за двое суток, я так и не понял.

Такие акробатические формулировки типа «за самоустранение от руководства боевой подготовки» и «не принятых мер», конечно же, останутся в анналах архивов истории дивизии как образцы не только мракобесия (грубое нарушение закона), но и неграмотности штаба дивизии. Это не мои изыски, передо мной –

копия служебной карточки генерала Александра, выданной военкоматом из архива по моей просьбе.

Не помню, наказал ли я Щуку, показавшего не только свою непорядочность, но и полную некомпетентность, но в будущем я рассматривал его как обычного штабника. Как артиллерист в моих глазах Щука бесславно умер. Тем не менее, я до сих пор искренне благодарен генералу Середе за урок, хотя и приправленный достаточной дозой подлости. На итоговой проверке осенью комиссией УБП ГСВГ наша артиллерия была признана лучшей.

В конце июля комдив провел двусторонние двустепенные полковые КШУ на картах с выездами на местность с нашим и 286-м мотострелковым полком, которым командовал заменивший полковника Мельникова подполковник А.К. Дорошенко. Это было очень полезное учение по закреплению знаний и навыков по принятию решения, организации боя и всестороннего обеспечения. Главное – это учение давало большую пользу по совершенствованию слаженности штаба и всего управления полка. Решения сторон по определенной обстановке наносились на карту комдива, лично определявшего, которое из них целесообразно. К нашему удивлению, на всех этапах и в ходе общего разбора учения предпочтение и победу комдив отдал нам. Впервые начальство осталось довольным. Ну и мы – тоже. Хочу добавить, что Толя Дорошенко был хорошим командиром полка, имел хороший голос, играл на гитаре. Через год он был направлен на преподавательскую работу в Военно-политическую академию.

По окончании учений, в соответствии с графиком, комдив предоставил мне очередной отпуск. Всей семьей мы поехали к дяде – Николаю Ивановичу Поповцеву в станицу Старопавловская (в 50 км от Пятигорска в сторону Нальчика). В станице обосновался богатейший колхоз имени В.И. Ленина. Дядя работал в средней школе учителем географии и труда, был направлен после войны сначала в Кизляр, а затем в Старопавловку, построил дом, нашел нашу тетю Нюсю и вырастил троих детей: двух сыновей и дочь. Дядя, кстати, был кавалером двух орденов Славы и медалей «За отвагу». Войну закончил старшим лейтенантом.

С одной (северной) стороны станица опоясана огромным оврагом, по дну которого радостно плескаясь и журча, протекает ручей Неволька с холодной и чистой, как слеза, водой, берущий начало из безымянного ключа восточнее села. С Невольки мно-

гие станичники брали воду для питья с помощью хитроумного подъемника, хотя водопровод и был в станице. С южной стороны станицу омывает мощная горная речка Малка, всегда бурлящая своими желтыми водами и служащая границей с Кабардино-Балкарией.

Поля колхоза от суховея, степных ветров и ураганов защищает протянувшаяся со стороны Ново-Павловки лесополоса, обсаженная акациями и абрикосами. Варенье из абрикосов – это что-то немыслимо вкусное! Когда-то в давние времена в степях Ставропольского и Краснодарского краев жили кочевые племена скифов, сарматов, хазар, аланов, ногайцев, пока они не были заселены казаками. До появления лесополосы на их территории не росли ни пшеница, ни кукуруза, потому как любой урожай погибал. Были периодические неурожаи в России в XIX веке – начале XX века и даже в годы Советской власти. И хотя Украина, с красивых слов Хрущева, была объявлена «житницей страны», на самом деле она едва кормила хлебом свой народ. И только благодаря сталинскому плану преобразования природы, над которым ныне любят подтрунивать «демократы» всех мастей, эти края стали житницей России. С обеих сторон лесополосы – акация и абрикосовые насаждения, которые не боятся засухи и, кроме того, рай для разной дичи. Я видел зайцев, лис, но меня всегда волновали перепела, которые на лето перемещаются с лесополос на кукурузные и золотистые пшеничные поля. Их там – море!

Сталин взрыхлил почву и посадил тысячи километров лесополос, чтобы наш народ в будущем никогда не голодал. Сталин думал о будущем, Хрущев – только о своей славе. Сталин имел академические знания во всех областях производства, науки и техники, военного дела; Хрущев был неграмотным эгоистом. Вот такая между ними разница. Одно было у них общее: при Сталине с участием Никиты были осуждены и отправлены в лагеря десятки тысяч людей, и это им простить нельзя. Хрущев довел население страны до нищеты, стал таким же диктатором, как Сталин, взяв полноту власти на себя, как во время войны, только войну вел со своим народом.

...По обе стороны Неволки росли самые различные фруктовые деревья и посадки, но самыми вкусными для нас были черешня, вишня, виноград и алыча. По северному берегу Малки раскинулись фруктовые сады колхоза. Обычно перед отъездом на службу в конце отпуска председатель колхоза позволял нам

собрать два-три ведра отборных яблок, хотя и в своем саду их было достаточно, но с другим вкусом.

Малка была настолько «своенравной» и «психованной» рекой, что люди ни рыбу не ловили, ни купались, за исключением, конечно, детей. наших сыновей во время купания в Малке опекала моя двоюродная сестра Ольга – настолько смелая и рискованная, было жутковато смотреть, как она ныряла с кручи в бушующую реку. Для отдыха, купания и рыбалки колхозников был построен огромный пруд где-то 300х400 м и глубиной до двух метров, который наполнялся с помощью скважин чистейшими подземными водами. Там мы и купались по 5-6 раз в день, загорали, удочкой пытались выловить рыбку. Где-то лет десять-пятнадцать назад я прочитал в одной «правдивой» газете (90 процентов врут), что под станицей Старопавловская геологами обнаружено величественное подземное озеро с совершенно чистой питьевой водой, которой в будущем будут обеспечены курорты Кавказских минеральных вод.

Запомнился этот отпуск чередой острых ощущений. Так, однажды поехал я на дядином мотоцикле «М-1» за какими-то уж очень необыкновенными яблоками в колхозный сад; без звонка захожу в калитку и сразу оказываюсь на территории сада. Останавливаюсь, пытаюсь окликнуть сторожа и в этот момент вижу, как ко мне мчится овчарка. Естественно, четвероногое «секьюрити» не стало вступать в переговоры со мной и с рычанием впилось клыками в мою правую ногу. Кровь полилась ручьем. Рывком я освободился от хватки и, ударив ногой со всей силы собаку в бок, нажав на газ, рванул назад. Ни на минуту не оставившись, доехал до фельдшерско-акушерского пункта, где мне остановили кровь, перевязали и на всякий случай сделали укол то ли против бешенства, то ли с целью исключить заражение крови.

Дело шло к вечеру. Приехав домой, сел перекусить. Очень скоро я почувствовал жар; температура росла с каждой минутой, тело начало покрываться сыпью, да такой, которой не было даже во время болезни корью в детстве. Тело горело, кожа покрылась красными пупырышками и зудела до боли. Дядя посоветовал доехать до Новопавловской больницы и показаться врачам. Сел я на мотоцикл и через десять минут был у единственного в больнице дежурного врача. Выслушав и осмотрев, он вызвал медсестру и приказал сделать мне укол с хлористым кальцием. Оказалось: аллергия к предыдущему введенному препарату.

Очень быстро спал жар, прошел зуд и через каких-то пятнадцать минут я был в полном порядке. Разговорились с доктором, он посоветовал еще с полчаса посидеть у них, чтобы убедиться, что все в норме. Тогда я достал бутылку армянского коньяка, которую дядя положил в мотоцикл на всякий случай, и мы с доктором за полчаса успешно справились с ней. Затем он посоветовал ехать потихонечку, чтобы не продуло. И только тут я понял, что не помню, как попал в больницу. Спасло меня, видимо, хладнокровие к неожиданным ситуациям и запас жизненной энергии. В общем, все обошлось.

Однажды нас с дядей женщины послали за хлебом. Я уже писал о том, что вкуснее старопавловского хлеба ничего в мире нет: душистый, пористый, ароматный. Хлеб нашим выдавали бесплатно, по талонам. Наверное, так было выгоднее колхозу. Ну вот, купили мы хлеба и бутылку водки (тоже на всякий случай), пришли домой, сели за накрытый стол под виноградом, расплзшимся по веткам орехового дерева, и по случаю какого-то события дядя разлил женщинам свое сухое виноградное вино, а нам, мужикам, водку. Он произнес тост и содержимое стакана мигом опрокинул внутрь. Я тоже сделал пару глотков и увидел, что лицо дяди наливается кровью, у него остановилось дыхание, руки выполняют энергичные, непонятные движения – как будто отгоняет от себя того беса. Тут я понял, что вместо водки нам подсунули в магазине бутылку уксуса с этикеткой «Московская водка», хорошо, что уксус был обычным, девятипроцентным. Мне было легче, сосед Коля не успел попробовать, а вот дяде пришлось промыть желудок несколько раз. Пошли вновь в магазин, там нам заменили начатую бутылку на настоящую. Оказалось, что местные грузчики иногда пользовались таким способом баловства – заменой бутылки водки на уксусную. До чего же изобретателен русский человек! Это нам рассказали продавцы. Праздник довели, конечно, до конца.

Мы еще раньше познакомились и подружились с нашими соседями-одногодками: Николаем Харченко и его женой Валей, очень гостеприимными и милыми людьми. Коля был механизатором на все руки. Жили они хорошо, у них был мотоцикл «Урал» с коляской. Нередко вечерами мы все восемь человек (с детьми) садились на этот мотоцикл и уезжали в степь, на лесополосу, к реке и там у костра устраивали пикник. Какое же это было чудесное время!

Прошел отпуск, наступили будни, незаметно подошла осень.

В середине сентября стало известно, что со 2 по 8 октября полк будет проверен комиссией командира дивизии и грядёт итоговая проверка – прибывает большая группа офицеров управления боевой подготовки (УБП) ГСВГ. Я собрал офицеров и впервые сказал им до начала проверки, что все подразделения полка не только готовы к проверке, но и готовы к ведению реальных боевых действий по выполнению любых боевых задач. Проверку надо встретить с достоинством и уверенностью в своих силах. Впервые я был уверен в своих подчиненных, и нам уже не страшны проверки на любом уровне. На всякий случай провели контрольные стрельбы и вождение, выверку прицелов орудий, пристрелку всего стрелкового оружия, в том числе пулеметов танков и БМП.

В последующие, точнее, в оставшиеся до проверки три дня привели в идеальное состояние полигонное оборудование, участки и центральные вышки, огневые городки, огневые рубежи, артвинтполигон, бронедом. В казармах, парках провели уборку, были запрещены всякие покраски, кроме дезинфекционной побелки деревьев, протерли пыль со всех машин. Для того чтобы питание на время проверки было более калорийным, разнообразным и особенно вкусным, забили несколько свиней. Всех помыли в бане, планово выдали новое белье, повседневное обмундирование и обувь для личного состава, подбили каблуки.

Могу сказать, что мы никогда не брали соцобязательств сделать полк отличным, но горели желанием, чтобы проверку проводили одновременно с Проскуровским танковым полком, «придворным» при штабе ГСВГ, который всенародно брал соцобязательство стать отличным. Позже наши проверяющие говорили, что они «не вылезали» из этого полка все лето, чтобы помочь командиру полка в выполнении навязанной им задачи. Если мыслить здраво, никакой полк, по существовавшим тогда критериям, отличным сделать было невозможно, разве что при условии допущения оценки состояния техники, вооружения, тыла и службы войск, тактической подготовки на «хорошо». Объявление полка отличным было обычным партийно-политическим мероприятием в сочетании с очковтирательством. Тем не менее, каждому командиру стремиться к высшей оценке надо. Проверке подвергались десять рот (батарей) и управление полка, остальные проверялись командиром полка после 10 октября. Семь рот и батарей сдали проверку по всем основным предметам обучения на «отлично». Это мотострелковые роты, которыми ко-

мандовали старшие лейтенанты В.Г. Рябоволов, И.П. Горошко, А.Н. Дергач (4, 6, 7 мср), разведрота гвардии старшего лейтенанта Б.А. Герасимова, минометные батареи гвардии старших лейтенантов В.Т. Алавердова и Г.И. Иванова, батарея ПТУР гвардии лейтенанта А.И. Кубаткина. Отличным стал и второй мотострелковый батальон гвардии майора В.М. Бибена. Заслуживают доброго упоминания комбаты подполковник А.А. Отрощенко, Я.Г. Погодин, капитан Т.А. Спитченко, начальник ПВО полка подполковник Л.С. Ромас. Командиры 31-го взвода добились по всем дисциплинам только отличных результатов и среди них лейтенанты Г.А. Налетов, Н.В. Зимин, Н.П. Серов, И.С. Саламатов и многие другие.

Состояние боевой техники, вооружения, тыла, службы войск и внутренний порядок в полку были оценены на «хорошо»; «отлично» – политическая, огневая, строевая, физическая подготовка, вождение боевых машин, остальные предметы – на «хорошо». В достижении этих успехов бесспорно были заслуги и моих заместителей гвардии майоров Г.И. Следя и В.И. Чепулиса, В.А. Гуреева, гв. подполковника Г.И. Очеретяню; начальников служб гв. майоров В.И. Гайдая и М.В. Гаврилова, замначштаба гв. майора В.С. Кудрявцева и других зампотехов и замполитов батальонов и рот, которые не сидели в кабинетах, а работали и были вместе с солдатами на учениях, полигонах, в парке, наравне со всеми стреляли и водили, сидели в окопах и наступали в боевых порядках своих подразделений.

По итогам боевой и политической подготовки за 1972 учебный год полк занял первое место среди полков дивизии и второе место во 2-й гвардейской ТА и в ГСВГ. За достигнутые успехи полк был награжден Грамотой Военного Совета ГСВГ. Вручал ее перед строем полка Член ВС, начальник политуправления ГСВГ генерал-полковник И.С. Медников. После вручения грамоты, кратких приветственных и ответных речей, прохождения торжественным маршем и с песнями состоялись беседы генерал-полковника с личным составом и знакомство с размещением подразделений, техники, складов, клубом, караульным помещением и нашим «квашпунктом» (так мы называли овощехранилище), где он попробовал заготовленные на зиму рубиновые помидоры и изумрудные огурцы; розовые, словно светящиеся изнутри огнем жизни, моченые арбузы и кисло-сладкие, самые вкусные в ГСВГ и Советской Армии, моченые яблоки. И это, заметьте, не из консервных банок, а из многих десятков бочек,

которые были насолены заведующим складом и по совместительству заведующим солдатской столовой прапорщиком И.С. Березовским. Найти бы его сейчас! (Он и начальник тыла Г.И. Очеретянко, кстати, могут подтвердить, что при большом изобилии овощей и фруктов, наличии двухсот свиней командир полка за два с лишним года ни разу не взял для своего стола и семьи ни одного кило ни овощей, ни фруктов, ни зелени, ни мяса. Ну, это между прочим.)

Рядом в теплице к обеду снимали свежий урожай зелени. Затем Иван Семенович зашел в солдатскую столовую, обратился с хорошими словами к солдатам и пообедал вместе со всеми. Сказал, что никогда еще такого вкусного обеда не ел. Думаю, это было сказано, чтобы сделать нам приятное. Но все-таки должен сделать одно замечание: ни в одном ресторане мира не готовят так вкусно жареную рыбу, пшеничную с горохом кашу, рагу из овощей и окрошку на хлебном квасе, бутерброды с салом и луком, как русские солдаты-повара! И еще добавлю: в полку солдаты не худели и не толстели, все они были «налиты» мускулами, загорелые, с хорошим румянцем на щеках. Еще бы! Только спортсменов-разрядников в полку «выращено» за год 1527 человек. Мы были горды нашими гвардейцами!

После проверки остальных подразделений, оцененных комиссией полка на «хорошо», был издан приказ, согласно которому за успехи в боевой и политической подготовке большое количество солдат получили звание «ефрейтор», а сержанты – очередные воинские звания. Ряд офицеров представлен к досрочному присвоению званий. Десятки человек получили краткосрочные отпуска с выездом на Родину; вручено множество ценных подарков и отправлены благодарственные письма родителям за отличное воспитание сыновей, многие представлены для поощрения вышестоящим командованием. 844 человека получили почетные знаки «Отличника Советской армии и ВМФ», 946 человек стали классными специалистами от третьего класса до мастера. Звание «Мастер вождения танков и БМП» присвоили и мне после сдачи экзамена лично начальнику бронетанковой службы армии полковнику Н.П. Зенову.

Труд командира полка был отмечен первым поощрением командива – ценным подарком (часы «Восток»); командарм наградил грамотой и, как я узнал намного позже из служебной карточки, по представлению Главкома ГСВГ мне была объявлена благодарность Главкомом СВ СА. Коренным образом изменилось отноше-

ние комдива в хорошую сторону. За первые три месяца службы в дивизии он объявил мне около пятнадцати взысканий, правда, в служебную карточку внесено лишь несколько. Интересно, что у меня не было и не осталось никакой обиды. Комдив был очень требователен не только к подчиненным, но и к себе. Во время учений всегда сверял свои и наши решения с наукой. Позже, его жена, Лидия Марковна, передаст мне тетрадь с записями наиболее важных данных по содержанию решений на каждый вид боя, а также по содержанию указаний по боевому, техническому и тыловому обеспечению, порядка работы командира по организации боя, в том числе взаимодействия и планирования боя. Он не стеснялся наши доклады сверять с записями в этой рабочей тетради. Прекрасно разбирался в вопросах тыла. Например, кропотливо следил за тем, чтобы своевременно производилась замена неприкосновенных запасов («НЗ»), в частности, продовольствия. Надо учесть, что не так-то просто было командовать дивизией полного состава на основе знаний заочного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе. Но он учился, и учил нас. Это был высокий, крепко сложенный мужик-украинец с седыми волосами, греческим орлиным носом, голубыми глазами, с огромным запасом энергии, которая, естественно, передавалась и нам. Он был очень порядочным и бескорыстным. Это был гвардии генерал-майор Петр Степанович Куприенко. Лучшего комдива за всю службу в армии я не встречал.

После подведения итогов и празднования 55-летия Великой Октябрьской социалистической революции мы завершили перевод техники на зимнюю эксплуатацию, приведение в порядок объектов УМБ, военного городка и приступили к подготовке к новому учебному году. По приказу комдива для сборов командиров частей и батальонов подготовили и провели показательные занятия по приведению полка в полную боевую готовность; провели командирские сборы с командирами рот (батареи) и их заместителями, а затем и сборы с командирами взводов. В батальонах провели командирские сборы с младшим командным составом – сержантами, одновременно всем дали приказ пострелять, поводить боевые машины, принять решение на групповые упражнения или «летучку» по тактике. Так было всегда в ГСВГ в промежутках между учебными периодами. Кроме того, с командирами полков и их замами, НРВС были проведены командирские сборы в армии, а с комдивами и их замами – в ГСВГ.

3. Полезные уроки

Новый учебный год, начавшийся 1 декабря, начали организовано, строго по плану, без всякой штурмовщины, солидно, толково, и днем, и ночью. Выходные дни использовались только для отдыха. Ноябрь, декабрь – сезон охоты. Я обычно по воскресеньям с охотколлективом полка выезжал на охоту на гусей, уток, кабанов, поддерживая связь с полком по переносной радиостанции УКВ. За время службы на территории ГДР в памяти осталось немало забавных историй и случаев. О некоторых из них я расскажу позже, но сейчас перед глазами три случая, имевших место быть в один день.

Первый – когда не везет. Поехали охотколлективом (около 40 офицеров) охотиться на коз, оленей, кабанов – кого бог пошлет. Небольшую возвышенность ниже смешанного леса прорезал глубокий, длиною до 400 метров овраг, заросший кустарником, который заканчивался примерно в 150 метрах от леса. Вот там, у начала оврага в крохотной рощице и определил егерь мое место, или мой номер. Часть охотников была расставлена и укрылась на опушке леса. Загон начался снизу криком, шумом, свистом. У немцев принято в загон ставить лишь учеников или охотников, чаще без оружия – чтобы не перестрелять друг друга при появлении дичи.

Не успел я как следует разместиться поудобнее, как буквально в пяти метрах от меня появилась косуля, которая пронеслась рядом как молния. Запоздалый выстрел и – мимо! И пошло – поехало! Передо мной проскакало около десяти косулей (а нам нужна была лишь одна!), каждый раз при их появлении на 5 секунд в секторе наблюдения я стрелял, и все – мимо! Когда появились загонщики, я наконец понял причину полного фиаско. Оказалось, что тропа, по которой бежали косули, находилась в трех метрах от прогалины, откуда я ждал зверя. Но они появлялись каждый раз в пяти метрах, и я их видел в секторе обстрела всего 2-3 секунды. Казалось, держи ружье в направлении, откуда выскакивают козы, но я упорно продолжал ждать их появления в просматриваемой прогалине. Мало того, остальные охотники продолжали стрелять по мере подхода косуль на 30-40 метров, но звери на огромной скорости проскакивали между ними. И ни одного трофея!

Второй казус: ты – слеп, а заяц – умнее. После позорного события наш егерь посмеялся и сказал, что поскольку мы на

оленья охотиться не умеем, пойдёмте на зайца. Построились в цепь, интервалы между охотниками – 25-30 метров. По сигналу егеря пошли в наступление по всему огромному полю, засеянному клевером. Идем, идем, идем, а зайцев – нет. Егерь посмеивается, затем дает нам установленный сигнал – «Стой!» Остановились, он подходит ко мне и взглядом показывает: «Посмотри под ноги!» Смотрю, лежит в 30 см небольшой, овальной формы то ли бугорок, то ли камень под цвет спящих растений. Развожу руками: ничего, мол, не вижу! Тогда он своей палкой ткнул о бугорок и, о чудо!, камень превратился в здорового матерого зайца, давшего деру чуть ли не со скоростью звука! Упал он только после моего второго или третьего выстрела. И тут началась пальба! Оказывается, зайцы, увидев охотников, и не думали бежать: они немедленно замерли, маскируясь под цвет местности. Трех-четырёх зайцев все-таки взяли.

Затем был обед из тех блюд, которые упаковала для каждого охотника его жена. Спиртное не трогали. Выпить «фронтовые» позволялось только после окончания охоты. Я угостил своим обедом егеря и водителя. Похвастался, что сегодня с нами новый охотник, которого вчера торжественно, после сдачи зачета, приняли в свой охотколлектив. Егерь попросил показать его, что я и сделал. Это был командир ремонтной мастерской (роты) капитан Е.М. Сидоренко, всегда сдержанный, скромный, немногословный, но мастер и организатор, каких мало, большой тру-дьяга.

Третий случай – удачи. В тот день был последний загон, непосредственно в лесу. Сидоренко поставлен на номер в кустах при выходе из леса у дороги, недалеко от злополучного для меня оврага. Расчет егеря был удивительно прост: кабанам из небольшого леска деваться больше некуда, кроме как выйти к оврагу и по нему добираться до соседнего большого леса. Егерь очень хотел, чтобы Сидоренко повезло; охотниками становятся, как правило, те мужики, которым повезло на первой охоте. В ходе загона кабаны не вышли ни к одному из охотников, разместившихся по опушке, но сразу два огромных кабана появились перед Сидоренко из-за поворота дороги всего в пятидесяти метрах. Не спеша, рысцой бежали прямо на него. Наш капитан спокойно принял стойку, аккуратно прицелился в первого – выстрел, затем во второго – выстрел, и оба кабана спокойно улеглись в 20-30 метрах. Природное хладнокровие и выдержка офицера сделали его сразу асом – охотником первой величины.

По окончании охоты устроили небольшой а-ля фуршет, на котором наш милый егерь Эрих торжественно прикрепил ветки дуба на головные уборы победителей. Вот когда чувство восторга овладевает сверху донизу – в душе и на сердце! Думаю, нет нужды рассказывать, что на охоте все равны, от маршала до рядового, от президента до телохранителя, и любая добытая дичь становится, как при коммунизме, общенародной собственностью. Нашей радости не было предела. Но прежде всего мы радовались за нашего «юного» охотника – капитана Сидоренко: вот ведь какие черты характера присущи людям нашего времени. Но назавтра каждого из нас ждала наша любимая, как бы сказал Борис Павлович, ... работа.

Солдаты и сержанты не были брошены на произвол судьбы. По воскресеньям днем проходил прием норм военно-спортивного комплекса (ВСК), состязания на лучшего спортсмена роты, батальона полка по определенному виду спорта, смотры строевых песен и даже смотры художественной самодеятельности рот, репетиции полкового хора, участников ВИА и отдельных солистов и танцоров. Пожелавшие ознакомиться с достопримечательностями города всегда могли группами в 10-15 человек и более, обычно во главе с замполитом роты, не только совершить экскурсию, но и просто погулять по городу, пообщаться с местным населением, посетить массовые культурные и спортивные мероприятия, полюбоваться красотой природы парков, роц и лесов у многочисленных озер (их было около 60). Не было ни одного случая недостойного поведения или пьянства среди наших солдат. Абсолютное большинство местных жителей относилось к нашим, советским, военнослужащим с теплотой, дружелюбием и благосклонностью. И это несмотря на то, что Шверин в 1945 году был захвачен без боя англичанами. Многие немцы, и почти сто процентов бывших многочисленных военнопленных хорошо знали русский язык, поэтому общались без особых затруднений. Особенно хорошо к нам относились бывшие русские, бежавшие в гражданскую войну из России. С местными жителями у нас сложились изумительно доброжелательные взаимоотношения.

На все наши праздники мы приглашали представителей сельхозкооперативов, заводов, руководства города, районов, командования частей Национальной народной армии и военной полиции. Одним из моих друзей стал председатель кооператива, земли которого прилегали к нашему полигону, – Эрвин, бывший

военнопленный из-под Сталинграда. Его большой дом размещался рядом с запасным полевым аэродромом, на котором мы проводили свои ТСЗ. В откровенных беседах он признавался, что если бы не плен, не было бы в живых ни его, ни брата, не было бы детей, ничего бы не было... Да, говорил он, в плену было несладко, но русским людям – тоже, и тем не менее, они помогали военнопленным чем могли. Остались из бывших военнопленных на русской земле лишь те, которые погибли из-за болезней и тяжелых ранений.

Справка: советскими войсками в ходе войны было взято в плен 4,5 млн. человек, без учета 600 тысяч пленных, возвращенных после завершения стратегических операций в конце войны, и 1 млн. 200 тысяч человек, взятых лишь в Берлинской операции и возвращенных почти сразу после заключения Акта о капитуляции. Все 6 млн. 300 тысяч пленных вернулись живыми к себе домой. Другая сторона – «гуманность» фашистской Германии: только в первый год войны вследствие фактора внезапности, недовооруженности соединений и частей современным вооружением и техникой (прошло всего 10 лет с начала индустриализации), просчетов ВГК, безалаберности и безответственности командования отдельных военных округов и Генерального штаба (генерал Павлов накануне начала войны прохладился в театре), в плен к фашистам попало 3,5 млн. человек, из них 3 млн. человек уничтожено в крематориях концлагерей, на военных предприятиях и бюргерских хозяйствах («Родная газета» №31, 2003 год). Думаю, это произошло не только по воле Гитлера, но и в силу патологических изменений в организме множества людей, превратившихся из «человеков» в хищных зверей. Не один Гитлер виноват, не один...

И сейчас не один Буш на виду у всего мира копается во рту и волосах президента независимой страны, не сделавшей США никакого вреда. Лицемерие, ложь, обман, наглость, опирающаяся на силу. И, тем не менее, несмотря на неприятие этой агрессии абсолютным большинством государств в мире, и, как мне кажется, большинством американского народа, находятся миллионы людей в Америке и даже несколько государств, поддерживающих эту варварскую дикую агрессию и уничтожение десятков тысяч мирных иракских граждан.

...Но вернемся к нашему повествованию. Новый командующий армией М.И. Сорокин отличался от прежнего тем, что главное внимание управления армии сосредоточил на повышении

качества боевой подготовки, установил с подчиненными нормальные деловые и в то же время человеческие отношения. Хотя в нем, если честно признаться, в то время проявлялись некоторые черты «большого барина», как и у большинства генералитета, но между командованием и подчиненными со стороны первых исчезли многочисленные оскорбления, хамство, самодурство. Офицерский состав зауважал его. Запомнилось первое его показное батальонное учение с боевой стрельбой.

Где-то в середине декабря с утра я был на войсковом стрельбище, затем заглянул на бронедром и в 10.45 приехал в расположение полка. Встречает меня дежурный и докладывает: всем командирам полков приказано прибыть к 12.00 на центральную вышку тактического поля Витштокского учебного центра в полевой форме одежды. Спрашиваю, давно ли поступил приказ? Ответ: в 10.30. Таким образом, штаб дивизии вновь подставил меня, так как позже выяснилось, что приказ поступил от командарма накануне. До учебного центра было не менее 100 км. Времени оставалось 1 час 15 минут, при этом надо было заехать домой и переодеться в полевую форму. С учетом того, что мы проезжали около 10 городов и селений, где допускалась скорость не более 60 км/час, теоретически мы должны были ехать со скоростью 120 км/час. Кроме того, необходимо было учесть большое количество крутых поворотов и ограничительных знаков. Водителю Виктору Воронкову приказал: «Крепче держать руль, скорость – не менее 120 километров, в населенных пунктах – 80, включить ближний свет и боковую фару, на поворотах – безопасность, на Витшток – вперед!» Это была дикая гонка. Сложность заключалась в том, что покрытие дороги было уложено бутовым камнем, как говорили, еще советскими военнопленными. Прибыли в 11.59. Более того, я удивился, что остальные командиры полков успели даже пообедать.

Оказалось, командующий подготовил показное батальонное учение с боевой стрельбой. Командовал батальоном молодой энергичный майор Лазарев. Руководителем учения формально был толковый и умный командир 239-го полка полковник Царьков, реальным являлся генерал-лейтенант М.И. Сорокин. Вначале нам показали необходимую документацию. Тема учения: «Усиленный мотострелковый батальон в наступлении с ходу на поспешно перешедшего к обороне противника. Отражение контратаки его превосходящих сил. Развитие наступления в глубину с преодолением зараженных участков местности».

На учения батальон усиливался танковой ротой, артдивизионом 122-миллиметровых гаубиц «Гвоздика», взводом «Шилка», саперным взводом, отделением химиков-разведчиков. Поддерживали батальон два звена боевых вертолетов МИ-24 и звено истребителей-бомбардировщиков. Кстати, тема была очень модная. Мы в полку планировали темы учений так, чтобы каждый батальон отрабатывал по 50 процентов как в наступлении, так и обороне, при этом наступление не только с ходу с выдвиганием из глубины, но из положения непосредственного соприкосновения с противником. Хочу подчеркнуть, что искусство обороны более сложное, и этому виду боя надо учить войска. Именно в обороне мы понесли огромные потери в Великой Отечественной войне. Но если овладеть искусством обороняться, любая воинская структура (от взвода до армии) становится в 3-5 раз сильнее по сравнению с такой же наступающей структурой. Конечно, учения с войсками в обороне проводить труднее, если не упрощать мишенную обстановку, проводить их односторонними, не выполнять весь объем мероприятий, требуемых для достижения успеха. Скажу прямо: в боевой подготовке в освоении оборонительных тем еще цельный нетронутый пласт. Как показывает опыт, на учениях отрабатывается не более 15-20 процентов объема оборонительной темы, не считая того, что инженерному оборудованию позиций и огневых рубежей вообще перестали уделять внимание; после войны наш солдат разучился оборудовать обычный окоп, блиндаж, укрытие.

После изучения теоретических вопросов по методике подготовки и проведения учения мы все выехали на КНП командира батальона, где командир полка провел показательную организацию боя: рекогносцировку с целью уточнения ранее принятого решения, постановку боевых задач и организацию взаимодействия. К сожалению, указания по организации боевого, технического и тылового обеспечения были упущены, а, может быть, был дефицит времени для показа динамики боя. Организация боя прошла так, что можно было бы снять ее на киноплёнку и показывать в академиях как предметный урок положительных действий командиров. Майор Лазарев организацию боя проводил толково, по заранее подготовленному тексту, очень громко, с хорошей дикцией. Командарм остался доволен. Действия батальона, хотя и шаблонные, но быстрые и четкие; чувствовалось, батальон тренировали не менее двух недель. Это нормально для показательных занятий. Но вот стиль управления для меня остался совершенно непонятным.

Руководитель – командир полка – открытым текстом по радио информировал комбата обо всех изменениях обстановки: об отходе «противника» в глубину на определенную позицию, районе выдвижения подразделений «противника» для контратаки, о выявленных координатах огневых позиций артиллерии, о направлении подхода авиации, о местах расположения резервов и т.д., после чего требовал доложить решение по каждой данной вводной. Комбат, разумеется, принимал одни правильные решения, докладывал в соответствии с боевым Уставом, но боевые задачи подразделениям не ставились; видимо, руководители учения считали, что это для аудитории не нужно. Между тем, подразделения батальона быстро продвигались вперед, не обращая никакого внимания на докладываемые левитанским голосом решения. Разумеется, нарушений связи и радиопомех не было. У себя в полку мы учили и начальников родов войск и служб, и командиров подразделений всю информацию выдавать от непосредственного источника быстро, сигналами в 3-5 секунд без лишних слов.

После атаки переднего края в очень высоком темпе батальон продолжил наступление. Я прошелся по переднему краю – большинство мишеней не поражено. Это подтвердило наши выводы из опыта проведенных учений, что, если после рубежа перехода в атаку пехота спешивалась и шла в атаку почти бегом (что неверно, так как бегом надо преодолевать последние 150-200 м после переноса огня своей артиллерии в глубину) вслед за танками, значительная часть «противника» на переднем крае не поражалась. Дело тут вот в чем: в ходе огневой (авиационной и артиллерийской) подготовки пехота «противника» находится в укрытиях до ее окончания. Когда от наступающей цепи до переднего края «противника» остается не менее 200-300 м (это рубеж безопасного удаления от разрывов своих снарядов), и артиллерия по достижении этого рубежа переносит огонь в глубину, пехота и противотанковые средства на переднем крае противника (рптр, ПТУР типа «Милан» и т.д.) вновь занимают свои окопы и огневые позиции, так как огонь с места, из окопа в несколько раз эффективнее, чем в движении. Огонь атакующей пехоты абсолютно неприцельный, беспорядочный и, следовательно, неэффективный. Пехота может вести огонь в ходе атаки навскидку, стремясь быстрее достичь переднего края, не отставая от танков, иначе она будет отсечена от них и уничтожена. Прицельный огонь по целям на переднем крае могут в это время

вести только танки, имеющие стабилизаторы, из спаренных пулеметов. Но у них есть более важные цели и, прежде всего, противотанковые средства, расположенные в глубине обороны противника (типа ПТУР, «ТОУ», закопанные танки, БМП). Поэтому в реальном бою командиры и наводчики танков через прицел объективно будут искать цели в глубине, представляющие для них смертельную угрозу, чтобы не быть уничтоженными.

В ходе различных учений, как выход, я давал командирам подразделений (особенно на БТР) указания, чтобы танки с нечетными номерами, то есть половина, вели огонь по выявленным целям в глубине, а остальные 50 процентов – по переднему краю обороны «противника». Но и это не решало конкретной задачи не дать поднять голову пехоте «противника» во время атаки наших войск. Конечно, лучшее решение – уничтожение артиллерией пехоты «противника» на переднем крае, и к этому надо стремиться, в том числе используя новые средства поражения. Но так почти не бывает. Следовательно, надо искать дополнительные способы поражения этого «противника».

Вот почему мы пришли к выводу, что в ходе атаки БМП должны быть в цепи пехоты, в промежутках между отделениями, и поливать огнем пулеметов передний край, не давая поднять голову пехоте; как вариант – 50 процентов, остальные – в укрытиях за пехотой уничтожают цели в глубине огнем ПТУР и своих орудий. После атаки пехота следует за танками не далее ста метров, чтобы уничтожать малогабаритные противотанковые и другие огневые средства, а также выявленные подразделения пехоты в последующих траншеях или укрытиях. БМП лишь после атаки передвигаются «перекатами» (четные и нечетные номера) от укрытия к укрытию на удалении 200-400 м от танков.

Командующим же было установлено, что после спешивания пехота в ходе атаки наступает вслед за танками на минимальном удалении, а БМП должны наступать «перекатами» в 200-400 м от танков и цепи пехоты и поддерживать ее огнем из спаренных пулеметов. Но такая поддержка в зависимости от местности чаще всего исключалась, так как БМП могли поражать свои войска, особенно ночью. На самом деле, варианты возможных действий мотострелковых подразделений при атаке переднего края могут быть самыми различными. Все зависит от условий обстановки, прежде всего, характера местности. В каждом бою должна быть своя тактика.

На показательных учениях войска дружно наступали, поддерживая ровную линию в цепи, как на параде. Вот тут и вмешался командующий, участник войны с 1941 года. Если «ожил» где-то пулемет или другая огневая точка, разве может быть движение в полный рост как на параде? Будут потери и, следовательно, естественная реакция отделения – залечь. Кто-то должен эту огневую точку подавить или уничтожить; это может быть сделано танком, огнем артиллерии или минометов. Но и лежать неподвижно перед обороняющимся «противником» – тоже смерть. Значит, наступать придется в такой обстановке то ли переползанием, то ли перебежками, кто-то может атаковать выявленную живую силу «противника» во фланг, а иногда и в тыл. Вывод: после атаки переднего края определенной позиции «противника» никогда не бывает бравого наступления «в линеечку». Войска должны наступать теми способами, которые соответствуют конкретной обстановке. Нет сопротивления – значит, вперед в предбоевых порядках пешим, на боевых машинах или десантом на танках. Здесь главное – не дать «противнику» закрепиться на выгодном рубеже.

В целом учение оказалось поучительным и полезным для нас. Надо признать, что не все восприняли академический стиль управления и не были согласны с высоким процентом пораженных целей, почти удвоенных по сравнению с реальностью. Большинство солдат метали гранаты не на точность по целям в траншее, а ближе или дальше, лишь бы метнуть безопасно для себя. Наблюдающие за учением офицеры пришли к выводу, что команду на метание боевых гранат должны подавать командиры взводов, редко – командир роты, но ни в коем случае – командир батальона. Но мы не стали задавать «глупых вопросов» и высказывать свои мысли и выводы, так как были приучены, что каждый большой начальник считал себя единственным источником истины, и перечить начальству считалось признаком не то чтобы дурного тона, а «критиканством». Я не знал тогда, что в будущем придется провести немало показательных ротных, батальонных и полковых учений с боевой стрельбой, и на каждом учении будет своя специфика и особенности. В ходе таких учений считал всегда необходимым выслушать мнение участников сборов; мало того, ставил заведомо проблемные и даже провокационные вопросы, чтобы в дискуссии или споре выявить целесообразные способы действий и разгрома «противника».

В общем, эти показательные учения послужили для нас хорошим

уроком в интересах накопления опыта. И командарму я бы поставил за это учение весьма твердую «хорошую» оценку.

В полку мы достигли довольно полного взаимопонимания между командиром полка и подчиненными командирами. Любая команда, приказ не обсуждалась и выполнялись беспрепятственно и в срок, но так, что можно было исполненное не проверять. Это самое большое достижение в моей командирской деятельности!

Ближе к весне комдив согласно плану боевой подготовки внезапно поднял полк по учебной тревоге с выходом в запасный район. С этим справились нормально, ни одна машина в парке не осталась; понадобилось времени 40 минут (это с тылами). Так начались полковые тактические учения без боевой стрельбы. Как позже узнали на разборе, темой учения было «Приведение полка в боевую готовность «Полная» в запасном районе. Марш в качестве передового отряда дивизии с переходом к обороне. Ведение оборонительного боя в условиях применения противником ОМП. Ликвидация последствий ядерного нападения. Восстановление боеготовности войск и отражение наступления превосходящих сил противника. Участие в контратаке дивизии».

Комдив был крайне удивлен, когда, прибыв на командный пункт (КП) полка, увидел нас в благоустроенном, теплом и светлом бетонном укрытии под землей, оборудованном фильтровентиляционной установкой (ФВУ), сигнализацией, водой, канализацией, проводной связью с подразделениями, противопожарным инвентарем и необходимым снаряжением и мебелью со свободным размещением офицеров. Укрытие способно было защитить нас от возможных ударов авиации противника и ударной волны ядерных зарядов малого калибра. Вся техника полка размещалась в подготовленных укрытиях и была замаскирована. Комдива удивило, что командиры батальонов имели свои КНП тоже в земле в виде бетонных укрытий и имели проводную связь с командиром полка, электричество и тепло; повсюду имелось сторожевое и непосредственное охранение. Из запасных районов были кратчайшие выходы в секретные районы в сторону границы, о которых знали лишь командир полка, два его заместителя и комбаты. После окончания учений комдив привезет на запасный КП всех командиров частей и прикажет запасные районы оборудовать так, как у нас.

На этот раз тактическое задание и боевое распоряжение для нашего полка сводилось к совершению марша и занятию участ-

ка обороны в районе Редлинского учебного центра 21-й мсд по фронту 7-8 км. На подготовку обороны полка давалось десять суток, практически – трое. В запасном районе нам дали день на принятие решения и постановку задач. Полк усилили одним дивизионом арtpолка и зенитной батареей комплекса С-60. Вечером комдив со штабом руководства учением заслушал предложения штаба и НРВиС для принятия решения, а затем полностью решение командира полка на марш ночью и занятие обороны, указания по организации взаимодействия на ящике с песком, а также по всестороннему обеспечению. Глубина марша составляла более 100 километров, и он начался с выдвижения разведки и походного охранения с ООД. При достижении реки Эльде (25 км), через которую ООД был наведен мост (ТММ), мне поступил сигнал от майора Следя, что все подразделения прошли исходный рубеж и он выезжает по колесному маршруту на КП полка. Был еще впереди канал, через который перекинут мост МТУ-20, когда по радио вышел зампотех полка майор Гуреев и сообщил, что наш сосед – танковый полк – тоже поднят по тревоге, но из военного городка пока не вышел. Тогда мы поняли, что учение будет двусторонним, и надо быть бдительными, чтобы предугадать и прочитать намерения нашего главного «противника» – руководителя учения. Само собой разумеется, следить за действиями соседа я назначил специальную разведгруппу, поэтому знал о каждом шаге нашего «противника» – танкового полка.

К утру полк, развернувшийся в боевом порядке, начал углубляться в землю по северной границе тактического поля. На южную границу было выслано боевое охранение; на флангах, кроме того, выставлены наблюдательные посты и секреты от разведроты полка. Полдня ушло на рекогносцировку с начальниками родов войск и командирами батальонов и рот с целью уточнения решения на местности. Основные усилия сосредоточивались на правом фланге полка, где оборонялся 1-й мотострелковый батальон, усиленный танковой ротой, арtdивизионом и землеройной техникой инженерно-саперной роты на фронте не более 2,5 км. На этом же направлении в глубине оборонялся и второй эшелон: 3-й батальон и танковый батальон (без роты) в направлении стыка первого и второго батальонов; 2-й мсб оборонялся на левом фланге по фронту примерно до 5 км. В принципе, районы опорных пунктов рот и взводов, огневых позиций артиллерии и минометов, рубежи контратак, огневые рубежи танкового батальона, второго эшелона и противотанкового ре-

зерва, подвижного отряда заграждений при уточнении задач претерпели лишь незначительные изменения.

Комбатам указал, во-первых, о необходимости довести до личного состава, что против нас будет действовать реальный «противник». Во-вторых, противотанковые, противопехотные препятствия и заграждения, в том числе минно-взрывные с учебными минами должны быть созданы реальными – с задачей сорвать атаку танков и пехоты, особенно перед передним краем в сторону ожидаемого «противника» на глубину до 300-500 м. В этом случае можно будет поражать танки не только огнем артиллерии, танков, противотанковыми управляемыми ракетами (ПТУР), но и 73-миллиметровыми орудиями БМП и из гранатометов РПГ-7. К этому времени у нас были устройства, имитирующие реальный звук боевого выстрела из гранатометов путем воспламенения взрывпакетов холостыми патронами, созданные майором Б.В. Третьяковым, потому «огонь» из РПГ-7 производил довольно внушительное психологическое воздействие. Для создания реальных препятствий использовали валежник и сухостой в примыкающих к полигону лесах, старые рельсы заброшенных железных дорог, более того, взрывным способом саперы устраивали воронки и противотанковые рвы, а также минные поля, обозначавшиеся сигнальными патронами при прохождении через них танков «противника».

Для защиты от возможного применения оружия массового поражения (ОМП) создано два отряда по ликвидации последствий в случае его применения, определены и развернуты пункты санобработки личного состава (ПСО) и пункт сбора и ремонта поврежденных машин (СППМ) на базе роты химзащиты и ремонтной, установлены соответствующие сигналы оповещения и надлежащих действий.

За трое суток успели только создать систему огня, в неполном объеме – инженерных заграждений, отрыть окопы для мотострелковых отделений и техники, командно-наблюдательных пунктов (КНП) командиров от полка до взвода, огневые позиции артиллерии и минометов – все это вручную; обозначить маршруты выдвижения второго эшелона и резервов на огневые рубежи и рубеж контратаки, рокадные пути для совершения маневра в глубине, наладить телефонную связь, подготовить имитацию, загрузить холостые выстрелы в танки и холостые патроны для стрелкового оружия, а также оформить всю документацию от карточек огня и схем опорных пунктов до схем размещения

минных полей, замаскироваться. Инженерное оборудование позиций было выполнено на 10-15 процентов, и только земляные работы. Наиболее важные из них, особенно на открытом поле, велись ночью. В ночное время суток дежурные подразделения давали отпор вылазкам разведки «противника».

На четвертые сутки в лучах проснувшегося солнца мы увидели в небе летевший с юга вертолет МИ-8. Сделав круг над нашими позициями и районами размещения нашего «противника», он сел на площадку вблизи городка учебного центра, приблизительно в 1,5-2 км от нашего НП. Одновременно разведка доложила о начале выдвижения танковых колонн из района юго-западнее Редлина в 15-20 км. Я попросил представителя авиации нанести ракетно-бомбовые удары по головным танковым подразделениям «противника»; затем истребители-бомбардировщики и боевые вертолеты «противника» нанесли ответные удары по нашим позициям, но кроме «Шилок» никто не отвечал. Все замерло, личный состав ушел в укрытия.

Подходящие передовые подразделения «противника» были встречены организованным огнем боевого охранения батальонов, которые устроили настоящий переполох, имитируя море огня и взрывов, дымами и трелями холостой стрельбы из стрелкового оружия и пулеметов БМП. Затем под прикрытием подготовленных огней нашей артиллерии боевое охранение сквозь дым отошло в свои опорные пункты в глубине обороны батальонов первого эшелона. Наступило затишье, и мы поняли, что «противник» отказался от атаки с ходу и начал скрытно занимать позиции в 700-1000 м от нашего переднего края чуть южнее опушки леса.

Внезапно, в 3-4 км сзади нас, то есть севернее, в районе обороны второго эшелона, тишину солнечного утра и голубого неба разрезал резкий громовой раскат, который был слышен во всем полку. Это «противник» применил по нашему полку «ядерный боеприпас» малого калибра, вероятно выстрелом из 203,2-миллиметровой гаубицы. Имитация была настолько правдоподобна, что все оглянулись и наблюдали за огромным взметнувшимся вверх грибовидным облаком огня, пыли и дыма. В районе обороны 3-го мотострелкового батальона были видны разгоревшиеся очаги пожаров (впрочем, костры из хвороста быстро потушили). Хорошо, что слабый приземный ветер дул с юга, и этот фактор был в нашу пользу.

Сработала соответствующая система оповещения о радиационной опасности, взмыли вверх желтые сигнальные ракеты и

завыли сирены, слышались команды на применение средств радиационной и химической защиты; прекратилась радио- и проводная связь со всеми батальонами и арtdивизионом. Мною была немедленно выслана в район очага поражения оперативная группа во главе с заместителем начальника штаба в составе начальника химслужбы, начальника БТС, офицера роты связи, чтобы выявить истинную картину последствий «ядерного удара», степень безопасности подразделений и потери в личном составе и технике в зоне поражения, установить связь и доложить обстановку. Своему заместителю приказал убыть во 2-й мсб, и в тылу его обороны собрать ОЛП №2 согласно ранее принятому решению (в составе 6-й мср, трех танков с БТУ, инженерно-саперным взводом, отделением химиков-разведчиков, тягача с реммастерской), выйти в район очага и приступить к эвакуации пострадавшего личного состава и техники на полковой медпункт, пункты специальной обработки и поврежденных машин, организовать дезактивацию техники; каждый час докладывать о проделанной работе.

Медленно подъехал УАЗ-469; вышел комдив и вслед за ним... Главкомандующий ГСВГ генерал армии Е.Ф. Ивановский. Я снял противогаз, подошел и доложил. Ивановский попросил показать решение на карте, ознакомившись, приказал доложить обстановку и о принятых мерах после нанесения «ядерного удара».

Я доложил, что по имеющимся данным потеряли боеспособность 3-й мсб – второй эшелон полка, одна танковая рота, взвод «Шилка», подвижные запасы материальных средств 1-го и 3-го мсб. Намерен с появлением связи танковый батальон (без роты) выдвинуть на огневой рубеж №1 (это в небольшой глубине южной опушки леса по северной границе полигона); противотанковую батарею ПТУР выдвинуть на огневой рубеж №2 (примерно по линии третьей траншеи 1-го мсб), где оборонялась на фронте до 1,5 км 3-я мср капитана Захарова. Правый фланг прикрыть подвижным отрядом заграждений.

– И какую плотность противотанковых средств (ПТСр) вы будете иметь на направлении главного удара «противника»?

Я прикинул: танков осталось 26, из них 3 – в ОЛП, ПТУР – 9, БМП – 30, не считая 27-РПГ-7, которые можно будет использовать в ближнем бою и против БМП «Мардер»:

– Двадцать пять – тридцать единиц на один километр фронта, не считая ручных противотанковых гранатометов, что долж-

но обеспечить отражение атаки до танковой бригады противника.

Генерал армии задал немало вопросов, и ответами остался доволен. Начали поступать доклады от оперативной группы и моего заместителя, возглавившего ОЛП, командира танкового батальона, офицеров связи. Выслушав доклады и мои распоряжения, Главнокомандующий пошел на НП командира 1-го мсб подполковника Отрощенко, а мне приказал остаться управлять подразделениями полка. Комбату-1, видимо, досталось, потому что после посещения Главкома был весь в поту. Затем Ивановский беседовал с комдивом, после чего началась имитация огневой подготовки наступающей стороны. Все ушли в укрытия, кроме наблюдателей. Артподготовка длилась чуть более получаса.

Но вот взревели двигатели танков в лесу напротив. Как только они появились, я дал команду артдивизиону открыть заградительный огонь. Хотя имитация была подготовлена комдивом в соответствии с нашим решением, танки продолжали на небольшой скорости, нехотя продвигаться вперед. Открыли огонь холостыми выстрелами и наши танки, взрывпакетами батареи ПТУР и БМП. Перед фронтом батальона наступало до 60 танков, у нас же в обороне было не более 20, и когда все 80 танков заговорили на своем языке, изрыгая из пушек натуральный огонь, без снарядов, над полем боя поднялся грохот, подобный очень сильному взрыву.

С подходом танков «противника» ближе к нашему переднему краю сыграли свою роль подготовленные реальные противотанковые заграждения. Танки стали выделывать такие зигзаги и вензеля, что сплошь и рядом стали подставлять свои борта и даже корму. Танки обходили многочисленные «ежи», воронки, надолбы, закопанные пни, несколько танков влетели в скрытые противотанковые ловушки и никак не смогли выбраться. Вот тогда и заработали наши БМП и РПГ-7, огонь которых стал похож на грохот танковых пушек. Силы были слишком неравны, и где-то в 150-200 м посредники остановили дальнейшее продвижение наступающих. На левом фланге против нашего 3-го мсб наступало до 30 танков, и они легко были отражены; и здесь комбат сумел сделать маневр одной из рот на угрожаемое направление: танковый полк подполковника Страхова был остановлен. Нам ничего не оставалось, как нанести короткий огневой налет и переходом в контратаку завершить разгром вкли-

нившегося «противника», отбросив его к госгранице. Как только танки противника скрылись в лесу, мы вернулись, заняли исходное положение обороны, так как другой задачи не было.

Вернувшись, сразу начали восстанавливать боеспособность подразделений и оборону на всем фронте, затем приступили к проведению дезактивации техники и санобработке личного состава, что на практике означало вымыть всю технику, помыть личный состав в бане, то есть в пункте спецобработки. После окончания боя и обеда Главнокомандующий улетел на вертолете, думаю, в штаб ГСВГ. Следует добавить, что во время «огневой подготовки» «противника» он успел съездить к подполковнику Страхову и заслушать его решение на наступление. Настроение у нас было приподнятое. После окончания санобработки личного состава и дезактивации техники комдив объявил частный отбой, и вручил боевое распоряжение на ночной марш, который мы совершили с 22 часов до часу ночи без проблем. Танковый полк остался переходить к обороне.

Через трое суток состоялся разбор учения в нашем клубе. Действия обоих полков комдив оценил «хорошо», но предпочтение в бою и успех, как и принятие решения, все-таки отдал нам. На учениях не обошлось и без казусов: пытаюсь добиться связи по телефону и радио с командирами подразделений после «ядерного удара», я так перегрузил свой голос, что вызывал абонентов до тех пор, пока не понял, что посредники просто-напросто лишили связи только НП полка (отсоединили провода, сменили частоту на никому не нужную в радиостанциях), и этого оказалось достаточно, чтобы имитировать полное отсутствие связи, что и случается при ядерном нападении. В результате мой голос почти пропал. В последующие дни командовал полком только шепотом, считая, что голос потерял из-за простуды горла, бронхов, легких – на дворе западно-европейская почти зима. И все же пришлось обращаться к врачу госпиталя, ездить каждый день на процедуры, но улучшения состояния я не почувствовал, так как много курил.

Весна в Германии наступает рано. К концу марта уже было тепло, солнечно, сухо и на дорогах, и на полигонах, и на территории, и в лесу. И вот в один из лучистых дней звонит мне комдив и говорит: «Встречай, через десять минут будем у тебя с заместителем министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск генералом армии Комаровским». Из машины вышел комдив, за ним – невысокого роста, даже ниже

меня, но плотного телосложения, с густыми черно-белыми волосами и бровями генерал армии. Грудь – в орденских планках, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического труда, к тому же и Лауреат Сталинской и Ленинской премий. Доложил по Уставу.

– Где и что у вас находится? – спросил он.

Начиная от штаба, я показал основные объекты.

– Что бы вы хотели мне показать?

– Товарищ генерал армии, вы можете посмотреть все, что захотите. Хотя ваш визит является для нас неожиданным, во всем полку поддерживается вполне удовлетворительный порядок в любое время дня и ночи.

– Это хорошо. Я принимаю, командир, ваше предложение.

Два часа он ходил по казармам, столовым, парку боевых машин, по полковым складам, квашпункту, караульному помещению, посетил пилораму, баню, клуб, общежитие офицеров – всё, кроме штаба. Личного состава в полку было мало, так как два батальона (мсб и тб) были на полигоне, один был на ТСЗ; механики-водители спецподразделений – на вождении боевых машин. Впервые я показывал полк одному из заместителей Министра обороны, приезда которого никто не ожидал. Спрашиваю комдива, почему не предупредили, он ответил, что сам не знал, замминистра прилетел на вертолете, сразу захотел поехать в один из полков. Между делом генерал рассказал, что давно занимается строительством и участвовал в строительстве МГУ, Байконура в Казахстане, Дворца съездов, в восстановлении Ташкента после землетрясения в 1966 году и других объектов страны. Позднее я узнал, что Александр Николаевич в Великую Отечественную занимался управлением оборонительных работ и был командующим 5-й саперной армии, с 1944 года – начальник Главпромстроя СССР, замминистра обороны страны был назначен в 1963 году. Вот какие у нас были заместители у министра обороны!

Закончив знакомство с полком, мы вышли на «пяточок», то есть место, где встречали и провожали начальство. Обратившись к комдиву: «Петр Степанович!» и ко мне: «Товарищ командир!» Генерал напоследок сказал:

– Мне приходится бывать во многих частях, я всегда все осматриваю, чтобы выяснить содержание казарменного фонда, трату денег на капитальное строительство и ремонт, как заботятся о самом ценном элементе армии – о нашем солдате, о на-

шем офицере. Сегодня я определил, не проверяя тактику и боевые стрельбы, уровень боевой готовности и подготовки полка к выполнению боевых задач; и каждый раз я ставлю оценку, которую объявляю командиру. Так вот, товарищ командир, все, что я увидел сегодня, не только впечатляет, но и воодушевляет меня. Мне кажется, вы на верном пути. Я ставлю вам наивысшую оценку, что бывает очень и очень редко: я ставлю полку «хорошо»! Петр Степанович, прошу передать эту оценку вашему командованию. Благодарю вас, товарищ командир и желаю успехов во всем!

Крепко пожав мою руку, он сел в машину, и они уехали. У меня возникло чувство соприкосновения с великим человеком, человеком необычайной судьбы, с одним из создателей, сумевших восстановить страну после войны практически за три года. Витаутас Йозович, тоже полный впечатлений, сказал мне:

– Георгий Александрович, Вы держались с замминистра на равных, как будто вы старые приятели.

– Нет, Витаутас Йозович, это он умеет вести себя так, что чувствуешь себя не равным, а человеком.

К великому сожалению, мне не удалось больше увидеть Александра Николаевича – душевного, простого и умнейшего человека. В том же году он умер в возрасте 67 лет, но память о нем останется в моем сердце.

Прошло немного времени как совершенно внезапно полк посетил Главкомандующий ГСВГ генерал армии Е.Ф. Ивановский. Он вначале прошел в парк боевых машин, убедился своими глазами в нормальном состоянии боевой техники и вооружения, побывал в нескольких казармах, ознакомился со всеми объектами тыла и службы войск, а затем в сопровождении генерала П.С. Куприенко и комполка поехал на учебный центр.

Он обошелся без обидных замечаний, задавал вопросы, касающиеся боеготовности полка и компетентности его командира. Не было и особой хвалы, но мне показалось, что он вполне удовлетворен увиденным. Комдив сказал нам с Чепулисом: «Молодцы!», и это было наивысшей оценкой полка.

Будущее покажет, что Главком заезжал в полк совсем не зря, возможно, с дальним прицелом. Но, главное, он лишь изучил состояние еще одного полка Группы войск.

4. Несостоявшееся выдвижение, новая опала и новые испытания

После окончания полковых учений в течение двух недель ставили всю технику, кроме учебно-боевой и транспортной групп, на хранение с одновременным переводом на летнюю эксплуатацию. Это очень ответственный период, когда технари должны строго следить за ходом работ согласно технологической карте каждого типа техники, а командиры – не только руководить ходом работ, но и соблюдать меры безопасности. Все можно исправить, кроме гибели людей. Офицерам надо быть не просто организаторами, и уж никак не наблюдателями, а жесткими, требовательными, «железными» руководителями. Вторая важная задача командиров взводов и зампотехов рот – обеспечить высокое качество работ. Любая неверно выполненная регулировка может привести к поломке механизмов, несвоевременная замена масел и смазок – к преждевременному износу деталей и даже к аварии, недозаправка воздушных баллонов и аккумуляторных батарей – к потере боеготовности машины, подразделения, ибо из малого складывается большое. Были обусловлены и условия стимулирования для экипажей, добившихся лучших показателей. Лучшим из лучших к Дню Победы предоставлялись отпуска на Родину, ценные подарки, благодарственные письма родным. В общем, за две недели с постановкой техники на хранение справились успешно.

В целом, подготовке механиков-водителей и экипажей танков, БМП, зенитных и артиллерийских самоходных установок мы уделяли много внимания. Каждый из них, как и командир экипажа, один раз в неделю выполнял очередное упражнение по вождению, на всех занятиях по технической подготовке и в первые дни отрабатывал положенные нормативы по устранению поломок и неисправностей, замене деталей и смазок, регулировкам, разборке и сборке, и многое другое. К концу службы наши водители имели знания и навыки автомеханика и становились настоящими мастерами вождения. Особую роль, помимо учений, играли 500-километровые марши с преодолением «зараженных» участков местности.

Проведение пятисоткилометрового марша с молодыми водителями всегда было большим испытанием, к которому тщательно готовились. Ночная часть марша совершалась обязательно со светомаскирующими устройствами для фар. Возглавлял марш

командир полка, а в дивизии руководил лично комдив. Маршрут выбирался наиболее сложный, с участками полевых и лесных дорог, обложенных бутлом участков, каковых в Германии немало, асфальтированным шоссе с крутыми поворотами, подъемами и спусками. Не помню ни одного марша, во время которого, несмотря на то, что рядом был старший машины (офицер или сержант), не опрокидывалось бы две-три машины. Обычно такие случаи происходили во второй половине марша, когда засыпали за рулем слабенькие здоровьем, хотя физподготовкой занимались во время сборов ежедневно по часу. В то же время не помню случая, чтобы хотя бы один водитель серьезно пострадал. Многолетний опыт подсказывает, что в ходе таких маршей выявилась закономерность: чем выше скорость колонны, тем меньше случаев засыпания водителей и, следовательно, автопроисшествий. Однако нужно иметь в виду: если в «голове» колонны полка на таких маршах скорость около 60-70 км, то в конце колонны – 90-100 км/час. Обычно техзамыкание помогало водителю только устранить выявленную неисправность.

Как раз в период постановки техники на хранение внезапно комдив вызвал меня к себе, в его кабинете уже находился начальник управления кадров ГСВГ генерал-майор Соколов. Комдив впервые назвал меня по имени-отчеству, спросил, как я отнесусь к предложению должности первого заместителя командира дивизии. Я ответил, что это большое доверие, но думаю – рановато, так как прошло всего полтора года командования полком, и хотелось бы добиться лучших результатов. Генерал Соколов спросил, есть ли у меня взыскания. Ответил, что имеется столько, что давно перестал их считать. Генерал просмотрел служебную карточку и, посмеявшись, заметил, что всего четыре, из которых два – за подготовку артиллерии. Ответил, что управление огнем и артстрелковая подготовка комиссией ГСВГ были оценены на «отлично».

– Ну что ж, снимут, бывает. Но в вашем возрасте надо думать о будущем.

– Товарищ генерал, зачем мне думать, за меня начальство думает с самого прибытия в полк, – пошутил я. – Можно ли поинтересоваться, в какую дивизию я должен буду идти служить?

Комдив ответил:

– Ко мне. Кравченко представлен к назначению комдивом, он уже два года тому назад закончил академию Генштаба.

– Видит Бог, товарищ генерал, как я здорово сопротивляюсь. В своей дивизии я готов служить в любой должности.

Затем говорили о том, как вывести на уровень нашего полка остальные части дивизии. Спросили, кого я вижу командиром полка вместо себя? Я ответил, что лучше моего заместителя майора Г.И. Следя и по хватке, и по опыту нет. Вместо него можно было назначить любого комбата, но на очереди – майор В.М. Бибен. Генералы пожелали успехов в службе и приказали ждать приказа министра обороны. Прилетел в полк как на крыльях, но не стал никому говорить ни слова, и правильно сделал. На следующий день жена меня упрекнула:

– Чего скрывать, что тебя замкомдивом ставят?

– Эти сказки на воде вилами написаны. Так что рано об этом говорить.

Как в воду глядел... Первого мая обществом германо-советской дружбы я был награжден Золотым знаком за большой вклад в дело укрепления дружбы между советским и немецким народами. Но долго носить его не удалось. 8 мая в 18.00 у нас состоялось торжественное собрание в честь Дня Победы. В клубе собрались гости, которых встречали мои заместители. Я приехал в штаб в парадной форме одежды к 17.00, чтобы в кабинете еще раз прочитать и отредактировать текст доклада. Кстати, в жизни мне пришлось немало выступать на торжественных собраниях, заседаниях, конференциях, симпозиумах, читать лекции – и никто, никогда мне не писал готовый текст. Всегда справлялся сам. И уж поверьте, слушатели не скучали. Закончив корректуру доклада, я решил немного отдохнуть, снял мундир и вышел из кабинета. Когда вернулся и начал надевать мундир, обнаружил, что Золотого знака нет. Вышел в коридор, все кабинеты закрыты. Справа, в конце коридора, стоял часовой у Знамени части, в своем кабинете, рядом с моим, сидел начальник штаба, будущий бригадный генерал – он был ответственным в тот день. Вот так я отметил День Победы и свой день рождения.

С моим голосом по-прежнему были проблемы, и никакие мази не помогали. К тому же, я выкуривал полторы пачки сигарет в день, а в ходе учений и стрельб – в два раза больше. Через некоторое время после полковых учений в одно из посещений врача в гарнизонном госпитале мне было предложено поехать подлечиться в главный военный госпиталь ГСВГ, расположенный в Белице, что под Берлином. При этом врач сказала, что чем быстрее, тем лучше. Я спросил разрешения у комдива, и в следую-

щий понедельник на служебной машине поехали с ней в Белиц. И.о. командира полка остался Геннадий Иванович Следь. Между тем, комдив поинтересовался у начальника госпиталя, почему они не могут меня вылечить в своем госпитале. Начальник госпиталя ответил, что есть подозрение на рак горла и нужно серьезное обследование. Об этом через «домашнее радио» дошло и до полка, в том числе и до Г.И. Следя.

В Белице моя докторша долго вела разговоры на латинском языке (грамотная была), о чем – я не знаю. Но уже через три дня начальник лоротделения, кандидат медицинских наук, профессор Одинец сказал, что ему надо взять из горла биопсию и нужно мое согласие. Возражений не было. После местного обезболивания отрезал от гланды (это оказывается и есть биопсия) хороший кусочек размером в первую фалангу большого пальца, смазал йодом – мини-операция закончилась. Сказал мне, что в госпитале курить запрещается. Биопсия была выслана, по его словам, для исследования в Москву и Берлин. Постепенно рана зажила, вернулся голос, правда не тенор, а какой-то непонятный. Через неделю после операции неожиданно-негаданно появилась Антонина Михайловна, то бишь моя женушка, оставив детей на соседку Галю Ходаковскую.

– Чего?

– Как чего? Все говорят, что у тебя рак горла, а от меня скрывают.

– Рассказывай.

– Как только я узнала об этом, пошла к Геннадию Ивановичу и попросила машину, чтобы приехать и навестить тебя.

Обстановка вырисовывалась так: Геннадий Иванович решил, что у меня рак горла (а эта болезнь всегда приводит к смерти) и считал себя новым командиром полка, отказав в просьбе. (А я-то заботился о нем!) Жена попросила дозвониться до комдива, но Следь сказал, что его в штабе нет, хотя знал, что хороший комдив всегда имеет связь, даже в машине. Антонина сначала опешила от такой бесперспективности, но затем встала, поклонилась и сказала: «Ну спасибо, Геннадий Иванович, спасибо за такую заботу!», и ушла. Дома собрала небольшую сумочку и, вызвав такси, поехала на вокзал. Купила билет на поезд. Благо, знала немецкий язык, поэтому проблем в общении с немцами не возникло. У Геннадия Ивановича, видимо, проснулась какая-то часть человеческой совести, тем более что об отказе узнал мгновенно весь полк. Предполагаю, что все-таки он позвонил комдиву и

тот его выматерил. Какой же командир будет ждать подлости от своего первого заместителя? Тем более, у нас даже стычек никогда не было, я ему многое прощал за его способность выполнить любой приказ и присущее чувство юмора.

Все-таки он немедленно поехал на вокзал, зашел в вагон, нашел жену и начал извиняться перед ней, как нашкодивший школяр: «Вернитесь, Антонина Михайловна, машина завтра будет с утра, и вы на ней поедете!» Обида была настолько сильной, что она не стала даже разговаривать, махнула рукой, и поезд тронулся. И какой же надо иметь характер, чтобы в чужой стране, на ночь глядя, поехать поездом на юг с двумя или тремя пересадками! За отвагу и заботу я мысленно наградил ее орденом «За веру и отвагу» I-й степени.

Мы перекусили в местном гаштете, Антонина убедилась, что мой голос восстановился до нормального, я проводил её до вокзала, посадил на обратный поезд и пообещал позвонить сразу же, как будут готовы результаты анализов.

Две недели спустя доктор Одинец вызвал к себе и сообщил: «Анализы прибыли, можете успокоиться. Никакого рака у вас нет. Если будет простуда и вновь потеряете голос, приезжайте ко мне, я вырежу правую гланду, и тогда можете орать на все НАТО! С чем вас и поздравляю! Вызывайте машину!» Я так и сделал, и вечером следующего дня пил кофе с коньяком уже у себя дома в Шверине, в том числе выпил рюмку и за здоровье полковника-москвича Одинца.

Дома оказались неприятности: дети – Игорь и Саша – категорически отказывались ходить в музыкальную школу. Оказывается, в последнее время после моего отъезда в госпиталь учительница – жена моего заместителя – за малейшие упущения стала кричать на них и бить их пальцы о клавиши пианино. Конечно, они не привыкли к такому обращению. Ребята начали учиться игре на пианино еще с пяти лет в Доме офицеров на Сахалине, и делали это с удовольствием. В Москве мы по абонементам каждое воскресенье ездили на концерты музыки в Концертный зал имени Чайковского, три года проучились в музыкальной школе. Когда мы уезжали из столицы, их учительница несколько раз приезжала к нам домой и уговаривала, чтобы Игоря оставили жить и учиться у нее дома, так как у него были заметные успехи. И вот на тебе – здесь, в ГДР, учительница отбила любовь к музыке. Конечно, горе-учительница. Мне жаль ее...

На этом музыкальное образование моих детей закончилось.

Да и музыкой заниматься, как и спортом, я приучал их с целью привить трудолюбие, чтобы не пошли по стопам разбалованных и покинутых детей. Оба дружно перешли к самостоятельному освоению гитары. В конечном итоге из них выросли два инженера. Хотя, пока они росли и учились, видели меня только ночами и иногда по праздникам. Таков вклад офицеров в воспитание своих детей – только личный пример и ничего более, к сожалению.

...После приезда из госпиталя события сменялись с головокружительной быстротой. Примерно через неделю комдив собрал командиров частей и их замполитов на внеочередное совещание. Оперативный дежурный штаба дивизии передал, что будут представлять нового замкомдива. Я подумал: надо же – так быстро. И двух месяцев не прошло, уже приказ. Приехали в штаб, сидим в тактическом классе, где обычно проходили такие совещания, ждем, когда зайдет комдив, поднимут меня и поздравят с новым назначением. И вот заходит наш генерал, с ним – совсем молодой подполковник с ранней лысиной. Комдив сообщает: «Товарищи офицеры, приказом министра обороны СССР №... от такого-то числа первым заместителем командира дивизии назначен подполковник Коршунов Валерий Сергеевич. Прошу любить и жаловать! Все свободны!» И сразу вышел из класса. Начальник штаба сообразил дать положенную команду «Товарищи офицеры!», когда комдив уже закрыл двери. У меня было такое чувство, как будто облили из душа ледяной водой. Спускаясь по лестнице, я думал про себя: «Так тебе и надо, глупец, не будешь впредь строить иллюзий!» Предупреждал же честно и откровенно перед назначением на полк генерал армии Алтунин, чтобы мы не надеялись на повышение, а я поверил, потому что был еще полтора года назад самым молодым командиром полка, а сейчас, видимо, стал самым старым по возрасту, настолько быстро шло омоложение армии. Оказывается, не зря; надо было выдвигать молодые таланты, а то они засиделись, понимаете ли... Впервые осознал, что по существу я был и остался в нашей 2 ТА изгоем.

Вот и новому замкомдива, сыну одного из первых заместителей министра обороны, перевалило только что за тридцать, а он все еще был подполковником. «Особист» полка уже вечером выдал, что Валерий Сергеевич после окончания инженерного (не командного) факультета Военной академии бронетанковых войск им. И.В. Сталина (позже – Р.С. Малиновского) успел покоман-

довать танковым батальоном у нас же в ГСВГ (в самом деле, не на Сахалине же). Говорили, правда, что его парк боевых машин полностью сгорел вместе с танками при пожаре. Поэтому, наверное, из-за отсутствия танков его поставили командиром танкового полка (конечно, не заместителем же командира мотострелкового полка, который и по численности в два раза превосходит, и управлять сложнее, и обучать – в 3-4 раза). Покомандовал танковым полком год с небольшим – и хватит; не сидеть же на месте сыну генерала армии, когда освободилась должность первого заместителя командира дивизии! Действительно, кто принесет больше пользы для мотострелковой дивизии и вообще для ВС: 39-летний командир мотострелкового полка или 31-летний безопытный командир танкового полка? У кого больше перспектив? Конечно, у молодого.

Попробуй тут возразить ГУЖу (Главному управлению кадров). Что из того, что Александра представило на повышение командование дивизии, армии, Главком ГСВГ? Мало ли кто! Чихать на них: что хочу, то и ворочу. Товарищи в ГСВГ не понимают, что в условиях все возрастающей угрозы агрессии нам нужны молодые (хотя и неопытные, не проводившие в жизни ни одного учения), перспективные кадры, ну и, конечно же, надо соблюдать семейные традиции: сын генерала должен стать генералом. Так что все это я тут же осознал. К тому же, в 1972 году начальником Главного управления кадров СА и ВМФ стал генерал И.Н. Шкадов, которому в 1978 году будет присвоено звание Героя Советского Союза (забыл, понимаете ли, Иосиф Сталин в войну его), а в 1982 году станет заместителем министра обороны по кадрам. Надо же и Герою расти!

Прибыв после совещания в свой кабинет, выкурил подряд с десяток сигарет, успокоился. Звонок комдива: «Держись, старина, держись, в армии и не такое бывает!» Отвечаю: «Держусь, товарищ генерал, держусь, куда мне деваться? Спасибо. До свидания!»

Подходил к концу зимний период обучения. В этот раз командир дивизии проверял другие полки; контрольную проверку результатов учебы нашего полка поручил мне. Я объявил, что проверке подвергаются 1-й и 3-й батальоны, тб, артиллерия, ПВО, рота связи, разведроты, автороты. Остальные подразделения проверяются силами комбата-2 и соответствующих НРВиС. Собрал офицерский состав и сказал следующее: «Мы с вами еще не подвергались инспекторской проверке, а надо быть готовыми к лю-

бым экстремальным условиям. Нет и гарантии, что НАТО не захочет сдвинуть свои границы до Одры. Поэтому в ходе проверки никому не плакать и не жаловаться!» Сам я выбрал «жертвой» танковый батальон Я.Г. Погодина, майора Г.И. Следя с группой офицеров направил на третий батальон, майора В.М. Бибена, который мог любой батальон «добить» до «двойки», направил для проверки первого батальона.

В ходе инструктажа настроил комиссию так, чтобы проверяемым подразделениям предстоящая проверка показалась адом по сравнению с проверками полка ОБП армии и УВП ГСВГ. Дал указание: ловить и снижать оценки на один балл как на стрельбах, так и на вождении, если экипаж не выполнил хотя бы один норматив при выполнении упражнений; менять порядок показа мишеней по решению проверяющего; уменьшить по своему усмотрению до 10 секунд время показа целей и т.п. Наша проверка имела большое значение в подготовке полка к проверке любой инстанции, и потому необходимо было максимально усложнить условия выполнения любых упражнений и навыков по всем предметам обучения. Даже предупредил офицеров, что чем вы будете принципиальнее, тем выше я оценю старания проверяющих офицеров. И пошло, поехало.

Уже на строевом смотре никто «отлично» не получил, некоторые подразделения получили даже «удочки». Так же строго проверил технику майор Гуреев. Но, как ни старались инспекторы, большинство подразделений получили общую «хорошую» оценку, правда, «отлично» – никто. Командиры подразделений при встрече со мной жаловались на проверяющих, как на врагов, якобы нарушивших курсы стрельб и вождения. Но я говорил им: «Значит, вы – слабаки!»

В общем, контрольная проверка подтвердила в целом хороший уровень боевой выучки, но главное, выявила ряд серьезных недостатков. К примеру, состояние учебно-боевой группы БМП и танков оценены только на «удовлетворительно»; невысокие, тоже в пределах «удочки», оценки получили некоторые специальные роты и батареи по строевой подготовке (основной предмет обучения), по физической подготовке, особенно по бегу на 3 и 5 км, самбо, бегу на 100 м, в полосе препятствий, ЗОМП (основной предмет).

Разбор сделал почти разгромным: объявил лучших, худших и призвал всех офицеров готовиться уже с мая к итоговой проверке осенью. Тем не менее, в масштабе дивизии наш полк все

равно оказался лучшим. И это было приятно. «Хорошую» оценку получил еще и танковый полк, которым командовал серьезный и грамотный подполковник И.Красников. Прежний – подполковник Страхов – в силу определенных личных качеств был куда-то перемещен.

Вскоре после приезда Коршунова в дивизию случилось тяжелейшее несчастье: по пути на заседание Военного Совета ГСВГ в районе Людвигслуста попал в тяжелейшую аварию и был доставлен без сознания в Шверинский госпиталь с многочисленными переломами и травмами наш комдив. Говорили, что вроде из-за неисправности машины. Прокуратурой уголовное дело не было заведено, как и не проведено административное расследование. По крайней мере, причины аварии для нас были неизвестны. Не нашлось и виновников. А зря! Просто так ничего не бывает.

Как только узнал, что комдив пришел в себя, поехал к нему. Он был очень рад моему приходу и даже пытался шепотом поговорить, но врачи запретили. При нем неотлучно находилась жена Лидия Марковна, когда она уходила, на смену приходила ее сестра Нина, жившая с супругом в Висмаре. (Сейчас обе сестры живут в г.Черновцы. Редко, но иногда мы переговариваемся по телефону.) С Петром Степановичем в те дни переговаривали о многом. Каждый раз он был рад моему появлению. Нас объединяло стремление к самосовершенствованию и справедливости, трудолюбие. Я был удивлен, что в госпитале ни разу не встретил ни одного командира полка, да и его заместителей тоже. Возможно, многие боялись гнева Коршунова или в силу незнания и непонимания. Выздоровление проходило медленно, и через пару недель его перевели во Львов. Еще через две-три недели он приехал с женой в Шверин попрощаться с дивизией и организовать перевоз личных вещей семьи.

Комдив устроил проводы в офицерской столовой штаба дивизии. На проводы собралось около тридцати человек, приехало руководство Шверинского округа и города, были приглашены заместители комдива, несколько начальников родов войск и служб, несколько командиров полков. Нам было невдомек, почему не подъехал командарм, а прислал своего зама. Видимо, для того, чтобы мы чувствовали дистанцию. Генерал Куприенко держался молодцом: шутил, был разговорчив и любезен, поблагодарил всех за совместную службу и объявил, что получил назначение на должность заместителя начальника управления бо-

евой подготовки Прикарпатского военного округа. Могли бы, как это делали на гражданке и наиболее порядочные военные, назначить перед уходом на пенсию и на более высшую должность, тем более, оказывается, знали исход. Почему сердце русского полководца, командующего войсками этого округа, оказалось черствым, как кора высохшего дерева? Ведь надо было подумать и о его жене. Такие вот у нас люди, иногда – нелюди. Глубокая тоска читалась в его глазах.

Во время перерыва он подозвал полковника Г.Н. Кравченко и меня, и обратился со следующей просьбой: «Георгий Александрович и Георгий Николаевич, вы у меня остались самыми близкими людьми, которым я доверяю. Через пару суток я уезжаю во Львов. У меня здесь остается сестра Лидии Марковны – Нина с мужем капитаном А.Бахаревым. Уже есть приказ о его переводе для дальнейшего прохождения в 204-й полк на должность начальника штаба батальона. Поддержите его. Больше я ни о чем другом вас не прошу». Мы ответили, что все будет нормально. Зачем он это сказал в присутствии Кравченко, я не стал выяснять. Позднее выяснилось, что он уже знал о своей страшной болезни. Я не забыл о своем обещании, и Толя Бахарев через два года стал комбатом. Отслужив пять лет в ГСВГ, он уехал в ПрикВО в г.Черновцы. А вот с генералом Куприенко произошла трагедия: через короткое время он умер от рака горла. Видимо, авария послужила к тому запалом.

После аварии дивизией стал командовать первый замкомдив подполковник Коршунов. В полк он заезжал редко, и это было хорошо – не мешал работать. В присутствии высших начальников, приезжавших в дивизию (командарма, его замов, Главкома, его замов), он держался на равных, легко и свободно, в то время, когда мы, командиры полков, вели себя строго согласно Уставу ВС. (Что ни говори, нет ничего лучше быть сыном заместителя министра обороны или еще лучше – сыном министра обороны.)

Однажды утром дежурный по части позвонил мне в учебный центр и передал распоряжение, чтобы к 9.00 я был на служебном совещании в штабе дивизии. Было 8.50, естественно, я опоздал. Полковник Мачегора оторвался от чтения приказов и бросил мне в лицо:

– Товарищ подполковник, научитесь прибывать на совещания своевременно.

– А вы, товарищ полковник, научитесь своевременно опове-

щать. Кроме того, прекращайте проводить внеплановые совещания по утрам, вы же не даете нам работать!

– Прекратите хамить, товарищ подполковник!

– А вы прекратите унижать меня в присутствии младших офицеров. Вы забыли, что я подчиняюсь только командиру дивизии.

Вмешался и.о. комдива:

– Иван Анисимович, к вечеру подготовьте проект приказа!

На следующий день, после обеда, начальник секретной части принес мне приказ и.о. комдива, в котором мне за личную недисциплинированность, грубость со старшим по званию и должности и опоздание на служебное совещание был объявлен строгий выговор. Ну, думаю, все началось снова. Ладно, выдержим и этот очередной этап получения взысканий. Меня удивило, что молодой и.о. комдива даже не поинтересовался, почему я опоздал. Ему, оказывается, надо было просто показать свою власть. Зная, что я был ранее представлен на занятую им должность, он решил сразу указать мое место, хотя я не высказал ни одного слова.

После этого события я познакомил своих заместителей с этим приказом и дал такой инструктаж: «Где бы я ни был – на учениях, танкодроме, войсковом стрельбище, в общем, вне расположения полка, его командир всегда должен быть на месте. Поэтому будьте добры, в соответствии с последовательностью должностей в штатном расписании в мое отсутствие каждый из вас должен быть готов до моего прибытия принять командование полком на себя. И если будут еще вызовы на внеплановые совещания, немедленно убывайте и представляйтесь: «И.о. командира полка майор Следь», «и.о. майор Алкобиджа». Представьте внезапный массированный налет авиации противника, как в Великой Отечественной, а я нахожусь на учениях в ста километрах отсюда. Кто будет командовать?»

И с этой задачей, что должен в подобном случае предпринять и.о. командира, сообща разобрались. В тот же вечер эти действия разобрали с комбатами и начальниками родов войск и служб. Так что строгий выговор пошел на пользу делу поддержания боевой готовности.

Хочу добавить, что со своими заместителями, НРВиС, включая начальника штаба и начальника артиллерии, у нас были доверительные, уважительные взаимные отношения. Но ни НШ, ни начарту никогда не подавал даже виду на неуважение к ним.

И Следя простил. Человек – слабое существо, и надо уметь прощать их ошибки, вольные или невольные, – это важное качество любого начальника, если он человек. На совещании командиров подразделений призвал поменьше наказывать «за грубость», «опоздание в строй» и другие надуманные взыскания. Все должны понять, что взыскание должно иметь воспитательное значение, а не ответную отрицательную реакцию. Солдат, офицер должны осознавать, за что наказаны.

Накануне совещания пошел в одну из рот, поднял карточки взысканий и поощрений солдат и переговорил с солдатами, имевшими подобные взыскания. Трех солдат попросил прибыть к 16.30 назавтра в штаб полка в мой кабинет. На совещании с комбатами вызываю первого солдата:

– Вы получили от командира взвода взыскание. За что и почему?

Солдат засмутился:

– Я получил взыскание – выговор за опоздание в строй, так как у меня было расстройство желудка, и я задержался в туалете.

– Почему вы об этом не доложили командиру взвода?

– Меня бы засмеяли.

Вызываю второго:

– За грубость со старшим вам старшиной роты объявлено два неувольнения. Почему вы грубили?

– Это было в столовой: я не успел доесть, так как был наливальщиком. Старшина скомандовал: «Встать!», а я остался доедать. Он крикнул: «Ты, чучмек, что, не слышал команду? Я ответил: «Если я чучмек, то ты чукча и дурак!» Старшина вывел всех на улицу, построил и объявил взыскание за грубость!

Вызываю третьего:

– Командир отделения за невыполнение приказа объявил вам взыскание. Почему вы не выполнили приказание и какое?

– Командир отделения в субботу послал меня за рядовым Сидоровым в парк, я его не нашел, за что и получил взыскание. Оказалось, что Сидоров был в клубе, смотрел кино.

После всего этого комбатам показал анализ дисциплинарной практики, из которого стало ясно, что 60-70 процентов дисциплинарных взысканий командиры всех степеней накладывают за грубость и пререкания со старшими, опоздание в строй, халатное отношение к своим служебным обязанностям (в чем халат-

ность?), за разговоры в строю, на занятиях. Я сказал командирам так:

– Не делайте преступником каждого солдата, который не угодил в чем-либо сержанту или офицеру. И никогда не торопитесь с объявлением взыскания – ведь у вас, как и у сержантов, есть трое суток на то, чтобы все обдумать. Сначала подумайте, а правы ли вы были в конкретном случае. И последнее: если в сердцах на шумели, накричали, матом послали подчиненного – имейте мужество еще раз все взвесить и извиниться перед подчиненным, это лучше, чем наказать невинного.

После того совещания количество взысканий резко (на порядок) пошло на убыль. Ибо любое взыскание – это огромная обида для человека, если оно не отвечает тяжести проступка или является следствием недоразумения или предубеждения.

Коршуновское взыскание было предпоследним в моей службе, но с тех пор я никогда никого в течение последних двадцати лет службы не наказывал, за исключением случаев пьянства или за события (происшествия), приводившие к серьезным негативным последствиям. Лучше отmaterить, затем извиниться, чем в горячке наложить незаслуженное взыскание. А вот поощрять людей надо чаще за любое старание, хорошо выполненное дело, за достигнутые успехи, за отличие, за стремление во что бы то ни было выполнить приказ. Поощрение поднимает не только настроение, но и дух воинов, волнует их душу, воспитывает стремление служить лучше, быть как человеку лучше, чище, красивее.

С началом летнего периода обучения в полку произошли кадровые изменения: майор Г.И. Следь был назначен командиром 239-го мсп в Перлеберге; заместитель по тылу подполковник Г.И. Очеретенко тоже пошел на повышение – начальником тыла 16-й дивизии в Нейштрелице. Не выдержал служебной нагрузки и, возможно, требовательности, мой заместитель по технической части майор В.А. Гуреев. Пользуясь хорошим знакомством с подполковником Коршуновым (они вместе учились в академии БТ и МВ СА), он убыл в НИИ близ Москвы, где прослужил старшим научным сотрудником до самого увольнения в запас. Моим первым заместителем был назначен заместитель командира 288-го мсп (Висмар) майор В.С. Котов, закончивший академию им. М.В. Фрунзе вместе со мной, хотя я просил начальство назначить одного из наших комбатов. Заместителем по тылу прибыл на повышение зам по тылу автобата капитан

В.П. Космодемьянский, скажем так, совсем не равная замена Г.И. Очеретенко.

На должность зампотеха прибыл отличный технар, выпускник академии БТВ капитан В.С. Власенко, прекрасный инженер и организатор. Многие командиры взводов были выдвинуты на роту и не только в свой полк. Ушел в один из закрытых военных вузов командир 7-й роты старший лейтенант К.В. Кулекин; вместо него был назначен по представлению комбата старший лейтенант А.Н. Дергач. Был ряд других назначений. Например, командиры взводов могли быть в зависимости от таланта в своем же полку назначены заместителями командиров роты по политической или технической части. Так, при мне старший лейтенант Краев поднялся до заместителя командира батальона по технической части.

Не всем повезло в жизни. Один из лучших командиров взводов старший лейтенант Козлов стал замполитом роты, а затем секретарем комсомольской организации батальона и полка, но с прибытием в Союз по замене был назначен на должность воспитателя Калининского Суворовского военного училища, где и прослужил майором еще лет пятнадцать, дошел до командира роты и был уволен в запас. Неисповедимы пути господни у служащих Отечеству! Прекрасного замполита 1-го мотострелкового батальона капитана Каменского, отличного организатора, стрелка и механика-водителя я встретил через 11 лет майором-замполитом отдельного пулеметно-артиллерийского батальона укрепрайона близ озера Хасан – на самой границе с КНДР, но, к сожалению, ничем не смог помочь ему, так как меня самого выслали «к черту на кулички». Простите, мои однополчане, что я не сумел в будущей жизни помочь каждому из вас!

Эти изменения, конечно, вносили коррективы в межофицерские взаимоотношения, но к коренным изменениям не привели, так как сама система обучения и воспитания была четко отлажена. Абсолютное большинство офицеров и сержантов работало на совесть, с огромным усердием.

Как-то весной для командиров дивизий, полков и их заместителей 2-й гвардейской ТА по указанию командарма под руководством начальника ВТС армии полковника Зенова были проведены на Эльбе показательные занятия по подготовке танков и преодолению ими водных преград по дну. Была показана организация таких занятий на одной танковой роте и затем ее переправа по дну на противоположный берег. Меры безопасности обес-

печивались силами армии. После этого командирам была поставлена задача провести подобные занятия во всех дивизиях.

Переправа танков (если они не плавающие) под водой на глубинах не более 4 м является одним из лучших способов форсирования водной преграды в наступательной операции. У наших войск не было плана выхода к Рейну, захвата Бонна или Парижа. Это чистый блеф американской пропаганды в целях оправдания все более увеличивавшихся (как и сейчас) расходов на нужды Пентагона. Мы всегда готовились к отражению возможной агрессии НАТО, то есть к обороне. Но и в оборонительной операции, и даже в бою способ форсирования водных преград танками по дну является еще более выгодным в смысле осуществления маневра танковыми частями и подразделениями без потерь на выявленное направление главного удара «противника», закрытие бреши в обороне, занятие заранее запланированных огневых рубежей, а также к подготовке и проведению контрудара (контратаки) с неожиданного направления.

На очередном совещании подполковник Коршунов отдает указание: «Командиру 204-го гвардейского мотострелкового полка подполковнику Георгию Александровичу Александрову провести показательное занятие по организации, подготовке и переправе танкового батальона по дну реки Эльба в срок до 20 июля».

Мне оставалось встать, ответить «Есть!» и сесть. Коршунов отлично знал, что я ни танкового училища, ни академии БТВ не заканчивал, хотя и командовал «бронеполком» (так в обиходе называли нашу часть). Естественно, всех деталей подготовки танков к подводному вождению я не знал. Оправданным было бы поручить проведение этого занятия командиру танкового полка. Но этим приказом, очевидно, предложенным начальником штаба дивизии, нужно было сбить с меня спесь, в надежде, что я решительно откажусь выполнять такой приказ. Если же соглашусь, дело может и не обойтись без ЧП, что тоже ставило крест на успехах полка. Таким образом, мне хотели указать на мое место: «Знай сверчок свой шесток». Ну, думаю, «вы, друзья народа, не на того напали». В конце совещания, когда обычно старший начальник произносит для дураков: «Какие будут вопросы?», я поднялся и задал три вопроса:

– Первое: чтобы провести указанное вами показательное занятие, необходимо все сорок экипажей наших танков пропустить в течение недели через единственный в дивизии класс легководолазной подготовки танкового полка, который уже два года находится в

нерабочем состоянии. Поэтому срок проведения занятия зависит от времени, которое будет потрачено на ремонт этого класса.

Зампотех дивизии поднялся и сразу ответил:

– Класс будет в рабочем состоянии через трое суток.

На самом деле на ремонт ушло более недели.

– Второе: для обеспечения эвакуационно-спасательной службы необходимо выделить полку из инженерно-саперного батальона два плавательных транспортера (ПТС) и две моторные лодки, а из ремонтно-восстановительного батальона – два гусеничных тягача с тросами, так как в полку имеется всего один, обеспечивающий эвакуацию техники из хранилищ в случае пожара.

Третье: пока будут проводиться тренировки к занятиям на Эльбе, прошу никаких помощников и контролеров из управления дивизии к нам не присылать, дабы никто не мешал и не отвлекал ни людей, ни командиров.

Ответ был таков:

– Очень хорошо.

Это значило, что вся ответственность возлагается на меня. Для непосвященных поясню, что в классе легководолазной подготовки проводятся практические занятия по действиям экипажа при реальном затоплении танка в случае нарушения герметизации, порядок пользования изолирующим противогазом и выход из танков при выполнении спасательных работ. С каждым экипажем такие занятия были проведены, а с некоторыми – не один раз.

В первой декаде июля вся техника и личный состав танкового батальона и эвакуационно-спасательной службы были сосредоточены на Эльбе рядом с деревушкой Гневсдорф, в нескольких километрах восточнее города Виттенберге, и сразу начались занятия и тренировки. Были организованы учебные места по установке штатного оборудования для подводного вождения, выполнения мероприятий по частичной и полной герметизации с проверкой их качества, вождения танков на местности по гидрополукомпасу в соответствии с заданными азимутами и выполнения нештатных маневров, проверке исправности и тренировки в быстром надевании изолирующего противогаза. Параллельно проходили тренировки непосредственно на воде всей эвакуационно-спасательной службы. Сначала тренировались по элементам, затем – в целом под руководством зампотеха полка капитана В.С. Власенко, начальника ВТС майора Гайдая, начальника инженерной

службы майора Аникина и комбата-подполковника Я.Г. Погодина.

Через три-четыре дня ежедневных десятичасовых занятий приступили к тренировкам на скорость сначала на суше, а затем наступил день тренировки по подводному вождению. Саперы провели основательную инженерную разведку дна и определили створ переправы. С руководством судовождения на Эльбе согласовали время на тренировки и на показное занятие, чтобы исключить столкновение судов и нашей техники. С целью страховки перегнали один из тягачей по дну на тот берег, второй оставили на своем. Эвакопоспекательная службы заняла свои места; развернули на всякий случай часть полкового медпункта, как пункта первой врачебной помощи.

В назначенное время батальон был построен; довели до личного состава меры безопасности; провели герметизацию танков в колонне. Вновь построили личный состав, спрашивая комбата:

– Ну как, Яков Григорьевич, пойдете первым по дну реки в роли командира танка?

– Товарищ подполковник, если вы прикажете, конечно, пойду, хотя и до увольнения в запас остался один год. Но я вашим приказом назначен руководителем (комендантом) переправы. Если мне идти в воду, надо кого-то назначить вместо меня.

– Я пошутил, Яков Григорьевич, занимайте свое место руководителя.

Подошел к строю напротив первого экипажа старшего лейтенанта Толова, механиком-водителем у которого был младший сержант Анатолий Злобин, мой, можно сказать, племянник (сын брата моей мачехи), случайно попавший в наш полк после окончания учебной части. Смотрю в глаза Толика и, улыбаясь, спрашиваю:

– Кто первым пойдет на переправу по дну?

Смотрю, Толя поднимает руку, а за ним и весь его экипаж.

– Первому экипажу к машине! По местам, о готовности доложить по радио комбату.

– Комбату проверить связь и приступить к переправе первого экипажа!

– Есть связь! К переправе первый экипаж готов.

– Приступить!

И танк спокойно пошел в воду: сначала по гусеницы, затем по корму и, наконец, ушел в воду весь, по башню. По воздухопитающей трубе было видно, что наибольшая глубина около че-

тырех метров была точно по фарватеру реки, от середины ближе к нашему берегу.

Я был спокоен, но сердце билось часто. Вдруг вспомнил, как однажды весной на Сахалине при обычной переправе через реку Леонидовка по проверенному и годами накатанному броду один учебный танк в середине реки провалился в глубину так, что не смогли вытащить ни танк, ни спасти экипаж. А ведь брод был только по гусеницы! Оказывается, есть реки или участки на них с двойным дном. Такой же рекой, к примеру, является река Суньфы в Приморском крае. Природа иногда «подкладывает» такие сюрпризы, которые не в состоянии предусмотреть ни наука, ни командир, ни какой-нибудь Глоба.

Но вот танк прошел середину реки и труба стала расти на глазах, затем показалась башня, корпус, гусеницы... Все завораживающе смотрели, как наш Т-55 величаво и с ленцой (нате – любуйтесь!) выходил из воды и не спеша вылез на берег. Внутри появился покой и какое-то чувство освобождения от опасности. Якову Григорьевичу приказал развернуть танк на 180 градусов, указать обратный азимут и – вперед, на свой берег. Злобин почти на месте развернул танк (чувствовалась опытная уверенность командира роты – старшего лейтенанта Толова), и опять не спеша машина пошла в воду, а через несколько минут громадина была на своем берегу.

У всех было приподнятое настроение. Комбат дал команду экипажу: «К машинам!», и через секунды бойцы стояли впереди танка. Перед строем батальона трем членам экипажа за проявленную смелость, выдержку и умелые действия при переправе под водой я объявил краткосрочные отпуска на десять суток с выездом на Родину. Собрал офицеров, попросил выявить, есть ли среди личного состава колеблющиеся. Если есть сомнения, то такому экипажу дадим возможность сегодня же попробовать переправу на другой берег, то есть до начала показательного занятия. Таких не нашлось. Тогда с каждой роты взяли по танку и устроили прогулку по дну реки туда и обратно. Все солдаты говорили, что все идет, как по маслу. После занятия и разгерметизации танков весь этот день люди отдыхали, загорали, ловили рыбу, варили уху, пели песни под гитары. Приказав выставить полевой караул у боевой техники, поехал в Шверин и доложил, что к проведению показательных занятий готов.

Через сутки состоялись показательные занятия, на которых присутствовало командование дивизии, полков, командиры танко-

вых батальонов и рот всего соединения. Мы показали не только организацию занятий, но и проведение частичной и полной герметизации танков всего батальона, а затем и его переправу в составе колонны под водой на противоположный берег Эльбы и обратно.

Мне приходилось еще проводить такие занятия в будущем, но вот в других соединениях не удалось видеть, может быть, не повезло. У командиров – от батальона до дивизии – всегда появляется так называемый «мандраж», точнее, боязнь за потерю людей, а за это вышестоящее начальство не прощает. Казалось бы, этот способ переправы в ходе форсирования водных преград сохраняет технику, жизнь тысячам танкистов во время войны. Но возможная гибель нескольких человек останавливает большинство командиров от этого шага. Да и зачем создавалось это оборудование для каждого танка? Вот фронтовики, такие как генерал М.И. Сорокин, не боялись, ибо знали, что при форсировании рек по мостам и на паромках погибает огромное количество техники и людей. Это показала война. Вот так мы и учили тому, что необходимо на войне.

...После проведения этих занятий танковому батальону понадобилось еще две недели, чтобы всю технику боевой группы, кроме одной роты, поставить на хранение с оценкой «отлично». Справились, молодцы. Мне же предстояло провести со вторым мотострелковым батальоном майора В.М. Бибена плановые батальонные учения с боевой стрельбой, которые были выведены и находились уже в исходном районе для наступления в одном из районов Витштоцкого учебного центра. До начала учений майор Г.И. Следь проверял боевую слаженность батальона по совершению марша, размещению в исходном районе и умение действовать в бою на тактико-строевых занятиях «пешим помашинному», а с прибытием 2-й танковой роты с Эльбы – и на боевой технике. Василий Михайлович Бибен был уже опытным командиром; год назад мы познакомились здесь же, на Витштоке, в ходе первого моего учения, в котором столкнулись два БМП и необученные солдаты, которые, бросая гранаты в траншеи, продырявили штаны сзади. Теперь это был другой батальон, которым командовали тертые, битые, но помудревшие командиры. И комбат, и начальник штаба – старший лейтенант Н.П. Орлянский (позже капитан), командиры рот – старшие лейтенанты В.Г. Рябоволов, И.П. Горошко, С.В. Горбунов были уже зрелыми командирами, способными хладнокровно и со знанием

дела управлять боем! Хорошим замполитом был майор Н.Н. Цыганков.

На другой день с утра – начало учений и атака. На своей КШМ следовал в 200-300 метрах от боевых порядков и руководил учением – в основном сигналами, известных офицерам, и показом мишенной обстановки. После окончания учений приказал убить батальону сразу на станцию погрузки. Разбор планировался в пункте постоянной дислокации. Несмотря на данные о поражении мишеней, которые дал мне Геннадий Иванович, я решил все-таки проверить картину с мишенями на первой траншее, которые поразились гранатами. На своем «газике» поехал прямо к мишеням по траве – в стороне от дороги на 40-50 м. Машина шла к траншее примерно под углом 45 градусов, а я высматривал в траве мишени, которые были закреплены на подъемниках и в опущенном состоянии. И вдруг... внезапный удар, машина остановилась, заехав передними колесами в траншею, которую не заметил водитель. Шок...

Когда пришел в себя, оказалось, что моя голова почти вылезла из переднего стекла, нос был разбит, я ничего не вижу. Провел руками по лицу: кожа со лба и подбородка слезла, голова кружилась, видимо, сотрясение головного мозга. Протер глаза и посмотрел на водителя (вдруг разбился?), но он крепко держался за руль, переднее стекло передо мной было разбито. Я не вылетел из машины только потому, что держался за переднюю ручку на панели и опирался ногами об пол. Приказал водителю сдать назад. С трудом выехали и сразу направились в медпункт учебного центра, где около двух часов мне склеивали и перевязывали лицо. А мог и погибнуть. Это в который раз!

5. Мы – лучшие в ГСВГ!!!

Так прошло это лето: на Эльбе, в учебном центре и на учениях, проводимых на тактических полях Витштоцкого учебного центра. По-прежнему лично проверял боевую слаженность батальонов и проводил батальонные тактические учения с боевой стрельбой и без, контролировал проведение комбатами всех ротных тактических учений, руководил и проверял стрельбы танковых рот штатным снарядам, а на стрельбище и бронедrome – стрельбы боевыми гранатами из орудий БМП, вождение танков, БМП и другой гусеничной техники. Дома ночевал два раза в

неделю. Зато в полку не произошло ни одного мало-мальского происшествия и нарушений мер безопасности: боевая подготовка шла с нарастающим усложнением упражнений, с элементами обязательной состязательности в выполнении всех нормативов по предметам боевой подготовки.

В начале сентября стало известно, что в ГСВГ для итоговой проверки боевой и политической подготовки приезжает большая комиссия Министерства обороны во главе с первым заместителем министра генералом армии С.Л. Соколовым. Практически это была инспекция. Как и год назад, за неделю остановили боевую подготовку, пристреляли оружие, привели в порядок учебно-боевую технику и полигонное оборудование, навели «марафет» в казармах и на территории, провели контрольный строевой смотр.

По приказу командарма в один из выходных дней командиры полков, их заместители и командиры дивизий были собраны в 60-м мотострелковом полку 16-й танковой дивизии, которым командовал опытный, толковый и умный полковник Макашов. Военный городок, построенный после войны заново немецкими строителями за наши деньги, являл собой образец пространственного расположения объектов, отвечающих всем современным и будущим требованиям размещения личного состава, техники, зданий соцкультбыта, тыловых складов и учреждений. Одно было совершенно непонятным: почему военный городок построен на месте бывшего фашистского концлагеря Равенсбрюк?

В полку были построены казармы со всеми удобствами, личный состав размещался в них повзводно, имелся не просто клуб, а просто великолепный Дворец культуры, очень хороший стадион. Вся территория обсажена, дороги и дорожки – заасфальтированы. Вот сюда нас и пригласили, чтобы и мы подготовили достойно свои военные городки для комиссии Министерства обороны. Была и другая задача: научить нас, как встречать министра обороны или его заместителей, а может быть – и командарма тоже. Для этого вывели и расставили всех жен офицеров от КПП до плаца, которые преподнесли хлеб с солью и каждому из нас – букет цветов и, конечно же, не обошлось без продолжительных аплодисментов.

Провели показательной строевой смотр, водили нас всюду, и везде – образцовый порядок. Некоторые любопытные успели посетить и не показательные уголки: умывальники без кранов, туалеты с неработающими сливными бачками, где уже ничего показательного

не было. Но ведь нас пригласили посмотреть не ржавую учебную технику и свалки в уголках парка, а как должно быть.

И все-таки мы испытывали странные чувства. Зачем нас было учить низкопоклонству перед начальством, быть бессловесными существами, заниматься показухой? Что показали хорошее – мы и сами оценили, что хорошо. С заместителями сделали вывод, что в нашем полку, где солдаты размещались в казематах 30-х годов, техника – в бывших конюшнях и лишь новая – в новых хранилищах, все было лучше, чище и больше, что и подтвердилось чуть позже. Строевая выучка близка к «хорошей», но внешний вид наших солдат – значительно лучше, и питание тоже. И было за счет чего. К сентябрю у нас только свиней было свыше 250 голов, что позволяло покупать для солдат все, что им необходимо. Так что эти показательные занятия и встречи послужили нам добрую службу. Мы просто убедились, что наш полк лучше. При этом нам не надо было покупать цветы в магазинах за счет солдат, они росли перед плацем, у входа в полк, в скверах и перед каждой казармой, столовой, даже караульным помещением, особенно много цветов в парке боевых машин.

Я не в курсе, какие дивизии подвергались проверке комиссией Министерства обороны в других армиях, но в нашей проверили только нашу, 94-ю гвардейскую Звенигородскую дивизию. Знаю, что 16-я танковая, в состав которой входил 60-й придворный полк, проверялась комиссией командующего армией уже после комиссии МО.

Председатель комиссии по нашему полку полковник И.П. Жильяенков приехал в полк за три дня до начала проверки. Совместно составили расписание проверки, в котором предусматривался охват 100 процентов подразделений и управления полка. В первый день предусматривалось проведение строевого смотра для всего личного состава, вслед за ним – проверка всей техники и вооружения, состояния боеприпасов, инженерного, химического имущества и наиболее важные вопросы состояния тыла (состояние и наличие подвижных и текущих запасов материальных средств согласно нормам: вещевого, продовольственного, горюче-смазочных материалов, банно-прачечного обслуживания, состояние столовых, чайной, магазинов).

Со второго дня начиналась проверка по огневой подготовке мотострелковых и специальных рот, вождение механиками-водителями и офицерами 6«а» упражнения. После вождения танковый батальон сдавал техническую и физическую подготовку,

после чего убывал эшелонам на Витштоцкий учебный центр для проверки огневой подготовки по выполнению За упражнения штатным снаряжением. Третий мотострелковый батальон с гаубичной батареей, отдельным минометным взводом, с зенитно-ракетным взводом «Шилка», саперным взводом и отделением химиков-разведчиков полка проверялись в ходе батальонного тактического учения с боевой стрельбой на армейском учебном центре.

План проведения учения был уточнен на следующий день, черновые варианты всегда имелись в штабе с разными темами учений. Полковник в предложенную тему «Наступление усиленного мотострелкового батальона – второго эшелона полка с ходу на противника, поспешно перешедшего к обороне. Развитие наступления, отражение контратаки превосходящих сил противника» внес капитальные изменения. Тема выглядела так: «Марш усиленного мсб в составе главных сил полка из ППД с занятием выжидательного района. Переход в наступление с ходу. Атака. Развитие наступления в глубину. Отражение контратаки превосходящих сил противника».

Ранее, в целях экономии моторесурсов, мы обычно при отработке темы наступления с ходу размещали батальоны на удалении от 6-8 до 10-12 км от переднего края «противника», но когда полковник И.П. Кильяенков показал исходный пункт в 30 км от переднего края, ничего не оставалось, как обозначить овалом выжидательный район полка и батальона вдоль танкового маршрута Шверин-АУЦ западнее исходного пункта. Надо было рассчитать время выхода на рубеж перехода в атаку с точностью до минуты с удаления тридцати километров с учетом противодействия авиации и ДРГ противника в ходе выдвижения. Нам помогло то, что в течение двух лет мы размещали батальоны каждый раз на разном удалении от переднего края своих войск, и они были приучены к действиям в любой обстановке.

Строевой смотр и проверка строевой подготовки прошли превосходно, получили чистую «отличную» оценку, что бывает очень редко. После проверки одиночной подготовки оценки ставились каждой роте и управлению полка за строевую слаженность, где большинство рот тоже были оценены на «отлично». Но когда подразделения полка пошли с песней, почти каждую роту сопровождали длительные аплодисменты собравшихся женщин и гостей, а у председателя комиссии не раз самопроизвольно из глаз текли слезы – настолько велика была сила воздействия от-

дельных строевых песен и искусство их исполнения. При этом музыканты нашего оркестра с каждой ротой разучили и отработали по две песни. Это был концерт из 25 песен, 18 из которых получили у бывалого полковника «отличные» оценки. Когда я доложил, что у каждой роты еще есть одна песня в запасе, полковник попросил показать и эти песни, при этом без оценки. Это было что-то! И гордость за своих, и мелодичное звучание песен, каждая на 2-3 голоса, и звуковой резонанс, создаваемый казармами с трех сторон, и открытость в сторону парка сделали этот смотр волшебным. От песни о Советской Армии и «Казачков в Берлине» до «Песни о Бородине» и «Солдаты в путь» – вся история нашей героической Советской Армии. К сожалению, мне больше не довелось услышать лучшего исполнения нигде и никогда, разве что в исполнении Краснознаменного Ансамбля песни и пляски им. Александра.

Состояние техники и вооружения, материальных запасов, внутреннего порядка и тыла было оценено на «хорошо», а состояние боевой группы – на «отлично». В принципе, выше этих оценок по этим разделам состояние полка не бывает. Служба войск проверялась в течение всей проверки и тоже была признана «хорошей». Но это было еще не все. Дело в том, что создалась парадоксальная ситуация, при которой командир полка был фактически отстранен от руководства подразделениями в ходе проверки и не мог повлиять на мало-мальское недоразумение или промах, так как уже со второго дня был вынужден выехать из полка на организацию и проведение батальонного тактического учения с боевой стрельбой в течение трех дней и остаться еще на один день – для руководства боевыми стрельбами танкового батальона штатным снарядом на армейском учебном центре. Конечно, можно было бы возложить проведение БТУ на первого заместителя, но он только что прибыл и не имел практики проведения таких учений.

Уже после обеда я вручил комбату тактическое задание, а затем и боевое распоряжение на совершение ночного марша на 80 км с целью занять выжидательный район для наступления. После ужина в присутствии проверяющих заслушал решение комбата на марш, отдал необходимые указания по видам обеспечения и соблюдению мер безопасности. В 22.00 все подразделения, привлекавшиеся к учениям, были подняты по учебной тревоге, указано время (23.00) прохождения исходного пункта. Обеспечение преодоления водных преград было возложено на

инженерно-саперную роту, с которой проводилось одновременно тактико-специальное учение. В 1.00 ночи во вторник батальон был на месте. Для подготовки к наступлению и ухода в землю и маскировки было дано двое суток. Со своим помощником по мишенной обстановке майором Котовым и начальником тактического поля учебного центра выехали на местность и уточнили рубежи установки мишенной обстановки и места расположения отдельно важных целей (закопанные танки и БТР, безоткатные и самоходные орудия); на переднем крае «противника» поставили только трехмерные фигуры — «грудные», пулеметы, рптры, чтобы их поражение осколками гранат было показано и засчитано, а также порядок и время показа мишеней, порядок обозначения воздушных целей, выдвижения и развертывания резервов «противника», порядок поддержания связи с начальником тактического поля и сигналы для показа целей. Дали заявку на изготовление мишеней для стрельб штатным снарядом из танков.

На второй день провел организацию боя на местности в ходе рекогносцировки с командиром батальона и командирами приданных и поддерживающих подразделений. Особое внимание было обращено на точное время выхода подразделений на исходный пункт, на рубежи развертывания в ротные, взводные колонны, в боевую линию и на рубеж перехода в атаку, на своевременное занятие артиллерийскими и минометными батареями основных огневых позиций, разведку целей и подготовку исходных данных по выявленным целям относительно установленных ориентиров. Были отработаны вопросы по порядку действий подразделений при внезапно возникающих препятствиях и участках заражения, при ударах авиации, а также порядок действий фронтовой авиации, боевых вертолетов и артиллерии, саперов и химиков и их взаимодействия с танками, БМП, зенитными установками в период выдвижения, огневой подготовки и в период перехода от нее к огневой поддержке; порядок атаки и возможным вариантам действий в глубине обороны «противника», в том числе возможные рубежи ввода в бой второго эшелона. До обеда уточнил боевые задачи и отдал необходимые указания по боевому, техническому и тыловому обеспечению. После обеда работали комбат и командиры рот.

Ранним утром следующего дня вместе с полковником Кильяенковым, который всегда был со мной, проверил с майором Котовым, как накрыта мишенная обстановка. Все было на месте, и к 7.00 вернулись на НП командира полка. По радио начали

принимать сигналы о готовности подразделений и наших посредников о готовности к действиям. Вскоре, около 8 часов, подъехал и генерал армии С.Соколов. Спросил:

– Где сейчас батальон и артиллерия?

– В тридцати двух километрах северо-западнее нашего НП, артиллерия – на огневых позициях в трех-шести километрах севернее в лесу.

Спросил Кильяенкова:

– Где посредники?

– При подразделениях.

– Во сколько атака?

– Если вы утвердите, то в 9.00

– Действуйте!

– Есть!

Передал сигнал:

– Ураган – 03.900, атака батальона – в 9.00.

– 001, я 03, вас понял, 03900.

– 02, точка 0816, мост 0856, время огневой подготовки от прохождения исходного пункта до перехода к огневой поддержке. Время перехода в атаку было определено при организации боя в «Ч»-0.06 минут – это же время спешивания.

Далее все шло, как и было спланировано.

Не буду останавливаться на ходе самого учения, которое шло строго по плану, но совершенно непредвиденные вещи вывели меня из нормального душевного состояния. Я даже сразу не понял, что случилось. Как только в назначенное время отработали истребители-бомбардировщики, боевые вертолеты и артиллерия, прогремели взрывы гранат по переднему краю и состоялась атака батальона, я решил сменить свой НП, и мы со своим замом и начальниками родов войск и служб двинулись вперед. Вдруг откуда ни возьмись, вокруг нас собралась огромная толпа офицеров и генералов из управления нашей армии, управления ГСВГ и даже из управления дивизии, хотя до этого никого их и близко не было. Меня лично буквально окружили генералы справа, слева, сзади, и каждый из них пытался дать мне совет, как действовать, какие подавать команды, указывали, что какой-то танк отстал, какой-то взвод вырвался вперед, и подобные реплики. Ни один из них даже не заметил, что мы идем вообще без радиостанции, и мы как раз добирались до наших двух командно-штабных (КШМ), где была связь и находились в укрытии впереди и левее буквально в ста метрах.

Вот командарм берет меня за руку и кричит: «Командовать надо, командовать!» Один из замов Главкома дергает меня справа и указывает: «Смотрите, в полутора километрах впереди появились танки в окопах! Ставьте задачу на уничтожение!», и т.д. Дело в том, что все эти «болельщики», видимо, «болели» за честь армии, ГСВГ, но перепутали командира полка с обучаемым комбатом, и каждому хотелось покомандовать или подучить меня, думая при этом: «Ну и тупой командир, слова не может вымолвить, не то что руководить учением или командовать».

Мне очень хотелось послать всех подальше. Но это в душе, на деле я следил за наступлением рот, одновременно спешил к своей КШМ. В это время начали вести огонь уцелевшие пулеметы и пехота на второй и третьей траншеях. Поэтому наши подразделения на направлениях, где наступающие встретили ожесточенное сопротивление, были вынуждены продвигаться перебежками, а кое-где и переползанием. На правом фланге шло все нормально. В ответственный период атаки батальоном командует его командир, а руководитель учения должен лишь контролировать порядок показа целей и следить за соблюдением подразделениями мер безопасности. С подходом подразделений к рубежу перехода в атаку, я лишь подал сигнал на перенос огня всей артиллерии в глубину. Особенно следил за тем, чтобы комбат своевременно давал команды на перенос огня артиллерии при достижении батальоном рубежа безопасного удаления от разрывов снарядов. Хорошо, что командиры минометной батареи и отдельного минометного взвода перемещались с командирами мотострелковых рот от укрытия к укрытию вместе. Это исключало поражение своих солдат.

Между тем генерал армии С.Л. Соколов двигался по дороге параллельно с моими перемещениями от бугра до бугра или иного возвышения, чтобы видеть батальон и слышать мои распоряжения, при этом от начала учения до конца не промолвил ни слова. По-моему, он единственный хорошо понимал, что задача руководителя учения заключается не в командовании батальоном и ротами, а в создании обстановки, которая бы вынуждала командиров подразделений принимать наиболее целесообразные решения по уничтожению (подавлению) тех или иных выявленных целей.

Батальон действовал вполне нормально. Любые появляющиеся цели быстро поражались без лишней пальбы всеми подраз-

делениями. Это означало, что боеприпасы расходуются разумно и есть управление огнем. Мотопехота не отставала от танков более чем на 50-100 метров; БМП двигались перекатами на больших скоростях в две линии (четные и нечетные), каждый, цепляясь за укрытие, периодически выходил в нужное время на одну линию с мотопехотой для ее поддержки огнем. Выпущенные проверяющим ракеты БМ-13 моментально поражались ЗРК «Стрела-2м». Как только сопротивление «противника» ослабевало, мотопехота сворачивалась в линию отделений со сменой азимута наступления, но вскоре левофланговая рота была остановлена ожесточенным огнем «противника», обороняющегося в опорных пунктах роты второго эшелона мотопехотного батальона.

Комбат решает левофланговой ротой огнем с места при поддержке артиллерии и боевых вертолетов нанести поражение обороняющимся подразделениям «противника», и вводом второго эшелона на правом фланге батальона развить наступление в глубину. При выявлении выдвижения бригадных резервов «противника» они были временно остановлены истребительно-бомбардировочной авиацией применением более эффективных боеприпасов, и тем было задержано проведение ими контратаки. Это позволило продвинуться вперед и занять выгодный рубеж для отражения контратаки превосходящих сил «противника». Далее, по замыслу учения, обстановка должна была наращиваться с налета противотанковых вертолетов «противника» с рубежа 3-4 км (высота Ровная), затем показа разведки его передовых подразделений и развертывания в ротные и взводные колонны бригадных резервов для проведения контратаки. Но вместо всего этого вдруг в 1,5-2 километрах перед нашим залегшим батальоном появилось сразу 50-60 танков в сопровождении пехоты и БТР, движущихся в нашу сторону. Я как стоял, так и сел на том же месте. Это был удар явно по замыслу командира полка и тактически неграмотный шаг со стороны руководителя учения. Троекратно повторив нехорошие слова, спрашиваю своего помощника по мишенной обстановке майора Котова:

– Зачем ты это сделал?!

– Да вы что, я отсюда начальнику тактического поля ни одного звонка не сделал!

Значит, сделал я вывод, это дело рук капитана – начальника тактического поля: кто-то подсунул ему бутылку, чтобы нарушить всю финальную часть учения. Мы даже планировали с рас-

стояния 5 км уничтожение вертолетов «противника» применением бризантных боеприпасов артиллерии с дистанционными взрывателями, так как имели уже опыт, а с дистанции 2000 м уничтожать «Шилками». На недоуменный взгляд командарма я только пожал плечами.

Но комбат не растерялся. Не ожидая никаких команд-подсказок, он остановил батальон и огнем с места начал отражать внезапную контратаку массы танков и другой бронетехники. Одновременно он попросил на конкретных участках поставить неподвижный заградительный огонь артиллерии, вызвал вертолеты огневой поддержки. В течение пяти минут от более чем 120 мишеней (из состава контратакующей группы) остались «рожки да ножки». Когда показались отходящие группы пехоты, батальон сразу добил их, а затем перешел к преследованию.

Через 10-15 минут мною был дан частный отбой. Проверяющие доложили первому заместителю министра обороны, что поражено 75 процентов выставленных мишеней, а на рубеже контратаки – все 100. Около 30 мишеней не было показано – по техническим причинам из-за отказа полигонного оборудования; это была, по мнению проверяющих, моя вина. Но я уже знал, что «отлично» по тактике не будет. Когда доложил генералу, что учению дан частный отбой, личный состав и боевая техника в наличии, боеприпасы израсходованы полностью, он без всяких комментариев, когда все многочисленное окружение смолкло, спокойно произнес: «Батальон действовал хорошо». Сел в машину и уехал, а за ним и вся компания офицеров дивизии, армии и ГСВГ.

Здесь же поставил Тихону Алексеевичу задачу на совершенное ночного марша в ППД с передышкой на обед и ужин в выжидательном районе, указав все временные показатели и на что обратить внимание по соблюдению мер безопасности. Танковую роту отправил на танковую директрису учебного центра – на следующий день тб подвергался проверке по выполнению боевых стрельб штатным снарядом. С майором Котовым проверили установку мишеней на рубежах и работу железных дорог. Все работало как часы. Оставив своего зама пообедать в танковый батальон, сам поехал в учебный центр для согласования вопросов по штатным стрельбам и заодно пообедать в офицерской столовой учебного центра. С.Л. Соколов с Главкомом уже улетели в штаб ГСВГ, и когда я вышел после обеда из столовой, меня остановил командарм с членом ВС генералом Б.П. Уткиным.

– Александров, как же так, куда делись твои командирские навыки?

– Что вы имеете в виду, товарищ командующий?

– Вы же могли показать себя на этом учении как опытный командир полка, который умеет громко и четко ставить боевые задачи, уточнять их, требовать докладов. У меня такое чувство разочарования, что просто нет слов.

– Товарищ командующий, я не понимаю, почему вы так расстроились. Я командовал короткими радиосигналами, которые знают в полку все, а обстановку для комбата, в том числе для принятия решения, создавал порядком показа мишенной обстановки.

– Какие сигналы, о чем вы, кто их слышал?

– Слышали и комбат, и командиры рот (батарей), и четко выполняли их.

В общем, еще полчаса командующий с членом ВС мне рассказывали и учили, как надо показывать себя командиру полка во время проведения таких учений. Поскольку возражать начальству в то время было бесполезно, для него других мнений просто не существовало, а я молчал и думал о своем. А думал я о том, что вот ведь умные люди, командарм – участник войны, военное дело знает превосходно и в теории, и на практике, и, вероятно, потому считает себя носителем истины первой инстанции. Мне было совершенно непонятно, почему для них в боевой подготовке, особенно на учениях, главное – показуха, почему они до сих пор не осознали, что современная война будет в корне отличаться от предыдущих войн?

В современном бою не последнее место занимает умение командиров всех степеней самостоятельно действовать. Даже если взять боевую задачу нашего полка – прикрыть госграницы на фронте не менее 30 километров, главную роль в бою должны брать на себя командиры подразделений всех степеней, применяя самые различные способы отражения наступления и уничтожения вклинившегося «противника», но все должны были действовать в интересах поставленной задачи полку. Командир полка со своего НП видел совсем немного, действия одной-двух рот, но следил за ходом боя всего полка, выявлял опасные направления (участки), огнем или маневром устранял любую угрозу. Мало того, выезжая почти ежемесячно к границе, мы определили место каждого танка, БМП, каждой ПУ ПТУР, места огневых засад, постановки мин направленного действия, опре-

деляли сосредоточенные и заградительные огни артиллерии и сигналы вызова каждого из них, при этом артиллерия должна была подготовить исходные данные по каждому участку и знать эти сигналы. Одно было плохо: в то время в составе дивизий не было вертолетов огневой поддержки, и в случае начала войны они немало бы побили своих. Но зато на учениях мы их учили взаимодействовать так, чтобы поражение наносили все-таки «противнику». Это очень непростое дело. В ходе так называемых выходов отрабатывали с каждой ротой различные варианты начала боя с вероятным «противником»; даже предусматривали различные формы маневра внутри батальона и полка: например, быстрое выдвижение и занятие огневых рубежей резервами на наиболее опасные направления, чтобы помочь соседу или впереди обороняющимся подразделениям. Но никогда не предусматривали отход за пределы своего участка, то есть к главным силам дивизии, потому что знали: ни один из командиров частей первого эшелона (мы входили в передовой отряд) реальной обороной не занимался. Вот мы и хотели за счет нашей лучшей подготовленности и более мощного огня прикрыть выдвижение, развертывание и подготовку обороны главных сил дивизии.

И, наконец, зачем мне надо было показывать громкость, дикцию моего голоса, тренировать четкую постановку задач, если они ставятся при организации боя, а во-вторых, я уже два года учил подчиненных понимать, знать и уметь действовать по коротким, но конкретным сигналам: по радио – в наступлении, по телефону – в обороне, зрительными сигналами (флажками, фонарем, осветительными патронами – это имело место в подразделениях). Ибо современные средства РЭБ сторон давно уже научились и подслушивать, и глушить любые переговоры, мало того – дезинформировать, дезориентировать и подменять любые команды ложными.

И еще я подумал: какой же подлец испортил последний этап учения? С тех пор этому капитану даже руки не подавал и считал его обычным мешком, и впредь на пульт управления мишенной обстановкой всегда ставил своих людей.

Так и расстались в тот день с командующим, весьма и весьма уважаемым, но так и оставшимся не довольным мною и с чувством какой-то обиды, ну а я – тоже со своим мнением и с чувством горечи. На другое утро в семь часов я уже был на месте руководителя стрельбы на участке №4 танковой директрисы. На

других трех участках никого не было. Проверили еще раз мишенную обстановку, работу подъемников и железных дорог. Кильяенков спросил:

– Кто будет руководителем стрельбы?

– Командир полка.

– А почему не комбат?

– На штатных стрельбах они уже давно привыкли к моим командам. Кроме того, за меры безопасности отвечаю только я.

Ниже, по дороге вдоль вышек, пока стреляли, прохаживался заместитель Главкома по боевой подготовке генерал-лейтенант Шкирченко. На вышку он так ни разу и не поднялся: ни днем, ни ночью. Я так и не понял, зачем он ходил, тем более что недавно приехал. Наши танкисты, конечно, обрадовали: 28 экипажей днем отстреляли только на «отлично», причем важная цель «танк» поражалась в тридцати случаях с первого выстрела. Ночью из тридцати восьми стрелявших двадцать пять получили «отличные» и лишь тринадцать – «хорошие» отметки. Общая оценка – «отлично», при этом в каждом экипаже стреляли два человека – наводчик и командир танка, включая командиров взводов, рот и батальона (по 50 процентов днем и 50 – ночью). Честно признаться, лучших результатов за свою службу я ни у кого не видел.

После окончания ночных стрельб я остался ночевать с солдатами в своем рабочем автобусе, а полковник Кильяенков поехал в гостиницу. В 7 утра мы встретились и вместе поехали в Шверин. Отдал комбату все указания на порядок выхода на станцию погрузки и порядок выгрузки в Шверине. К вечеру они уже были в парке.

В субботу поставили всю технику на место и стали ждать разбора проверки. Ведь я не знал, как сдали остальные предметы обучения 1-й и 2-й батальоны, а также спецподразделения, которые сдавали десять предметов: политическая, огневая, техническая, строевая, физическая подготовка, вождение боевых машин, защита от оружия массового поражения, инженерная, военно-медицинская и топографическая подготовка, не считая состояние техники и вооружения, материальных запасов, службы войск и внутреннего порядка, состояние тыла, которые были проверены в первый день.

В 12.00 десятого октября состоялся разбор председателем комиссии (в составе 26 человек) полковником Кильяенковым итогов боевой и политической подготовки за 1973 год. Чтобы не

быть голословным, привожу дословно выписку из истории полка, которую мне привез в 1989 году полковник А.А. Дудолодов (заместитель начальника кафедры тактики ВАФ по науке), бывший в командировке в 94-й гв мсд по изучению офицерских кадров, окончивших академию им. М.В. Фрунзе. Из двадцати четырех рот, управления полка и отдельного минометного взвода отлично оценены два батальона: 2-й мсб майора В.М. Бибена и тб подполковника Я.Г. Погодина и одиннадцать рот (батареи): 1, 5, 6, 7 мср старших лейтенантов Саламатова, Горбунова, Горошко, Дергача; 1, 2, 3 тр старших лейтенантов Толова, Олейника, Бондаренко, а также роты связи старшего лейтенанта Миронова и зенитно-ракетная батарея старшего лейтенанта Борца. Отмечу, что все эти старшие лейтенанты стали командирами рот в бытность моего командования полком. Все остальные подразделения получили «хорошие» оценки, ни одной «удовлетворительной»! Выполнение программы боевой подготовки по основным предметам обучения было оценено: «отлично» – огневая, техническая, вождение боевых машин, защита от оружия массового поражения, политическая и строевая подготовка; «хорошо» – тактическая подготовка. Кроме того, «отличные» оценки полк получил по физической, артстрелковой и зенитно-ракетной подготовке, военно-медицинской и инженерной подготовке, «хорошо» – по военной топографии. Хуже всех, только «хорошо», получили полковые артбатареи и отдельный минометный взвод; минометные батареи на стрельбах получили «отличные» оценки, но это было не заслугой подполковника Щуки – он так и не смог стать выше своих амбиций и настоящим начальником артиллерии полка не стал.

Состояние боевой готовности, техники и вооружения, внутренний порядок и служба войск, состояние тыла были оценены «хорошо». Никогда за всю службу в армии не слышал, чтобы так высоко оценивалось состояние тыла. Было выявлено за год (по результатам работы комиссии):

- отличников боевой и политической подготовки – 951 человек;
- классных специалистов – 664 (помимо имевшихся);
- спортсменов-разрядников – 1816.

Кроме того, на «отлично» были оценены 37 взводов и 131 отделение. Следует сказать, что другие полки дивизии добились лишь удовлетворительных результатов, кроме танкового полка, получившего хорошие оценки по основным предметам обучения. 16-я танковая проверялась уже после нас комиссией во главе с

командующим 2-й гвардейской ТА, при этом его лучший 60-й мотострелковый полк, как и наш, на БМП, проверялся только во время полковых тактических учений без боевой стрельбы. Мы же считали и сейчас считаем, что учение без боевой стрельбы – это обычное тактико-строевое занятие на боевой технике. Даже не проверялось состояние техники и вооружения, тыла и службы войск.

И конечно же, полк был оценен на «отлично», мало того, он был объявлен единственным отличным полком в армии и, как сказал командующий на разборе во второй половине октября, был представлен на присуждение Переходящего Красного Знамени Военного Совета ГСВГ.

Про наш полк было сказано так: «Неплохих результатов добился и двести четвертый гвардейский полк. По многим предметам (по всем – кроме тактической) полк получил даже отличные оценки, но мог бы добиться и лучшего. Первое место по службе войск и состоянию тыла мы также отдаем шестидесятому мотострелковому полку». А как же иначе – ведь нам показывали, как надо встречать начальство и любить его! Про командира двести четвертого гвардейского мотострелкового полка – ни слова. Ну, думаю, и слава богу. И тут объявляется перерыв, который затянулся почти на час.

Заходим, садимся. Ничего нового не ждем. И вот командующий объявляет: «Только что получена шифровка Главнокомандующего войсками ГСВГ: «За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, в поддержании высокой боевой готовности и службы войск за 1973 учебный год присудить Переходящее Красное Знамя Военного Совета ГСВГ 204-му гвардейскому мотострелковому полку 94-й гвардейской мотострелковой дивизии. Главком Е.Ивановский». Все это было произнесено с такой досадой, с таким нежеланием, как будто мы виноваты. На этом заседание Военного Совета закончилось. Нас командование армии даже не поздравило, оно поспешило спрятаться за кулисы. Зато в зале было такое оживление, какого никогда еще не было. И одним из первых меня поздравил сам командир отличного полка полковник Макашов, наши командиры полков, их замы, начальники родов войск и служб армии, но командование дивизии не снизошло до нас – оно ставку делало на танковый полк, а его даже не вспомнили.

Было и весело, и горько, и стыдно за неадекватное поведение командования дивизии и армии. Вот так наш полк занял первое

место и в дивизии, и в ГСВГ. Скажу больше: мы столько сил отдали, столько энергии, так крутились в непрерывном хороводе боевой подготовки, что наш полк в то время, безусловно, был лучшим в сухопутных войсках Советской Армии. Добавлю лишь, что всего мотострелковых и танковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских (ракетных) полков было в ГСВГ свыше 100 единиц! Мы могли бы посоревноваться любой бригадой НАТО по всем дисциплинам. Не было равных нашему полку, включая и 60-й, «отличный» полк.

Полк ликовал. Ликовали офицеры, их жены, дети. Чувство гордости и чувство победы в великой битве за овладение военными знаниями, навыками и умением вести любой бой, в любых условиях, с любым противником овладело душой каждого офицера, сержанта и солдата. Ради этого мы не жалели своего труда и времени. Каждый офицер теперь знал, как сделать свое подразделение, свою часть лучшими, превосходящими остальных высокой обученностью, дисциплиной и сплоченностью.

Затем было торжественное построение полка с Боевым Знаменем в парадной форме одежды. Переходящее Знамя Военного Совета ГСВГ вручал член Военного Совета – начальник штаба ГСВГ генерал-полковник В.З. Якушин. Присутствовало все руководство города и округа, все наши женщины, но без цветов, так как весь городок утопал в них. Этому событию была посвящена вторая страница ежедневной газеты ГСВГ «Советская Армия» №260(13847) от 7 ноября 1973 года «По труду и честь» за подписью подполковника Д.Ушакова с соответствующей фотографией. Думаю, что корреспондент очень торопился – даже не встретился с командиром полка. Жаль! Да и написал-то второпях немного. А ведь таких результатов в ГСВГ ни один полк не добивался. И все-таки приведу некоторые выдержки из этой статьи: «...В соревновании под девизом «Отлично знать и содержать оружие и боевую технику, мастерски владеть ими» два батальона этой части завоевали почетное право именоваться отличным. Отличными стали 42% рот, 45% взводов, 53% экипажей, отделений, расчетов, 100% личного состава части, кому определено по должности иметь квалификацию, стали классными специалистами. 51% воинов повысили свою классность на одну ступень. Почти все являются спортсменами-разрядниками и значкистами ВСК.

...Ратный труд мотострелков оценен по достоинству.

Часть, которой командовал коммунист, подполковник

Г.Александров, удостоена высокой награды – переходящего Красного Знамени Военного Совета группы советских войск в Германии.

...Генерал-полковник В.З. Якушин зачитывает грамоту Военного Совета ГСВГ, вручает знамя командиру и обращается с речью... Генерал называет фамилии лучших офицеров, сержантов и солдат части. Среди них – подполковник Я.Г. Погодин, майор В.М. Бибен, старшие лейтенанты М.Ф. Бондаренко, И.П. Горошко, лейтенанты В.Г. Мартыненко, А.И. Якимович, старший сержант С.И. Плотников, сержант А.И. Степашин, младший сержант В.Г. Наумов, ефрейтор Г.А. Краев...»

Генерал-полковник В.З. Якушин был корректен, душевно вежлив, хорошо к нам расположен. После вручения и прохождения торжественным маршем он до обеда побыл во всех парках, казармах, на объектах полка, на складах, даже в караульном помещении. Ему у нас все очень понравилось. Обедал вместе с солдатами, и там, в столовой, обратился к ним с проникновенной речью, в которой еще раз поздравил с победой и выразил самые теплые добрые пожелания успехов.

6. Выдвижение «изгоя»

Большинство офицеров личного состава было поощрено мною, очень многие представлены к поощрению вышестоящим командованием. Многие из командования армии и дивизии получили высокие правительственные награды: ордена и медали, ценные подарки. Командиру лучшего полка не было объявлено даже благодарности. Пусть каждый войдет в мое нутро и почувствует это состояние, когда за достижения лучшего полка в ГСВГ получают начальники ордена и медали (от ордена Ленина и Октябрьской революции и ниже), а тот, который вертелся в течение двух лет как проклятый, не зная выходных, вечеров, дней отдыха, который провел десятки учений с боевой стрельбой (10 батальонных, 20 ротных, не считая тех, что без боевой стрельбы), неделями имея на отдых только по 3-4 часа в сутки, большей частью питаюсь консервами, пережив столько волнений и стресса за сохранность людей, в течение двух лет видевший детей иногда лишь ночью, и вот за все это хотя бы кто-нибудь сказал доброе слово! И тем не менее я со всеми вместе радовался нашей совместной победе. Ведь если бы офицерский состав не поддержал

меня, не было бы и таких масштабных успехов. Верите ли, даже и.о. комдива благодарность не объявил! И все потому, что опрокинул все надежды начальства – от замкомдива до командарма, – что в полку будет все провалено. Если говорить о помощи, то никто и пальцем не пошевельнул...

И все-таки Главком добил до конца моих отцов-командиров. Уже находясь в другой дивизии, получаем приказ Главкома ГСВГ №103 от 19 декабря 1973 года «О подведении итогов смотр-конкурса на лучшее содержание и эксплуатацию военного городка ГСВГ». После констатации некоторых успехов в отдельных армиях следовала приказная часть из пяти пунктов, первый из которых гласил:

1. За достигнутые высокие показатели в смотре-конкурсе по содержанию и эксплуатации военного городка наградить грамотами с вручением денежных премий:

– войсковую часть 47487 (это наш 204-й гвардейский полк!), занявшую первое место, – 150 рублями и 250 марками ГДР (и еще отмечены были пять частей...).

2. Объявить благодарность:

– командирам войсковых частей: п.п.47487 – подполковнику Александрову Г.А. (и еще пяти командирам частей, но из нашей армии больше никто не был упомянут);

– заместителям командиров войсковых частей по политической части п.п.47487 подполковнику Чепулису В.И. (следовали еще две фамилии);

– заместителя командиров войсковых частей по тылу п.п.47487 гв. капитану Космодемьянскому В.П. (и еще пяти зам-потылам).

Если за первое место в ГСВГ по уровню боеготовности, боевой подготовке, службе войск, состоянию техники и вооружения, воинской дисциплины командир полка получил «шиши», и я это перенес героически, особенно когда поощрял своих и читал о награждениях начальников, не приложивших к успехам полка никаких усилий, то этот приказ о том, что и военный городок признан лучшим, конечно, поднял мне настроение, но даже и эту благодарность в служебную карточку не занесли.

Конечно, наша победа в ГСВГ была полной и окончательной. Говорили мне позже, что перед полком этот приказ даже не был зачитан. Даже не знаю, довели ли до офицерского состава? Но я созвонился с капитаном В.Власенко и просил довести от меня всему офицерскому составу благодарность, мало того, чтобы до-

вели приказ Главкома ГСВГ и до личного состава. Что и было сделано, по его словам.

Заслуги офицеров полка и личного состава мною не были забыты. Конечно, не всех я оценил по достоинству: одних – лучше, других – слабее, но я надеялся в будущем воздать постепенно каждому. Я никогда не думал о выдвижении. После проверки поставили технику на хранение, готовили командирские сборы командиров отделений (в батальонах), взводов и рот – в полку, с командирами батальонов – в дивизии. С командирами полков сборы проводили в армии. Они ничем не запомнились, кроме одного события.

Командарм на сборах командиров полков сообщил, что один из лучших командиров полков и самый молодой среди нас – командир 240-го мсп подполковник Безрукиев был назначен по его представлению сразу командиром дивизии в ЛенВО, город Выборг. И впредь он будет давать дорогу наиболее трудолюбивым и талантливым командирам полков. Хотя все знали, что 240-й полк – самый слабый полк в армии и наименее подготовленный. Об этом говорили все командиры частей 21-й дивизии. Видимо, командир-то был талантливый и очень трудолюбивый, и этого гения вот так сразу, за два-три посещения, лучшего из лучших, сумел определить командарм своим беспримерным чутьем. Просто удивительно, что никто больше гениальности этого Безрукиева не заметил. Вроде бы этот самый Безрукиев был чуть ли не зятем начальника ГУКа, а может, и не был – мало ли чего люди болтают...

...Не прошло и года, как наш командарм получил повышение, а через несколько лет стал вполне заслуженно командующим войсками ЛенВО, а затем и Главным инспектором ВС – заместителем министра обороны СССР, генералом армии.

Очень удачно сложилась судьба самого подполковника Безрукиева: получив досрочно при назначении на должность командира звание полковника, уже через год или два на крохотной кадрированной дивизии получает генерала и направляется для учебы в Академию Генерального Штаба. Ему «случайно» повезло, так как к окончанию АГШ армейский корпус на Сахалине становится общевойсковой армией (хотя войск там было меньше, чем в корпусе), и этот выдающийся деятель, как один из лучших выпускников, сразу был назначен командующим армией, а получив звание генерал-лейтенанта, назначен НШ КДВО. Так вот, этот гений за три года ни разу не побывал в самой

большой армии округа. За эти заслуги он становится командующим войсками одного из южных округов. И не надо было ему быть замкомдивом, замкомандармом, зачем? И вот человек, едва ли прошедший 3-5 учений с ротой или батальоном, получает огромную власть. Говорили, любимым занятием у него было с 11.00 утра два часа заниматься плаванием и теннисом. Великие полководцы должны быть здоровы!

Затем он заварил кашу, расхлебывать которую пришлось другому полководцу, а он был перемещен восточнее еще на больший округ. Вот только не знаю, успел ли получить звание генерала армии и Героя Советского Союза, не слышал. Такая «ленинская» кадровая политика осуществлялась в то время в армии. И руководство ГУК и МО чихали на то, что скажут об этом генералы, офицеры, которые, по большей части, с мозгами. Для высших военачальников главное – упоение властью и собственным величием.

В начале ноября мне позвонил хороший приятель Владимир Васильевич из штаба группы и спросил, как я себя чувствую. На ответ – «Оплеванным», сказал: «Не унывай – про тебя Главком не забыл. Скоро Соколов снова собирается к вам». И действительно, перед ноябрьскими праздниками меня вызывают в штаб дивизии на беседу с командармом и во второй раз – с начальником управления кадров ГСВГ генералом Соколовым. Кто-то спросил, есть ли у меня взыскания? Ответил:

– Есть, одно – за опоздание на внеплановое совещание комдива. Не успел за пятнадцать минут после вызова прибыть с войскового стрельбища.

Командарм:

– Коршунов, у вас что, не за что было наказывать Александрова? Его же можно наказывать каждый день; писали бы приказы, и была бы вам постоянная работа с Мачегорой.

– Мы вам, Александров, предлагаем должность первого замкомдива в двадцать первой мотострелковой дивизии. Как вы на это смотрите?

Ответил, что уже второй раз смотрю на это положительно, если позволит на этот раз мой «преклонный» возраст. Беседа закончилась.

Уже позже мы нашли общий язык с Валерой Коршуновым, даже несколько раз были вместе на охоте. Это он научил меня охотиться на гусей. Там много секретов! Оказалось, что и у него были положительные качества.

Попрощался с полком: это далось мне очень тяжело, как будто отрывался от своего материка, и меня потянуло в море. Я видел грустные лица офицеров – этого никак не скроешь, хотя злые языки шутили, что весь полк радовался, а Александров плакал.

Вместо меня прибыл заместитель командира «отличного» 60-го полка подполковник А.Н. Печников, вместе со мной окончивший академию. Он тут же взял сообразительство сделать полк «отличным», и через год сделал его при поддержке нового комдива Андрисяна, потому что сами себя проверяли. И молодцы!

Ходила молва:

Самый мудрый из армян – Микоян (Анастас).

Самый умный из армян – Микоян (но Артем).

Самый храбрый из армян – Баграмян.

Самый хитрый из армян – Андрисян.

После объявления 204-го гвардейского полка отличным, он тут же вызвал корреспондента «Красной звезды» и про командира полка А.Н. Печникова настроили в этой газете целую полосу, при этом комдив корреспонденту заявил, что когда он прибывает в полк, то отдыхает. При мне наш полк домом отдыха для комдива никак не был – это точно. Но как бы то ни было, вскоре после этой статьи комдив стал генералом, а А.Н. Печников – его первым заместителем. Непонятно лишь, почему же полк не завоевал первого места ни в армии, ни в Группе войск? До сих пор удивляюсь: как им удалось сделать полк отличным, поскольку с 1973 года в последующие два года подразделений этого полка на Витштокском учебном центре ни разу не видел. Может, мне не повезло, что не удавалось видеть, хотя и недели не проходило, чтобы я там не был.

В конце ноября я уже представился командиру 21-й мсд полковнику Г.Н. Кравченко в городе Перлеберге. На другое утро Георгий Николаевич собрал всех заместителей, представил меня и доложил при всех командующему по ЗАСу, что с этого дня убывает в очередной отпуск (ехал он в Бадельстер в ГДР), исполнение обязанностей возлагает на начальника штаба дивизии полковника Капуговского. Командующий отвечает:

– Кравченко, ты в своем уме? Зачем тебе прислали первого заместителя? Вот Александров и будет командовать дивизией. Понял меня?

– Так точно, товарищ командующий! Все понял, товарищ командующий. До свидания!

Обратился ко мне: – Ну, вы всё слышали. Вот ключи от сейфа и стола! До свидания!

Все встали, и он отправился в отпуск. Так, получив ключи, я вступил в новую должность.

Одновременно закончился целый этап моей службы в Советской Армии.

Впереди ждали еще двадцать лет служения моему народу и советскому солдату.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Об «Исповеди генерала» Фотиева Ю.А.

С Юрием Александровичем судьба меня свела в Индокитае, а наша дружба продолжилась в Москве.

Юрий Александрович – настоящий офицер, посвятивший свою жизнь армейской службе, а его армейской службе – 40 лет. Он честно выполнил свой воинский долг, внес большой вклад в укрепление оборонного могущества нашего Отечества.

Ю.А. Фотиев окончил академию им. Фрунзе, академию Генерального штаба – обе с золотой медалью. Служил на командных и штабных должностях, успешно справлялся с обучением и воспитанием своих подчиненных, пользовался авторитетом и заслуженным уважением.

Юрий Александрович – человек прямой и независимый в суждениях, смелый и решительный в поступках, трудолюбивый, целеустремленный, энергичный с неумемной жаждой знаний.

В книге изложены яркие страницы жизни и деятельности армии в послевоенные годы. Юрий Александрович – истинный патриот нашей родины.

Я с интересом прочитал эту книгу, страницы которой пронизаны глубокой любовью к своей Родине и своей армии. Считаю, что она окажется полезной для любого читателя, так как опыт и рекомендации автора помогут в решении жизненных ситуаций, а для офицеров – в решении задач по укреплению боеспособности нашей армии.

Зарудин Юрий Федорович
Генерал-полковник
Герой Советского Союза
Вице президент Российской Ассоциации героев
Член Коллегии Российского государственного военного
историко-культурного центра при правительстве Р.Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРОЛОГ	8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА В ОФИЦЕРЫ

1. Проводы	13
2. Наряд вне очереди	22
3. Военская закалка	29
4. В годы военные и после	48
5. Разочарование	71
6. Еще один взгляд на наше прошлое	75

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ЗИГЗАГИ И СОБЫТИЯ

1. Занимаемой должности соответствует	83
2. Избран единогласно	97
3. На Севере Крайнем	99
4. Неисповедимы пути провидения	109
5. Неожиданное назначение	122
6. Беседа «между нами»	126

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. САХАЛИНСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

1. Первые впечатления	134
2. Будни ротного командира и институт за два года	141
3. Самодурство, и как с ним бороться	153
4. Учения и приключения	161
5. Испытание на выживание	175
6. На материк!	184

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ В СЛУЖБЕ

1. Командировка на целину	190
2. В центре черноземной России	201
3. Радищево – Лопатино	208
4. Еще один сюрприз	215
5. В Закарпатье	220
6. На пути к финишу	225

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СИЗИФОВ ТРУД КОМАНДИРА ПОЛКА

1. Неприятие и первые проблемы	229
--------------------------------------	-----

2. Созидание и возведение материальной основы боеготовности полка	238
3. Первое учение с боевой стрельбой и атака на единоначалие	255
4. Невыполнимое – выполнимо	273
5. Нас бьют, а мы крепнем	293
6. Первые серьезные испытания	305

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПОЛК НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ

1. Случай в казарме	329
2. Проблемы, дилеммы, радости и неприятности	336
3. Полезные уроки	354
4. Несостоявшееся выдвижение, новая опала и новые испытания	372
5. Мы – лучшие в ГСВГ!!!	391
6. Выдвижение «изгоя»	401

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	413
--------------------------	-----

Автор выражает искреннюю признательность за полезные поправки и практическую помощь в ходе редактирования Герою Российской Федерации, академику Ионину Георгию Дмитриевичу, кандидату филологических наук Ирине Михайловне Ванеевой и Александру Юрьевичу Фотиеву.

Права на авторство защищены.

Воспроизведение книги любым способом полностью или частично без письменного разрешения автора невозможно.

Художественно-популярное издание

Юрий Александрович Фотиев

**ИСПОВЕДЬ ГЕНЕРАЛА
КНИГА ПЕРВАЯ
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ОФИЦЕРСКОЙ СУДЬБЫ**

На русском языке

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка – *Н.В. Вахнин*

Корректор – *Л.Н. Хатанзейская*

Подписано в печать 30.04.2010. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Гарнитура «Schoolbook»

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 22,7. Усл.-печ. л. 26,0

Тираж 650. Заказ № 3953

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.

167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

ISBN 978-5-7934-0353-5

9 785793 403535

